
ВЕСТНИК
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

1 (15)/2025
ISSN 1694 – 8572

Тематика Вестника Конституционного суда Кыргызской Республики:
акты, данные по важным мероприятиям Конституционного суда Кыргызской Республики за 2025 год, статьи и выступления.

Учредитель: Конституционный суд Кыргызской Республики

Редакционный совет:

Председатель: **Бобукеева Меергул Рыскулбековна** – судья Конституционного суда Кыргызской Республики;

Члены: **Айдарбекова Чинара Аскарбековна** – судья Конституционного суда Кыргызской Республики;

Айтмырзаев Медербек Эркиналиевич – консультант Управления правового и аналитического обеспечения аппарата Конституционного суда Кыргызской Республики;

Атабекова Нургуль Каримовна – проректор по науке и инновациям Международного университета Кыргызской Республики, кандидат юридических наук;

Аширматова Жайнагуль Кубанычбековна – заместитель руководителя аппарата – начальник управления правового и аналитического обеспечения аппарата Конституционного суда Кыргызской Республики;

Джураев Эмилбек Таирович – независимый политолог;

Маралбаева Алия Шамсудиновна – доцент кафедры теории и истории государства и права Кыргызского Российского университета им. Б.Н. Ельцина, кандидат юридических наук;

Масалбеков Каныбек Толубаевич – руководитель аппарата Конституционного суда Кыргызской Республики;

Мусабекова Чынара Абдыбакасовна – преподаватель Высшей школы правосудия при Верховном суде Кыргызской Республики, кандидат юридических наук;

Мырзалимов Руслан Муратбекович – советник председателя Верховного суда Кыргызской Республики, профессор, доктор юридических наук;

Туратбекова Чинара Акылбековна – профессор кафедры «Гражданское право и процесс» Кыргызского Российского Славянского Университета им. Б.Н. Ельцина, доктор юридических наук;

Шаршеналиев Жамил Асанбекович – судья Конституционного суда Кыргызской Республики, кандидат юридических наук;

Эсенбекова Асия Таштанбековна – заведующая кафедрой «Конституционное и муниципальное право» юридического института Кыргызского Национального Университета им. Ж. Баласагына, доктор юридических наук.

Адрес редакции:

Кыргызская Республика,
г. Бишкек, бульвар Эркиндик, 39
почтовый индекс 720040
тел.: +996 312 621 517, +996 312 662 152
факс: +996 312 622040
e-mail: mail@constsot.kg
официальный сайт: www.constsot.kg

СОДЕРЖАНИЕ

1. АКТЫ (РЕШЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ) КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 29 января 2025 года № 01-Р по делу о проверке конституционности части 3 статьи 44 Закона Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» в связи с обращениями Матцакова Самата Аскаровича и Осмонова Курманбека Эргешовича.

7

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 11 апреля 2025 года № 02-Р по делу о проверке конституционности статей 243, 251, 253, нормативного положения абзаца первого части 1 статьи 256, выраженного словами: «Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт», части 6 статьи 296, части 2 статьи 403, части 3 статьи 412 и пункта 3 части 2 статьи 421 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы Бакиева К.С.

21

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 4 июня 2025 года № 03-Р по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы Сакимбаевой Айжан Базаркуловны.

42

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 2 июля 2025 года № 04-Р по делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года № 29 в связи с обращением Теплякова Виталия Владимировича.

55

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 сентября 2025 года № 05-Р по делу о проверке конституционности статьи 120 и части 5 статьи 267 Уголовного-процессуального кодекса Кыргызской Республики, в связи с обращениями Жорокулова М.М., Музулманова Т.У., Матцакова С.А. и Жаныбекова Н.Ж.

68

Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 8 октября 2025 года № 06-Р по делу о проверке конституционности части 2 статьи 307, статьи 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращениями Матцакова Самата Аскаровича и Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича.	81
Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 5 ноября 2025 года № 07-Р по делу о проверке конституционности статьи 376 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Жорокулова Максатбека Мергенбаевича, Кочкорова Ниязбека Улукбековича и Музулманова Таалайбека Узеновича.	95
Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 3 декабря 2025 года № 08-Р по делу о проверке конституционности нормативного положения абзаца 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики», выраженного словами «из них 3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции» в связи с обращением Жорокулова Максатбека Мергенбаевича.	106
Заключение Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 декабря 2025 года к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» № 01-3.	120
Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 декабря 2025 года № 09-Р по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 95 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Анарбаева Максатбека Гыязидиновича.	134

2. АКТЫ (ПОСТАНОВЛЕНИЯ) КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 января 2025 года № 01-П о разъяснении Решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 июня 2023 года в связи с обращением Генерального прокурора Кыргызской Республики Асаналиева Максата Кубатовича.	146
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 4 февраля 2025 года № 02-П «О рассмотрении и утверждении информации Конституционного суда Кыргызской Республики	

«О состоянии конституционной законности в Кыргызской Республике за 2024 год».	152
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 13 февраля 2025 года № 03-П по жалобе Илиязовой Назгуль Асанбековны на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 30 декабря 2024 года.	199
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года № 04-П по жалобе Курманбаевой Аиды Маратовны и Сергеевой Натальи Дмитриевны на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 декабря 2024 года.	203
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года № 05-П по жалобе Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Кубатбекова Кутмана Бактыбековича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 декабря 2024 года.	209
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 12 мая 2025 года № 06-П по жалобе Землянской Елены Георгиевны в интересах общества с ограниченной ответственностью «Азия Финанс Логистик» на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики.	215
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 12 марта 2025 года № 07-П по жалобе Мадинава Орозобека Капарбековича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 26 декабря 2024 года.	222
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 11 июня 2025 года № 08-П о разьяснении Решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 3 мая 2023 года в связи с обращением Жолдошовой Артыгул Шакирбаевны.	226
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 сентября 2025 года № 09-П «О внесении изменения в Положение об аппарате Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденное постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 28 ноября 2023 года № 16-П»	237
Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 16 декабря 2025 года № 10-П по жалобе Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан» на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 сентября 2025 года.	238

Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 16 декабря 2025 года № 11-П по жалобе Гушленко Константина Владимировича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 октября 2025 года.	250
--	-----

Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 5 декабря 2025 года № 12-П «О внесении изменений в Регламент Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденный постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 18 февраля 2022 года № 2-П.	254
---	-----

Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 29 декабря 2025 года № 13-П о рассмотрении жалобы Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Гусева Валерия Евгеньевича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 20 октября 2025 года.	256
---	-----

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ И СЕМИНАРАХ, ВЫСТУПЛЕНИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ РАБОТЫ	261
---	-----

4. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ	316
--------------------------	-----

**1. АКТЫ (РЕШЕНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ)
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**по делу о проверке конституционности части 3 статьи 44 Закона
Кыргызской Республики «О местной государственной администрации
и органах местного самоуправления» в связи с обращениями
Матцакова Самата Аскаровича и Осмонова Курманбека Эргешовича**

№ 01-Р

29 января 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж. при секретаре Таалайбекове А.Т., с участием:

обращающейся стороны - Осмонова Курманбека Эргешовича, Кадыровой Айжан Аалыевны, представителя Матцакова Самата Аскаровича по доверенности;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики, Искакова Эркина Бакбуровича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Токтогуловой Нурмиры Сабыржановны, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности, Иманалиевой Айнуры Курманбековны, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Кулешовой Жылдыз Кенджетаевны, представителя Государственного агентства по земельным ресурсам, кадастру, геодезии и картографии при Кабинете Министров Кыргызской Республики по доверенности, Халилова Рахмидина Тойгоновича, представителя Государственного агентства архитектуры, строительства и жилищнокоммунального хозяйства при Кабинете Министров Кыргызской Республики по доверенности, Усеналиевой Бактыгуль Сыртбаевны, Маданбек кызы Тохтохан, представителей Государственного агентства по делам государственной службы и местного самоуправления при Кабинете

Министров Кыргызской Республики по доверенности, Уланбековой Назгул Уланбековны, представителя Мэрии города Бишкек по доверенности, Закировой Севары Кимсанбаевны, председателя ТСЖ по ходатайству Кадыровой А.А.,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности части 3 статьи 44 Закона Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления».

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились ходатайства Матцакова С.А., Осмонова К.Э. и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемая норма.

Заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л :

В Конституционный суд Кыргызской Республики 25 мая 2024 года поступило обращение Матцакова С.А. о проверке соответствия части 3 статьи 44 Закона Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» частям 1, 2 статьи 15, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Из ходатайства и приложенных к нему материалов следует, что в соответствии с пунктом 2 постановления Мэрии города Бишкек «О парке имени Мустафы Кемала Ататюрка» от 12 апреля 2024 года (далее - парк Ататюрк) были отменены все ранее принятые постановления исполнительных органов местного самоуправления, включая Мэрии города Бишкек и муниципальной администрации Октябрьского административного района, о предоставлении земельных участков, расположенных в границах парка, в собственность или пользование физическим и юридическим лицам.

Матцаков С.А. утверждает, что часть 3 статьи 44 Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления», позволяющая органам местного самоуправления отменять ранее принятые ими акты без четких критериев и условий, фактически дает им возможность преимущественно защищать интересы муниципальной собственности, игнорируя при этом права и законные интересы частных собственников. По его мнению, такое регулирование нарушает конституционные гарантии равной защиты частной, государственной и муниципальной собственности, а также их неприкосновенность, установленные частями 1 и 2 статьи 15 Конституции. Субъект обращения также полагает, что оспариваемая норма не только лишает собственности без судебного решения, но и нарушает гарантированное Конституцией право на обращение в суд за защитой своих прав и интересов.

С учетом изложенного, Матцаков С.А. просит признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 21 июня 2024 года ходатайство было принято к производству.

В Конституционный суд 21 июня 2024 года поступило аналогичное обращение Осмонова К.Э. о проверке соответствия части 3 статьи 44 Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» частям 1, 2 статьи 15, части 2 статьи 45 Конституции.

12 сентября 2005 года Бишкекским городским управлением по землеустройству и регистрации прав на недвижимое имущество Осмонову К.Э. был выдан государственный акт о праве частной собственности на земельный участок. Однако постановлением Мэрии города Бишкек «О парке имени Мустафы Кемаля Ататюрк» были отменены ранее вынесенные акты, касающиеся выделения земельных участков в собственность физическим и юридическим лицам, в том числе и в отношении Осмонова К.Э.

Субъект обращения утверждает, что основанием для издания постановления Мэрии города Бишкек явилась оспариваемая норма Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления», в соответствии с которой изданные акты мэрии могут быть изменены, дополнены, отменены или признаны утратившими силу.

По мнению Осмонова К.Э., оспариваемая норма вступает в противоречие с частями 1 и 3 статьи 15 Конституции, в соответствии с которыми в Кыргызской Республике в равной степени признаются и защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Собственность неприкосновенна, никто не может быть произвольно лишен своего имущества. Изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда. Изъятие имущества для общественных и государственных нужд, определенных законом, осуществляется по решению суда путем предоставления справедливого и предварительного обеспечения возмещения стоимости этого имущества и убытков, причиненных в результате отчуждения имущества.

В то же время, как утверждает заявитель, оспариваемая норма предоставляет возможность произвольного лишения собственности без решения суда, что, в свою очередь, приводит к нарушению гарантии запрета на лишение жилища подобным образом, предусмотренного частью 2 статьи 45 Конституции.

С учетом изложенного, Осмонов К.Э. просит признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 24 июня 2024 года ходатайство было принято к производству.

В связи с однородностью требований в указанных выше обращениях, в соответствии с требованиями пункта 1 части 1 статьи 32 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», определением судьи-докладчика от 1 июля 2024 года дела по ним соединены в одно конституционное судопроизводство.

В ходе судебного заседания Осмонов К.Э. и Кадырова А.А., представитель Матцакова С.А. по доверенности поддержали свои требования и просили их удовлетворить.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранов С.К. выразил несогласие с доводами заявителей.

Так, Ысыранов С.К. отмечает, что предметом обращения стала правовая неопределенность, возникшая в связи с постановлением мэрии города Бишкек «О парке имени Мустафы Кемаля Ататюрка» от 12 апреля 2024 года №60. Согласно первому пункту данного постановления утверждены границы парка Ататюрк площадью 107,0 га, которые соответствуют границам, ранее установленным постановлением Бишкекской городской государственной администрации от 25 июня 1992 года №225 «О закреплении территорий парка «50 лет СССР» в пользование городскому объединению парков и зон отдыха для текущего содержания и благоустройства». А вторым пунктом предусмотрена отмена всех ранее принятых решений исполнительных органов местного самоуправления Бишкека (включая мэрию города и муниципальную администрацию Октябрьского района), связанных с выделением земельных участков в собственность или пользование физическим и юридическим лицам в границах парка Ататюрк. Эти положения приняты в целях сохранения памятника истории и культуры республиканского значения и улучшения экологической ситуации в городе Бишкек.

Постоянный представитель Жогорку Кенеша отметил, что после принятия Конституционным судом обращений к своему производству 5 июля 2024 года мэрия города Бишкек внесла изменения в постановление от 12 апреля 2024 года №60. В обновленной редакции уточнено, что отмена ранее принятых актов должна осуществляться в судебном порядке, тем самым возможность самостоятельного аннулирования таких актов устранено.

В связи с этим подведомственные подразделения мэрии уже подали иски в административный суд о признании недействительными решений местных органов власти, касающихся выделения земельных участков в границах парка Ататюрк.

Ысыранов С.К. ссылается на статью 93 Конституции, в соответствии с которой местная государственная администрация осуществляет исполнительную власть в пределах своей компетенции и действует на основе Конституции и законов, что делает ее решения обязательными для исполнения на соответствующей территории. Закон «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» определяет их полномочия, включая порядок принятия и отмены актов. В частности, статья 44 наделяет мэра города правом издавать постановления и распоряжения, которые могут изменяться или отменяться. Однако, как отмечено в его позиции, согласно статье 24, органы местного самоуправления не вправе принимать акты, противоречащие Конституции и законам. Это подтверждает, что их полномочия ограничены законодательными рамками, а любые решения должны соответствовать правовым нормам и не нарушать конституционные права граждан.

Ответчик считает, что Закон «Об основах административной деятельности и административных процедурах» устанавливает принципы и порядок работы государственных органов и местного самоуправления во взаимоотношениях с гражданами и организациями. Из этого следует, что вопросы отмены административных актов мэрии города, регулируется положениями данного Закона. А в случае возникновения споров по восстановлению нарушенных прав юридических и физических лиц, последние вправе ставить вопрос о возмещении причиненного ущерба в судебном порядке.

Кроме этого, вопросы по земельным спорам, связанные с предоставлением, изъятием и прекращением права на земельный участок,

разрешается также только судом, как это установлено статьей 119 Земельного кодекса.

Бсыранов С.К. подчеркнул, что конституционные гарантии неприкосновенности собственности и судебной защиты согласуются с международными стандартами, такими как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах, и обязывают органы местного самоуправления действовать в пределах закона, не нарушая права граждан.

На основании изложенного ответчик просит оставить ходатайства заявителей без удовлетворения, утверждая, что оспариваемая норма не нарушает конституционные положения.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. также считает доводы заявителя необоснованными.

Полномочия мэрии, закрепленные в оспариваемой норме, являются частью административного управления и направлены на решение вопросов местного значения. При этом мэрия вправе отменять или изменять свои решения, но только в рамках, не нарушающих конституционные гарантии.

В согласии с позицией стороны-ответчика Молдобаев А.Т. также указывает на статью 24 оспариваемого Закона, которая устанавливает ограничения для органов местного самоуправления и их ответственность за нарушения. В частности, данная статья запрещает издание актов или совершение действий, противоречащих Конституции, законам и другим нормативным правовым актам, а также создающих угрозу конституционному строю, национальной безопасности или территориальной целостности государства.

Он подчеркивает, что в целях сохранения парка Ататюрк, как памятника истории и культуры республиканского значения, и улучшения экологической ситуации в Бишкеке, постановлением мэрии были отменены все решения о выделении земельных участков в границах парка, а также предусмотрен снос незаконно возведенных объектов.

По мнению Молдобаева А.Т., чтобы избежать проблемных ситуаций в рамках проводимой работы по возврату земельных участков, ранее незаконно переданных в частную собственность, мэрия внесла изменения, установив, что отмена решений органов местного самоуправления возможна только в судебном порядке. В этой связи, он отметил, что споры по восстановлению нарушенных прав юридических и физических лиц, возникающие в результате действий или бездействия органов местного самоуправления, а также возмещению причиненного ущерба решаются в судебном порядке.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров отметил, что согласно статье 22 Земельного кодекса, право на земельный участок возникает в случаях его предоставления в порядке, установленном данным Кодексом, передачи по гражданско-правовым сделкам, перехода по универсальному правопреемству и на иных основаниях, предусмотренных законодательством. При этом, право на земельный участок возникает на основании правоустанавливающего документа, принятого уполномоченным государственным органом. А споры, связанные с предоставлением, изъятием

и прекращением права на земельный участок, подлежат рассмотрению исключительно в судебном порядке (часть 2 статьи 119 Земельного кодекса).

Молдобаев А.Т. также указывает, что в соответствии с частью 3 статьи 57 Закона «Об основах административной деятельности и административных процедурах», административный акт не отменяется со стороны принявшего этот акт административного органа или его вышестоящего органа, если его отмена может повлечь изъятие имущества помимо воли собственника. В этом случае, такой акт признается недействительным в судебном порядке.

Вышеуказанное означает, что отмеченными законами урегулированы все действия органов власти и органов местного самоуправления.

Кроме того, учитывая, что данное дело рассматривается в Конституционном суде, а в административных судах уже начаты разбирательства по спорным вопросам парка Ататюрк, Молдобаев А.Т. считает, что право каждого на судебную защиту реализовано в полном объеме.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Искаков Э.Б., по рассматриваемому вопросу также полагает, что оспариваемая норма не противоречит Конституции.

Он отмечает, что глава 4 Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» регулирует деятельность исполнительных органов местного самоуправления. Согласно статье 44 этого Закона, мэр издает акты от имени мэрии в форме постановлений и распоряжений по оперативным, организационным и кадровым вопросам. Эти акты могут быть изменены, дополнены, отменены или признаны утратившими силу.

Вместе с тем, Искаков Э.Б. ссылается также на Закон «Об основах административной деятельности и административных процедурах», которым устанавливаются принципы и правила работы административных органов, в том числе основания, сроки и порядок отмены административных актов. В соответствии с этим Законом установлены основания отмены административного акта самим административным органом, либо вышестоящим органом производится в силу ничтожности и незаконности административного акта. Он также регулирует порядок пересмотра ранее принятых решений, если это противоречит действующему законодательству или нарушает права граждан и их интересы и необходимо для устранения правовых противоречий.

Таким образом, отмена административного акта мэрии города, предусмотренная оспариваемой нормой Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления», регулируется положениями Закона «Об основах административной деятельности и административных процедурах», который, в том числе гарантирует право на судебную защиту и неприкосновенность имущества.

С учетом изложенного, для правильного применения оспариваемой части 3 статьи 44 Закона необходимо учитывать правовой характер актов, на которые она распространяется, а также соответствие издаваемого акта принципам и требованиям законодательства.

Представители Генеральной прокуратуры Иманалиева А.К., Министерства юстиции Токтогулова Н.С. и Государственного агентства архитектуры,

строительства и жилищно-коммунального хозяйства при Кабинете Министров Кыргызской Республики Халилов Р.Т. придерживаются тех же позиций, которые были изложены Ысырановым С.К. и Молдобаевым А.Т.

Представитель Государственного агентства по земельным ресурсам, кадастру, геодезии и картографии при Кабинете Министров Кыргызской Республики Кулешова Ж.К. сообщает следующее.

Согласно Единому государственному реестру прав на недвижимое имущество, за Матцаковым С.А. право собственности не зарегистрировано. Осмонов К.Э. ранее имел зарегистрированное право собственности на основании постановлений мэрии г. Бишкек и соответствующих правоустанавливающих документов, но оно прекратилось 14 июля 2022 года.

В соответствии со статьей 7 Закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», любой правоустанавливающий или другой документ о правах или их ограничениях, подлежащих обязательной регистрации в соответствии со статьей 4 этого Закона, представляется в регистрационный орган не позднее тридцати дней с момента заключения (составления) вышеуказанного документа.

Отсутствие государственной регистрации прав на недвижимое имущество влечет за собой ответственность, предусмотренную упомянутым Законом, Гражданским кодексом и другими нормативными правовыми актами. Государственная регистрация является достаточным доказательством существования права, его обременения или ограничения, а также сделок с недвижимостью. Сделка, право по которой не зарегистрировано, считается ничтожной. Согласно статье 30 того же Закона, право на недвижимость и сделки с ней приобретают юридическую силу только после их государственной регистрации. С момента регистрации государство признает и обеспечивает защиту таких прав.

По вопросам нормативного регулирования полномочий органов местного самоуправления, гарантий неприкосновенности собственности и разрешения земельных споров, связанных с предоставлением, изъятием и прекращением права на земельный участок, Кулешова Ж.К. придерживается позиции государственных органов, изложенной выше, согласно которой такие споры подлежат рассмотрению исключительно в судебном порядке. Для усиления своих аргументов Кулешова Ж.К. ссылается на пункт 3 постановления Пленума Верховного суда Кыргызской Республики от 24 ноября 2021 года №14 «О некоторых вопросах применения законодательства при разрешении споров, связанных с регистрацией прав на недвижимое имущество», согласно которому вопросы, связанные с отменой правоустанавливающих документов на земельный участок, подлежат разрешению в судебном порядке.

Исходя из этого, административные акты, включая постановления мэрии г. Бишкек, не подлежат отмене органом, их принявшим, а могут быть оспорены только в судебном порядке.

В связи с этим часть 3 статьи 44 Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» противоречит положениям Конституции.

Представитель Мэрии города Бишкек Уланбекова Н.У. придерживается аналогичной позиции, выраженной постоянным представителем Жогорку Кенеша в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысырановым С.К.

Вместе с тем, представитель Мэрии города Бишкек указывает, что постановлением Бишкекской городской администрации от 25 июня 1992 года №225 территория парка «50 лет СССР» (ныне парк Ататюрк) общей площадью 107,0 га была закреплена за городским объединением парков и зон отдыха для содержания и благоустройства.

Позже постановлением Правительства «О перечне объектов, передаваемых в ведение местного самоуправления города Бишкека» от 30 октября 1995 года №460 парк Ататюрк был передан в коммунальную собственность местного самоуправления города Бишкек, а 20 августа 2002 года включен в Государственный список памятников истории и культуры Кыргызской Республики республиканского значения, как памятник истории и природы (постановление Правительства №568).

В последующие годы отдельные земельные участки на территории парка были незаконно переданы в собственность и/или в пользование физическим и юридическим лицам решениями мэрии города Бишкек и муниципальной администрации Октябрьского района. В результате, согласно сведениям муниципального предприятия «Бишкекглавархитектура», площадь парка сократилась примерно на 43 га, что, как подчеркивает Уланбекова Н.У., противоречит требованиям законодательства.

Представитель Мэрии отмечает, что согласно Земельному кодексу и Закону «Об охране и использовании историко-культурного наследия», парк обладает статусом объекта историко-культурного наследия республиканского значения, а также является особо охраняемой природной территорией. В связи с этим он относится к землям общего пользования, которые, согласно нормативным положениям, не подлежат передаче в частную собственность. Особый правовой режим, установленный для таких территорий, предусматривает обязательную защиту памятников истории и культуры, запрещая их разрушение или изменение, а также строгое регулирование использования (часть 1 и 2 статьи 78, статьи 84 Земельного кодекса, статья 6 Закона «Об охране и использовании историко-культурного наследия»).

Наряду с этим Уланбекова Н.У. ссылается на статью 16 Земельного кодекса, согласно которой органы местного самоуправления, включая мэрии городов Бишкек и Ош, наделены полномочиями по утверждению схем землеустройства, ведению градостроительного кадастра и контролю за использованием земель.

Аналогичные положения содержатся в пунктах 5 и 10 статьи 45 Закона «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления», обязывая мэрию города осуществлять мероприятия по охране памятников истории, архитектуры и культуры, а также разрабатывать и контролировать реализацию генерального плана застройки.

Именно поэтому, исполняя свои прямые обязанности, 12 апреля 2024 года мэрия города Бишкек приняла постановление «О парке имени Мустафы Кемала Ататюрка», которым утверждены границы парка в пределах, определенных постановлением Бишкекской городской государственной администрации № 225 от 25 июня 1992 года. Одновременно с этим она отменила все ранее принятые решения органов местного самоуправления о выделении земельных участков в границах парка в частную собственность или пользование физическим и юридическим лицам.

В целях исполнения данного постановления Департаменту по управлению муниципальным имуществом, Управлению по контролю за землепользованием и Муниципальной администрации Октябрьского административного района поручено в установленном порядке принять меры по возврату земельных участков Парка в границах, утвержденных постановлением Бишкекской городской государственной администрации от 25 июня 1992 года № 225, снести незаконно возведенные на территории парка Ататюрк объекты недвижимости и взыскать ущерб за счет виновных лиц.

Однако, Уланбекова Н.У. акцентирует, что ввиду возникновения проблем в процессе проводимой работы по возврату земельных участков, а также во избежание дальнейших осложнений сложившейся ситуации, в указанное постановление 5 июля 2024 года были внесены изменения, предусматривающие отмену ранее принятых решений о выделении земельных участков в границах парка в судебном порядке. В этой связи отсутствует необходимость рассмотрения данного дела в Конституционном суде.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав мнения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, приходит к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу является часть 3 статьи 44 Закона Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления», следующего содержания:

«Статья 44. Решения мэрии города

3. Изданные акты могут быть изменены, дополнены, отменены или признаны утратившими силу.».

Закон Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» от 20 октября 2021 года №123 принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» 22 октября 2021 года №109, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Государственное устройство в Кыргызской Республике базируется на одном из важных демократических принципов - разграничения полномочий и функций государственных органов и органов местного самоуправления (статья 4 Конституции).

В качестве ключевого механизма реализации этого принципа Конституция провозгласила право населения местного сообщества на самостоятельное решение вопросов, непосредственно затрагивающих их повседневную жизнь, через избираемые ими же органы (раздел четвертый).

Местное самоуправление - это основной инструмент децентрализации государственного управления. Благодаря автономии, его органы способны оперативно реагировать на специфические вызовы и проблемы конкретной территории. Такой подход обеспечивает более точное распределение ресурсов

и адаптацию управленческих решений под реальные нужды того или иного региона, что повышает эффективность государственного управления в целом и способствует устойчивому развитию муниципальных образований. Разграничение полномочий между уровнями власти основано на том, что государственные органы устанавливают основные правила и рамки поведения, а органы местного самоуправления реализуют их с учетом местных особенностей и потребностей населения.

3. Местное самоуправление, согласно его конституционно-правовому статусу, установленному в разделе четвертом Конституции, является обязательной формой публично-территориального управления. Соответственно, повседневная деятельность по осуществлению местного самоуправления невозможна без наделения его органов полномочиями, необходимыми для исполнения возложенных на них задач.

Закон «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» устанавливает правовые, территориальные, организационные и социально-экономические основы функционирования местной государственной администрации и органов местного самоуправления. Он определяет порядок их взаимодействия, а также государственные гарантии их деятельности. В рамках этих общих принципов Закон закрепляет круг компетенций муниципальных образований и их исполнительных структур для решения вопросов местного значения, включая определение их перечня, содержания и дифференциацию в зависимости от типа муниципального образования.

Важной составляющей этих полномочий является наделение органов местного самоуправления нормотворческими функциями. Постановления органов местного самоуправления, являющиеся нормативными правовыми актами, принимаются в пределах их компетенции с целью решения вопросов местного значения. Эти акты обладают обязательной юридической силой на соответствующей территории и должны соответствовать требованиям, установленным законодательством.

Осуществляя свою нормотворческую деятельность, органы местного самоуправления принимают акты, регулирующие ключевые направления муниципального управления. В их числе вопросы, связанные с обеспечением экономического развития территории, управлением муниципальной собственностью, формированием и исполнением местного бюджета, регулированием градостроительной деятельности и землепользования, организацией и функционированием жилищно-коммунального хозяйства, развитием социальной сферы, культуры и спорта, содействием охране общественного порядка и другими сферами жизнедеятельности местного сообщества.

Кроме того, органы местного самоуправления наделяются правомочием принятия так называемых адресных решений, учитывающих особенности конкретных случаев, для более точного и своевременного их разрешения. Такие решения облекаются в индивидуальные правовые акты, которые направлены на конкретных лиц или ситуации, позволяя органам местного самоуправления оперативно реагировать на специфические запросы и обстоятельства в их юрисдикции. Возможность издавать такие акты обеспечивает быструю реакцию на возникающие ситуации, что особенно

важно в условиях динамично меняющейся обстановки на местном уровне.

Наряду с правом принимать вышеуказанные акты, органы местного самоуправления в силу оспариваемой нормы обладают полномочиями по их изменению, дополнению, отмене или признанию утратившими силу. Это право предоставляет возможность своевременно корректировать или устранять акты, которые могут не соответствовать законодательству, а также стали неактуальными или неответчающими интересам местного сообщества.

В частности, если муниципальный акт не соответствует требованиям законодательства, орган местного самоуправления обязан в порядке самоконтроля отменить ранее изданный им акт.

И поскольку со временем могут изменяться социально-экономические условия, приоритеты и потребности местного сообщества, пересмотр или отмена устаревших, неэффективных актов позволяет органам местного самоуправления реагировать на эти изменения и принимать более обоснованные и актуальные решения. Таким образом, закрепление за органами местного самоуправления правомочий по принятию, изменению, дополнению, отмене и признанию утратившими силу как нормативных, так и индивидуальных правовых актов является неотъемлемой частью их автономии. Это обеспечивает не только гибкость правового регулирования и возможность адаптации к изменениям на местном уровне, но и позволяет поддерживать в должной мере режим законности, актуальности и эффективности принимаемых решений. С учетом изложенного, рассматриваемое правомочие в системе правового регулирования само по себе не может рассматриваться как нарушающее конституционные установления, права и свободы человека и гражданина.

4. Конституция закрепляет равную защиту частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности как одну из основ правового порядка, подчеркивая их неприкосновенность как фундаментальную ценность.

Этот принцип подразумевает, что частная собственность граждан, государственная собственность, находящаяся в ведении органов власти, и муниципальная собственность, управляемая органами местного самоуправления, обладают одинаковым правовым статусом. Ни одна из форм собственности не обладает приоритетом перед другой, а их охрана и правовое регулирование должны осуществляться на равных условиях.

При этом установление равных гарантий защиты собственности требует, чтобы государственное и муниципальное регулирование имущественных отношений осуществлялось исключительно на основании Конституции и законов и не носило произвольный характер. Любое их участие в имущественных вопросах должно учитывать баланс между публичными и частными интересами, не допуская чрезмерного обременения частных собственников. То есть, государственное регулирование не вправе посягать на саму сущность имущественных прав граждан, приводя к их обесцениванию или утрате реального содержания.

В то же время государственная и муниципальная собственности играют важную социальную роль, поскольку направлены на удовлетворение общественных потребностей в развитии инфраструктуры, создании и поддержании социально значимых объектов. Их эффективное управление способствует устойчивому развитию территорий и созданию условий для повышения благосостояния населения. Поэтому, помимо обеспечения правового равенства форм собственности, законодательное регулирование

должно учитывать их функциональное предназначение в интересах общества в целом.

Таким образом, конституционный принцип равной защиты собственности гарантирует стабильность имущественных отношений, предотвращает необоснованное вмешательство в права собственников и способствует укреплению экономической и социальной устойчивости общества, при этом подчеркивая общественную значимость государственной и муниципальной собственности как инструмента обеспечения коллективного блага.

5. Наряду с установленной защитой всех видов собственности и гарантией их неприкосновенности, Конституция также предусматривает, что никто не может быть произвольно лишен своего имущества. Изъятие имущества помимо воли собственника допускается только по решению суда в установленном законом порядке (часть 2 статьи 15).

При этом Основной закон придает жилищу особый правовой статус. Это обусловлено тем, что жилье не только обладает имущественной ценностью, но и играет решающую роль в обеспечении достойных условий жизни каждого, являясь фундаментом права на семейное благополучие и личную безопасность. Именно поэтому Конституция предусматривает дополнительные гарантии его защиты, исключая возможность произвольного лишения граждан жилища (часть 2 статьи 45).

Данная конституционная установка была ранее раскрыта органом конституционного контроля в своем Решении от 23 декабря 2013 года, согласно которому запрет на произвольное лишение жилища является неотъемлемой частью правового обеспечения проживания как элемента права на достойную жизнь. Это, в свою очередь, возлагает на законодателя обязанность создать правовые условия, гарантирующие собственнику безопасность, неприкосновенность жилища, защиту от произвольного лишения, а также беспрепятственное осуществление прав владения и пользования жилыми помещениями.

Принцип недопустимости произвольного лишения жилища подразумевает, что никто не может потерять свое жилище или права на это жилье не иначе как по решению суда в порядке, установленном Конституцией и законами.

Таким образом, изъятие имущества в судебном порядке выступает в качестве единственного способа прекращения права собственности.

6. Правовое регулирование, основанное на конституционных принципах правового государства, верховенства закона и признания прав и свобод человека высшей ценностью, предполагает, что автономия органов местного самоуправления не является абсолютной. Они обязаны действовать в рамках Конституции и законов Кыргызской Республики, а их решения должны соответствовать установленным конституционным гарантиям прав и свобод граждан.

В этом аспекте, следует отметить, что конституционная основа

всей публичной власти устроена методом детальной регламентации порядка реализации их компетенции. Это обусловлено необходимостью предотвращения произвольных действий чиновников и органов власти с целью поддержания правовой определенности, предсказуемости и законности их решений.

Регламентация такого порядка закрепляется, как правило, в отраслевом законодательстве. В частности, при решении вопросов, связанных с имущественными правами граждан, органы местного самоуправления должны строго руководствоваться предписаниями соответствующих законов.

Закон «Об основах административной деятельности и административных процедурах», определяя единые принципы, правила и процедуры деятельности государственных органов и органов местного самоуправления во взаимоотношениях с физическими и юридическими лицами, прямо указывает, что административный акт не может быть отменен органом его принявшим, если такая отмена может повлечь изъятие имущества помимо воли собственника. В этом случае административный акт может быть признан недействительным лишь в судебном порядке (часть 3 статьи 57).

Аналогично, как и в случае с административными процедурами, земельные правоотношения регулируются принципом обязательного судебного участия, закрепленным в Земельном кодексе. Он предусматривает, что разрешение земельных споров, связанных с предоставлением, изъятием и прекращением права на земельный участок, решается только судом (статья 119).

Важно подчеркнуть, что подобное регулирование в законодательстве не является случайным. Это, прежде всего, отражает восприимчивость и особые акценты Конституции в вопросах имущественных правах граждан.

Установив исключительно судебный порядок разрешения подобных дел, законодатель еще раз подчеркивает их высокую чувствительность с точки зрения конституционных установок и уязвимость прав частных лиц перед мощью государственной машины, что, несомненно, требует наиболее внимательного, тщательного и максимально объективного подхода к их рассмотрению.

В силу конституционно-правового статуса, своей независимости и уникальных полномочий именно суд способен беспристрастно установить и учесть все обстоятельства дела, а по результатам принять законное и справедливое решение. Поэтому суд, рассматривая дела, каким-либо образом затрагивающие право собственности граждан на имущество, обязан неукоснительно соблюдать такие конституционные установления, как неприкосновенность собственности, запрет на произвольное лишение собственности, жилища и другого имущества, защиту частной собственности, а также возмещение ущерба в случае изъятия имущества для общественных и государственных нужд, включая компенсацию стоимости имущества и

убытков, причиненных его отчуждением (часть 2 статьи 15, часть 2 статьи 45, часть 1 статьи 61 Конституции).

Резюмируя изложенное, Конституционный суд приходит к выводу, что органы местного самоуправления не вправе отменять, изменять, дополнять или признавать утратившим силу собственные акты, в основе которых лежит возникновение прав собственности на имущество граждан.

В то же время, в силу правовых позиций, изложенных в пункте 3 настоящего Решения, совокупность полномочий мэра города должны сохраняться в полном объеме, как неотъемлемый элемент его правового статуса.

Руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

РЕШИЛ:

1. Признать часть 3 статьи 44 Закона Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления» не противоречащей частям 1, 2 статьи 15, части 2 статьи 45, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Исполнительные органы местного самоуправления правомочны осуществлять полномочие об отмене изданных ими актов, предусмотренное частью 3 статьи 44 Закона Кыргызской Республики «О местной государственной администрации и органах местного самоуправления», в соответствии с правовыми позициями, выраженными в мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики.».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности статей 243, 251, 253, нормативного положения абзаца первого части 1 статьи 256, выраженного словами: «Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт», части 6 статьи 296, части 2 статьи 403, части 3 статьи 412 и пункта 3 части 2 статьи 421 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы Бакиева К.С.

№ 02-Р

11 апреля 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны - Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы Бакиева Курманбека Салиевича;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики,

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции в Конституционном суде Кыргызской Республики, Токтакунова Кумарбека Кыдырбековича, Карабаева Тимура Эднановича, представителей Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Сабырова Кубанычбека Сабыровича, Курвангалиева Бексултана Курвангалиевича, представителей Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Абдыралиева Аргена Турумбековича, Ногойбаева Актана Патрисовича, представителей Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности статей 243, 251, 253, нормативного положения абзаца первого части 1 статьи 256, выраженного словами: «Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела

участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт», части 6 статьи 296, части 2 статьи 403, части 3 статьи 412 и пункта 3 части 2 статьи 421 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращение Айткулова И.Н., представляющего интересы Бакиева К.С., и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Кыдырбаева К.Дж., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л :

В Конституционный суд Кыргызской Республики 11 ноября 2024 года и 17 декабря 2024 года поступили ходатайства Айткулова И.Н., представляющего интересы Бакиева К.С., а также дополнения к нему о проверке соответствия статей 243, 251, 253, нормативного положения абзаца первой части 1 статьи 256, выраженного словами: «Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт», части 6 статьи 296, части 3 статьи 412 и пункта 3 части 2 статьи 421 Уголовнопроцессуального кодекса Кыргызской Республики преамбуле, части 1 статьи части 2 статьи 24, части 3 статьи 59, частям 1 и 2 статьи 61, частям 2 и 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайств и дополнений к ним, в отношении бывшего Президента Кыргызской Республики Бакиева К.С. были возбуждены несколько уголовных дел, которые были окончены приговорами судов, рассмотревших их в заочном порядке.

Оспариваемые нормы Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК) устанавливают порядок предъявления обвинения, ознакомления стороны защиты с материалами уголовного дела, завершения следствия и составления обвинительного акта. По мнению заявителя, эти нормы не содержат специального регулирования указанных процедур для заочного производства.

В частности, статья 243 УПК не допускает заочного предъявления обвинения, а требования статей 251, 253 и нормативного положения части 1 статьи 256 УПК предполагают обязательное участие обвиняемого при выполнении процессуальных действий на стадии следствия. Эти нормы соотносятся с частью 1 статьи 263 УПК, согласно которой прокурор обязан вручить обвиняемому копию обвинительного акта под расписку, приобщаемую к материалам дела. А если акт составлен с нарушениями, суд до начала разбирательства возвращает дело прокурору (статьи 277, 278 УПК).

Несмотря на это, как утверждает заявитель, уголовные дела в отношении Бакиева К.С., который находился вне пределов Кыргызской Республики в ходе всего досудебного производства, направлены органами следствия прокурору и далее в суд, где были рассмотрены по существу с вынесением заочных приговоров.

По мнению Айткулова И.Н., применение оспариваемых норм может считаться соответствующим Конституции лишь в тех случаях, когда заочное осуждение применяется в отношении лиц, принимавших участие в досудебном производстве, но впоследствии уклонившихся от правосудия и скрывшихся от суда.

В обоснование своих доводов заявитель ссылается на пояснения гражданина Аметова Т.К., участвовавшего в событиях, произошедших в апреле 2010 года, утверждая, что в ходе расследования были искажены фактические обстоятельства, ставшие предметом уголовного преследования. В пояснении Аметова Т.К. отмечено, что расследование носило обвинительный уклон, сопровождалось процессуальными нарушениями и было политически мотивированным, а Бакиев К.С. не имел возможности участвовать в нем из-за угроз его личной безопасности.

Айткулов И.Н. резюмирует, что в УПК отсутствует система норм, позволяющая учитывать объективные обстоятельства, препятствующие личному участию обвиняемого в уголовном процессе, в том числе, угрозу его жизни и здоровью.

В дополнении к ходатайству субъект обращения отмечает, что глава 33 УПК предусматривает механизм приостановления следствия в случае невозможности участия обвиняемого, в частности, при неустановлении его местонахождения либо невозможности участия по причинам, связанным с правовым иммунитетом или необходимостью международной выдачи (пункты 1 и 4 части 1 статьи 246). Такие положения обеспечивают баланс между эффективностью расследования и защитой прав обвиняемого, позволяя приостанавливать следствие до устранения препятствий. Однако в случае с Бакиевым К.С., обладающим правовым иммунитетом и находящимся за пределами страны, следствие не было приостановлено, а напротив, обвинение было предъявлено заочно, дело направлено в суд и рассмотрено без его участия.

Автор обращения задается вопросом: почему при наличии оснований, предусмотренных статьей 246 УПК, в одних случаях следствие приостанавливается до доставления обвиняемого в компетентные органы, а в других - применяются процедуры заочного предъявления обвинения и заочного осуждения?

Такой разнородный подход, по мнению заявителя, противоречит принципам верховенства права, правового государства, справедливости и равноправия (преамбула, часть 1 статьи 1, часть 2 статьи 24 Конституции), поскольку в УПК отсутствуют четкие критерии, определяющие, в каких случаях следствие должно быть приостановлено, а в каких - завершено с направлением дела в суд без участия обвиняемого.

Помимо этого, Айткулов И.Н. ссылается на часть 6 статьи 296 УПК, в которой установлено, что в случае устранения обстоятельств, при которых обвиняемый находится вне пределов Кыргызской Республики и уклоняется от явки в суд и после окончания судебного исследования доказательств не явится в судебное заседание, и не уведомит о причине неявки (часть 2 статьи 296), приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его адвоката отменяются в апелляционном порядке. Судебное разбирательство в таком случае проводится в общем порядке.

По мнению заявителя, это означает что если осужденный явился

независимо от причин его прежнего отсутствия, он должен иметь право полноценно защищать свои интересы и отстаивать свою позицию, начиная с досудебного производства, то есть иметь возможность участвовать во всех процессуальных действиях, предъявлять доказательства, заявлять ходатайства и обжаловать действия следователя, прокурора и суда.

В то же время, Айткулов И.Н. указывает, что УПК допускает пересмотр заочного приговора как в апелляционной, так и в кассационной инстанциях. Так, в соответствии с частью 3 статьи 412 УПК рассмотрение дела в апелляционном порядке в отсутствие обвиняемого допускается в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 296 УПК. Согласно статье 441 УПК, суд кассационной инстанции вправе проверять производство по уголовному делу на предмет существенных нарушений норм материального и процессуального права. Одним из таких предметов, предусмотренных статьей 421 УПК, является рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, за исключением случаев, указанных в части 2 статьи 296 УПК. При этом отсутствие обвиняемого не рассматривается как основание для отмены судебного акта.

Таким образом, заявитель заключает, что если обвиняемый явится после того, как все процедуры обжалования в вышестоящих инстанциях были проведены без его участия, у него не будет права оспорить заочный приговор или определение суда, поскольку оно считается уже реализованным в двух инстанциях также в заочном порядке. При этом даже после вынесения приговора судом первой инстанции без участия обвиняемого, его права на справедливое судебное разбирательство дополнительно могут быть ограничены на более высоких уровнях судебной системы. Это усугубляет проблему несоответствия правоприменительной практики конституционным принципам судебной защиты, защиты прав и свобод, обеспечения восстановления нарушенных прав всеми доступными способами, а также равноправия и состязательности сторон (части 1, 2 статьи 61 и часть 3 статьи 100 Конституции). В результате подрывается доверие к системе правосудия и создаются прецеденты, при которых обвиняемые могут быть лишены возможности эффективно защищаться на всех стадиях процесса.

С учетом изложенного, Айткулов И.Н. просит признать оспариваемые нормы, в том числе не предусматривающие заочный досудебный порядок и судебное производство в случае явки личного участия осужденного, противоречащими Конституции.

Определениями коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 9 и 19 декабря 2024 года ходатайство Айткулова И.Н., представляющего интересы Бакиева К.С., а также дополнения к нему были приняты к производству.

9 апреля 2025 года в ходе судебного заседания обращающаяся сторона поддержала свои требования и внесла дополнительное заявление о расширении объема ранее поданных ходатайств, касающихся проверки конституционности части 2 статьи 403 УПК в контексте заочных приговоров.

Так, согласно части 6 статьи 296 УПК, в случае устранения обстоятельств, препятствующих участию обвиняемого (например, его нахождение за пределами страны), заочный приговор может быть отменен в апелляционном порядке. Однако часть 2 статьи 403 УПК ограничивает подачу ходатайства о восстановлении срока апелляционного обжалования заочного приговора

трехмесячным сроком, не принимая во внимание такие обстоятельства, как ненадлежащее уведомление осужденного, его невозможность участвовать в процессе, а также исключительные ситуации, такие как угроза жизни или здоровью, преследование, предвзятость или произвольное обвинение, сопровождавшиеся обвинительным уклоном и общественным давлением.

Тем самым, оспариваемое положение УПК фактически лишает лицо, осужденное заочно и не принимавшее участие в судебном разбирательстве, возможности инициировать пересмотр дела в общем порядке при его возвращении в Кыргызскую Республику по истечении указанного срока, что противоречит Конституции, нарушая принцип равноправия и состязательности сторон, ограничивая право на судебную защиту, и создавая препятствия для реализации права на участие в судебном разбирательстве.

Конституционный суд своим определением от 9 апреля 2025 года принял к рассмотрению заявление Айткулова И.Н. об увеличении объема требований, изложенных в ранее поданном им ходатайстве, и включил часть 2 статьи 403 УПК в предмет конституционной проверки.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранов С.К. выразил несогласие с доводами заявителя и считает оспариваемые нормы не противоречащими Конституции.

Ысыранов С.К. отмечает, что после событий 7 апреля 2010 года Бакиев К.С. подал в отставку с поста Президента и 15 апреля 2010 года выехал из страны.

По данным Генеральной прокуратуры в отношении Бакиева К.С. расследовались три уголовных дела, которые были окончены с обвинительным актом. В итоге он был заочно признан виновным в совершении инкриминированных ему преступлений и заочно осужден к различным срокам лишения свободы.

Представитель стороны-ответчика указывает, что в соответствии с частью 2 статьи 100 Конституции заочное разбирательство дел в судах допускается в случаях, предусмотренных законом. Эта процедура применяется как исключительная мера, когда обвиняемый скрывается от правосудия или находится за пределами страны и не может быть доставлен в суд. При этом она служит важным инструментом уголовного судопроизводства, позволяющим рассматривать дело в отсутствие обвиняемого с соблюдением строгих процессуальных норм.

Ысыранов С.К. полагает, что заочное разбирательство уголовных дел служит инструментом реализации принципа неотвратимости уголовной ответственности, который требует привлечения к ответственности каждого лица, совершившего преступление, и недопустимости его уклонения от наказания. Именно с этой целью заочная форма разбирательства применяется в условиях, когда личное участие обвиняемого объективно невозможно из-за его добровольного уклонения.

В свою очередь, законодатель, устанавливая перечень уважительных причин неявки обвиняемого по вызову следователя, включил в него иные обстоятельства, лишаящие обвиняемого возможности явиться в назначенный срок (пункт 5 части 5 статьи 242 УПК), что предполагает наличие ситуаций, при

которых обвиняемый может скрываться от следствия по различным причинам.

Однако представитель стороны-ответчика подчеркивает, что уважительные причины неявки могут иметь значение лишь на ранних стадиях, и в долгосрочной перспективе уклонение от участия в процессе свидетельствует о сознательном отказе обвиняемого от предоставленных прав.

В связи с этим, он отмечает, что законодатель исходит из того, что лицо, скрывающееся от следствия, осознает наступившие последствия за совершенное преступление и, уклоняясь от уголовной ответственности, сознательно отказывается от участия в следственных действиях, добровольно лишает себя возможности реализовать предоставленные Конституцией и уголовно-процессуальным законодательством права, в том числе право защищать себя лично установленными законом способами. Такое поведение обвиняемого ведет к затягиванию расследования и судебного разбирательства, ухудшает их качество, нарушает права потерпевших и ограничивает их доступ к правосудию.

Как полагает представитель стороны-ответчика, обвиняемый, в случае своего отсутствия, сохраняет возможность реализации процессуальных прав через адвоката, полномочия которого закреплены в законах Кыргызской Республики «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», «О гарантированной государством юридической помощи», а также требованиями статей 49-53 УПК.

Ысыранов С.К. по таким же аргументам считает доводы заявителя о необходимости пересмотра заочного судебного акта в апелляционном и кассационном порядке в случае явки осужденного, независимо от причин и времени его неявки, несостоятельными, поскольку законодательство предоставляет все необходимые гарантии для справедливого судебного разбирательства, включая восстановление нарушенных прав. Поэтому оспариваемые положения в части регламентации судебного производства в случае последующей явки осужденного не могут рассматриваться как нарушающие нормы Конституции.

При этом, если осужденный посчитает, что у него все же были нарушены его конституционные права при отправлении заочного судопроизводства и приведет обоснованные доводы, законодатель предусмотрел для него право возобновления дела по новым или вновь открывшимся обстоятельствам по вступившим в законную силу судебному решению, порядок которого предусмотрен статьями 451-456 УПК.

Относительно части 2 статьи 403 УПК, Ысыранов С.К. отметил, что институт процессуальных сроков направлен на предотвращение необоснованного затягивания совершения процессуальных действий и важен не только для эффективного функционирования уголовного судопроизводства, но и прежде всего, для надлежащего обеспечения защиты прав и законных интересов сторон, участвующих в деле.

Таким образом, по утверждению Ысыранова С.К., все вышеуказанные нормы УПК направлены на обеспечение баланса интересов участников уголовного процесса, защиту прав потерпевших, а также реализацию принципов справедливости и правового государства. Оспариваемые положения не нарушают права обвиняемого, не содержат признаков дискриминации, не исключают возможности судебной защиты, а государством обеспечиваются

все необходимые условия для реализации осужденным права на защиту и справедливое судебное разбирательство.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. считает оспариваемые нормы непротиворечащими Конституции и привел схожие с представителем стороны-ответчика доводы.

Вместе с тем, он отметил, что одним из важнейших факторов для успешного функционирования правовой системы является оперативность рассмотрения уголовных дел. Поэтому, при установлении неоспоримых доказательств совершения преступления следователь вправе заочно предъявить обвинение и направить уголовное дело в суд для его рассмотрения по существу.

Представители Верховного суда Кыргызской Республики и Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики выразили мнения, аналогичные изложенным в позиции Ысыранова С.К.

Вместе с тем, относительно части 2 статьи 403 УПК Сапиянова М.Н. отмечает, что установление пресекательного срока для подачи ходатайства о восстановлении срока способствует своевременному реагированию участников процесса на приговор или другой судебный акт. Такое регулирование, препятствуя злоупотреблению правом на обжалование путем необоснованного затягивания процесса, и, дисциплинируя деятельность адвокатов, от которых требуется повышенная внимательность при подготовке апелляционных жалоб, способствует повышению предсказуемости и понятности процедуры обжалования для всех участников.

Сапиянова М.Н. считает, что участнику процесса, пропустившему срок обжалования судебного акта, в том числе приговора суда, предоставляется возможность его восстановления путем обжалования судебного акта в судах высшей инстанции - апелляционной и кассационной.

Представитель Министерства внутренних дел Абдыралиев А.Т высказал мнение о том, что процессуальные действия, совершаемые в отсутствие обвиняемого на стадии досудебного производства, требуют более четкого правового регулирования, особенно в случаях, когда обвиняемый находится за пределами Кыргызской Республики и уклоняется от явки в органы следствия.

Постоянный представитель Министерства юстиции в Конституционном суде Кыргызской Республики Джаркынбаев А.Д. отмечает, что правовая природа заочного производства заключается в возможности проведения уголовного разбирательства без личного участия обвиняемого.

По его мнению, данная процессуальная форма непосредственно связана с реализацией конституционных принципов: верховенства права - уголовное преследование не может зависеть от поведения обвиняемого; неотвратимости ответственности - обеспечение общественной безопасности требует завершения производства; равенства сторон - добросовестная сторона (государство) не должна ставиться в зависимость от недобросовестной (уклоняющегося обвиняемого); пропорциональности - ограничение прав допустимо, если оно минимально, оправдано и сопровождается возможностью защиты и пересмотра.

Таким образом, заочное производство определяется как исключение, вытекающее из поведения самого обвиняемого, инструмент обеспечения правосудия, соответствующий международным стандартам, механизм баланса между индивидуальными правами и интересами общества.

Он также отмечает, что производство в отсутствие обвиняемого трактуется как компенсаторный механизм, обеспечивающий правовую эффективность уголовного процесса в условиях недобросовестного поведения обвиняемого. Уклонение обвиняемого от участия в процессе может рассматриваться как конклюдентный (молчаливый) отказ от участия в судебном разбирательстве. Этот подход отражает практику многих национальных судов и признан допустимым с точки зрения принципов доктрины добросовестности в уголовном процессе, а также теории соразмерного ограничения прав, направленного на защиту конституционного правопорядка.

Относительно правовой неопределенности и отсутствия отдельных норм о заочном следствии, представитель Министерства юстиции полагает, что аргумент заявителя в этом аспекте не подтверждается, поскольку УПК не содержит прямого запрета на заочное предъявление обвинения, устанавливает всю необходимую процедуру - от уведомления до участия защитника, связывает допустимость заочного производства с уклонением обвиняемого и объявлением его в розыск.

В этой связи отсутствие специального термина «заочное следствие» не образует пробела и не создает правовую неопределенность. Закон дает возможность обвиняемому предвидеть последствия своего поведения, что соответствует принципу правового государства.

Кроме этого, Джаркынбаев А.Д. отмечает, что установление трехмесячного срока для подачи ходатайства о восстановлении апелляционного срока, предусмотренного частью 2 статьи 403 УПК, направлено на достижение баланса интересов сторон. Данное ограничение не лишает участника процесса права на обжалование, а лишь регулирует его реализацию в разумных временных пределах, что соответствует как положениям Конституции, так и международным стандартам.

Резюмируя свою позицию, он отметил, что применение заочного производства является допустимой формой уголовного судопроизводства, направленной на обеспечение баланса интересов всех участников процесса и не нарушающей конституционного принципа справедливого правосудия, при условии соблюдения законности и процессуальных гарантий всех участников уголовного процесса.

Представитель Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики Сабыров К.С. считает оспариваемые нормы не противоречащими Конституции, поскольку на стадии досудебного производства привлечение к уголовной ответственности лиц и применение меры пресечения в отношении обвиняемых могут осуществляться в отсутствие последних.

Так, в соответствии с частью 6 статьи 106 и частью 3 статьи 266 УПК, судебное решение о применении меры пресечения может быть принято в отсутствие обвиняемого, но только при обязательном участии адвоката и после принятия всех возможных мер для обеспечения его явки. При этом,

если такая мера пресечения в виде заключения под стражу была применена заочно, то после задержания обвиняемого он должен быть доставлен в суд в течение 48 часов. Суд, в свою очередь, обязан рассмотреть вопрос об установлении срока содержания под стражей либо об изменении меры пресечения (часть 3 статьи 114 УПК).

По мнению Сабырова К.С., если уголовно-процессуальный закон предоставляет возможность применения меры пресечения в отсутствие обвиняемого, при этом такие меры применяются исключительно к лицу, которому был придан статус обвиняемого, то заочное привлечение лица в качестве обвиняемого следует рассматривать как вынужденное процессуальное решение следователя. В правоприменительной практике подобные процессуальные действия производятся с предоставлением реализации прав обвиняемого через защитника.

На стадии судебного производства в соответствии с частью 4 статьи 284 УПК предварительное слушание может быть проведено в отсутствие обвиняемого по его ходатайству или ходатайству его адвоката либо при условии, если обвиняемый находится вне пределов Кыргызской Республики.

Суд также в случае уклонения и нахождения обвиняемого вне страны может вынести постановление или определение о проведении судебного разбирательства в отсутствие обвиняемого (часть 9 статьи 301 УПК).

Вместе с тем, рассмотрение дела в апелляционном порядке в отсутствие обвиняемого допускается в вышеперечисленных случаях (часть 3 статьи 412 УПК).

Таким образом, Сабыров К.С. считает, что привлечение лица в качестве обвиняемого, применение меры пресечения, окончание следствия и ознакомление обвиняемого с материалами уголовного дела, а также направление уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного акта осуществляются только по тем делам, где имеются неопровержимые доказательства вины обвиняемого, и исключительно в целях выполнения задач уголовного судопроизводства с соблюдением принципов уголовного процесса.

Только по завершении процедур, предусмотренных нормами УПК, уголовное дело подлежит рассмотрению судом и вынесению по нему соответствующего приговора (обвинительного или оправдательного) в отсутствие обвиняемого. При этом восстанавливаются нарушенные права потерпевших, обеспечивается возмещение материального ущерба и морального вреда, тем самым, защищаются интересы общества и государства.

Оспариваемые нормы, напротив, представляют собой реализацию исключительных случаев заочного судебного производства, устанавливаемых законом, как это предписано частью 2 статьи 100 Конституции.

Относительно части 2 статьи 403 УПК Сабыров К.С. указывает, что оспариваемая норма, устанавливая процессуальный срок для подачи ходатайства о восстановлении пропущенного срока апелляционного обжалования заочного приговора, не регулирует ни допустимость, ни содержание заочного производства, не затрагивает сущность права на обжалование и, следовательно, не противоречит Конституции.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения

третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются статьи 243, 251, 253, нормативное положение абзаца первого части 1 статьи 256 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами: «Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела, участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт», часть 6 статьи 296, часть 2 статьи 403, часть 3 статьи 412 и пункт 3 части 2 статьи 421 Уголовно - процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенные в следующей редакции:

«Статья 243. Предъявление обвинения

1. Обвинение предъявляется в присутствии адвоката не позднее 48 часов с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого. В случае неявки обвиняемого или его адвоката обвинение может быть предъявлено и по истечении 48 часов.

2. Обвиняемому, доставленному приводом, обвинение предъявляется в день привода.

3. Следователь, удостоверившись в личности обвиняемого, объявляет обвиняемому и его адвокату постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

4. Следователь обязан разъяснить обвиняемому сущность предъявленного обвинения.

5. Выполнение действий, указанных в частях 3 и 4 настоящей статьи, удостоверяется подписями обвиняемого, адвоката и следователя на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого с указанием даты и часа предъявления обвинения.

6. В случае отказа обвиняемого от подписи следователь и адвокат удостоверяют на постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, что текст постановления ему объявлен.

7. Обвиняемому вручается копия постановления о привлечении его в качестве обвиняемого.

8. Следователь одновременно с ознакомлением обвиняемого с постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого разъясняет ему права, предусмотренные статьей 46 настоящего Кодекса, а также его право на гарантированную государством юридическую помощь.

9. Копия постановления направляется прокурору.

Статья 251. Объявление об окончании следствия

1. Признав, что все следственные действия по уголовному делу

произведены, а собранные доказательства достаточны для окончания досудебного производства, следователь уведомляет об этом обвиняемого и разъясняет ему предусмотренное статьей 253 настоящего Кодекса право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела как лично, так и с помощью адвоката, законного представителя. Об объявлении обвиняемому об окончании следствия и разъяснении ему прав составляется протокол с соблюдением требований статьи 254 настоящего Кодекса.

2. Если адвокат обвиняемого или представитель потерпевшего по уважительным причинам не может явиться для ознакомления с материалами дела в назначенное время, следователь откладывает ознакомление на срок не более 5 суток. В случае неявки адвоката или представителя в течение этого срока следователь предлагает обвиняемому пригласить другого адвоката, а потерпевшему - другого представителя.

3. После ознакомления обвиняемого, его адвоката, потерпевшего с материалами дела следователь составляет обвинительный акт, в котором указывает о том, что все следственные действия выполнены, собранные доказательства достаточны для направления дела в суд.

Статья 253. Ознакомление обвиняемого и его адвоката с материалами уголовного дела

1. После выполнения требований статей 251 и 252 настоящего Кодекса следователь предъявляет обвиняемому и его адвокату в подшитом, пронумерованном виде и с описью материалы уголовного дела. Для ознакомления предъявляются также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его адвоката - фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи и иные приложения к протоколам следственных действий. По ходатайству обвиняемого и его адвоката следователь предоставляет им возможность знакомиться с материалами уголовного дела вместе или раздельно. Если в производстве по уголовному делу участвуют несколько обвиняемых, то последовательность предоставления им и их адвокатам материалов уголовного дела устанавливается следователем.

2. Обвиняемый и его адвокат в процессе ознакомления с материалами дела вправе выписывать сведения, снимать копии с документов. Выписки и копии документов из дела, в котором содержатся сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну, хранятся при деле и вручаются обвиняемому и его адвокату во время судебного разбирательства, за исключением сведений о лицах, безопасность которых необходимо обеспечить.

3. По окончании ознакомления обвиняемого и его адвоката с материалами дела следователь обязан выяснить у них, будут ли заявлены ходатайства о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, иные ходатайства и о чем именно или какие иные заявления они желают сделать.

При этом следователь разъясняет особенности рассмотрения уголовного дела судом с участием присяжных заседателей, о возможности заявить такое ходатайство перед судом до назначения судебного заседания,

а также выясняет у обвиняемого и его адвоката, кого конкретно из числа допрошенных свидетелей и участвующих в деле экспертов, специалистов они желают вызвать в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции защиты.

4. Обвиняемый и его адвокат не могут ограничиваться во времени, необходимом им для ознакомления со всеми материалами дела. Если обвиняемый и его адвокат явно затягивают ознакомление с материалами дела, следователь вправе своим постановлением установить определенный срок, достаточный для ознакомления с материалами дела. Время ознакомления обвиняемого и его адвоката с материалами дела в случаях, предусмотренных статьями 115 и 162 настоящего Кодекса, засчитывается в сроки досудебного производства, содержания обвиняемого под стражей.

Статья 256. Обвинительный акт

1. Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт,

Статья 296. Участие обвиняемого в судебном разбирательстве

6. В случае устранения обстоятельств, указанных в части 2 настоящей статьи, приговор или определение суда, вынесенные заочно, по ходатайству осужденного или его адвоката отменяются в апелляционном порядке. Судебное разбирательство в таком случае проводится в общем порядке.

Статья 403. Порядок восстановления срока на подачу жалобы или представления

2. Ходатайство о восстановлении срока на подачу апелляционной жалобы или представления на приговор может быть подано не позднее 3 месяцев со дня вынесения судом решения, на иное судебное решение, постановление следственного судьи - не позднее одного месяца со дня вынесения решения.

Статья 412. Порядок производства в апелляционной инстанции

3. Рассмотрение дела в апелляционном порядке в отсутствие обвиняемого допускается в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 296 настоящего Кодекса.

Статья 421. Существенное нарушение уголовно-процессуального закона

2. Основаниями отмены судебного акта являются:

3) рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, кроме случаев, предусмотренных частью 2 статьи 296 настоящего Кодекса;».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» от 16 ноября 2021 года №122-133, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Кыргызская Республика, как правовое государство, исходит из того,

что обеспечение правопорядка и общественной безопасности является одной из конституционно значимых задач государства.

Формирование и укрепление такого порядка в любом демократическом обществе основано на безусловном соблюдении и реализации принципа неотвратимости наказания за любое правонарушение, независимо от того, кем бы оно не совершалось.

Только своевременное и неотвратимое наказание виновных создает у граждан представление о незыблемости существующего правопорядка, укрепляет веру в справедливость и мощь государственной власти, уверенность в том, что их жизнь, здоровье, имущество, права и интересы будут надежно защищены.

Воплощение указанных принципов обеспечивается через государственно-правовые механизмы, включая уголовное судопроизводство, в рамках которого на системной основе выявляется каждый случай преступления, устанавливаются виновные лица, которые в последующем подвергаются наказанию соразмерно тяжести содеянного.

Расследование каждого преступления, независимо от его характера и степени общественной опасности, играет ключевую роль в поддержании общественного порядка в целом. Эффективность правовой системы при этом обуславливается не столько суровостью наказаний, сколько результативностью правоохранительной деятельности государства по обеспечению принципа неотвратимости ответственности. Крайне значимым аспектом этого является формирование устойчивого осознания неизбежности наказания за совершенные преступления не только у виновных, но и у каждого члена общества. Именно убеждение о неразрывности связи между нарушением закона и последующей ответственностью действует как внушительный психологический и социальный барьер, способный удерживать потенциальных преступников от совершения противоправных действий.

Таким образом, государственно-правовой механизм борьбы с преступностью должен строиться на таких базовых принципах правового государства, как законность, справедливость и правовая определенность. Это означает, что привлечение к ответственности должно осуществляться исключительно в соответствии с установленной законом процедурой, а наказание - быть соразмерным тяжести совершенного деяния, правосознание граждан - формироваться на основе понимания неизбежности последствий преступлений, предсказуемость и ясность правового реагирования должны вселять уверенность в защищенности прав и неотвратимости наказаний. Лишь такая комплексная реализация данных принципов в совокупности способствует снижению уровня преступности, укреплению устойчивого правопорядка, обеспечению общественной безопасности, доверия к государственной власти в глазах общества.

3. Основополагающим уголовно-правовым механизмом, предназначенным для выявления каждого случая преступления, выступает досудебное производство. Его отправной точкой является официальная регистрация происшествия, за которой следует доследственная проверка

и следствие, завершающиеся формированием процессуальной основы для последующего рассмотрения уголовного дела в суде.

Именно на этой стадии определяется правовой статус участников уголовного процесса в зависимости от их роли: потерпевшего, подозреваемого, адвоката, свидетеля и других лиц, чьи интересы затрагиваются в ходе расследования. Каждый из них наделяется соответствующим объемом процессуальных прав и обязанностей. При этом, законодатель не ставит в превосходство одного из участников над другим, гарантируя равенство возможностей для всех в поиске истины и защите их прав и законных интересов.

Статус подозреваемого трансформируется в обвиняемого с момента предъявления обвинения, что влечет за собой изменение объема его прав и обязанностей. Этот этап запускает не только механизмы защиты прав и законных интересов обвиняемого, включая доступ к адвокату и другие процессуальные гарантии, но и порождает новые обязанности, такие как явка по вызову, участие в необходимых следственных действиях, а также подчинение распоряжениям следователя, прокурора и судьи. Неукоснительное их соблюдение способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств дела, а также выявлению как уличающих, так и оправдывающих обвиняемого фактов.

Наряду с наделением органов следствия властными полномочиями, УПК одновременно предписывает выполнение ряда обязательных процессуальных действий, нацеленных на полноценное завершение следствия с соблюдением прав и интересов обвиняемого.

Эти действия включают в себя привлечение в качестве обвиняемого путем вынесения соответствующего постановления, вручения повестки об обязательной явке, предъявления обвинения, допроса обвиняемого, избрания меры пресечения, объявления об окончании следствия, ознакомления обвиняемого, его адвоката с материалами уголовного дела и разрешения поступивших ходатайств. Следствие завершается составлением обвинительного акта с направлением дела прокурору, вынесением постановления о применении принудительных мер медицинского характера либо прекращением производства по делу.

После утверждения обвинительного акта прокурор обеспечивает вручение обвиняемому его копии и направляет дело в суд (главы 32, 34, 36 УПК).

4. В случае неявки обвиняемого по вызову следователя, обвинение может быть предъявлено по истечении 48 часов и в его отсутствии (статья 243 УПК). Это означает, что физическое отсутствие обвиняемого, не обусловленное уважительными причинами, предусмотренными УПК, не должно воспрепятствовать нормальному ходу расследования, способствовать намерению обвиняемого избежать наказания и не может рассматриваться как основание для бездействия органов следствия. Напротив, законодатель прямо возлагает на следственные органы обязанность продолжать уголовное преследование с использованием всех предусмотренных законом процессуальных средств.

Так, если местонахождение обвиняемого не установлено, уполномоченные органы обязаны приступить к проведению комплекса следственных и оперативно-розыскных мероприятий по поиску обвиняемого, включая розыскные мероприятия с применением более строгих мер пресечения. Когда розыск на национальном уровне не дает результата, могут быть задействованы международно-правовые механизмы о правовой помощи или экстрадиции. Розыскные мероприятия должны продолжаться до тех пор, пока местонахождение обвиняемого не будет установлено. В таком случае производство по делу может быть приостановлено до его доставки в органы следствия для продолжения уголовного преследования (глава 33 УПК).

Следует отметить, что приостановление уголовного дела на стадии досудебного производства требует строго обоснованного подхода и не может быть применено произвольно или формально, поскольку затрагивает конституционно защищаемые права участников процесса. Оно допустимо лишь при объективной невозможности продолжения следствия, при условии исчерпывания всех средств, в том числе международно-правовых, по обнаружению обвиняемого.

Вместе с тем, если местонахождение обвиняемого известно, но он приобрел правовой иммунитет, предоставленный другим государством, на территории которого он находится, подтвержденный официальным отказом в его экстрадиции, приостановление досудебного производства является недопустимым. В таком случае, ввиду невозможности осуществления уголовного преследования в рамках традиционных процедур, инициирование заочного производства не просто представляется обоснованным и правомерным решением, но выступает необходимой и единственно возможной правовой мерой, направленной на реализацию задач уголовного судопроизводства.

Этот шаг, прежде всего, подтверждает приоритет защиты публичного интереса, поскольку направлен на обеспечение правопорядка, реализацию принципа неотвратимости уголовной ответственности и поддержание эффективности правосудия. В условиях, когда традиционные средства международного сотрудничества, такие как экстрадиция, оказываются неэффективными или невозможными, заочное производство становится единственным реальным правовым инструментом для продолжения уголовного преследования и установления справедливости в достижимых пределах. Это позволит пресечь злоупотребления возникшими привилегиями и убежденности в том, что обвиняемому удастся избежать ответственности за содеянное лишь, благодаря приобретенному статусу или положению.

Ввиду этого УПК, резонно предусматривает возможность завершения досудебного производства в отсутствие обвиняемого, направления уголовного дела в суд, рассмотрения его по существу и вынесения итогового судебного акта.

5. В рамках уголовного судопроизводства рассмотрение дела по заочной процедуре приобретает особую значимость именно в суде первой инстанции. Проведение судебного разбирательства в отсутствие обвиняемого на этом этапе обеспечивает логическую завершенность всего процесса.

Орган конституционного контроля в своем Решении от 21 февраля 2014 года подтвердил, что проведение судебного разбирательства уголовного дела в отсутствие обвиняемого не может рассматриваться как ограничение его конституционных прав и свобод. Его ненадлежащее поведение, выражающееся в сознательном уклонении от правосудия, не должно становиться препятствием для реализации прав потерпевших и достижения целей уголовного судопроизводства. В связи с этим институт заочного судебного разбирательства признан не противоречащим Конституции.

Вместе с тем, суд первой инстанции до начала рассмотрения дела по существу обязан удостовериться в наличии всех условий, необходимых для проведения заочного разбирательства. В частности, суд должен удостовериться, имеются ли сведения о невозможности привода обвиняемого, если ему предоставлен правовой иммунитет другим государством, на территории которого он находится, что подтверждается официальным отказом в его экстрадиции, а также гарантировано ли участие адвоката, действующего в его интересах, и соблюдены ли иные процессуальные гарантии в досудебном производстве, которые возможно обеспечить в отсутствие обвиняемого. Только при соблюдении этих условий заочное производство может быть признано допустимым и правомерным, что, в свою очередь, создает правовую основу для рассмотрения дела по существу в суде первой инстанции.

Такое разбирательство в отсутствие обвиняемого необходимо не только для надлежащей квалификации деяния обвиняемого, но и обеспечения комплексного, последовательного и своевременного рассмотрения дела. Это также позволит консолидировать все доказательства и свидетельства, предотвращая их утрату со временем, что особенно важно для обеспечения объективности судебного разбирательства. На основе тщательной оценки всех материалов дела, включая подтверждение фактов уклонения обвиняемого от участия в процессе и соблюдения всех процессуальных гарантий, суд выносит заочный приговор. Этот приговор, как итоговый акт судебного разбирательства, финализирует заочное производство. Тем самым достигается состояние правовой определенности, восстанавливается справедливость для потерпевших и поддерживается стабильность правового порядка.

Кроме того, он выполняет важную превентивную функцию, формируя у каждого, включая лицо, уклоняющееся от правосудия, осознание неизбежности наказания. Также наличие судебного приговора существенно увеличивает возможности привлечения международных институтов для поимки обвиняемого.

Конституционный суд особо отмечает, что допустимость института заочного судебного разбирательства не ограничивается только национальной правовой системой, но и соответствует международным стандартам в области уголовного правосудия. Международный пакт о гражданских и политических правах предусмотрел возможность проведения заочного разбирательства, подтверждая, что она может быть применима в условиях, когда обвиняемый сознательно уклоняется от правосудия. Поэтому производство *in absentia* («в

отсутствие»), как форма реализации обязанности государства по обеспечению правосудия, согласуется с требованиями международных стандартов, направленных на баланс интересов участников уголовного процесса. Иными словами, в рассматриваемом случае нормы УПК, регулирующие досудебное производство, не должны выступать препятствием для завершения следствия и направления дела в суд.

Соответственно, отсутствие в оспариваемых нормах УПК: статьях 243 (предъявление обвинения); 251 (объявление об окончании следствия); 253 (ознакомление обвиняемого и его адвоката с материалами уголовного дела); а также нормативных положений части 1 статьи 256 (обвинительный акт), регламентирующих проведение указанных процессуальных действий в отсутствие обвиняемого не может рассматриваться как основание для признания их противоречащими Конституции. Это означает, что оспариваемые нормы должны исполняться в той мере, в какой это реализуемо в отсутствие обвиняемого.

Вместе с тем, для исключения двоякого правоприменения, обеспечения ясности и определенности правового регулирования законодателю, следует внести соответствующие поправки в уголовное законодательство. Институционализация заочного производства как на досудебной стадии, так и в рамках судебного разбирательства позволит наиболее действенно реализовать цели уголовной политики государства.

6. Конституционное установление об осуществлении судопроизводства на основе равенства и состязательности сторон предполагает необходимость обеспечения равными процессуальными возможностями и средствами как сторону обвинения, так и защиты, при помощи которых обвиняемый сможет отстаивать свою позицию и опровергать доводы обвинения. Исходя из этого, обвиняемый наделяется правом выбора адвоката для оказания ему квалифицированной юридической помощи. В определенных случаях адвокат может быть назначен государством.

Деятельность адвоката преследует цель обеспечить профессиональную защиту прав и законных интересов обвиняемого, способствовать установлению истины и объективному исследованию обстоятельств дела, а также выявлению и представлению доказательств, оправдывающих обвиняемого либо смягчающих его ответственность, как в досудебном производстве, так и при рассмотрении дела в суде.

С учетом изложенного, участие адвоката, в особенности в заочном производстве, представляется не просто значимым, но и принципиально необходимым для обеспечения законности и справедливости всего уголовного процесса. Не случайно законодатель прямо предусмотрел обязательность участия адвоката в случаях, когда обвиняемый фактически лишен возможности лично реализовывать свое право на защиту (статьи 51, 296 УПК). В подобных условиях именно адвокат становится единственным субъектом, способным отстаивать конституционные и процессуальные права обвиняемого.

Вместе с тем, Конституционный суд считает, что несмотря на

отмеченную в данном Решении бесспорную важность предназначения заочного производства, отсутствие обвиняемого, даже при условии предоставления всех процессуальных гарантий и обеспечения защиты при помощи адвоката, не может в полной мере компенсировать его личное участие.

Личное участие обвиняемого является одним из фундаментальных элементов права на справедливое осуждение за содеянное. Оно позволяет ему непосредственно реализовывать свое право на защиту, предоставлять объяснения, заявлять ходатайства, участвовать в исследовании доказательств и формировать стратегию защиты совместно с адвокатом.

Адвокат, при всей своей квалификации и объеме выполненной работы, не может заменить субъективное восприятие обвиняемым события преступления, его личную позицию, мотивацию и внутренние установки, которые могут быть важны для справедливой и критической оценки обстоятельств дела. Кроме того, ряд процессуальных прав носит личностный характер (например, признание вины, согласие на заключение соглашения, отказ от определенных процессуальных гарантий), и их реализация невозможна без участия самого обвиняемого.

Таким образом, участие адвоката в заочном производстве не может рассматриваться как полностью эквивалентное замещение личного участия обвиняемого, поскольку только его непосредственная вовлеченность, основанная не только на правовом статусе, но и на способности формировать защиту, опираясь на личное восприятие и мотивацию, придает его позиции индивидуальную и процессуально значимую специфику.

Это также соотносится с нормами международного права, в частности, со статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая закрепляет право каждого быть судимым в своем присутствии и защищать себя лично.

Поэтому, законодатель, определяя допустимость судебного разбирательства дела в отсутствие обвиняемого ввиду его нахождения вне пределов Кыргызской Республики и уклонения от явки в суд, не без основания установил, что в случае устранения этого обстоятельства, приговор суда, вынесенный заочно, по ходатайству осужденного или его адвоката отменяется в апелляционном порядке. Судебное разбирательство в таком случае проводится в общем порядке (пункт 1 части 2, часть 6 статьи 296 УПК).

Тем самым законодатель, предпринимая подобные ситуации, в случае прибытия осужденного в Кыргызскую Республику, предусмотрел порядок безусловной отмены заочного приговора в апелляционном порядке с целью предоставления возможности пересмотра его дела в суде первой инстанции, но уже с его участием.

Данный правовой механизм наделяет апелляционную инстанцию особой, не присущей ей функцией, когда судебный акт первой инстанции отменяется не в результате апелляционного разбирательства дела в традиционном понимании, а лишь при установлении реальности участия

осужденного в новом судебном процессе.

То есть, по смыслу части 6 статьи 296 УПК, законодатель придает заочному приговору иную правовую природу, отличную от приговора, вынесенного при непосредственном участии обвиняемого, и, соответственно, выводит его из сферы действия обычного порядка апелляционного рассмотрения.

Следовательно, такой приговор не может рассматриваться апелляционным судом по общим правилам, поскольку он лишь трансформирует механизм пересмотра. Вместо этого применяется специальный порядок - назначение нового рассмотрения уголовного дела в суде первой инстанции при условии устранения обстоятельства, препятствовавшего участию осужденного в судебном разбирательстве, и при наличии соответствующего ходатайства с его стороны или его адвоката.

Кроме того, специфика данного порядка ясно свидетельствует о неуместности применения процессуальных сроков обжалования, включая пресекательные, поскольку запуск механизма пересмотра заочного приговора в общем порядке обусловлено единственным фактором - явкой осужденного, момент наступления которого не поддается прогнозированию. Соответственно, применение в этом случае каких-либо сроков утрачивает процессуально-правовую обоснованность.

7. Однако реализация вышеотмеченного замысла законодателя становится невозможной ввиду того, что законодательство позволяет придать заочному осуждению окончательный характер, допуская пересмотр заочного приговора суда в апелляционной и кассационной инстанциях также в заочном порядке.

В частности, согласно части 3 статьи 412 УПК, с учетом положений, в том числе пункта 1 части 2 статьи 296 УПК, допускается рассмотрение дела в апелляционном порядке в отсутствие обвиняемого. По итогам такого разбирательства суд апелляционной инстанции может вынести апелляционный приговор или определение, которые могут быть обжалованы в кассационном порядке. В свою очередь, кассационная инстанция вправе проверить производство по уголовному делу на предмет существенных нарушений норм материального и процессуального права (статья 441 УПК).

Апелляционное производство представляет собой не просто формальный пересмотр, а полноценную правовую процедуру, направленную, помимо проверки законности, обоснованности и справедливости приговора, на выявление судебных ошибок через повторный анализ материалов дела, устранение пробелов и дефектов, а также критическую переоценку доказательств. В условиях отсутствия личностной позиции обвиняемого, его отношения к конкретным доказательствам и деталям обвинения, проведение такого пересмотра теряет всякий процессуальный смысл.

Что же касается суда кассационной инстанции, то в соответствии с действующим правовым регулированием не подлежат пересмотру в кассационном порядке вступившие в законную силу судебные решения суда первой инстанции, если они не были обжалованы в апелляционном порядке.

Тем самым, доступ к кассационному обжалованию поставлен в зависимость от предварительного прохождения апелляционной стадии, что подчеркивает ее обязательный характер и обуславливает невозможность прямого перехода к кассации. Это объясняется тем, что кассация направлена на устранение существенных нарушений, допущенных при применении норм материального и процессуального права, и играет роль окончательной гарантии законности судебных актов нижестоящих инстанций.

Таким образом, в условиях отсутствия обвиняемого/осужденного, апелляционная и кассационная инстанции утрачивают свою сущностную функцию и процессуальную необходимость. Возможность заочного обжалования лишь формально воспроизводит структуру судебных инстанций, но фактически не обеспечивает эффективного контроля за таким приговором. Как уже отмечалось в настоящем Решении, даже участие защитника не может компенсировать отсутствие обвиняемого в процессе, поскольку без его личного участия невозможна полноценная реализация таких фундаментальных принципов, как равноправие и состязательность сторон, непосредственное и активное осуществление права на защиту.

При таком положении дел единственным правовым механизмом, способным восстановить в полной мере право на справедливый суд, является новое производство в суде первой инстанции с обеспечением личного присутствия осужденного в порядке, установленном частью 6 статьи 296 УПК.

При этом, следует подчеркнуть, что такие формы пересмотра судебных актов, как возобновление дел по новым или вновь открывшимся обстоятельствам не могут заменить специальный порядок в случае заочного осуждения. Использование этих институтов в качестве универсального средства компенсации прав осужденного в рамках заочного разбирательства повлечет за собой подмену целей и искажение их сущности.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу, что правовое регулирование, допускающее рассмотрение дела в апелляционной и кассационной инстанциях в заочном порядке, приводит к невозможности пересмотра заочного приговора в случае обеспечения явки осужденного, тем самым, лишая последнего права на судебную защиту, включая возможность лично защищать свои права и свободы и добиваться восстановления нарушенных прав всеми предусмотренными законом способами. Это, в свою очередь, приводит к нарушению основополагающих принципов правового государства, равноправия и состязательности сторон, доступности справедливого правосудия.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

РЕШИЛ:

1. Признать статьи 243, 251, 253, нормативное положение абзаца первого части 1 статьи 256, выраженного словами: «Следователь после ознакомления с материалами уголовного дела участников процесса и разрешения их ходатайств составляет обвинительный акт», часть 6 статьи 296, пункт 3 части 2 статьи 421 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими преамбуле, части 1 статьи 1, части 2 статьи 24, части 3 статьи 59, частям 1, 2 статьи 61, частям 2, 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Признать часть 2 статьи 403 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 1 статьи 61, части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой ее действие не распространяется на приговоры суда первой инстанции, вынесенные в соответствии с пунктом 1 части 2 статьи 296 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

3. Признать часть 3 статьи 412 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики противоречащей части 1 статьи 1, частям 1, 2 статьи 61, частям 2, 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой содержит в себе отсылочное нормативное положение на пункт 1 части 2 статьи 296 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

4. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из настоящего Решения.

5. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

6. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

7. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 397
Уголовнопроцессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с
обращением Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего
интересы Сакимбаевой Айжан Базаркуловны**

№ 03-Р

4 июня 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны - Айткулова Икрамидина Назировича, представляющего интересы Сакимбаевой Айжан Базаркуловны;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Байдылдаева Кумарбека Курманбековича, Калыгул уулу Бакыта, представителей Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Сабырова Кубанычбека Сабыровича, Курвангалиева Бексултана Курвангалиевича, представителей Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аяза Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Абдыралиева Аргена Турумбековича, представителя Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращение Айткулова И.Н., представляющего интересы Сакимбаевой А.Б., и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормативные нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 2 декабря 2024 года поступило обращение Айткулова И.Н., представляющего интересы Сакимбаевой А.Б., о проверке соответствия частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее -УПК) частям 1, 2 статьи 61, частям 3, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства, в рамках уголовного дела, возбужденного по признакам части 1 статьи 343 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее - УК), сотрудниками Государственного комитета национальной безопасности был задержан с поличным старший инспектор отдела проверок Управления Государственной налоговой службы Узбеки П.А. по подозрению в вымогательстве и получении взятки от предпринимателя Абдыкариевой Д. через Сакимбаеву А.Б. На основании имеющихся данных Сакимбаева А.Б. также была задержана по подозрению в посредничестве во взяточничестве.

Узбеков П.А. приговором Московского районного суда Чуйской области от 12 мая 2023 года был признан виновным и осужден к штрафу в размере 5000 расчетных показателей с лишением права занимать должности в органах налоговой службы сроком на два года. Приговор был постановлен в упрощенном порядке в связи с заключением соглашения о его признании вины.

Между тем, производство в отношении Сакимбаевой А.Б., действия которой изначально охватывались тем же уголовным делом, было впоследствии выделено в отдельное производство и рассматривалось в общем порядке, в связи с чем примененный к Узбекову П.А. порядок не распространился на нее. При этом, как утверждает Айткулов И.Н., Сакимбаева А.Б. не была уведомлена о данном процессуальном решении и узнала о нем только после вынесения приговора в отношении Узбекова П.А., что, по его мнению, лишило ее возможности своевременно реализовать право на обжалование действий следователя.

Более того, как полагает заявитель, приговор в отношении Узбекова П.А. фактически предопределил вывод о виновности Сакимбаевой А.Б. в инкриминируемом ей посредничестве во взяточничестве, что повлекло ухудшение ее процессуального положения. Он также считает, что всестороннее, полное и объективное рассмотрение ответственности Сакимбаевой А.Б. в отрыве от дела Узбекова П.А. представляется нецелесообразным, поскольку предметом расследования в обоих уголовных делах выступают одни и те же действия, связанные с дачей и получением одной и той же взятки в размере 50 тысяч сомов.

Учитывая изложенное, Айткулов И.Н. подал апелляционную жалобу на приговор, однако она была возвращена судом со ссылкой на статью 397 УПК в связи с отсутствием у Сакимбаевой А.Б. статуса участника процесса.

В то же время заявитель подчеркивает, что законодатель прямо наделяет

правом обращения в суд кассационной инстанции и иных заинтересованных лиц, не являющихся участниками уголовного процесса, что закреплено в части 1 статьи 440 УПК. Однако, согласно части 3 статьи 439 УПК, судебные решения, не обжалованные в апелляционном порядке, не подлежат кассационному пересмотру. Вследствие этого, приговор в отношении Узбекова П.А. не может быть предметом кассационного обжалования и для Сакимбаевой А.Б., несмотря на ее прямую заинтересованность.

Таким образом, заявителем подчеркивается наличие правовой неопределенности в применении частей 1 и 2 статьи 397 УПК, поскольку они не предусматривают механизм обжалования судебных решений со стороны лиц, чьи права затрагиваются, но которые формально не признаны участниками уголовного процесса.

По мнению заявителя, это препятствует доступу к правосудию не по причине отсутствия правового интереса, а вследствие формально созданной процессуальной конструкции, ограничивающей возможность защиты нарушенного права. Указанное, по его мнению, противоречит конституционным принципам верховенства права, неотчуждаемости прав и свобод, равноправия сторон и гарантиям судебной защиты, закрепленным в преамбуле Конституции, частях 1 и 2 статьи 6, статье 23, частях 1 и 2 статьи 61, частях 3 и 5 статьи 100.

Основываясь на изложенном, заявитель просит признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 27 декабря 2024 года данное обращение было принято к производству.

В ходе судебного заседания обращающаяся сторона поддержала свои требования и просила их удовлетворить.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранов С.К. выразил несогласие с доводами заявителя и считает оспариваемые нормы не противоречащими Конституции.

Как отмечает Ысыранов С.К., обеспечение конституционного установления невозможно без эффективных механизмов исправления судебных ошибок. В этом контексте особое значение приобретают институты апелляционного и кассационного производств, являющиеся важнейшими инструментами пересмотра и корректировки судебных решений.

В рамках действующего уголовно-процессуального законодательства эти механизмы реализуются, через возможность обжалования судебных актов. Как один из таких актов, приговор, не вступивший в законную силу, может быть обжалован в апелляционном порядке сторонами по делу. Таковыми являются обвиняемый, оправданный, лицо, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, их адвокаты и законные представители, государственный обвинитель или вышестоящий прокурор, потерпевший и его представитель, а также лица, на имущество которых наложен арест (статья 397 УПК).

Ысыранов С.К. отмечает, что такое ограничение круга лиц,

обладающих правом на апелляционное обжалование, продиктовано необходимостью наличия у лица непосредственного правового интереса в исходе дела. Лица, не являющиеся участниками уголовного процесса, таким интересом не обладают, и их допуск к рассмотрению дела в апелляционном порядке создавал бы риски вмешательства в отправление правосудия и злоупотребления процессуальными средствами.

Представитель стороны-ответчика также подчеркивает, что законодательное ограничение субъектов апелляционного обжалования направлено на обеспечение оперативной и эффективной защиты прав личности, а также на соблюдение разумных сроков судопроизводства, что обусловлено необходимостью обеспечения процессуальной экономии. Принцип процессуальной экономии предполагает ограничение круга лиц, имеющих право на подачу апелляционной жалобы, с целью недопущения затягивания судебного разбирательства и предотвращения чрезмерной нагрузки на суды апелляционной инстанции.

Расширение перечня субъектов могло бы привести к дестабилизации уголовного процесса.

Кроме того, Ысыранов С.К. полагает, что вопрос определения круга лиц, наделенных правом на обжалование, напрямую вытекает из сущности самого судебного акта. Так, приговор, вынесенный в отношении одного обвиняемого, не может предопределять правовую судьбу другого лица, представляя собой индивидуальный процессуальный акт, содержащий вывод о виновности либо невиновности конкретного лица. Он не распространяет правовых последствий на иных лиц, не привлеченных к уголовной ответственности по данному делу, и не затрагивает их права и законные интересы.

Вместе с тем, он утверждает, что права лиц, не являющихся стороной по делу, могут быть реализованы через механизм прокурорского реагирования. Так, в соответствии с частью 3 статьи 397 УПК и статьей 41 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», прокурор наделен полномочиями обжаловать незаконные судебные акты и вступать в дело на любой стадии для защиты прав граждан и охраняемых законом интересов. Тем самым прокуратура выступает механизмом правовой защиты и институциональным гарантом законности, компенсирующий отсутствие самостоятельного права на апелляционное обжалование у рассматриваемой категории лиц.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. также считает доводы заявителя необоснованными, а оспариваемые нормы не противоречащими Конституции.

Он считает, что выделение уголовного дела в отношении Сакимбаевой А.Б. было произведено в установленном законом порядке и не повлекло нарушения ее прав. В соответствии с пунктами 2 и 6 статьи 142 УПК, такое процессуальное решение оформляется постановлением следователя и вносится в Единый реестр преступлений. Основанием для выделения в данном деле послужило заключение Узбековым П.А. соглашения о признании вины, в связи с чем его дело подлежало рассмотрению по особому порядку, предусмотренному главой 44 УПК.

Приговор, вынесенный в таком порядке, не содержит оценки доказательств и не может быть обжалован по основанию неисследованности обстоятельств. Он также не приобретает преюдициального значения в отношении других лиц, поскольку не содержит выводов относительно их действий и не основан на анализе всей доказательственной базы по делу.

Таким образом, доводы заявителя о том, что не были исследованы доказательства в отношении Узбекова П.А., не могут служить основанием для отмены или пересмотра дела Сакимбаевой А.Б.

В свою очередь, Сакимбаева А.Б., как обвиняемая по выделенному делу, обладала полным объемом процессуальных прав, предусмотренных статьей 46 УПК, включая возможность участвовать в процессе, представлять доказательства, заявлять ходатайства об истребовании основного дела и допросе свидетелей, в том числе Узбекова П.А., а также обжаловать процессуальные решения суда.

При этом Молдобаев А.Т. отмечает, что согласно статье 23 УПК, суд оценивает доказательства на основе внутреннего убеждения, руководствуясь законом. Доказательства, собранные на стадии досудебного производства, включая оценку следователя или прокурора, не имеют обязательной силы. Соответственно, приговор, вынесенный без анализа доказательств, не может служить основанием для признания виновности другого лица без проведения полноценного судебного разбирательства и оценки относящихся к нему доказательств.

Представители Верховного суда, Генеральной прокуратуры, Государственного комитета национальной безопасности, Министерства юстиции, Министерства внутренних дел выразили мнения, аналогичные изложенным в позициях Ысыранова С.К. и Молдобаева А.Т.

Вместе с тем, в дополнение к указанной позиции, представитель Верховного суда отметила, что уголовно-процессуальное законодательство разграничивает пределы полномочий судов апелляционной и кассационной инстанций.

Так, апелляционное обжалование представляет собой форму судебного контроля, осуществляемого в рамках повторного рассмотрения дела, при котором суд апелляционной инстанции наделен более широкими полномочиями по сравнению с судом кассационной инстанции. В частности, апелляционный суд вправе рассматривать дело по правилам суда первой инстанции, исследовать доказательства, заново оценивать обстоятельства и выносить новое решение, как в полном объеме, так и в обжалуемой части.

В отличие от этого, кассационная инстанция не рассматривает дело заново, а ограничивается проверкой соблюдения норм материального и процессуального права, оценивая не фактические обстоятельства, а юридическую корректность ранее вынесенного судебного решения.

Такое различие в объеме и характере полномочий апелляционной и кассационной инстанций объективно обосновывает разграничение круга субъектов, наделенных правом обращения в каждую из них.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона

«О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются нормативные положения частей 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенные в следующей редакции:

«Статья 397. Право апелляционного обжалования

1. В соответствии с требованиями настоящей главы приговор, не вступивший в законную силу, а также иные судебные акты суда первой инстанции могут быть обжалованы сторонами в апелляционном порядке.

2. Право обжалования судебного решения принадлежит обвиняемому, оправданному, лицу, в отношении которого велось или ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, их адвокатам и законным представителям, государственному обвинителю или вышестоящему прокурору, потерпевшему и его представителю, а также лицам, на имущество которых наложен арест.

Лицо, ответственное за возмещение материального ущерба и (или) морального вреда, вправе обжаловать судебное решение в части возмещения материального ущерба и (или) морального вреда.»

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №129 принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» 16 ноября 2021 №122-133, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Как в правовом и демократическом государстве уголовный процесс в Кыргызской Республике строится на неукоснительном соблюдении фундаментальных конституционных начал, обеспечивающих верховенство права, справедливость, защиту и уважение прав и свобод человека и гражданина. Эти начала определяют содержание и направленность всей системы уголовного судопроизводства, выступая гарантией как защиты личности, так и охраны общества и государства от преступных посягательств.

Именно исходя из этих конституционно значимых ориентиров законодатель прямо возложил на всех участников уголовного процесса обязанность действовать в соответствии с требованиями защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения прав и свобод, а также обеспечения быстрого и полного расследования преступлений, справедливого судебного разбирательства и правильного применения уголовного закона (статья 6 УПК). Эти предписания не являются лишь декларацией, а представляют собой императивные указания, обязательные к исполнению на всех стадиях уголовного процесса.

Таким образом, ценностные основания уголовного судопроизводства, выраженные в Конституции и конкретизированные в статье 6 УПК, реализуются через ключевые организационно-процессуальные принципы, которые формируют практическое содержание уголовного судопроизводства. Среди них особое значение приобретают презумпция

невиновности, объективность и беспристрастность разбирательства, а также индивидуализация ответственности и наказания.

Каждый из них выполняет самостоятельную функцию, но вместе они обеспечивают внутреннюю согласованность и справедливость уголовного процесса.

В этой связи, в процессе осуществления уголовного судопроизводства данные принципы требуют от уполномоченных органов рассмотрения каждого дела при строгом соблюдении презумпции невиновности, исключающей возможность признания лица виновным вне рамок судебного разбирательства, завершившегося вступившим в силу обвинительным приговором. До вынесения такого приговора обвиняемый должен рассматриваться исключительно как субъект, в отношении которого осуществляется уголовное преследование в целях установления истины и правовой оценки фактов.

Процессуальная деятельность при этом должна основываться на принципах нейтральности, полноты и всесторонности установления обстоятельств дела, исключающих доминирование обвинительной позиции и обеспечивающих равенство и состязательность сторон.

Индивидуализация ответственности и наказания, в свою очередь, требует учета специфики каждого конкретного дела, характеристик личности, роли в содеянном, а также всех юридически значимых обстоятельств, включая процессуальную позицию и факты, имеющие значение для назначения наказания.

И только соблюдение этих взаимосвязанных принципов исключает формализм, обеспечивает соразмерность правовой реакции и способствует достижению справедливого, мотивированного и юридически обоснованного итогового решения по делу.

3. В ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел нередко возникают процессуальные ситуации, связанные с множественностью эпизодов, участием нескольких обвиняемых в одном производстве, а также иными сложными конфигурациями уголовного преследования. Такие обстоятельства объективно затрудняют полноценную реализацию и защиту прав участников процесса, ставят под угрозу своевременное и эффективное разрешение дела и создают риск нарушения принципов справедливого судопроизводства.

В связи с чем уголовно-процессуальное законодательство предусматривает возможность выделения уголовного дела в отдельное производство, что представляет собой процессуальную форму организационного разграничения уголовного преследования. Выделение допускается в тех случаях, когда в отношении отдельных событий, обвиняемых или иных обстоятельств требуется индивидуальное процессуальное разрешение.

Реализация института выделения уголовного дела в отдельное производство прямо связана с обеспечением соблюдения ключевых организационно-процессуальных принципов уголовного судопроизводства: презумпции невиновности, объективности и беспристрастности разбирательства, а также индивидуализации ответственности и наказания.

Именно эти принципы диктуют необходимость процессуального разграничения дел в ситуациях, когда это требуется для исключения риска переноса обвинительного уклона с одних участников процесса на других, для независимой оценки доказательств по каждому конкретному обвиняемому, без учета материалов, относящихся к иным эпизодам или лицам, а также для создания условий правовой оценки степени вины, умысла, роли в содеянном и других юридически значимых обстоятельств.

Подобный подход соответствует правовой позиции, изложенной в Решении Конституционного суда от 28 декабря 2022 года, в котором указано, что квалификация действий как единого преступления либо как совокупности преступлений должна осуществляться с учетом умысла виновного и конкретных фактических обстоятельств дела. При этом умысел на каждое правонарушение возникает отдельно и реализуется полностью, что требует самостоятельной оценки роли и вины каждого обвиняемого, а также отдельного установления их конкретного намерения при совершении инкриминируемых деяний. Выделение уголовного дела в отдельное производство, таким образом, служит процессуальным инструментом, позволяющим соблюсти эти требования на практике.

Правовая основа данного института закреплена в статье 142 УПК, которая предоставляет следователю, судье и суду право на выделение уголовного дела в отдельное производство. Указанная норма одновременно устанавливает пределы применения этого процессуального инструмента, прямо закрепляя, что выделение допустимо лишь при условии, что оно не повлечет нарушения полноты, всесторонности и объективности уголовного судопроизводства.

Каждое такое процессуальное решение должно быть строго аргументировано на основе фактических данных, зафиксированных в материалах дела, и правовых норм. Органы преследования и суд обязаны не только действовать в рамках предоставленных им полномочий, но и давать детальное обоснование своих решений, исключая произвольный подход. Ни одна значимая фактическая линия не может оставаться без процессуального разрешения как в основном, так и в выделенном производстве.

Особо важно подчеркнуть, что само по себе выделение уголовного дела не означает предположения вопроса о виновности обвиняемого. Несмотря на то, что обвинение формируется на стадии предварительного расследования, окончательная юридическая оценка содеянного, установление фактов и назначение наказания находятся в исключительной компетенции суда. Это согласуется с правовой позицией, изложенной в Решении Конституционного суда от 15 июня 2022 года, где акцентировано, что суд, в силу своего высокого предназначения, является органом, наделенным особой властью по отправлению правосудия, которой не обладает ни один орган государственной власти.

Поэтому выделение уголовного дела в отдельное производство следует рассматривать не как средство упрощения установления вины, а как процессуальный механизм, обеспечивающий индивидуализированное и беспристрастное судебное разбирательство.

Таким образом, статья 142 УПК устанавливает не только правовую возможность, но и задает рамки его допустимости, подчиненные задачам

и целям уголовного судопроизводства. Тем самым, его использование направлено не на ограничение прав участников процесса, а напротив - на их защиту, исключаящее произвольное вмешательство в их интересы и обеспечивающее справедливое разбирательство в разумные сроки.

4. Следует отдельно отметить, что статья 142 УПК регулирует не только выделение уголовного дела в отдельное производство, но также предусматривает возможность выделения материалов уголовного дела. Несмотря на внешнюю схожесть формулировок, эти процессуальные действия различны по своей правовой природе и правовым последствиям.

Как уже выше было отмечено выделение уголовного дела предполагает образование самостоятельного уголовного производства, в рамках которого процессуальные решения принимаются независимо от основного дела, с учетом особенностей конкретного обвиняемого, эпизода или обстоятельства. Выделение же материалов из уголовного дела представляет собой процессуальное действие, направленное на их автономное использование в целях инициирования новых уголовных преследований, разрешения сопутствующих правовых вопросов либо проведения дополнительной проверки по обстоятельствам, требующим отдельного реагирования в рамках уголовно-процессуальной формы. Указанные материалы служат основанием для проведения отдельной доследственной проверки, в ходе которой осуществляется правовая квалификация установленных фактов и действий потенциально причастных лиц. По результатам такой проверки компетентным органом выносится мотивированное процессуальное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в его возбуждении.

Вместе с тем, действующая редакция статьи 142 УПК не содержит раздельного нормативного регулирования этих процедур. Отсутствие четкого разграничения порядка, условий и последствий выделения материалов уголовного дела создает риск неоднозначного применения на практике.

С учетом различной правовой природы этих институтов представляется целесообразным законодательное разделение механизмов их применения. Для повышения правовой определенности и обеспечения единообразного применения норм уголовно-процессуального закона необходимо выделить регулирование выделения материалов уголовного дела в самостоятельную статью УПК, с конкретизацией порядка, оснований и процессуальных гарантий для участников процесса.

5. Уголовно-процессуальный закон допускает возможность разрешения уголовно-правового конфликта посредством заключения соглашения о признании вины, предусмотренного главой 57 УПК. Этот институт представляет собой особую форму процессуального урегулирования, при которой добровольное и осознанное согласие обвиняемого с предъявленным обвинением позволяет в упрощенном и ускоренном порядке разрешить вопрос о его уголовной ответственности. При этом суть обвинения остается неизменной: сохраняются как правовая квалификация деяния, так и предусмотренные законом пределы ответственности.

В то же время соглашение о признании вины, несмотря на диспозитивный характер, не сводится к простой договоренности между обвинением и защитой. Законодатель установил для него детально урегулированную процедуру и встроил многоуровневый механизм контроля (статьи 501-503

УПК), направленный на недопущение процессуальных злоупотреблений и гарантирование подлинной добровольности признания. Это особенно значимо в тех случаях, когда признание сопровождается предоставлением обвиняемому определенных уступок со стороны государства - таких, как учет смягчающих обстоятельств и применение норм уголовного закона, предусматривающих снижение наказания. Подобные ситуации объективно несут риск, что согласие обвиняемого может быть вызвано не внутренним убеждением, а стратегическим расчетом, несмотря на возможное несогласие с фактической стороной или квалификацией предъявленного обвинения.

Процедура заключения соглашения включает несколько обязательных стадий с участием ключевых субъектов уголовного преследования. На досудебной стадии прокурор рассматривает ходатайство обвиняемого, принимает решение о его удовлетворении либо об отказе, и, при положительном решении, самостоятельно составляет текст соглашения, фиксируя в нем все существенные условия, включая описание деяния, квалификацию, вид и размер наказания.

Затем следственный судья, в порядке, установленном статьей 502 УПК, рассматривает поступившее соглашение с участием сторон. Его задача провести не формальную, а полноценную правовую проверку: установить добровольность признания, отсутствие давления, понимание обвиняемым существа предъявленного обвинения и осознанность отказа от полноценного судебного разбирательства. Только при соблюдении всех предусмотренных законом условий соглашение может быть утверждено.

Таким образом, институт соглашения о признании вины строится на принципе двухступенчатого процессуального контроля, что исключает риск формального утверждения соглашения без должной проверки.

6. Судебное разбирательство уголовного дела, основанного на соглашении о признании вины, осуществляется в особом порядке, регламентированном статьями 503-504 УПК. Существенной особенностью этого порядка является отказ от проведения традиционного судебного разбирательства: суд выносит приговор без исследования и оценки доказательств, опираясь на признание вины обвиняемым, законность заключенного соглашения и соблюдение всех установленных законом требований.

Такая правовая модель завершения уголовного преследования основана на презумпции того, что признание вины является результатом взвешенного и добровольного волеизъявления обвиняемого, подтвержденного в установленном порядке. Именно поэтому законодатель исключил возможность обжалования такого приговора по основаниям, связанным с неисследованностью доказательств (часть 7 статьи 504 УПК), что подтверждает его процессуальную специфику.

Противное означало бы игнорирование добровольного отказа обвиняемого от предоставленных ему процессуальных прав, что подрывало бы стабильность и эффективность системы правосудия, нарушало бы принцип диспозитивности уголовного процесса, а также подменяло бы цели быстрого и полного расследования преступлений, основанные на оперативном реагировании при соблюдении прав обвиняемого.

В связи с изложенным Конституционный суд признает институт

соглашения о признании вины допустимым в рамках конституционного правопорядка. Такой вывод обусловлен тем, что указанная правовая конструкция исключает произвольность, обеспечивает правовую определенность и выступает гарантией соблюдения справедливого судопроизводства, включая добровольность признания и недопустимость принуждения. Благодаря этому достигается необходимый баланс между эффективностью уголовного преследования и защитой прав обвиняемого, а также реализуется принцип процессуальной экономии без ущерба для правовых гарантий.

7. В случаях многофигурного уголовного преследования заключение одним из обвиняемых соглашения о признании вины также требует выделения уголовного дела в самостоятельное производство. Это продиктовано не только различием в применяемых процедурах как упрощенный порядок рассмотрения против традиционного судебного разбирательства, но и необходимостью соблюдения принципов индивидуализации уголовной ответственности и наказания, объективности и беспристрастности судебного разбирательства, презумпции невиновности, а также обеспечения процессуальных прав других обвиняемых. Выделение позволяет рассматривать дело обвиняемого, выразившего готовность понести наказание, обособленно, не предreshая и не влияя на исход других участников производства, по которым сохраняется право на всестороннее исследование доказательств и полноценное судебное разбирательство по существу.

При этом важно подчеркнуть, что приговор, вынесенный в рамках выделенного производства на основании соглашения о признании вины, не обладает преюдициальной силой в отношении других обвиняемых по основному делу. Он принимается без исследования доказательств и действует исключительно в пределах правового статуса лица, заключившего соглашение. Следовательно он не может рассматриваться в качестве доказательства виновности остальных участников дела, а равно как и служить основанием для признания установленными фактических обстоятельств, относящихся к ним.

В связи с чем, обжалование указанного приговора со стороны лиц, не участвовавших в выделенном деле, является неприемлемым с точки зрения уголовно-правовой доктрины. Такой отказ в рассмотрении жалобы не свидетельствует о нарушении их прав, поскольку приговор не порождает правовых последствий в отношении третьих лиц, не затрагивает их правовую позицию и не предопределяет исход основного разбирательства.

В свою очередь, у участников основного дела сохраняется весь комплекс процессуальных гарантий, в частности право на судебную защиту: возможность на исследование доказательств, представление возражений и истребование материалов из выделенного производства, с вынесением обоснованного и справедливого приговора. А также использование таких институтов пересмотра судебных актов, как пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам.

Таким образом, Конституционный суд отмечает, что приговор, вынесенный в рамках выделенного производства на основании соглашения о признании вины, в оспариваемом случае не может рассматриваться как затрагивающий конституционные права заявителя.

8. Право на апелляционное обжалование уголовных дел, в соответствии с УПК, предоставляется строго определенным сторонам процесса - обвиняемому, его защитнику, прокурору, потерпевшему и их представителям, то есть тем, чьи права и интересы непосредственно затрагиваются судебным решением. Такое ограничение прямо вытекает из конституционных принципов права на судебную защиту, состязательности и равноправия сторон (часть 1 статьи 61, части 3 и 5 статьи 100 Конституции), согласно которым право на пересмотр судебного решения может быть эффективно реализовано лишь теми участниками процесса, которые имеют прямой и законный интерес в его исходе, располагают процессуальными средствами защиты и способны влиять на содержание и ход разбирательства.

Указанный подход обеспечивает баланс между доступом к правосудию и необходимостью поддержания стабильности судебной системы, исключая необоснованное затягивание процесса и защищая стороны от произвольного стороннего обжалования и правовой непредсказуемости. Он направляет применение механизмов пересмотра судебных актов на действительно существенные и юридически значимые основания, тем самым укрепляя доверие к судебной власти и обеспечивая справедливое судебное разбирательство.

Наряду с этим, в целях реализации конституционной установки, закрепленной в части 5 статьи 100 Конституции, предусматривающей право лиц, чьи права и законные интересы затронуты судебными решениями, на их обжалование, уголовно-процессуальное законодательство допускает такую возможность подачи жалобы и со стороны иных лиц, на имущество которых наложен арест либо возложена обязанность по возмещению материального ущерба или морального вреда (часть 2 статьи 397 и часть 1 статьи 440 УПК). Тем самым законодатель признает, что последствия уголовного преследования могут выходить за пределы правового статуса его непосредственных участников.

Однако применяемое регулирование носит ограниченный характер и сужается до указания на случаи ареста имущества, не охватывая иные формы вмешательства в имущественные права, такие как ограничение или лишение права собственности, уничтожение имущества либо иные последствия, прямо не поименованные в законе, но имеющие сопоставимую правовую значимость.

В этой связи Конституционный суд отмечает, что действующее правовое регулирование, касающееся возможности апелляционного обжалования приговоров, требует дополнительной нормативной конкретизации, обеспечивающей учет всех форм затрагивания чьих-либо имущественных прав.

Признание факта затронутости имущественных прав не может зависеть исключительно от формального участия лица в уголовном процессе. В случаях, когда последствия уголовного преследования объективно затрагивают имущество лица, даже если оно не признано потерпевшим или стороной по делу, ему должно быть обеспечено эффективное средство судебной защиты, соответствующее принципам правового государства и обеспечивающее справедливость разбирательства.

Необходимо также иметь в виду, что право обжалования судебных

актов в кассационной инстанции сформулировано более широко, нежели чем в апелляционном порядке.

Учитывая изложенное, законодателю необходимо также гармонизировать уголовно-процессуальное законодательство, в части, регулирующего порядок обжалования судебных актов как в апелляционной, так и в кассационной инстанциях.

В то же время, во избежание произвольного расширения круга субъектов обжалования и недопущения подрыва целей правосудия, Конституционный суд считает целесообразным, чтобы детализация критериев затрагивания имущественных прав была осуществлена Пленумом Верховного суда Кыргызской Республики посредством разъяснений, обеспечивающих единообразие и предсказуемость правоприменительной практики.

На основании изложенного Конституционный суд приходит к выводу, что правовое регулирование, устанавливающее перечень лиц, обладающих правом на обжалование судебных решений, не охватывает правовую ситуацию, на которую ссылается заявитель. Соответственно, указанный нормативный подход не нарушает ее конституционные права, включая гарантии судебной защиты, принципы верховенства права, положения о неотчуждаемости прав и свобод, а также требования равенства и состязательности сторон в судопроизводстве.

Руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4, 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать части 1, 2 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими частям 1, 2 статьи 61, частям 3, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности подпункта «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года № 29 в связи с обращением Теплякова Виталия Владимировича

№ 04-Р

2 июля 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы с участием:

обращающейся стороны - Теплякова Виталия Владимировича, представителей Абдужалилова Ахмеда Сапарбековича, Матцакова Самата Аскарловича по доверенности;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Калыгулуулу Бакыта, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Сабырова Кубанычбека Сабыровича, Курвангалиева Бексултана Курвангалиевича, представителей Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Ногойбаева Актана Патрисовича, представителя Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Аралбаева Урмата Сагыналиевича, Аманова Акбара Бактыбековича, представителей Омбудсмена (Акыйкатчы) Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности подпункта «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года №29.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились ходатайство Теплякова В.В., а также обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемая норма.

Заслушав информацию судьи-докладчика Касымалиева М.Ш., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 13 декабря 2024 года поступило ходатайство Теплякова В.В. о проверке соответствия подпункта «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года № 29, которым была исключена норма, предусматривающая запрет на прекращение уголовного дела по истечении срока давности при наличии возмещенного материального ущерба.

По мнению заявителя, отмена данной нормы повлекла за собой нарушение его конституционных прав, поскольку исключила предусмотренные ранее законодательством гарантии защиты имущественных интересов потерпевшего в уголовном процессе.

Так, из материалов дела следует, что в 2014 году гражданин Разваляев Г.Ю. предложил Теплякову В.В. участие в совместной предпринимательской деятельности в сфере швейного производства. Под этим предлогом он от последнего получил денежные средства, что подтверждается выданной распиской. Однако впоследствии Разваляев Г.Ю. не исполнил принятые обязательства и присвоил указанные средства, причинив Теплякову В.В. материальный ущерб.

Указанные обстоятельства послужили основанием для возбуждения в отношении Разваляева Г.Ю. уголовного дела по признакам преступления, предусмотренного частью 3 статьи 166 Уголовного кодекса Кыргызской Республики в редакции от 1 октября 1997 года (мошенничество). По завершению предварительного расследования уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением было направлено в Свердловский районный суд города Бишкек.

Однако постановлением этого суда от 11 мая 2017 года указанное уголовное дело было прекращено за истечением срока давности уголовного преследования несмотря на то, что обвиняемый не признавал вину в совершении инкриминируемого ему деяния. Данное постановление было оставлено без изменения определением Бишкекского городского суда от 23 июня 2017 года. Впоследствии, Верховным судом указанные судебные акты были отменены, а уголовное дело направлено на новое рассмотрение для устранения допущенных нарушений норм процессуального права. В частности, Верховный суд указал, что при удовлетворении ходатайства о прекращении уголовного дела суд первой инстанции не принял во внимание тот факт, что обвиняемый свою вину не признал, что подтверждается протоколом судебного заседания суда первой инстанции.

Несмотря на указания суда кассационной инстанции, при последующих рассмотрении дела судом первой инстанции уголовное преследование в отношении обвиняемого вновь прекращалось по тому же основанию и также без должной правовой оценки позиции обвиняемого. Учитывая это, заявитель считает, что суды первой и апелляционной инстанций фактически игнорировали указания Верховного суда, оставляя без устранения ранее допущенные нарушения уголовно-процессуального закона. Тем самым, такая ситуация привела к ненадлежащему рассмотрению вопроса о возмещении причиненного ущерба.

Кроме этого, как указывает субъект обращения, сложившаяся судебная практика носит незаконный и дискриминационный характер, формируя состояние правовой неопределенности в части прав потерпевшего. Она выражается в том, что суды при рассмотрении уголовных дел фактически отдают приоритет интересам только обвиняемого, нарушая принцип равенства сторон в уголовном процессе. В частности, адвокаты обвиняемого систематически заявляют ходатайства о прекращении дела в связи с истечением срока давности, с которыми обвиняемый формально соглашается, при этом не признавая вину. Хотя факт признания вины является существенным процессуальным условием для прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, но суды, пренебрегая это обстоятельство, удовлетворяют такие ходатайства и выносят постановления о прекращении дела.

В связи с чем, Тепляков В.В. полагает, что в тот период, когда уголовные дела прекращались за истечением срока давности уголовного преследования, вопрос о компенсации причиненного ущерба оставался вне поля надлежащего процессуального рассмотрения. При этом, отсутствие признания вины, но не возражения против такого прекращения обвиняемым, не препятствовало принятию судом постановлений о прекращении дела. А это, как отмечает субъект обращения, является нарушением и воспрепятствованием к реализации конституционного права на судебную защиту.

Тепляков В.В. также отмечает, что часть 3-1 статьи 26 Уголовнопроцессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК) (действовавший с 2019 года по 2021 год), которая предусматривала запрет на прекращение уголовных дел по истечении срока давности без возмещения материального ущерба, обеспечивала возможность потерпевшему в восстановлении нарушенных прав на возмещение причиненного ущерба. Ее отмена Законом Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года, а также отсутствие в последующем правового механизма регулирования этого вопроса вплоть до 16 февраля 2024 года (аналогичная норма была восстановлена путем включения в часть 4-1 статьи 27 УПК), способствовали произвольному толкованию положений закона об его действии во времени, что повлекло неблагоприятные последствия для потерпевшего, одновременно обеспечив правовые преимущества обвиняемому.

После восстановления уголовно-процессуальной нормы об отмеченном выше запрете, суд первой инстанции постановлением от 22 июля 2024 года вновь прекратил уголовное дело по тому же основанию (в связи с истечением срока давности), но уже, применив часть 2 статьи 3 УПК, устанавливающую, что закон, возлагающий новые обязанности, отменяющий либо умаляющий

прямо или косвенно права участников процесса, либо ограничивающий их реализацию дополнительными условиями, не имеет обратной силы. Определением суда апелляционной инстанции от 5 ноября 2024 года вышеуказанное постановление было оставлено без изменения.

Заявитель указывает, что суды первой и апелляционной инстанций истолковали действие уголовно-процессуального закона во времени исключительно в интересах обвиняемого, что, по его мнению, привело к нарушению конституционных гарантий равенства всех перед законом и судом, а также права на справедливое и беспристрастное судебное разбирательство.

Также Тепляков В.В. обращает внимание на то, что процесс разрешения его вопроса продолжает сохранять затяжной и циклический характер с 2017 года по настоящее время, не находя окончательного разрешения. Верховным судом неоднократно отменялись судебные акты с возвращением уголовного дела на новое рассмотрение, а судами же первой инстанции производство по делу повторно прекращалось, каждый раз без устранения нарушений процессуального характера. По утверждению заявителя, такое затягивание судебного процесса фактически лишило его возможности реализовать гарантированное Конституцией право на своевременное восстановление нарушенных прав, в том числе право на получение компенсации причиненного материального ущерба.

Таким образом, в связи с признанием утратившей силу части 3-1 статьи 26 УПК, содержащей запрет на прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям без разрешения вопроса о возмещении причиненного ущерба, заявитель ставит под сомнение ее отмену с позиции соблюдения конституционного запрета на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека.

С учетом изложенного, заявитель просит проверить оспариваемую норму на соответствие части 2 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56, а также частям 1, 2 статьи 61 Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 13 января 2025 года ходатайство Теплякова В.В. было принято к производству.

Сторона - ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранов С.К. выразил несогласие с доводами заявителя и считает оспариваемую норму не противоречащей Конституции.

По его мнению, исключение части 3-1 статьи 26 УПК, повлекшее временное устранение запрета на прекращение уголовного преследования при невозмещенном ущербе, не создает препятствий для реализации права на защиту через другие судебные механизмы и не свидетельствует о нарушении конституционных прав. Иначе говоря, действовавшее в указанный период правовое регулирование не освобождало обвиняемого от обязанности возместить причиненный материальный ущерб. Потерпевший, соответственно, сохранял возможность защиты своих имущественных интересов посредством обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства.

На основании изложенного сторона-ответчик указывает, что

государство, являясь гарантом, обеспечивающим беспрепятственное осуществление каждым участником процесса права на судебную защиту, доступность правосудия и возможность выбора способа его реализации, вправе осуществлять изменения в законодательстве, исходя из предоставленных ему дискреционных полномочий. В связи с чем, Ысыранов С.К. считает, что оспариваемая норма не может быть признана неконституционной.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Молдобаев А.Т. придерживается той же позиции, что и сторона-ответчик.

Вместе с тем, он обращает внимание на то, что Законом «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» от 16 февраля 2024 года №50 была восстановлена норма, запрещающая прекращение уголовного дела без возмещения материального ущерба. Это, по его мнению, свидетельствует о стремлении законодателя обеспечить более эффективную защиту имущественных прав потерпевших.

Он также указывает, что в соответствии с пунктом 22 части 4 статьи 40 УПК, потерпевший вправе требовать возмещения как материального, так и морального вреда, причиненного преступлением, в порядке гражданского судопроизводства. Однако в период действия нормы, допускавшей прекращение уголовного дела без возмещения материального ущерба, сложившаяся правоприменительная практика, по его мнению, могла ограничивать реализацию этих прав.

В то же время, Молдобаев А.Т. подчеркивает, что обязанность обвиняемого по возмещению материального ущерба сохраняется независимо от факта прекращения уголовного дела или освобождения лица от уголовной ответственности по истечении срока давности уголовного преследования.

Представитель Верховного суда Сапиянова М.Н. указывает, что законодатель обладает широкими дискреционными полномочиями в сфере уголовно-процессуального регулирования, включая установление сроков давности и условий прекращения уголовных дел. Это, по ее мнению, направлено на обеспечение правовой определенности и стабильности, способствует оптимизации уголовного судопроизводства, процессуальной экономии и эффективному перераспределению ресурсов системы правосудия, что в свою очередь, расширяет доступ граждан к судебной защите.

Комментируя отмену части 3-1 статьи 26 УПК, ограничивавшей возможность прекращения уголовного дела в случае невозмещенного материального ущерба, Сапиянова М.Н. подчеркивает, что само по себе исключение данной нормы не нарушает конституционные права потерпевшего. Законодательство предусматривает альтернативные, эффективные механизмы защиты его прав, в том числе возможность предъявления гражданского иска о возмещении материального ущерба.

Кроме того, как подчеркивает представитель Верховного суда, статья 141 Кодекса Кыргызской Республики о неналоговых доходах освобождает истцов по делам о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, от уплаты государственной пошлины. Это, по ее мнению, подтверждает возможность эффективной защиты прав потерпевших независимо от исхода уголовного дела.

В связи с изложенным. Сапиянова М.Н. считает доводы заявителя необоснованными.

Представитель Генеральной прокуратуры Калыгул уулу Бакыт в целом выразил мнение, схожее с позицией стороны - ответчика.

Вместе с тем, он считает, что выражение обвиняемым согласия на прекращение уголовного дела за истечением срока давности на стадии следствия, в том числе в судебном заседании, должен рассматриваться как добровольный и осознанный отказ от предоставленных ему гарантий. Такое согласие свидетельствует о признании виновности и подтверждает наличие причиненного материального ущерба, который подлежит возмещению в полном объеме. В противном случае уголовное дело должно рассматриваться в общем порядке с вынесением соответствующего приговора.

В связи с этим Калыгул уулу Б. полагает возможным допустимость рассмотрения гражданских исков о возмещении материального ущерба по существу при наличии имущественного спора по уголовному делу, включая придание таким делам преюдициональности без уплаты государственной пошлины и учета сроков исковой давности.

Представители Акыйкатчы (Омбудсмена) высказали согласованную позицию относительно последствий отмены части 3-1 статьи 26 УПК.

Аралбаев У.С. указал, что такое изменение в законодательстве создало условия для фактического уклонения обвиняемых от возмещения ущерба, что препятствует восстановлению нарушенных прав потерпевших и подрывает принципы справедливого правосудия. В свою очередь, Аманов А.Б. подчеркнул, что исключение процессуального механизма, обязывающего предварительное возмещение ущерба как условие прекращения уголовного дела, противоречит части 2 статьи 56 Конституции.

С учетом отмеченного, представители Акыйкатчы считают, что оспариваемая норма привела к умалению права на восстановление нарушенных прав, включая право на компенсацию вреда.

Представители Государственного комитета национальной безопасности Сабыров К. С., Министерства внутренних дел Абдыралиев А.Т., а также постоянный представитель Министерства юстиции в Конституционном суде Джаркынбаев А.Д. придерживаются позиции о конституционности оспариваемой нормы и привели доводы аналогичные доводам полномочного представителя Жогорку Кенеша в Конституционном суде Ысыранова С.К.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав мнения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, приходит к следующим выводам.

1. Предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу является:

Подпункт «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года №29, изложенное в следующей редакции:

«Статья 3.

5) в статье 26:

в) часть 3-1 признать утратившей силу.».

Закон Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» 19 марта 2021 года №21-22, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

В этой связи, в порядке пояснения Конституционный суд считает необходимым отметить, что оспариваемая норма по своей правовой природе представляет собой процедуру законодательной техники, выражающуюся в официальном признании утратившей силу ранее действовавшего правового предписания. Однако подобная норма не может быть исключена из предмета конституционного контроля лишь по мотиву его формально-технического характера.

Отмена нормы из правового регулирования, выраженная в технической процедуре утраты силы, является юридически значимым действием, способным повлечь последствия для функционирования системы гарантий конституционных прав.

Таким образом, оценке подлежит не способ выражения воли законодателя об исключении нормы, а те правовые последствия, которые могут наступить или наступили в результате ее отмены, с позиции их влияния на объем, содержание и фактическую реализацию конституционно - гарантированных прав и свобод.

2. Признание прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности, закрепленное в Конституции, служит фундаментальным ориентиром как для системы публичной власти, так и для правопорядка в целом. Это не декларативное утверждение, а основополагающее конституционно-правовое требование, налагающее на государство обязанность по созданию эффективных правовых механизмов, обеспечивающих полноценную реализацию и защиту прав и свобод каждого.

В этом контексте статья 56 Конституции приобретает системное значение, первая часть которой предписывает государству обеспечивать реализацию прав и свобод человека в порядке, установленном Конституцией и законами. Это предполагает институционализацию этих прав через правовую систему, функционирующую в соответствии с принципами доступности, эффективности и правовой определенности.

В свою очередь, часть вторая этой же статьи содержит директивный запрет на принятие законов, отменяющих или умаляющих права и свободы.

Такое положение предстает в качестве императивного ограничения пределов усмотрения законодателя, вытекающего из самой природы конституционного правопорядка, которая исключает допустимость произвольного или регрессивного изменения ранее признанных и институционально закрепленных правовых гарантий.

Более того, дискреционные полномочия законодателя неразрывно связаны и с принципом соразмерности, неотделимым от содержания справедливости, задающего пределы дискреции. Это означает, что любое облегчение правового положения одной стороны, в частности лица, совершившего правонарушение, не должно порождать чрезмерного и необоснованного ограничения прав другой стороны - потерпевшего, а также не должно подрывать общественные интересы и ослаблять доверие к правовой обоснованности и легитимности принимаемых решений.

3. Система уголовного правосудия занимает ключевое место в реализации конституционной обязанности государства по защите прав и свобод человека. Ее назначение заключается не только в привлечении к уголовной ответственности лиц за совершенные преступления, но и в укреплении правопорядка, обеспечении возмещения причиненного преступлением вреда и защите прав всех участников уголовного процесса.

Эффективное решение этих задач требует функционирования уголовного судопроизводства как публично-правового института, обеспечивающего баланс между интересами личности, общества и государства. В этом контексте особое значение приобретают процессуальные гарантии, направленные на обеспечение законности, равенства сторон и достижение социальной справедливости.

В рамках обозначенной системы институт прекращения уголовного дела представляет собой самостоятельный правовой инструмент, направленный на оптимизацию уголовного процесса и снижение уровня уголовной репрессии.

Его правовая природа заключается в возможности завершения уголовного преследования без вынесения приговора, что, в зависимости от основания, может повлечь как признание за лицом права на реабилитацию, так и прекращение преследования по причинам, при которых вина не опровергается, но дело не подлежит дальнейшему рассмотрению. Тем самым, данный институт отражает дифференцированный подход законодателя, при котором возможность прекращения уголовного преследования зависит как от установленности обстоятельств, исключающих дальнейшее производство по делу, так и от воли обвиняемого, который вправе возражать против прекращения, добиваясь реабилитации.

Так, в статье 27 УПК предусмотрены основания для прекращения уголовного дела, в том числе в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Его применение допускается как на досудебной, так и на судебной стадиях, что обеспечивает необходимую вариативность процессуальных решений, основанную на принципе гуманизма и выражающую акт государственного снисхождения.

При этом, следует особо подчеркнуть, что подобная форма правового реагирования в части гибкости правоприменения, не подлежит реализации в случаях, когда обвиняемый возражает против прекращения дела и выражает намерение добиться судебного рассмотрения по существу. Именно поэтому уголовно-процессуальное законодательство содержит императивное предписание, учитывающее волю обвиняемого, заинтересованного в подтверждении своей невиновности в рамках полноценного судебного разбирательства (часть 4 статьи 27 УПК).

Правовая обязательность рассматриваемого подхода получила подтверждение и в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 19 марта 2014 года, согласно которому, в случае, если обвиняемый, считая себя невиновным, возражает против прекращения уголовного дела по основанию истечения срока давности, уголовное производство подлежит продолжению и должно завершаться постановлением приговора — оправдательного либо обвинительного с освобождением от наказания при наличии соответствующих оснований. Тем самым закрепляется приоритет воли обвиняемого в выборе формы защиты и исключается возможность прекращения уголовного преследования вопреки его желанию быть оправданным в судебном порядке.

Однако, если же обвиняемый не возражает против прекращения уголовного преследования, но при этом не признает своей вины, возникает четко выраженная необходимость для уполномоченных государственных органов направлять все такие дела на судебное рассмотрение по существу. Это единственно допустимая конституционная форма установления виновности (часть 1 статьи 57).

В контексте рассматриваемого обращения заявителя действующая редакция части 4 статьи 27 УПК породила такую неоднозначную и несогласованную правоприменительную практику в вопросе прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности. Согласно этой норме, прекращение дела не допускается, если обвиняемый возражает против этого. На практике норма толкуется в сугубо формальном ключе, сводя оценку процессуальной позиции обвиняемого исключительно к факту его согласия или несогласия на прекращение уголовного преследования. При этом такие юридически значимые обстоятельства, как непризнание обвиняемым своей вины, остаются без должного правового учета.

Однако обозначенное правовое положение не может и не должно рассматриваться в качестве инструмента для ухода от реализации правосудия. Законодательно установленная гибкость, допускаемая в порядке исключения, не может трансформироваться в средство процессуального манипулирования или злоупотребления предоставленными полномочиями, способного подорвать основополагающие принципы уголовного судопроизводства. Прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям при отсутствии признания вины не должно использоваться как формальный метод завершения производства без судебного разбирательства и надлежащей оценки доказательств в рамках процесса, завершающегося постановлением оправдательного либо обвинительного приговора. В равной мере недопустимо превращение такой процедуры в инструмент для обвиняемого, сознательно уклоняющегося от правовой квалификации своих деяний и препятствующего вынесению судебной оценки содеянному.

Таким образом, Конституционный суд подчеркивает, что вопрос о допустимости прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям не может рассматриваться в отрыве от процессуальной позиции обвиняемого в отношении признания вины. Формальное согласие на прекращение уголовного дела может иметь юридическое значение только тогда, когда обвиняемый признает свою вину и соглашается с квалификацией его деяния, а также со всеми правовыми последствиями такого признания.

В отсутствии признания вины прекращение уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям недопустимо, поскольку это приводит к подмене сущности правосудия процессуальным формализмом, лишаящим уголовный процесс его подлинного назначения.

Такая практика деформирует конституционные гарантии правосудия, включая право на судебную защиту, восстановление нарушенных прав всеми предусмотренными законом способами, и, как следствие, препятствует достижению основной цели уголовного процесса — установлению истины, обеспечению справедливости и эффективной защите прав всех участников.

В связи с этим, во избежание неоднозначного толкования требуется нормативное уточнение, предусматривающее, что само по себе непризнание обвиняемым своей вины влечет обязательное продолжение уголовного производства и его разрешение возможно исключительно в судебном порядке по существу предъявленного обвинения.

Вместе с тем, правоприменителям, несмотря на вышеуказанные разъяснения о допустимости прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям лишь при признании обвиняемым своей вины, необходимо учитывать и другую конституционно-правовую установку, изложенную в Решении Конституционного суда от 3 мая 2023 года и в Постановлении о его разъяснении от 11 июня 2025 года. В соответствии с этой позицией, прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, в том числе по сроку давности, недопустимо, если итоги такого дела имеют преюдициальное значение для разрешения вопросов в ином судопроизводстве. В этих случаях дело также подлежит обязательному судебному рассмотрению по существу.

Как было выше уже отмечено, при изменении правового регулирования необходимо исходить из приоритета неукоснительного соблюдения фундаментальных прав и свобод человека, исключая любые формы их умаления или отмены (часть 2 статьи 56 Конституции).

4. Конституционный суд в своих правовых позициях разъяснил, что отмена прав и свобод означает исключение конституционно закрепленного или общепризнанного права или свободы из конституционно-правового статуса человека, а их умаление рассматривается в разрезе с уменьшением материального содержания прав и свобод, сужением их пределов, как они зафиксированы в Конституции, а также минимизацией гарантий прав и свобод, в том числе в результате государственного предпочтения одной группы прав в ущерб другой (другим правам). Различие состоит в том, что отмена подразумевает отрицание самой возможности права, официальный отказ от права, а умаление же представляет собой явление, когда право не отменяется, но его гарантированный объем снижается вплоть до полного обнуления вследствие нормативного регулирования.

Логическое развитие изложенной установки на недопустимость умаления и отмены прав и свобод человека получило закрепление в части 2 статьи 3 УПК, согласно которой при изменении процессуального порядка, затрагивающего объем или содержание прав участников уголовного судопроизводства, подлежит неукоснительному соблюдению принципа запрета придания обратной силы нормам, ухудшающим их правовое положение.

Во всех иных правовых ситуациях применяется уголовно-процессуальный закон, действующий на момент совершения процессуального действия или принятия процессуального решения, если иное прямо не предусмотрено самим Кодексом (часть 1 статьи 3 УПК).

Вместе с тем, в контексте рассматриваемого вопроса заявителя возникло спорное правоприменение, связанное с принципом действия уголовно-процессуального закона во времени, а именно с правовой допустимостью распространения вновь введенного запрета на прекращение уголовного дела по сроку давности при невозмещении причиненного материального ущерба на незавершенные уголовные производства, начатые до введения соответствующего регулирования. Поскольку указанное обстоятельство применялось компетентными органами как умаляющее и ухудшающее правовое положение только обвиняемого.

Конституционный суд отмечает, что критерии справедливости уголовного судопроизводства не исчерпываются соблюдением процессуальных процедур, но охватывают также фактическое восстановление и защиту нарушенных прав всех участников уголовного процесса. Иными словами, подлинная справедливость предполагает не только законность, но и полноту правовой защиты, обеспечивающую учет и баланс интересов как обвиняемого, так и потерпевшего.

5. Одним из ключевых элементов такого баланса выступает гарантированное возмещение причиненного преступлением материального ущерба. Сказанное имеет конституционное основание в части 5 статьи 29 Основного Закона, которая закрепляет за каждым право на компенсацию материального вреда, причиненного неправомерными действиями.

Такое возмещение причиненного материального ущерба представляет собой не факультативное последствие уголовного преследования, а его системно обусловленную и обязательную цель, вытекающую как из указанных конституционных положений, так и из задач, определенных статьей 6 УПК. Установление факта причинения вреда, признание потерпевшего и реализация его права на компенсацию — это не производные или второстепенные аспекты уголовной юстиции, а структурно значимые компоненты правовой защиты.

С этой точки зрения включение в уголовно-процессуальный закон положения о недопустимости прекращения уголовного дела по сроку давности при невозмещении ущерба не должно рассматриваться как проявление ретроактивного регулирования (придание обратной силы). Здесь оно выступает как выражение закрепленной за государством публичной обязанности по обеспечению восстановления нарушенных прав.

Институт срока давности, в свою очередь, необходимо воспринимать не как не защищаемое право участников процесса, а напротив, как меру государственного прощения, акт снисхождения, допустимую только при соблюдении определенных условий государством. Соответственно, он не предоставляет обвиняемому безусловного процессуального преимущества,

так как пределы его применения определяются исключительно государством.

Именно поэтому, изменение порядка применения института освобождения от уголовной ответственности по сроку давности не затрагивает содержания основных прав обвиняемого, поскольку не посягает и не нарушает ни одно из его конституционно или законодательно гарантированных прав. Точнее, не отменяет его права на защиту, не усиливает наказание, не вводит новую ответственность, не влечет дополнительного наказания, не изменяет квалификацию и не устанавливает новую обязанность.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу о том, что установление в УПК условия о недопустимости прекращения уголовного дела по истечении срока давности при невозмещении причиненного ущерба не может квалифицироваться как норма, ухудшающая или умаляющее правовое положение обвиняемого. Правовая природа института срока давности указывает на его диспозитивный характер и формирование его в рамках законодательной свободы, точнее, он представляет собой неотъемлемую часть государственной уголовной политики гуманизации, но не закрепленное субъективное право участника процесса. Следовательно, законодатель, корректируя условия его применения, реализует дискреционную прерогативу, не затрагивающую содержание гарантированных Конституцией прав. Более того, важно подчеркнуть, что требование о возмещении ущерба не является новеллой в ущерб обвиняемому, а представляет собой один из способов реализации государством конституционной обязанности, вытекающей из права каждого на возмещение материального вреда, причиненного противоправными действиями.

В связи с этим положение, предусмотренное частью 2 статьи 3 УПК, устанавливающее запрет на придание обратной силы нормам, умаляющим либо ограничивающим права участников уголовного процесса, не подлежит применению к незавершенным уголовным делам, рассматриваемым на предмет прекращения по истечении срока давности при невозмещенном ущербе.

Поэтому, учитывая отсутствие фактического посягательства на установленный объем процессуальных прав обвиняемого, применяется общее правило, закрепленное в части 1 статьи 3 УПК, согласно которому уголовно-процессуальные нормы применяются к процессуальным действиям и решениям, совершаемым после их вступления в силу, независимо от времени совершения деяния.

Кроме этого, Конституционный суд поясняет, что принятие процессуальных решений в период отсутствия запрета на прекращение уголовного дела по сроку давности при невозмещении ущерба, соответствовало действующему на тот момент правовому регулированию и, следовательно, не может быть поставлено под сомнение с точки зрения законности. Такое регулирование являлось правомерным в пределах действия закона во времени, а потому не подлежит ретроспективной переоценке. Возвращение впоследствии данной нормы в правовую систему не отменяет правомерность ранее принятых процессуальных решений.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать подпункт «в» пункта 5 статьи 3 Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в сфере уголовного законодательства» от 10 марта 2021 года непротиворечащим части 2 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56, а также частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики при условии правоприменения части 3 статьи 26 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в редакции 2017 года, а также части 4 статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в редакции 2021 года в том конституционно-правовом смысле, который выражен Конституционным судом в мотивировочной части настоящего Решения.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности статьи 120 и части 5 статьи 267 Уголовного-процессуального кодекса Кыргызской Республики, в связи с обращениями Жорокулова М.М., Музулманова Т.У., Матцакова С.А. и Жаныбекова Н.Ж.

№ 05-Р

17 сентября 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Маамыталы кызы К., с участием:

обращающейся стороны - Жорокулова Максатбека Мергенбаевича и Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Байдылдаева Кумарбека Курманбековича и Калыгул уулу Бақыта, представителей Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Русланова Нурсултана Руслановича, представителя Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции в Конституционном суде Кыргызской Республики, Аскарлова Илгиза Камилжановича, Буранова Таалайбека Рахматиллаевича и Боромбаева Самидина Шарафудиновича, представителей Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности, Карабаевой Бермет Бактыбековны, представителя Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности статьи 120 и части 5 статьи 267 Уголовного-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились ходатайства Жорокулова М.М., Музулманова Т.У., Матцакова С.А.,

Жаныбекова Н.Ж., и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Жолдошевой Л.Ч., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 4 сентября 2024 года поступило обращение Жорокулова М.М. и Музулманова Т.У о признании части 5 статьи 267 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК) противоречащей части 2 статьи 24, части 1 статьи 61 и части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики (далее - Конституция).

Как следует из обращения и приложенных к нему материалов, Следственным управлением Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики было возбуждено уголовное дело в отношении Пайзиева Ш.М., в рамках которого постановлением Ошского городского суда от 8 июня 2024 года он был временно отстранен от занимаемой должности начальника Управления капитального строительства мэрии города Ош. 30 июля 2024 года данное уголовное дело было прекращено.

Учитывая это, Пайзиев Ш.М. предполагал, что прокурор либо следователь, руководствуясь положениями оспариваемой нормы, обратятся в суд с ходатайством об отмене указанного постановления. Однако соответствующее ходатайство в суд направлено не было. В связи с этим 13 августа 2024 года он самостоятельно обратился в Ошский городской суд с ходатайством об отмене постановления о временном отстранении от должности. Определением суда от 16 августа того же года в удовлетворении ходатайства было отказано со ссылкой на часть 5 статьи 267 УПК, согласно которой право на такую подачу предоставлено только прокурору либо следователю.

Заявители считают, что ограничение права на обращение в суд исключительно для прокурора и следователя противоречит Конституции. По их мнению, часть 3 статьи 100 Конституции закрепляет принципы состязательности и равноправия сторон, реализация которых обеспечивается положениями глав 5 и 6 УПК, прямо определяющими, что сторонами уголовного процесса являются обвинение и защита. Однако действующее регулирование фактически лишает обвиняемого и его защитника возможности самостоятельно ходатайствовать об отмене постановления следственного судьи, в результате чего нарушается процессуальное равновесие между сторонами.

Более того, такое положение фактически делает невозможным осуществление одного из основополагающих прав человека — права на судебную защиту, гарантированного частью 1 статьи 61 Конституции. А это по своей сути свидетельствует о его утрате в конституционно значимом объеме.

В подтверждение своей позиции заявители ссылаются на решения

Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 12 февраля и 31 октября 2014 года, в которых отмечено, что право каждого на судебную защиту предполагает обязанность государства создавать условия, обеспечивающие эффективное и справедливое рассмотрение всех существенных вопросов, связанных с определением прав и обязанностей сторон. При этом любые ограничения данного права должны быть соразмерными и обусловленными необходимостью защиты конституционных ценностей.

С учетом изложенного, Жорокулов М.М. и Музулманов Т.У просят признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 26 сентября года ходатайство было принято к производству.

В Конституционный суд 5 марта 2025 года поступило ходатайство Матцакова С.А. и Жаныбекова Н.Ж. о проверке конституционности статьи 120 УПК в той мере, в какой она не предусматривает право обвиняемого и его защитника, а также других участников процесса обращаться в суд с ходатайством об отмене постановления о временном отстранении от должности и обжаловать соответствующие судебные постановления.

По мнению заявителей, оспариваемая норма противоречит ряду положений Конституции. В частности, статье 57, закрепляющей презумпцию невиновности, поскольку временное отстранение фактически воспринимается как преждевременная санкция до вынесения приговора. Статье 42, гарантирующей каждому право на труд, свободный выбор профессии и рода деятельности, а также справедливые условия труда и вознаграждения. Применение меры в виде временного отстранения от должности делает практически невозможным продолжение трудовой деятельности, получать заработную плату и обеспечивать достойный уровень жизни для себя и своей семьи, что выходит за пределы допустимого вмешательства в сферу трудовых прав и приобретает характер наказания. Статье 61, обеспечивающей каждому право на судебную защиту, поскольку отсутствие права на обжалование ограничивает обвиняемого в доступе к эффективным механизмам пересмотра судебных решений. Статье 100, закрепляющей равноправие и состязательность сторон, так как сторона защиты находится в неравных процессуальных условиях.

В подтверждение своих доводов заявители ссылаются на дело Рыскул уулу Т., который постановлением следственного судьи Первомайского районного суда города Бишкек от 27 ноября 2024 года был временно отстранен от должности старшего инспектора отдела правоприменительной практики Управления патрульной службы милиции по Главному управлению внутренних дел города Бишкек в связи с уголовным делом в отношении него. При этом, несмотря на наличие приказа о его понижении и фактическое прекращение дела, мера продолжала действовать, а обжаловать постановление суда было невозможно.

Исходя из изложенного, заявители просят признать статью 120 УПК неконституционной в той части, в которой она исключает право обвиняемого и его защитника на судебную защиту и пересмотр решений о временном отстранении от должности.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 18 марта года ходатайство было принято к производству.

В связи с однородностью требований в указанных выше обращениях, в соответствии с требованиями пункта 1 части 1 статьи 32 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», определением судьи-докладчика от 18 марта 2025 года дела по ним соединены в одно конституционное судопроизводство.

Позднее Жаныбеков Н.Ж. представил дополнение к ходатайству, в котором обратил внимание на трудовые и социальные последствия применения меры в виде временного отстранения от должности. По его мнению, такая мера обуславливает значительные материальные потери, негативно отражается на социальном положении семьи и создает реальные препятствия для последующего возвращения к профессиональной деятельности и восстановлению деловой репутации.

Он также отметил, что отсутствие эффективных правовых механизмов, позволяющих оспаривать применение данной меры, усиливает указанные негативные последствия, поскольку не обеспечивает лицу действенных средств судебной защиты нарушенных трудовых и социальных прав. В этой связи заявитель сослался на международно-правовые гарантии права на судебную защиту и пересмотр судебных решений, подчеркнув, что их нереализация повышает риск необратимости судебных ошибок и снижает доверие к судебной системе.

Обосновывая заявленные доводы, он отметил, что в законодательстве ряда государств, в том числе Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Узбекистан, предусмотрены правовые механизмы защиты трудовых и процессуальных прав лиц, временно отстранённых от должности. К ним относятся, в частности, сохранение части заработной платы и право на обжалование соответствующих судебных актов.

По мнению заявителя, внедрение аналогичных гарантий в национальное законодательство Кыргызской Республики способствовало бы обеспечению принципа справедливости и надлежащей защите социально-экономических прав граждан.

В ходе судебного заседания обращающиеся стороны поддержали представленные доводы, подтвердили заявленные требования и просили удовлетворить их в полном объеме.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. выразил несогласие с доводами заявителей и считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

В обоснование своей позиции представитель отметил, что в соответствии с общими принципами уголовного судопроизводства, закрепленными в УПК, человек, его права и свободы признаются высшей ценностью, а органы и должностные лица, осуществляющие уголовное преследование, обязаны строго соблюдать положения Конституции и законодательства.

Развивая данную позицию, Ысыранов С.К. сослался на часть 1 статьи 117 УПК, согласно которой органы, ведущие уголовное судопроизводство, вправе применять предусмотренные кодексом меры обеспечения, направленные на поддержание порядка и надлежащее исполнение приговора.

Одной из таких мер является временное отстранение обвиняемого от должности, регулируемое статьей 120 УПК. Эта мера применяется

следователем, прокурором или судом при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, оставаясь на занимаемой должности, может воспрепятствовать объективному расследованию либо продолжить преступную деятельность.

Представитель подчеркнул, что временное отстранение не является наказанием, носит временный и обеспечительный характер и направлено исключительно на защиту интересов правосудия, включая предотвращение давления на участников процесса.

Поэтому, по мнению Ысыранова С.К., предоставление обвиняемому права на самостоятельное обжалование постановления следственного судьи о временном отстранении от должности может привести к снижению его эффективности и, впоследствии, затягиванию сроков досудебного производства. Дополнительно он указал на необходимость соблюдения тайны предварительного следствия, что также оправдывает установление ограниченного круга субъектов, уполномоченных инициировать или отменять применение этой меры.

Сторона-ответчик отметил, что в случаях, когда отпадает необходимость в применении меры временного отстранения от должности, она отменяется постановлением следственного судьи по ходатайству прокурора или следователя, а в судебном разбирательстве — судьей или судом, что подтверждает ее временный характер (часть 5 статьи 267 УПК).

Кроме того, Ысыранов С.К. указал на статью 13 УПК, закрепляющую принцип обеспечения судебной защиты на всех стадиях уголовного процесса, отметив, что данный принцип конкретизирован в разделе V УПК, регулирующем порядок обращения с процессуальными ходатайствами, а также обжалование действий и решений органов дознания, следователя, прокурора и других должностных лиц, затрагивающих права и интересы участников уголовного процесса.

В заключение Ысыранов С.К. подчеркнул, что в случае вынесения оправдательного приговора лицо, временно отстраненное от должности, имеет право на реабилитацию, включая восстановление в должности и компенсацию за вынужденный прогул.

Таким образом, по мнению стороны-ответчика, действующее законодательство содержит все необходимые и достаточные гарантии защиты прав обвиняемого и соответствует Конституции.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Молдобаев А.Т., разделяя позицию стороны-ответчика, также отметил, что оспариваемые нормы не противоречат Основному закону. По его мнению, в соответствии с частью 2 статьи 23 Конституции права и свободы могут быть ограничены законом в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка и прав других лиц, при условии соблюдения принципа пропорциональности.

Исходя из данного конституционного положения, он пояснил, что временное отстранение от должности является предусмотренной законом мерой, направленной на обеспечение целей уголовного судопроизводства, и применяется с соблюдением принципа соразмерности вмешательства. Необходимость ее применения определяется индивидуально, исходя из обстоятельств дела и личности обвиняемого, а суд обязан проверять

обоснованность доводов следователя, что исключает произвольное применение меры. Он подчеркнул, что временное отстранение не носит карательного характера, не означает признания вины и подлежит отмене при отпадении оснований, поэтому доводы заявителей о нарушении презумпции невиновности несостоятельны.

Молдобаев А.Т также отметил, что временное отстранение не ограничивает право на труд, поскольку препятствует лишь занятию конкретной должности, не исключая возможности трудиться в другой сфере. В случае оправдания или прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям лицо подлежит восстановлению в должности с компенсацией в период временного недопущения к работе.

Касаясь отсутствия самостоятельного права обвиняемого и его защитника обжаловать решение об отстранении, представитель оставил этот вопрос на усмотрение Конституционного суда, одновременно указав необходимость законодательного урегулирования порядка компенсации за время применения данной меры, учитывая, что она осуществляется по инициативе государства.

Представитель Верховного суда Сапиянова М.Н. также указала, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции. По ее мнению, установленный порядок рассмотрения ходатайств об отмене временного отстранения соответствует концепции уголовного судопроизводства и обеспечивает баланс между индивидуальными правами и интересами правосудия. Мера направлена на предотвращение вмешательства в следствие, давления на свидетелей и потерпевших, а также на недопущение использования должностного положения вопреки закону. Сапиянова М.Н. подчеркнула, что конституционные гарантии пересмотра судебных актов не являются абсолютными и реализуются в пределах, установленных законом, что обеспечивает устойчивость судебных решений и соблюдение принципа окончательности правосудия.

Представитель Генеральной прокуратуры Байдылдаев К.К. поддержал позицию стороны-ответчика и отметил, что оспариваемые нормы соответствуют Конституции. Он привел статистические данные, согласно которым в 2023 году судами было рассмотрено 89 материалов по статье 120 УПК, в 2024 году — 187, а за шесть месяцев 2025 года — 77. При этом, как он отметил, нарушений прав сторон при их рассмотрении не установлено.

Комментируя дело Пайзиева Ш.М. по первому ходатайству, Байдылдаев К.К. пояснил, что он был освобожден от уголовной ответственности по части 4 статьи 210 Уголовного кодекса, предусматривающей присвоение или растрату вверенного имущества в особо крупном размере. При этом, с учетом примечания к данной статье, освобождение было произведено в связи с возмещением ущерба, то есть не по реабилитирующим основаниям.

Он указал, что отмена временного отстранения от должности прямо не предусмотрена специальными нормами, закрепленными в статьях 251-260 УПК. Вместе с тем после прекращения уголовного дела следователь направляет материалы прокурору, который в установленный срок принимает соответствующее решение, в том числе об отмене временного отстранения. Следовательно, временное отстранение от должности является мерой процессуального обеспечения, а порядок его отмены вытекает из общих положений УПК и не требует отдельной регламентации.

По второму ходатайству относительно дела Рыскул уулу Т., Байдылдаев К.К. уточнил, что тот не был уволен, а лишь понижен в должности на основании служебного расследования, что относится к дисциплинарной, а не уголовно-процессуальной сфере. Поэтому, по его мнению, связывать данные процедуры некорректно. Он подчеркнул, что все примененные меры соответствовали нормам служебной этики и действующему законодательству.

Представитель Государственного комитета национальной безопасности Русланов Н.Р., изложил доводы, схожие с позицией указанных государственных органов.

Постоянный представитель Министерства юстиции Джаркынбаев А.Д. также полагает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

Он подчеркнул, что положения УПК предусматривают участие обвиняемого и защитника в рассмотрении ходатайства об отстранении, возможность представления возражений и заявлений, что гарантирует доступ к правосудию. При этом, по его мнению, отсутствие самостоятельного права на обжалование не исключает судебной защиты, а лишь определяет процессуальные рамки реализации этого права.

В то же время, Джаркынбаев А.Д. отметил, что норма части 6 статьи 267 УПК, исключая возможность обжалования определения следственного судьи, требует дополнительной оценки с точки зрения принципа пропорциональности и обеспечения эффективной судебной защиты. Он предложил рассмотреть вопрос о внесении изменений в законодательство, обязывающих следователя при прекращении уголовного дела одновременно решать вопрос об отмене временного отстранения.

Представители Министерства внутренних дел Аскаров И.К., Буранов Т.Р. и Боромбаев С.Ш. поддержали позицию Генеральной прокуратуры, отметив, что действующее регулирование обеспечивает баланс интересов государства и личности. Для социальной защиты сотрудников, отстраненных от должности, предусмотрены выплаты: за первые два месяца 50% должностного оклада с сохранением надбавок, за третий и четвертый – надбавки за звание и выслугу лет. Это, по их мнению, подтверждает наличие правовых и социальных гарантий, делающих пересмотр норм излишним.

Представитель Министерства труда, социального обеспечения и миграции Карабаева Б.Б. пояснила, что трудовое законодательство регулирует лишь отстранение от работы, а не от должности, и не дублирует процессуальные нормы УПК. Она отметила, что в действующем Трудовом кодексе дополнительно закреплена возможность выплаты заработной платы в период судебного разбирательства, что направлено на социальную защиту работников.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда

по данному делу являются статья 120 и часть 5 статьи 267 Уголовно-процессуального кодекса, изложенные в следующей редакции:

«Статья 120. Временное отстранение от должности

1. В ходе следствия следственный судья, а в судебном производстве - суд по ходатайству следователя, прокурора или потерпевшего вправе временно отстранить от должности обвиняемого при наличии достаточных оснований полагать, что, оставаясь на должности, он будет препятствовать объективному расследованию и разбирательству дела в суде или продолжать заниматься преступной деятельностью.

2. Копия постановления о возбуждении ходатайства о временном отстранении от должности с приложенными документами, подтверждающими обоснованность ходатайства, вручается следователем, прокурором обвиняемому, его адвокату не позднее 3 часов до подачи его следственному судье, в суд.

3. Постановление следственного судьи, судьи, определение суда о временном отстранении обвиняемого от должности направляется по месту его работы руководителю организации, который в 3-дневный срок после получения обязан исполнить и уведомить об этом следователя, прокурора или суд.

4. Временное отстранение обвиняемого от должности отменяется постановлением судьи, определением суда, когда отпадает необходимость в применении этой меры.»

«Статья 267. Порядок рассмотрения ходатайства о временном отстранении от должности

1. Временное отстранение обвиняемого от должности отменяется постановлением следственного судьи по ходатайству прокурора, следователя, в судебном разбирательстве судьей, судом, когда отпадает необходимость в применении этой меры.»

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 16 ноября 2021 года №122-133, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. В соответствии с частью 1 статьи 1 Конституции Кыргызская Республика является правовым государством.

Конституционный принцип правового государства и категория правопорядка находятся в диалектической взаимосвязи. Принцип правового государства задает нормативно-ценностные ориентиры развития всей правовой системы, а правопорядок является их конкретной институциональной и практической реализацией. Иными словами, правопорядок представляет собой форму материализации идеи правового государства в общественной жизни, поскольку именно через устойчивый и гарантированный правопорядок обеспечивается верховенство права, реальное признание и защита прав и свобод личности, а также предсказуемость и стабильность функционирования всей системы государственной власти. В свою очередь, без правового государства невозможно формирование правопорядка, соответствующего конституционным стандартам, что подчеркивает их взаимозависимый и взаимообусловленный характер.

Правопорядок в его динамическом понимании — это не просто состояние законности, а способность государственного механизма адекватно и легитимно реагировать на его нарушения. Преступление — это наиболее грубый вызов правопорядку, акт, дестабилизирующий социальные отношения и подрывающий публичную веру в справедливость. Досудебное производство представляет собой первичную официальную реакцию государства на этот вызов. В отличие от суда, который выносит вердикт в условиях гласности и состязательности, расследование действует в «полевых условиях», где информация хаотична, доказательства скрыты, а обстоятельства требуют реконструкции. Именно на этой стадии хаотическое событие преступления трансформируется в упорядоченный, формализованный юридический факт, облеченный в процедурную форму. Без этого этапа любое последующее правосудие было бы невозможным.

3. Досудебное производство как институциональная реакция государства на вызов правопорядку не является стихийным или произвольным действием. Оно осуществляется в рамках строго определенного процессуального поля, выстроенного Конституцией и уголовно-процессуальным законом.

Реализация данной функции возлагается на специально уполномоченные государственные институты, осуществляющие уголовное преследование. К их числу относятся органы дознания, следствия, прокуратуры и следственные судьи, деятельность которых направлена, прежде всего, на процессуальное выявление истины, а точнее, установление обстоятельств совершенного преступления, выявление виновного лица и процессуальное закрепление доказательств, подлежащих окончательной оценке судом.

Для выполнения этих задач уголовно-процессуальный закон предусматривает широкий комплекс процессуальных средств. Особое значение среди них имеет система мер обеспечения уголовного судопроизводства (раздел IV УПК). Так, к ним относятся, в частности, задержание, меры пресечения (заключение под стражу, домашний арест, залог, подписка о невыезде и другие) и иные меры обеспечения уголовного судопроизводства (временное отстранение от должности, привод, арест имущества, наложение денежного взыскания).

Важно подчеркнуть, что с одной стороны, именно посредством их применения достигаются цели досудебного производства, а с другой — они в наибольшей степени сопряжены с ограничением конституционных прав и свобод личности.

В этой связи меры обеспечения уголовного судопроизводства выступают не только как необходимые инструменты эффективности расследования, но и как индикатор состояния правопорядка. От характера их применения зависит баланс между публичными интересами и индивидуальными гарантиями, доверие общества к принципу верховенства права и легитимность самой государственной реакции на преступление. Поэтому их использование допустимо исключительно при наличии четкой правовой регламентации, соблюдении принципов соразмерности и необходимости, а также своевременном реагировании уполномоченными органами в пределах установленных процедур. Это исключает произвольное вмешательство в сферу личной свободы.

4. Как уже выше отмечалось, одной из мер обеспечения уголовного судопроизводства является временное отстранение от должности. Порядок применения и отмены данной меры закреплен в статьях 120 и 267 УПК. Эти нормы предусматривают, что в ходе уголовного производства по ходатайству следователя, прокурора либо потерпевшего, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, оставаясь на должности, может воспрепятствовать объективному расследованию и рассмотрению дела в суде либо продолжить заниматься преступной деятельностью, суд вправе временно отстранить его от должности.

Необходимо отметить, что цели применения указанной меры производны от общих оснований избрания мер процессуального принуждения и сводятся к предотвращению ситуаций, когда обвиняемый, используя свое служебное положение, способен воспрепятствовать установлению истины по делу. Временное отстранение применяется при наличии реального риска продолжения преступной деятельности, оказания давления на участников процесса для склонения их к определенным действиям или решениям, уничтожения либо фальсификации доказательств, а также иного вмешательства в ход уголовного судопроизводства. По своей правовой природе эта мера носит исключительно превентивный и обеспечительный характер. Она не направлена на наказание лица, а служит средством устранения обстоятельств, объективно угрожающих эффективности, беспристрастности и законности уголовного процесса. Вместе с тем, временное отстранение от должности не является мерой бессрочного характера и подлежит отмене, если отпадают обстоятельства, обусловившие его применение. Такое регулирование направлено на обеспечение строго временного характера этой меры и связывает ее существование исключительно с необходимостью устранения угроз для объективности уголовного судопроизводства. Соответственно, продолжительность применения временного отстранения должна быть соразмерна поставленным задачам и ограничиваться исключительно сроком существования оснований, тем самым, предотвращая неоправданное сохранение ее действия и произвольное ограничение трудовых и иных прав обвиняемого.

5. Временное отстранение от должности как мера обеспечения уголовного судопроизводства непосредственно затрагивает конституционное право на труд в той его части, которая связана с возможностью продолжать осуществлять трудовую деятельность и пользоваться связанными с ней гарантиями. Применение данной меры означает, что обвиняемый временно лишается права исполнять свои служебные обязанности и получать обусловленные этим трудовые блага. Такое вмешательство, по своей сути, ограничивает не абстрактную свободу выбора профессии, а право лица сохранять свою должность и обеспечивать условия существования посредством труда.

Конституционный суд в своих решениях отмечал, что право на труд включает не только свободу выбора, но и возможность его практической реализации при сохранении условий и гарантий труда. В этой связи свобода труда и право на труд должны рассматриваться как взаимодополняющие категории, определяющие фундаментальные правовые основы жизни и деятельности трудоспособных граждан. Однако Конституция допускает возможность введения ограничений в сфере труда, если они преследуют конституционно значимые цели, от которых зависит безопасность

общества. Такие ограничения допустимы исключительно законом и должны соответствовать требованиям соразмерности (от 4 июля 2014 года, 15 апреля 2015 года, 19 сентября 2018 года и 6 марта 2019 года).

Исходя из этого, временное отстранение от должности может рассматриваться как допустимое ограничение права на труд, но лишь постольку, поскольку оно необходимо для защиты интересов правосудия, общественного порядка и прав других лиц. Установив, что решение об отстранении может быть принято только судом, законодатель обеспечил дополнительную гарантию защиты конституционных прав личности и исключил возможность произвольного вмешательства в сфере трудовых прав.

При этом вопросы, касающиеся сохранения заработной платы и предоставления иных выплат в период временного отстранения от должности, урегулированы действующим трудовым и специальным законодательством. Иными словами, вопросы оплаты труда при временном отстранении от должности относятся к предмету трудового и иного отраслевого законодательства и не является частью уголовно-процессуального регулирования.

Следует отметить, что решение о временном отстранении от должности может быть принято только судом. Судебный порядок исключает произвольное вмешательство органов уголовного преследования и гарантирует, что вопрос об ограничении трудовых прав разрешается в условиях равенства сторон и состязательности. Обвиняемый и его защитник наделены возможностью представить свои доводы и возражения, что обеспечивает объективность разрешения этого вопроса.

В соответствии со статьями 61 (часть 1), 94 (часть 1), 95 (часть 1) и 100 Конституции, именно суд как орган правосудия призван обеспечивать справедливую процедуру и надлежащее соблюдение прав личности при решении вопросов, связанных с их ограничением. В этой связи УПК регламентирует применение временного отстранения на разных стадиях производства: на досудебной стадии вопрос рассматривается следственным судьей, осуществляющим контроль за действиями органов дознания и следствия, а в судебном разбирательстве — непосредственно судом, рассматривающим уголовное дело по существу. Такой механизм обеспечивает независимую оценку обстоятельств дела и соответствие принципам законности и справедливости. Закрепив судебный порядок применения временного отстранения от должности, законодатель исходил из того, что речь идет о конституционно значимых правах, и предусмотрел судебный контроль как необходимое условие их охраны.

6. Вместе с тем, временный характер оспариваемой меры обуславливает необходимость ее обязательной отмены в случаях прекращения уголовного дела, поскольку отпадает сама правовая основа для ее действия. Соответственно, прекращение уголовного дела, являясь одной из форм окончания уголовного преследования, влечет устранение всех связанных с ним правовых последствий, возникших в ходе его расследования.

На стадии досудебного производства устранение последствий прекращения дела возлагается на следователя. Принимая решение о прекращении уголовного дела, он обязан не только отменить меры процессуального принуждения, наложенные им самим, но и незамедлительно

обратиться к следственному судье с ходатайством об отмене временного отстранения от должности. Такая обязанность обусловлена тем, что прекращение уголовного дела устраняет правовую основу для дальнейшего действия данной меры, однако ее прекращение может быть осуществлено исключительно в судебном порядке. Следовательно, инициирование судебной отмены является необходимым элементом полного процессуального разрешения дела и условием охраны конституционных прав лица.

В то же время часть 5 статьи 267 УПК предоставляет следователю и прокурору лишь право ходатайствовать об отмене временного отстранения от должности, но не устанавливает их прямой обязанности действовать незамедлительно при отпадении оснований. Такая неполнота регулирования на практике создает риск произвольного продления действия меры и неоправданного ограничения прав лица, что несовместимо с конституционными принципами законности, справедливости и судебной защиты.

В этой связи, для устранения пробела и обеспечения полноты процессуальных действий, статья 258 УПК, регулирующая порядок прекращения уголовного дела на досудебной стадии, должна прямо предусматривать обязанность следователя и прокурора разрешать вопрос об отмене временного отстранения от должности наряду с отменой мер пресечения, мер обеспечения возмещения материального и (или) морального вреда, а также конфискации имущества.

Аналогичный подход должен быть реализован и в судебных стадиях уголовного процесса. Суд, руководствуясь положениями УПК, обязан рассматривать вопрос об отмене временного отстранения от должности как при прекращении уголовного дела, так и при постановлении приговора независимо от того, является ли он обвинительным либо оправдательным.

Отражение таких действий в процессуальных решениях следователя, прокурора и суда обеспечивает полноту и завершенность уголовнопроцессуального разрешения, исключая сохранение ограничений, утративших правовое основание.

Реализация права на судебную защиту в этом случае обеспечивается посредством процессуальных механизмов обжалования. Если следователь или прокурор не исполняют обязанность по инициированию отмены временного отстранения, их бездействие может быть обжаловано заинтересованными лицами в порядке статьи 125 УПК. Таким образом, право на обжалование выступает процессуальным средством реализации конституционного права на судебную защиту, обеспечивая устранение незаконных ограничений и восстановление нарушенных прав личности.

7. Относительно довода обращающейся стороны о противоречии статьи 120 УПК нормам Конституции в той мере, в какой она не предусматривает механизма обжалования постановления следственного судьи о временном отстранении от должности, Конституционный суд отмечает следующее.

Статья 120 УПК по своему содержанию имеет иное регулятивное воздействие: она определяет основания, условия применения и порядок отмены меры процессуального принуждения, но не регулирует вопросы ее обжалования. Вопросы допустимости и пределов обжалования постановлений следственного судьи о временном отстранении урегулированы частью 6 статьи 267 УПК, которая прямо устанавливает запрет на их обжалование.

Однако указанная норма не была предметом обращения и, следовательно, не подлежит проверке в рамках настоящего конституционного производства. Исходя из этого, статья 120 УПК не может рассматриваться как норма, ограничивающая право на обжалование постановления следственного судьи, и ее конституционность в указанном аспекте оценке не подлежит.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать статью 120 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 1 статьи 42, части 1 статьи 57, частям 1 и 2 статьи 61, части 4 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Признать часть 5 статьи 267 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 2 статьи 24, части 1 статьи 61 и части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

3. Кабинету Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части настоящего Решения.

4. До внесения соответствующих изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики законодателем, отмена временного отстранения обвиняемого от должности в случае отпадения необходимости в применении данной меры по ходатайству прокурора или следователя постановлением следственного судьи, а на стадии судебного разбирательства постановлением судьи или суда, должна рассматриваться как обязательное действие, подлежащее исполнению прокурором, следователем, следственным судьей, судьей и судом при прекращении уголовного дела.

5. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

6. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

7. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**по делу о проверке конституционности части 2 статьи 307, статьи 417
Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с
обращениями Матцакова Самата Аскаровича и
Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича**

№ 06-Р

8 октября 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны – Матцакова Самата Аскаровича, Жаныбекова Нурсултана Жаныбековича;

стороны-ответчика – Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц – Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Токтакунова Кумарбека Кыдырбековича, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Мадалиева Рустама Каримовича, представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики по доверенности, Кадыровой Айжан Аалыевны, представителя Адвокатуры Кыргызской Республики по доверенности, руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности части 2 статьи 307, статьи 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращения Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж., а также обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Айдарбековой Ч.А., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 10 января 2025 года поступило ходатайство Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. о проверке соответствия части 2 статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК), предусматривающей вынесение судом частного определения в отношении обвинителя и защитника за нарушение ими порядка в судебном заседании, статье 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64, частям 4, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему материалов, в отношении адвоката Жаныбекова Н.Ж. Октябрьским районным судом города Бишкек было вынесено частное определение за нарушение порядка в судебном заседании, предписывающего Адвокатуře Кыргызской Республики (далее – Адвокатура) и Министерству юстиции Кыргызской Республики рассмотреть вопрос о прекращении действия его лицензии на право занятия адвокатской деятельностью. Данное частное определение суда было обжаловано в апелляционном порядке, однако производство по жалобе было прекращено. Суд апелляционной инстанции мотивировал свое решение тем, что частное определение предназначено для обращения внимания соответствующих должностных лиц на выявленные факты нарушения закона, требующие принятия соответствующих мер, а потому не подлежит обжалованию, поскольку уголовно-процессуальный закон не предусматривает такой возможности.

Авторы обращения отмечают, что правомочие судьи выносить частное определение в отношении действий и поведения адвоката в судебном заседании в рамках уголовного судопроизводства было введено с принятием новой редакции УПК. Ранее суд обладал правом применения мер воздействия ко всем участникам судебного разбирательства, за исключением государственного обвинителя и защитника.

По мнению заявителей, предоставление суду указанного полномочия в отношении адвокатов изменило баланс процессуальных гарантий, установленных для сторон. В связи с этим обращающаяся сторона ссылается на положение статей 55, 64, части 2 статьи 56 Конституции, предусматривающих гарантии прав и свобод человека и гражданина, в том числе правомочие законодателя определять права и обязанности адвокатов в их высокой роли защищать права и свободы граждан, а также принцип запрета принимать государством законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека.

Исходя из этого, заявители полагают, что оспариваемая норма ухудшает правовое положение адвокатов, противоречит указанным конституционным положениям и создает предпосылки для оказания давления на адвоката в процессе осуществления им профессиональной деятельности.

Вместе с тем, заявители указывают, что нарушение баланса процессуальных гарантий усугубляется отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве механизма обжалования частных определений суда.

Следовательно, как отмечено в ходатайстве, подобное правовое положение противоречит конституционным гарантиям, закрепленным в частях 1, 2 статьи 61 Конституции, и ограничивает использование предусмотренных законом средств правовой защиты.

Кроме того, по мнению обращающейся стороны, отсутствие процессуального механизма пересмотра таких судебных актов в вышестоящей инстанции свидетельствует о нарушении требований частей 4 и 5 статьи 100 Конституции, устанавливающих обязанность законодателя обеспечить возможность обжалования решений судов для лиц, чьи права и законные интересы затрагиваются.

В совокупности заявители усматривают в оспариваемом регулировании правовую неопределенность, как в части правомочия суда выносить частное определение в отношении адвоката, так и в отсутствии установленного законом порядка его обжалования, что, по их мнению, порождает негативные последствия для лица, в отношении которого оно вынесено, включая репутационные и профессиональные риски.

С учетом изложенного, заявители просят признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 10 февраля 2025 года ходатайство Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. было принято к производству.

В Конституционный суд Кыргызской Республики 15 января 2025 года поступило еще одно ходатайство Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. о проверке той же оспариваемой нормы на соответствие статье 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64 Конституции.

Указанное ходатайство имеет единый предмет обращения и правовые доводы, во многом схожие по содержанию с доводами, приведенными в предыдущем их ходатайстве.

В дополнение к ранее изложенным позициям заявители обращают внимание на то, что оспариваемая норма, устанавливающая содержание и назначение частного определения как акта суда, фактически предусматривает возможность применения меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании, тем самым, придавая частному определению дисциплинарный характер, не предусмотренный его правовой природой.

В свою очередь, наделение суда таким полномочием, по мнению обращающейся стороны, выходит за пределы его процессуальной компетенции и приводит к вмешательству судебной власти в сферу регулирования адвокатской деятельности, которая, согласно статье 64 Конституции, относится к компетенции независимого профессионального сообщества и регулируется специальным законом — Законом Кыргызской Республики «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» (статьи 8, 8-1).

Ввиду чего, заявители полагают, что предоставление суду права выносить частное определение в отношении адвоката в качестве меры воздействия за неподчинение распоряжениям суда противоречит Конституции и нарушает принцип самостоятельности и независимости адвокатуры.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 14 февраля 2025 года ходатайство было принято к производству и, учитывая однородность требований в вышеуказанных обращениях, дела были соединены в одно конституционное судопроизводство.

В судебном заседании обращающаяся сторона внесла ходатайство об увеличении объема требований, указав на необходимость проверки конституционности также статьи 417 УПК в контексте неурегулированности в ней полномочий апелляционной инстанции по рассмотрению жалобы (представления) на частные определения судов первой инстанции.

Конституционный суд своим определением от 8 октября 2025 года включил статью 417 УПК в предмет конституционной проверки.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. не согласился с доводами заявителей и считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции. В обоснование своей позиции он привел нижеследующие доводы.

Судопроизводство должно осуществляться в строгом соответствии с предписаниями процессуального закона, который возлагает на суд ответственность за обеспечение порядка в судебном заседании и надлежащее исполнение процессуальных обязанностей всеми участниками процесса.

В этой связи ключевая роль в обеспечении процессуального порядка принадлежит председательствующему судье. Согласно положениям УПК, судья руководит судебным заседанием, обеспечивает равноправие и состязательность сторон, следит за соблюдением порядка. Распоряжения судьи, направленные на поддержание дисциплины и организацию разбирательства, обязательны для всех присутствующих и подчеркивают его ответственность за законность и порядок (статьи 292, 305, 307 УПК).

В контексте указанных полномочий председательствующего судьи обязанность соблюдать процессуальную дисциплину и распоряжения суда возлагается, в том числе и на адвоката как представителя стороны защиты. Адвокат, являясь участником судебного процесса, должен проявлять уважение к суду и другим участникам, соблюдать нормы процессуального законодательства и профессиональной этики, а также способствовать законному и справедливому установлению обстоятельств дела путем надлежащего представления доводов и участия в исследовании доказательств (пункт 3 части 5 статьи 53, часть 1 статьи 49, части 2, 3 статьи 292, часть 1 статьи 317 УПК; пункт 5.1 Кодекса профессиональной этики адвокатов Кыргызской Республики).

Нарушение этих обязанностей влечет применение предусмотренных законом мер: при неподчинении распоряжениям судьи рассмотрение дела может быть отложено, а суд вправе вынести частное определение и направить его в компетентный профессиональный орган (часть 2 статьи 307 УПК). Указанное частное определение адресуется в Адвокатуру ввиду того, что привлечение адвокатов к дисциплинарной ответственности находится в компетенции органов профессионального сообщества адвокатов (статья 64 Конституции, статьи 8, 8-1 Закона «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности»).

По мнению Ысыранова С.К., суть института частного определения заключается в выражении судом реакции на действие либо бездействие, которое, по его мнению, нарушает установленный порядок осуществления уголовного судопроизводства. Такая «реакция суда» не может являться предметом самостоятельного обжалования, поскольку по своему содержанию частное определение не влечет для лица, в отношении которого оно вынесено, непосредственных правовых последствий или обязанностей и, следовательно, не может рассматриваться как мера наказания, средство давления либо запугивания адвоката.

При этом лицо, в отношении которого вынесено частное определение, вправе присутствовать на заседании Комиссии по этике, представлять свои доводы и в случае несогласия с принятым решением обжаловать его в судебном порядке. Таким образом, возможность участия на заседании и последующего обжалования акта Комиссии обеспечивает реализацию права лица на защиту своих интересов и исключает произвольное воздействие со стороны суда. В этой связи доводы заявителей о нарушении их права на судебную защиту, по мнению Ысыранова С.К., являются несостоятельными.

Основываясь на изложенном, Ысыранов С.К. просит ходатайства Матцакова С.А., Жаныбекова Н.Ж. оставить без удовлетворения.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. также не согласился с доводами заявителей, изложенными в обращениях, и в своей правовой позиции привел аргументы, аналогичные представленным стороной-ответчиком.

Вместе с тем, он обращает внимание на то, что положения конституционных законов «О статусе судей Кыргызской Республики» и «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах» закрепляют принципы независимости судебной власти, равенства сторон и обязательности судебных актов, что подтверждает законность и правомерность института частного определения как элемента процессуального контроля и правовой дисциплины. В этой связи вынесение судом частного определения не порождает для адвоката каких-либо уже наступивших правовых обязательств или последствий и не может рассматриваться как форма давления.

При несогласии с действиями председательствующего судьи могут быть внесены возражения, которые в обязательном порядке заносятся в протокол судебного заседания (часть 4 статьи 292 УПК). Кроме того, вопрос о привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности принимается не судом, а независимым органом — Комиссией по этике, которая вправе как согласиться с выводами суда, изложенными в частном определении, так и отказать в возбуждении дисциплинарного производства. А адвокат наделен правом участвовать в заседании Комиссии по этике, представлять свои доводы и обжаловать принятое решение в судебном порядке.

С учетом изложенного, Молдобаев А.Т. считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции.

Представители Верховного суда Кыргызской Республики, Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, а также Министерства юстиции Кыргызской Республики выразили позиции, совпадающие с аргументами

стороны-ответчика и постоянного представителя Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики относительно рассматриваемого вопроса.

Представитель Адвокатуры Кадырова А.А. отметила, что часть 2 статьи 307 УПК порождает правовую неопределенность и приводит к смешению процессуальных и дисциплинарных механизмов ответственности. По ее мнению, данная норма фактически наделяет суд правом инициировать привлечение адвоката к дисциплинарной ответственности, что выходит за пределы процессуальной компетенции суда и нарушает закрепленные Конституцией гарантии самостоятельности, независимости адвокатуры, а также ее свободы в осуществлении защиты.

Кадырова А.А. подчеркнула, что вопросы привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности относятся исключительно к компетенции органов адвокатского самоуправления. В соответствии с пунктом 3 части 3 статьи 8-1 Закона «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» предметом рассмотрения Комиссии по этике является обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат, в адрес Комиссии. В таких случаях законодатель наделил суд правом направить в адрес Адвокатуры письмо (обращение), содержащее сведения о нарушении адвокатом норм профессиональной этики и просьбу рассмотреть вопрос о его дисциплинарной ответственности. По мнению Кадыровой А.А., частное определение суда не относится к числу предусмотренных законом форм обращений и, следовательно, не может являться предметом рассмотрения Комиссии по этике.

Таким образом, как указано в позиции Адвокатуры, возложение на суд функций стороны процесса и одновременно инициатора дисциплинарной ответственности противоречит статьям 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64 Конституции и международным стандартам независимости адвокатской деятельности.

Кроме этого, относительно ограничения права на обжалование частного определения представитель Адвокатуры отметила, что в соответствии со статьями 408, 416 и 417 УПК апелляционная инстанция проверяет законность, обоснованность и справедливость приговоров и иных судебных актов, однако не наделена полномочиями пересматривать частные определения суда. В то же время часть 2 статьи 401 УПК предусматривает возможность обжалования отдельных процессуальных решений суда, в том числе решений о мерах по обеспечению порядка в зале судебного заседания, одновременно с итоговым судебным актом. Тем не менее, частное определение, вынесенное в отношении адвоката, фактически не имеет эффективного механизма пересмотра.

В результате, сложившаяся правовая конструкция создает ситуацию, при которой затрагиваются права и профессиональная репутация адвоката, но отсутствует реальное средство судебной защиты. Это, по мнению представителя Адвокатуры, образует так называемую «правовую ловушку» и ограничивает гарантированное Основным законом право на обжалование судебных актов.

Учитывая изложенное, представитель Адвокатуры полностью поддержала доводы обращающейся стороны и считает, что оспариваемые нормы противоречат Конституции.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются часть 2 статьи 307, статья 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенные в следующих редакциях:

«Статья 307. Меры воздействия за нарушение порядка в судебном заседании

1. При неподчинении обвинителя или адвоката распоряжениям председательствующего слушание дела по постановлению судьи, определению суда может быть отложено, если не представляется возможным без ущерба для дела заменить данное лицо другим. Одновременно суд выносит частное определение и направляет вышестоящему прокурору или в соответствующий орган и (или) адвокатуру.».

«Статья 417. Виды решений, принимаемых судом апелляционной инстанции

1. Суд апелляционной инстанции по результатам рассмотрения уголовного дела постановляет одно из следующих решений:

1) приговор об оставлении приговора суда первой инстанции без изменения, а апелляционных жалобы или представления - без удовлетворения;

2) определение об отмене обвинительного приговора суда первой инстанции и о постановлении оправдательного приговора либо определение о прекращении дела;

3) приговор об изменении приговора суда первой инстанции;

4) определение об отмене оправдательного приговора суда первой инстанции и о постановлении обвинительного приговора;

5) определение об отмене постановления о прекращении дела и направлении дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение в случаях существенных нарушений уголовно-процессуального закона;

6) определение об оставлении постановления суда первой инстанции или постановления следственного судьи без изменения, а апелляционных жалобы или представления - без удовлетворения;

7) определение об изменении постановления суда первой инстанции и постановления следственного судьи;

8) определение об отмене постановления суда первой инстанции или постановления следственного судьи и вынесение нового определения;

9) определение об отмене обвинительного приговора и направлении дела в суд первой инстанции на новое рассмотрение;

10) определение о прекращении апелляционного производства.».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 16 ноября 2021 года, №122-123, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Признание государством права каждого на судебную защиту является краеугольным элементом правового государства и одним из ключевых условий построения справедливого общества. Закрепление этого права в Конституции (статья 61) предполагает не декларацию, а наличие действенных гарантий и эффективных механизмов, позволяющих реализовать это право в полном объеме и обеспечить восстановление нарушенных прав посредством правосудия.

Справедливое общество — это не пространство, свободное от конфликтов, а место, в котором любой конфликт разрешается цивилизованно и институционально — в суде, как в единственно легитимной альтернативе самоуправству и «праву сильного». Именно работающая судебная система формирует доверие к институтам государства и закону в целом, делая риторику о справедливости содержательной практикой.

Орган конституционного контроля в своих решениях неоднократно подчеркивал, что первостепенная и практическая значимость права на судебную защиту состоит в том, что оно выступает универсальным средством восстановления и охраны всех других прав и свобод человека и гражданина. Содержание указанного права охватывает не только формальную возможность инициировать судебное разбирательство, но и процессуальные гарантии эффективности и справедливости правосудия (решения от 21 февраля 2014 года, 9 декабря 2015 года, 1 ноября 2018 года, 24 января 2018 года, 16 января 2019 года, 16 сентября 2020 года, от 21 сентября 2022 года).

Эти подходы согласуются с универсальными стандартами международного права — статьями 8, 10 Всеобщей декларации прав человека и статьями 2, 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, — обязывающими государства обеспечивать эффективные средства правовой защиты и рассмотрение дел независимым и беспристрастным судом при соблюдении всех требований справедливости.

Правосудие, таким образом, следует понимать не как разовую «услугу» государства, а как устойчивый правовой режим, обеспечивающий предсказуемость правоприменительной практики. Его качество определяется не только содержанием судебного акта, но и степенью точного и надлежащего соблюдения процессуальных регламентов, обеспечивающих справедливость, законность и легитимность принимаемых судами решений.

Поэтому соблюдение установленных судебных процедур имеет принципиально важное значение, поскольку именно они поддерживают непреклонный авторитет суда и судебной власти.

Судебные процедуры не сводятся к формализму или «технической оболочке». Это целостная нормативная архитектура, поддерживающая высокий статус судов и гарантирующая, что правосудие функционирует как институт цивилизованного разрешения социальных конфликтов, а не как арена для столкновения частных интересов.

Только правопорядок в ходе судебного разбирательства может

обеспечить достойное исполнение судами своей высокой миссии с тем, чтобы правосудие оставалось непоколебимым, а закон — торжествующим.

3. Поддержание надлежащего правопорядка приобретает особое значение в сфере уголовного судопроизводства, где затрагиваются наиболее существенные блага личности — жизнь, свобода, честь и достоинство. Особенность этого вида судопроизводства заключается в том, что оно направлено на установление виновности или невиновности лица в совершении преступления, что требует от государства особых гарантий соблюдения справедливости, презумпции невиновности и обеспечения прав сторон — обвинения и защиты на состязательность и равенство.

Суд обязан не только рассматривать доказательства, но и обеспечивать законность практического ведения судопроизводства. Эта деятельность суда включает в себя не только формальные процессуальные действия, но и организационные аспекты судебного разбирательства, без которых невозможно обеспечить уважение к суду и справедливое рассмотрение дела. В этом контексте суд выступает ответственным за соблюдение порядка, дисциплины и процессуальной корректности всех участников. В его обязанности входит обеспечение надлежащего течения судебного процесса, не допущение нарушений, препятствующих объективному рассмотрению дела, своевременное принятие мер для пресечения злоупотребления процессуальными правами и неуважения к суду. Эта функция суда является неотъемлемой частью судейского усмотрения, направленного на поддержание авторитета суда и защиту интересов правосудия.

В соответствии с уголовно-процессуальным законом, суд обязан обеспечивать порядок в судебном заседании, а участники процесса обязаны соблюдать установленные правила поведения (главы 41- 43 УПК). Судья, как центральная фигура в осуществлении правосудия, несет ответственность за организацию и дисциплину судебного процесса, а его распоряжения обязательны для сторон и иных участников разбирательства.

Обязательность подчинения распоряжениям судьи не является ограничением прав сторон, а напротив - необходимым элементом реализации их права на справедливое судебное разбирательство, так как суд обеспечивает объективность, равенство и уважение к процедуре. Такая власть судьи - не средство давления — она основана на необходимости охранять достоинство суда и создавать условия для надлежащего отправления правосудия в соответствии с законом и принципами справедливости. Следовательно, полномочие судьи по поддержанию порядка – это не проявление произвольной власти, а служит обеспечению процессуальной дисциплины в целях защиты интересов правосудия и прав всех участников процесса.

Как уже отмечалось выше, соблюдение порядка судопроизводства и признание авторитета судьи (суда) — это не только процессуальная обязанность сторон, но и конституционная гарантия эффективного осуществления судебной власти и реализации права на справедливое судебное разбирательство. Исходя из этого, неподчинение законным распоряжениям судьи подрывает саму основу судебной власти и нарушает гарантии эффективного и беспристрастного рассмотрения дела.

Суд, в данном контексте наделен специальными процессуальными инструментами принуждения и реагирования на действия, нарушающие установленный порядок судебного разбирательства. Эти инструменты имеют

правовую природу мер непосредственного воздействия суда, направленных не на наказание, а на обеспечение авторитета правосудия, защиты процессуальных прав сторон и поддержание условий для объективного и беспристрастного рассмотрения дела. К числу таких мер относятся: предупреждение — как превентивная мера воздействия, направленная на пресечение неуважительного поведения, с указанием на недопустимость дальнейших нарушений; удаление из зала судебного заседания — для лиц продолжающих нарушать порядок после предупреждения, если их поведение если их поведение препятствует нормальному ходу судебного разбирательства; наложение штрафа — как мера юридической ответственности, предусмотренной процессуальным законодательством, за отказ подчиниться распоряжениям председательствующего, а также за иные действия, подрывающие авторитет судебной власти; вынесение частного определения — как инструмент судебного реагирования, направленный на устранение выявленных причин, способствующих нарушениям процессуальной дисциплины, а также на предупреждение подобных нарушений в будущем.

Указанные меры реализуют властные полномочия суда в рамках его конституционной функции по осуществлению правосудия и обеспечению надлежащего судопроизводства. Их применение должно быть строго соразмерным характеру нарушения, не выходить за пределы процессуальных полномочий суда и соответствовать принципам необходимости, справедливости и уважения к достоинству личности.

4. Частное определение суда, выносимое в случаях нарушения порядка ведения судебного процесса, представляет собой особую форму процессуального реагирования суда, направленную на обеспечение надлежащего осуществления правосудия и поддержание процессуальной дисциплины в судебном заседании. В отличие от других мер процессуального принуждения, частное определение не имеет характера санкции или наказания. Оно носит предупредительный или превентивный характер, служит формой выражения позиции суда по фактам ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей участниками процесса и направлено на устранение причин и условий, способствующих нарушению установленных правил.

Законодатель, закрепляя возможность вынесения частного определения в уголовном судопроизводстве, ограничил круг субъектов, в отношении которых оно может быть вынесено, — обвинитель (прокурор) и защитник (адвокат) (часть 2 статьи 307 УПК). Это обусловлено особым публично-правовым статусом данных участников процесса, чья деятельность непосредственно связана с реализацией конституционно значимых функций: прокурор представляет государство и поддерживает обвинение от имени общества; адвокат осуществляет защиту прав и законных интересов подозреваемого, обвиняемого.

В отличие от иных участников процесса (обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов и других) прокурор и адвокат действуют в рамках профессиональной юридической деятельности, которая подлежит институциональному контролю со стороны соответствующих органов — прокуратуры и Адвокатуры. Именно поэтому, реагирование суда на допущенные ими нарушения осуществляется не путем применения процессуальных санкций, а посредством вынесения частного определения, направляемого в соответствующий профессиональный орган.

Исходя из необходимости обеспечить прозрачность, правовую определенность и документальную фиксацию позиции суда в мотивированном виде, законодатель закрепил современную форму выражения судебной реакции — частное определение, пришедшее на смену прежнему институту письменного сообщения. Придание ему формы официального процессуального акта имеет принципиальное значение, поскольку обеспечивает соблюдение единых стандартов и делает судебное реагирование открытым, а также способствует реализации принципа процессуальной ответственности участников судопроизводства.

Тем самым, содержание и форма частного определения предопределяют и его пределы: оно служит средством процессуального реагирования, а не разрешения спора по существу. В этой связи границы применения частного определения должны рассматриваться строго в контексте его процессуального назначения.

При этом частное определение не должно и не может оценивать правомерность избранной процессуальной стратегии стороны или содержательную позицию обвинения/защиты; оно фиксирует лишь нарушения процедурных и этических стандартов (например, неявки без уважительных причин, нарушения порядка судебного заседания, сознательное искажение содержания документа и т.д.). Перевод таких оценок в плоскость уголовного дела создавал бы риск давления на тактику стороны и подмены состязательности контролем за профессиональными суждениями. Иными словами, является совершенно недопустимым превращение оценки профессионального поведения в «санкцию за позицию».

Частное определение, таким образом, не содержит признаков дисциплинарного взыскания и не порождает прямых негативных последствий для лиц, в отношении которых оно вынесено. Оно инициирует обязательную проверку компетентным органом адвокатского самоуправления или прокурорского надзора, в рамках которой сохраняются все гарантии их самостоятельности, беспристрастности и права на защиту.

Такой подход отвечает принципу взаимного уважения и конституционной независимости различных институтов правосудия, поскольку суд не подменяет собой органы прокурорского надзора или адвокатского самоуправления, но при этом информирует их о выявленных нарушениях, предоставляя возможность надлежащего реагирования в пределах их компетенции. Соблюдение такого паритета отвечает конституционным принципам непоколебимости судебной власти и институциональной самостоятельности профессиональных сообществ, способствуя укреплению доверия общества к правосудию в целом.

5. Конституционная норма, закрепляющая, что организация и порядок деятельности адвокатуры как самоуправляемого профессионального сообщества адвокатов, а также права, обязанности и ответственность адвокатов определяются законом (статья 64), выражает принцип институциональной самостоятельности Адвокатуры и гарантирует независимость адвокатов при осуществлении ими профессиональной деятельности. Данная норма имеет целью обеспечить функциональную независимость Адвокатуры как неотъемлемого элемента правосудия, без которой невозможно эффективное осуществление права граждан на судебную защиту.

Закон «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» конкретизирует положения статьи 64 Конституции,

устанавливая правовые основы Адвокатуры, адвокатской деятельности, а также права, обязанности и ответственность адвокатов.

В соответствии со статьями 8 и 8-1 данного Закона вопросы дисциплинарной ответственности адвокатов отнесены к компетенции Комиссии по этике — постоянно действующего независимого органа адвокатского самоуправления, наделенного полномочиями рассматривать обращения о нарушении норм профессиональной этики и определять вид дисциплинарной ответственности в установленном порядке. В числе предусмотренных Законом оснований для рассмотрения таких обращений прямо указано обращение суда (судьи), рассматривающего дело, представителем (защитником) по которому выступает адвокат.

Именно это процессуальное взаимодействие между судом и Адвокатурой, по мнению заявителей и представителей Адвокатуры, породило несогласованность правового регулирования между оспариваемой частью 2 статьи 307 УПК и Законом «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», поскольку в последнем предусмотрен иной порядок реагирования на нарушения, допущенные адвокатом в ходе судебного заседания — путем направления письма (обращения) суда, а не частного определения. По их мнению, это различие свидетельствует о несогласованности правового регулирования и различии в юридической природе указанных актов, что, как они утверждают, создает риск подмены процессуальных механизмов дисциплинарными и нарушает институциональную автономию Адвокатуры, гарантированную статьей 64 Конституции.

Конституционный суд не находит основания для признания подобной несогласованности. Различие в терминологии между процессуальным и специальным законодательством не свидетельствует о противоречии, поскольку и частное определение, и обращение (письмо) суда выполняют тождественную, по сути, функцию — информирование органов адвокатского самоуправления о выявленных в судебном заседании фактах, которые могут указывать на нарушения норм профессиональной этики или процессуальных обязанностей. Закон «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» не исключает возможности получения таких материалов в любой документальной форме, если она не искажает правовую природу взаимодействия между судом и Адвокатурой. Соответственно, направление судом частного определения в адрес Адвокатуры не может рассматриваться как вмешательство в ее внутренние дела или как форма предreshения вопроса о вине адвоката.

Таким образом, как ранее уже было отмечено, правовой статус частного определения исключает возможность придания ему характера дисциплинарного предписания. В этой связи Конституционный суд вновь подчеркивает, что суд при вынесении частного определения не вправе указывать Адвокатуре на необходимость применения конкретного вида дисциплинарной ответственности, давать оценку степени вины адвоката либо формулировать предписания об обязательности привлечения его к ответственности. Суды должны подходить к вынесению частного определения предельно ответственно и объективно, поскольку этот акт при его неразумном применении может иметь необоснованно негативные последствия и сформировать искаженную оценку сложившейся ситуации не только компетентными органами, но и общественностью.

Адвокатура, в свою очередь, не вправе игнорировать поступившие из суда частные определения, ссылаясь лишь на то, что в законе употреблен термин «сообщение» или «обращение». Независимо от формы, содержание таких актов сводится к уведомлению о возможных нарушениях, и именно Комиссия по этике адвокатов, обладая полномочиями независимого дисциплинарного органа, обязана рассматривать поступившие материалы в установленном законом порядке, обеспечивая независимость, беспристрастность и гарантии права адвоката на защиту. Следовательно, положения части 2 статьи 307 УПК следует понимать в системной связи со статьями 64 Конституции и Законом «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», исходя из того, что направление частного определения представляет собой информационный механизм взаимодействия между судом и Адвокатурой, не затрагивающий независимость последней и не предвещающий вопрос о привлечении адвоката к ответственности.

6. Конституция Кыргызской Республики в статье 100 закрепляет основополагающие принципы судебной деятельности и процессуальных гарантий лиц, участвующих в судопроизводстве. Так, нормы части 4, 5 статьи 100 устанавливают, что отмена, изменение или приостановление судебного решения осуществляются судом в установленном законом порядке; процессуальные права участников судебного процесса, а также права лиц, чьи права и интересы были затронуты решениями судов, в том числе право на обжалование решений, приговоров, а также порядок их осуществления определяются законом. Смысл данных конституционных положений состоит в том, что Конституция закрепляет принцип процессуальной определенности, согласно которому право на судебную защиту реализуется в установленных законом формах и пределах.

Законодатель, исходя из конституционного разграничения компетенций, вправе дифференцировать виды судебных актов, придавая им различную юридическую силу и определяя возможность их пересмотра или обжалования. Отмена или изменение судебных решений допускаются только в отношении тех актов, которые затрагивают права, свободы и законные интересы участников процесса по существу дела — то есть имеют материально-правовые или процессуально-значимые последствия, влияющие на исход спора, приговора или иного разрешения дела по существу.

Частное определение суда, напротив, не является судебным решением в традиционном или материально-правовом смысле. Оно не затрагивает предмета судебного разбирательства, не содержит выводов о правах и обязанностях сторон, не изменяет и не прекращает их процессуального статуса. По своей сути, как уже отмечалось выше, частное определение представляет собой информационно-превентивный акт реагирования суда, направленный на устранение выявленных нарушений или причин, способствовавших им, а также не порождает правовых последствий для участников процесса по существу дела.

В этой связи отсутствие установленной законом процедуры его обжалования в уголовно-процессуальном законе (оспариваемая норма - статья 417 УПК) не может рассматриваться как ограничение или нарушение конституционного права на судебную защиту, гарантированного статьей 61 Конституции.

Право на судебную защиту предполагает возможность обжалования тех судебных актов, которые по своей юридической природе и фактическому воздействию затрагивают сферу субъективных прав и процессуальных гарантий участников, предопределяют ход и исход судебного разбирательства и создают риск невозможного ущерба, а не актов суда, имеющих превентивно-коммуникативное значение.

Такой подход соответствует принципам отправления правосудия и стабильности судебных решений, исключает возможность использования процедур обжалования как инструмента злоупотребления процессуальными правами.

Следовательно, исходя из конституционного смысла положений частей 4, 5 статьи 100 Конституции, Конституционный суд приходит к выводу, что частные определения суда не затрагивают предмета судебного разбирательства и не несут в себе процессуального значения по существу рассматриваемого дела, а потому отсутствие возможности их обжалования в вышестоящих судебных инстанциях не может рассматриваться как нарушение конституционного права на судебную защиту.

При этом решения Адвокатуры, вынесенные по результатам рассмотрения частных определений суда в отношении адвокатов, могут быть предметом судебного обжалования, что обеспечивает соблюдение конституционных гарантий права граждан на судебную защиту.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать часть 2 статьи 307, статью 417 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими статье 55, части 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61, статье 64, частям 4, 5 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**по делу о проверке конституционности статьи 376 Гражданского
процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с
обращением Жорокулова Максатбека Мергенбаевича,
Кочкорова Ниязбека Улукбековича и
Музулманова Таалайбека Узеновича**

№ 07-Р

5 ноября 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Д., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны - Жорокулова Максатбека Мергенбаевича, Кочкорова Ниязбека Улукбековича и Музулманова Таалайбека Узеновича;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Мусуралиева Рашида Алмасбековича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Садыковой Мээрим Жээнбековны, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности статьи 376 Гражданского-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращение Жорокулова М.М., Кочкорова Н.У, Музулманова Т.У, и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемая норма.

Заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 24 февраля 2025 года поступило обращение Жорокулова М.М., Кочкорова Н.У и Музулманова Т.У о проверке соответствия статьи 376 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - ГПК) части 2 статьи 24, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Предметом рассмотрения по данному делу является статья 376 ГПК, предусматривающая, что заявление или представление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам подается лицами, участвовавшими в деле, в суд, рассмотревший дело по первой инстанции, в течение трех месяцев со дня установления обстоятельств, служащих основанием для пересмотра.

Исходя из содержания данной нормы, заявители считают, что ее действие исключает возможность подачи заявлений о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам лицам, чьи права и обязанности затронуты судебными решениями, но которые не были привлечены к участию в процессе. Тем самым, такое регулирование лишает данную категорию граждан права на судебную защиту.

В обоснование своей позиции заявители приводят судебный акт Ноокатского районного суда от 20 января 2025 года, которым было отказано в принятии заявления Хамракуловой А.Т., Сидиковой З.Т., Сотволдиевой М. и Закридиновой Б.Т. о пересмотре судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам. По утверждению обращающейся стороны, указанные лица не привлекались к участию в судебном разбирательстве и не были осведомлены о его рассмотрении, хотя, как они полагают, вынесенное решение затрагивает их права и законные интересы. Узнав о существовании судебного акта уже после его вступления в законную силу, они обратились с заявлением о пересмотре. Однако суд, руководствуясь положениями статьи 376 ГПК, отказал в принятии заявления, сославшись на отсутствие у данных лиц процессуального статуса участников дела.

Вместе с тем, заявители обращают внимание на часть 3 статьи 323 ГПК, согласно которой лицам, не привлеченным к участию в деле, но в отношении прав и обязанностей которых суд принял решение, предоставляется право на подачу апелляционной жалобы.

Аналогично, в соответствии с частью 1 статьи 352 ГПК кассационная жалоба (представление) на судебный акт, предусмотренный статьей 351 ГПК, может быть подана также лицами, не привлеченными к участию в деле, но в отношении которых суд принял решение.

Таким образом, они считают, что приведенные нормы ГПК предоставляют возможность апелляционного и кассационного обжалования даже лицам, не участвовавшим в процессе, но чьи права и обязанности затронуты судебным решением. В связи с этим отказ в предоставлении аналогичного инструмента пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам для такой же категории лиц, по мнению заявителей, нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом, закрепленный в части 2 статьи 24 Конституции.

Кроме этого, такое положение ограничивает право на судебную защиту, гарантированную статьей 61 Конституции, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, а также общепризнанными принципами и нормами международного права. Следовательно, заявители утверждают, что статья 376 ГПК не обеспечивает реальной возможности для такой категории лиц надлежащего и эффективного доступа к судебной защите.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 25 марта 2025 года данное обращение было принято к производству.

В ходе судебного заседания обращающаяся сторона поддержала свои требования и просила их удовлетворить.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. выразил несогласие с доводами заявителей.

Ысыранов С.К. отмечает, что статья 376 ГПК регулирует специальную процедуру пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, которая является исключительной процессуальной формой, предназначенной не для новой оценки законности судебного акта, а для устранения ошибок, вызванных обстоятельствами, которые существовали на момент рассмотрения дела, но не были известны суду и участникам процесса и не могли быть ими выявлены, а также для восстановления нарушенного баланса прав сторон в исключительных случаях, когда открытие новых фактов объективно влияет на исход дела.

По мнению стороны-ответчика, законодатель, устанавливая в статье 376 ГПК перечень субъектов, имеющих право на подачу заявлений о пересмотре дела, реализовал принцип стабильности судебных актов и правовой определенности. Предоставление возможности обращения с такими заявлениями неограниченному кругу лиц, в том числе не участвовавшим в деле, создало бы риск неоднократного пересмотра судебных решений и утраты ими окончательности, что могло бы привести к злоупотреблению правом и затягиванию судебных процессов.

Вместе с тем Ысыранов С.К. указывает, что лица, не участвовавшие в деле, но чьи права и обязанности затронуты судебным решением, не лишены доступа к правосудию, поскольку ГПК предоставляет им возможность обжалования судебных актов в апелляционном и кассационном порядке (статьи 323, 352). Следовательно, ограничение их права на пересмотр дела по вновь открывшимся и новым обстоятельствам не означает лишения их судебной защиты.

В подтверждение своей позиции сторона-ответчик сослалась на Решение Конституционного суда от 22 сентября 1998 года, которым норма Арбитражного процессуального кодекса Кыргызской Республики, предусматривающая право подавать заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся или новым обстоятельствам лицами, не участвовавшими в деле, но чьи интересы были затронуты, была признана противоречащей части 3 статьи 88 Конституции от 5 мая 1993 года. В действующей редакции Конституции такие конституционные принципы закреплены в части 3 статьи 100, согласно которой судопроизводство

осуществляется на основе состязательности и равенства сторон. В развитие данного аргумента Ысыранов С.К. указывает, что статья 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» запрещает повторное принятие нормативных правовых актов, аналогичных признанным неконституционными.

Учитывая изложенное, Ысыранов С.К. считает, что статья 376 ГПК не противоречит Конституции.

Представители Президента и Кабинета Министров, Верховного суда, Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции выразили согласие с указанной позицией и поддержали доводы, изложенные постоянным представителем Жогорку Кенеша в Конституционном суде Ысырановым С.К.

Представитель Верховного суда отметил, что пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам не является продолжением апелляционного, ни кассационного процесса и не дублирует их задачи. Это отдельная стадия с особым процессуальным режимом. Доступ к такому механизму должен быть только у тех лиц, которые непосредственно участвовали в деле, обладающие процессуальным статусом и имеющие связь с предметом спора.

Также Мусуралиев Р.А. представил статистику, согласно которой в первом полугодии 2025 года рассмотрено меньше заявлений о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам, чем в аналогичном периоде 2024 года, что, по его мнению, свидетельствует о стабильности правоприменительной практики.

Точнее, в первом полугодии 2025 года в суды поступило 269 заявлений о пересмотре судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, тогда как в первом полугодии 2024 года их количество составляло 573. В принятии заявлений было отказано по четырем материалам, а в 2024 году — по пяти материалам. Возвращено заявителям без рассмотрения 73 заявления, в 2024 году — 228. Полностью удовлетворены 39 заявлений по сравнению с 84 заявлениями в 2024 году. В удовлетворении 112 заявлений отказано, в 2024 году — 210.

В связи с чем, представитель Верховного суда подчеркнул, что наблюдаемое сокращение почти по всем категориям поступивших и рассмотренных заявлений отражает стабильность судебных актов и более точное понимание участниками процесса исключительного характера пересмотра судебных решений по вновь открывшимся и новым обстоятельствам. Существенное снижение количества необоснованных, излишне поданных либо процессуально несостоятельных обращений также подтверждает, что данный механизм применяется строго в рамках своего предназначения и не используется как средство повторного обжалования вступивших в законную силу судебных актов.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по настоящему делу является статья 376 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенная в следующей редакции:

«Статья 376. Подача заявления Заявление или представление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам подается лицами, участвовавшими в деле, в суд, рассмотревший дело по первой инстанции, в течение трех месяцев со дня установления обстоятельств, служащих основанием для пересмотра.»

Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 25 января 2017 года №14 принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» от 2 февраля 2017 года №12-13, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Конституционный суд неоднократно раскрывал содержание и подчеркивал особую важность конституционного права на судебную защиту как одного из ключевых и фундаментальных прав человека и гражданина. Это право занимает особое место в системе гарантий Конституции, поскольку обеспечивает реальный механизм защиты и восстановления нарушенных прав и свобод и служит основой функционирования всего правового порядка. Именно поэтому оно относится к числу неотчуждаемых прав и не подлежит какому-либо ограничению.

В государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод реализация права на судебную защиту выступает стержневым элементом, от которого зависит действительность и практическая осуществимость всех других конституционных прав. Судебная защита является тем институтом, который обеспечивает окончательность разрешения споров, устраняет нарушения прав, предотвращает произвольные посягательства и устанавливает юридическую определенность в правоотношениях. Поэтому обращение в суд — это не только средство пресечения нарушений, но и конституционный инструмент, позволяющий каждому лицу добиться восстановления своего правового статуса, устранения неблагоприятных последствий и защиты от неправомерных вмешательств (решения Конституционного суда от 11 сентября 2019 года, от 26 октября 2022 года, 27 сентября 2023 года, 25 октября 2023 года).

Право на судебную защиту, будучи фундаментальным, имеет комплексный характер и включает не только доступ к судебным органам и возможность инициировать судебное разбирательство, но и гарантии справедливой процедуры, равенства сторон, состязательности, независимости суда, возможность обжалования неблагоприятных решений в рамках установленной законом инстанционной системы и получение окончательного судебного акта, обладающего свойством обязательности и стабильности. Таким образом, право на судебную защиту является процессуальным мостом между формальным признанием прав и их практической реализацией.

При этом Конституционный суд последовательно исходит из того, что эффективность судебной защиты определяется не только наличием судебной системы, но и наличием процессуальных механизмов, обеспечивающих возможность пересмотра судебных актов, когда того требуют принципы справедливости, законности и правовой определенности. Законодатель,

формируя такие механизмы, действует, прежде всего, в границах Конституции, определяя объем, пределы и условия применения процессуальных форм пересмотра. Он обязан учитывать как интересы лица в восстановлении нарушенного права, так и интерес общества и государства в стабильности и окончательности судебных решений.

Тем самым право на судебную защиту предполагает баланс двух взаимосвязанных начал. С одной стороны, оно возлагает на государство обязанность создать эффективные инструменты обращения в суд, обеспечить возможность защиты нарушенных прав, установить ясные и доступные процессуальные формы, справедливые правила разбирательства и гарантировать беспристрастность рассматривающих органов. С другой стороны, данное право требует от самого лица надлежащего и своевременного использования предоставленных законом средств защиты, соблюдения процессуальных сроков и форм, а также проявления необходимой степени процессуальной активности. Судебная защита не может быть эффективной, если лицо игнорирует собственные процессуальные возможности, уклоняется от участия в разбирательстве или не предпринимает действий по защите своих интересов в рамках установленного порядка.

Такой баланс обеспечивает не только реальность судебной защиты, но и стабильность судебной системы, недопустимость злоупотребления правом на пересмотр и поддержание правовой определенности в обществе — базового элемента верховенства права.

3. Реализация конституционного права на судебную защиту обеспечивается в том числе установленной законом системой судебных инстанций и процессуальных форм пересмотра судебных актов, которые позволяют лицу добиваться проверки неблагоприятного решения и защиты нарушенных прав. Инстанционная организация судебной системы служит механизмом многоуровневой судебной защиты, позволяя устранить возможные ошибки при рассмотрении дела и обеспечить единообразное применение законодательства судами.

Суд первой инстанции осуществляет непосредственное рассмотрение спора по существу, устанавливая фактические обстоятельства и определяя правовые последствия. Апелляционное производство предоставляет возможность повторного рассмотрения дела и направлено на проверку полноты исследования обстоятельств, оценки доказательств и правильности выводов суда первой инстанции. Кассационное производство служит процессуальной формой проверки законности вступивших в силу судебных актов и направлено на выявление существенных нарушений норм материального или процессуального права.

Эти формы пересмотра образуют установленную законом систему судебного контроля, которая позволяет обеспечить действенную судебную защиту в рамках последовательных стадий проверки. Наличие таких процессуальных механизмов является обязательной составляющей реализации права на судебную защиту, поскольку позволяет добиться исправления судебной ошибки и получения судебного акта, соответствующего закону и обстоятельствам дела. Поэтому апелляционный и кассационный порядок пересмотра судебных решений предусмотрен во всех видах судопроизводства как универсальные механизмы судебной защиты, обеспечивающие проверку законности и обоснованности судебных актов.

Вместе с тем законодатель, реализуя полномочия по определению системы судебных инстанций и процедур пересмотра, вправе устанавливать виды, содержание, основания, сроки и круг субъектов, наделённых правом инициировать ту или иную процессуальную форму проверки судебного решения. Формирование таких процедур является элементом реализации конституционного права на судебную защиту и направлено на обеспечение доступности правовых механизмов и их надлежащего функционирования.

4. В то же время законодатель предусмотрел и такую форму пересмотра судебных актов, как пересмотр по исключительным основаниям. Данный механизм представляет собой самостоятельный и отличающийся по своему назначению от апелляционного и кассационного обжалования процессуальный институт. По своему предназначению и содержанию, как неоднократно указывал Конституционный суд, пересмотр судебных актов, вступивших в законную силу, по вновь открывшимся и новым обстоятельствам применяется в тех случаях, когда неприменимы или исчерпаны иные средства процессуально-правовой защиты, и направлен на гарантирование справедливости судебных актов как необходимого условия судебной защиты прав и свобод человека (решения от 31 января 2014 года, от 17 марта 2021 года).

В отличие от апелляции и кассации, направленных на проверку законности и обоснованности судебного решения, пересмотр по вновь открывшимся или новым обстоятельствам не является продолжением обычной инстанционной проверки. Он предназначен для устранения последствий исключительных ситуаций, когда выявление новых данных делает невозможным сохранение судебного решения в первоначальном виде, поскольку его выводы оказываются неполными либо опровергаются обстоятельствами, не учтенными судом по причинам, не зависящим от сторон.

Соответственно, данный институт имеет иной функциональный смысл, нежели обычные формы пересмотра: он применяется исключительно тогда, когда юридически значимые обстоятельства либо объективно не могли быть обнаружены при первоначальном рассмотрении дела, либо возникли после его завершения и способны непосредственно изменить юридическую оценку спора. Его использование направлено не на исправление допущенных процессуальных ошибок, не на переоценку доказательств и не на восполнение упущений сторон, а на устранение последствий выявления таких обстоятельств, которые не могли быть предметом рассмотрения суда при первоначальном разбирательстве.

Исходя из своей природы, пересмотр по вновь открывшимся и новым обстоятельствам не относится к общим и универсальным способам обжалования судебных актов. Он не предназначен для разрешения вопросов, которые могли и должны были быть поставлены в ходе обычного судебного разбирательства и последующей инстанционной проверки. Применение данного института ограничено строго определенными законом основаниями и рассчитано на исключительные случаи, в которых невозможность выявления соответствующего обстоятельства при первоначальном рассмотрении дела обусловлена объективными факторами.

Таким образом, институт пересмотра по вновь открывшимся и

новым обстоятельствам имеет специальный характер и действует вне рамок инстанционной системы. Он представляет собой дополнительный, но не универсальный механизм судебной защиты, который применяется только при наличии предусмотренных законом фактических и юридических условий.

5. Часть 5 статьи 100 Конституции прямо закрепляет, что процессуальные права участников судебного процесса, а также права лиц, чьи права и интересы были затронуты решениями судов, в том числе право на обжалование решений, приговоров, а также порядок их осуществления определяются законом. Тем самым, сама Конституция предусматривает возможность и необходимость законодательного регулирования процессуальных механизмов защиты прав таких лиц, в том числе форм участия в судебном разбирательстве и способов обжалования судебных решений. Именно поэтому в судопроизводстве защита прав не должна ограничиваться рамками двустороннего спора между истцом и ответчиком. Судебное разбирательство может затрагивать правовую сферу иных субъектов, чьи права, свободы или обязанности находятся в объективной связи с предметом рассматриваемого дела. Ввиду чего наряду с лицами, непосредственно заявляющими или оспаривающими права, процессуальное законодательство предусматривает участие третьих лиц, чьи интересы могут быть затронуты принимаемым судебным актом. Институт участия третьих лиц направлен на то, чтобы обеспечить возможность таким лицам заявить о своем интересе, вступить в процесс и реализовать процессуальные права, своевременно влияя на установление фактических обстоятельств и содержание судебного решения.

Так, логическое законодательное закрепление указанного подхода находит отражение в статье 4 ГПК, согласно которой любое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод и охраняемых законом интересов. Эта норма имеет учредительное значение для всей системы судебного разбирательства, поскольку формирует исходную процессуальную предпосылку участия в деле и определяет универсальный механизм судебной защиты, обеспечивающий доступ к правосудию всем субъектам, чьи права затронуты либо могут быть затронуты судебным актом. В силу своей функциональной природы статья 4 ГПК не только фиксирует общее право на судебную защиту, но и предопределяет необходимость установления в процессуальном законодательстве специальных правовых инструментов, посредством которых такое право может быть реализовано. Развивая указанную нормативную предпосылку, процессуальное законодательство устанавливает последовательный механизм участия заинтересованных лиц в судебном разбирательстве. Так, на стадии рассмотрения дела судом первой инстанции третьи лица могут реализовать свое право на участие двумя способами, закрепленными в статьях 44 и 45 ГПК. Согласно статье 44 ГПК, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования на предмет спора, вправе вступить в процесс до вынесения решения судом первой инстанции путем предъявления иска, следовательно, наделяются процессуальными правами истца. В соответствии со статьей 45 ГПК, третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований, могут вступить в процесс на стороне истца или ответчика также до принятия решения, если исход дела

способен повлиять на их права или обязанности. При этом их участие может быть обеспечено как по собственному ходатайству, так и по инициативе суда или иных лиц, участвующих в деле.

А в случае вынесения решения судом первой инстанции законодатель предоставляет третьим лицам, чьи права затронуты судебным актом, дополнительные процессуальные механизмы защиты — право обжалования решения в апелляционной инстанции (часть 3 статьи 323 ГПК) и право последующего кассационного пересмотра (часть 1 статьи 352 ГПК). Эти средства направлены на устранение возможных нарушений, связанных с непривлечением заинтересованного лица на стадии первой инстанции либо ненадлежащей оценкой его правовой позиции в ходе апелляционного рассмотрения.

Таким образом, процессуальное законодательство формирует целостный и последовательный механизм защиты прав третьих лиц, предусматривая возможность их вступления в процесс на стадии первой инстанции, участие в судебном разбирательстве с реализацией предусмотренных законом процессуальных прав, а также последующее обжалование судебного акта в апелляционном и кассационном порядке, если решение затрагивает их права и обязанности. Совокупность этих процессуальных средств обеспечивает третьим лицам реальный доступ к судебной защите и позволяет устранить нарушения, связанные с их непривлечением к участию в деле или неполным учетом их правовой позиции, в рамках обычных инстанционных процедур, без обращения к специальным, исключительным формам пересмотра судебных актов.

6. Принципы стабильности, определенности и окончательности судебных актов составляют неотъемлемую основу осуществления правосудия и служат важнейшими гарантиями защиты прав участвующих в деле лиц. Судебное решение, вступившее в законную силу, должно обеспечивать предсказуемость правовых последствий, устойчивость правового положения сторон и возможность опираться на установленные судом обстоятельства при дальнейших правоотношениях и правоприменении. Нарушение устойчивости судебных актов неизбежно подрывало бы доверие к судебной системе и создавало бы неопределенность в регулировании прав и обязанностей субъектов.

Именно в целях соблюдения указанных конституционно значимых принципов законодатель установил пересмотр судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам как исключительную процедуру, применяемую лишь в тех случаях, когда выявленные факты объективно существовали на момент принятия решения либо возникли после него, но не могли быть известны суду и участвующим в деле лицам при обычной степени добросовестности и процессуальной активности. Как указывалось ранее, этот механизм по своей правовой природе является продолжением состоявшегося судебного рассмотрения и предполагает сопоставление новых данных с доказательствами, исследованными судом, что возможно лишь при условии участия субъекта в деле и его вовлеченности в формирование доказательственной базы. Расширение круга субъектов пересмотра на лиц, не участвовавших в деле, нарушало бы заложенные в данном институте принципы исключительности и процессуальной связанности.

Допущение пересмотра судебного решения по инициативе лиц, не участвовавших в деле, неизбежно затрагивало бы права и законные интересы тех субъектов, между которыми состоялось судебное разбирательство и решение вступило в законную силу. Лица, реализовавшие свое право на судебную защиту в предусмотренном законом порядке и получившие окончательное судебное решение, утрачивали бы стабильность своего правового положения и определенность, на которую они вправе рассчитывать. Фактически пересмотр по инициативе третьего лица ставил бы под сомнение результат судебного разбирательства и ограничивал бы объем судебной защиты тех участников, ради защиты прав и законных интересов которых процесс был инициирован. Законодатель, закрепляя возможность применения исключительных процедур пересмотра, не может допускать, чтобы реализация права одних субъектов приводила к умалению конституционно гарантированных прав других.

Кроме того, наделение лиц, не участвовавших в деле, возможностью инициировать пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам создало бы риск бесконечного оспаривания вступивших в силу судебных актов, что фактически превращало бы данный институт в альтернативу инстанционному обжалованию и размывало бы границы между обычными и исключительными средствами пересмотра. Такое регулирование нарушало бы принцип окончательности судебных решений и приводило бы к неопределенности в правовой системе.

При этом третьи лица уже обладают самостоятельными средствами защиты своих прав — возможностью вступить в дело на стадии первой инстанции, а также правом апелляционного и кассационного обжалования судебного акта, если он затрагивает их права и обязанности. Использование пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам в качестве средства компенсации неиспользованных процессуальных возможностей выходило бы за рамки предназначения этого института и подрывало бы принцип правовой определенности.

В связи с чем ограничение возможности инициировать пересмотр судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам только кругом лиц, участвовавших в деле, является не произвольным и не нарушающим право на судебную защиту, а функционально обусловленным требованиями стабильности, определенности и окончательности судебных решений, а также необходимостью обеспечения внутренней согласованности процессуальной системы. Такое регулирование направлено на поддержание баланса между правом на судебную защиту всех субъектов и императивами устойчивости судебных актов, без соблюдения которых судопроизводство не может выполнять свою конституционно определенную функцию.

7. Учитывая изложенные выше правовые позиции относительно целей и пределов применения института пересмотра судебных актов, а также предусмотренные процессуальным законодательством механизмы защиты прав заинтересованных лиц, Конституционный суд оценивает содержание статьи 376 ГПК в контексте требований Конституции.

Проверяя оспариваемую норму в свете статьи 24 Конституции, закрепляющей принцип недопустимости произвольного различия в правах, и статьи 61 Конституции, гарантирующей каждому право на судебную защиту, Конституционный суд исходит из того, что критерий, положенный в основу статьи 376 ГПК, является объективным и правомерно определяет пределы

процессуальных возможностей участников и неучастников судебного разбирательства.

Статья 376 ГПК устанавливает, что заявление о пересмотре судебного акта по вновь открывшимся и новым обстоятельствам подается только лицами, участвовавшими в деле. Такое нормативное решение соответствует статье 24 Конституции, поскольку разграничение процессуальных возможностей лиц, участвовавших и не участвовавших в деле, обусловлено различием их процессуального статуса, не носит произвольного характера и не создаёт неравенства, запрещенного Конституцией.

Как отмечалось выше, процессуальное законодательство предоставляет третьим лицам достаточный набор средств судебной защиты, включая возможность вступления в дело до принятия решения судом первой инстанции, а также право апелляционного и кассационного обжалования судебного акта, если он затрагивает их права и обязанности.

Кроме того, третье лицо не лишено возможности защиты своих прав посредством самостоятельного обращения в суд с новым иском. Такое право сохраняется независимо от его участия или неучастия в ранее рассмотренном деле и обеспечивает судебную защиту даже в тех случаях, когда нарушение прав выявляется после вступления судебного решения в законную силу.

Совокупность указанных механизмов обеспечивает доступ к правосудию в полном объеме и исключает необходимость расширения круга субъектов пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам.

Таким образом, статья 376 ГПК соответствует требованиям статей 24 и 61 Конституции и не затрагивает конституционные права заявителей.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 2 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

РЕШИЛ:

1. Признать статью 376 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 2 статьи 24 и части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности нормативного положения
абзаца 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона
Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики»,
выраженного словами «из них 3 года в первой инстанции и
2 года во второй инстанции» в связи с обращением
Жорокулова Максатбека Мергенбаевича

№ 08-Р

3 декабря 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осмонбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Маамыталы кызы К. с участием:

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Мусуралиева Рашида Алмасбековича, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Ибраимова Темирбека Маданбековича, представителя Совета судей Кыргызской Республики по доверенности, Каримова Акыйката Бакказовича, представителя Совета по делам правосудия Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности нормативного положения абзаца 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики», выраженного словами «из них 3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции».

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились ходатайство Жорокулова М.М., а также обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемая норма.

Заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, исследовав представленные материалы дела, выслушав мнения третьих лиц, руководствуясь пунктом 2 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 22 мая 2025 года поступило обращение гражданина Жорокулова Максатбека Мергенбаевича о проверке соответствия Конституции нормативного положения абзаца 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики» в части требования, предъявляемого к кандидатам на должность судьи Верховного суда Кыргызской Республики, предусматривающего обязательное наличие стажа работы судьей - 3 года в суде первой инстанции и 2 года в суде второй инстанции.

Как следует из обращения, Конституцией (часть 5 статьи 95) установлено, что судьей Верховного суда может быть гражданин Кыргызской Республики не моложе 40 лет и не старше 70 лет, имеющий высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее 15 лет, в том числе судьей не менее 5 лет. Заявитель указывает, что Конституция не содержит распределения судейского стажа в определенной последовательности по инстанциям и предусматривает лишь наличие не менее 5 лет общего стажа работы судей, в том числе стажа, полученного в Конституционном суде.

Однако конституционным Законом Кыргызской Республики от 5 августа 2024 года №159 «О внесении изменений в конституционный Закон Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики» в указанный конституционный Закон внесено изменение, дополнившее требование о 5-летнем судейском стаже словами «из них 3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции». По мнению заявителя, это фактически изменило содержание конституционных требований и привело к необоснованному сужению круга лиц, потенциально способных претендовать на должность судьи Верховного суда, и создает монополизацию доступа к высшей судебной должности.

В подтверждение этого довода Жорокулов М.М. ссылается на правовую позицию, изложенную в решении Конституционной палаты Кыргызской Республики от 1 февраля 2019 года, согласно которой чрезмерно узкие и неоправданные квалификационные требования могут ограничивать конкуренцию и препятствовать формированию действительно профессионального и независимого судейского корпуса.

Одновременно заявитель обращает внимание на особую роль судьи Верховного суда как судьи последней инстанции, формирующего единообразие судебной практики, правовую определенность и доверие

общества к судебной власти. С учетом этого, по его мнению, ключевыми критериями для занятия данной должности должны выступать высокий уровень профессиональной зрелости, значительный юридический и судейский опыт, способность к глубокому правовому анализу и принятию взвешенных решений, а не формальное прохождение строго определенной институциональной траектории.

Кроме того, как отмечает заявитель, введение такого требования вызывает вопросы о легитимности ранее назначенных судей Верховного суда, которые не обладают требуемым распределенным стажем, но были назначены до внесения указанных изменений.

Заявитель также указывает, что введенное законодателем распределение стажа по инстанциям порождает противоречия и практические трудности. Так, в соответствии с частью 8 статьи 95 Конституции судьи местных судов назначаются впервые сроком на 5 лет. В рамках этого срока судья, назначенный в суд второй инстанции, объективно лишен возможности пройти 3-летний стаж в суде первой инстанции и, тем самым, выполнить новое требование конституционного Закона. Такая конструкция, по убеждению заявителя, делает соблюдение установленного требования фактически невозможным для значительной категории судей, создает необоснованные препятствия карьерному продвижению судей, усиливает зависимость судей от органов, осуществляющих назначения и, тем самым, влечет коррупционные риски.

Как следует из обращения, суды первой и второй инстанций, согласно части 3 статьи 94 Конституции, отнесены к единой категории местных судов и не имеют различия в правовом статусе. Судьи обеих инстанций применяют одни и те же нормы материального и процессуального права, а различие между ними заключается лишь в процессуальной форме рассмотрения дел. Следовательно, выделение инстанции в особую категорию для целей стажа, по мнению заявителя, является искусственным и не вытекает из конституционно-правовой природы судебной системы.

Как утверждает Жорокулов М.М., оспариваемая норма противоречит не только положениям статьи 95, но и части 3 статьи 37 Конституции, гарантирующей гражданам равные права и равные возможности при поступлении на государственную службу и продвижении в должности. Введение оспариваемого требования создает дискриминационные условия, тем самым, нарушая принципы равного доступа к должностям государственной службы и независимости судей, установленные Основным Законом.

Заявитель дополнительно ссылается на международную практику назначения судей высших судов, где ключевыми критериями назначения являются возраст, значительный юридический стаж, профессиональная зрелость, но не последовательность прохождения судебных инстанций, что подтверждает несоразмерность и отсутствие рационального основания для оспариваемого требования.

Особое внимание Жорокулов М.М. обращает на то, что ограничение не соответствует также целям, установленным частью 2 статьи 23 Конституции, определяющей допустимые основания для ограничения прав и свобод: защита национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. По мнению

заявителя, оспариваемый квалификационный критерий о распределении судейского стажа по инстанциям не преследует ни одной из этих целей.

С учетом изложенного, заявитель просит признать оспариваемое нормативное положение противоречащим Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 23 июня 2025 года ходатайство Жорокулова М.М. было принято к производству.

Сторона - ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранов С.К. выразил несогласие с доводами заявителя и считает оспариваемую норму не противоречащей Конституции.

Как отмечает Ысыранов С. К., положения оспариваемой нормы направлены на обеспечение высокого уровня профессионализма судейского корпуса и укрепление доверия общества к судебной системе. Установление требования о наличии у кандидата на должность судьи Верховного суда 3-летнего стажа работы в судах первой инстанции и 2-летнего - во второй инстанции является механизмом обеспечения качественного состава высшего судебного органа, а не ограничение прав граждан на равный доступ к государственной службе.

По его мнению, данное положение является конкретизацией конституционного требования, закрепленного в части 5 статьи 95 Конституции, поскольку часть 9 данной статьи предоставляет законодателю право устанавливать дополнительные квалификационные критерии в целях обеспечения эффективности и качества осуществления правосудия.

Ысыранов С.К. подчеркивает, что законодателю предоставлено дискреционное право устанавливать требования к кандидатам на должности судей Верховного суда, исходя из необходимости обеспечения профессиональной компетентности, преемственности кадров и судебной устойчивости. По своему содержанию оспариваемая норма направлена на формирование кадрового резерва из числа судей, обладающих опытом работы в судах нижестоящих инстанций, что соответствует целям обеспечения единства судебной практики и качества принимаемых судебных актов.

Представитель стороны-ответчика отмечает, что деятельность судей в судах первой инстанции позволяет приобрести глубокие практические навыки применения права к жизненным ситуациям, а работа во второй инстанции навыки аналитического пересмотра судебных решений, выявления ошибок и формирования правовых позиций. Таким образом, совокупность этого опыта обеспечивает всестороннее понимание судебной системы и подготовку к осуществлению правосудия в высшем судебном органе страны.

Кроме того, по мнению Ысыранова С.К., введение рассматриваемого требования способствует повышению доверия к судебной власти, поскольку подтверждает, что судьи Верховного суда прошли все уровни судебной системы и обладают необходимыми знаниями ее структуры и практики. Данное положение направлено не на ограничение числа претендентов, а на отбор наиболее компетентных и опытных специалистов, способных обеспечивать стабильность и предсказуемость судебной практики.

Он также указывает, что Конституционный суд ранее признавал

допустимым установление дополнительных требований к судьям, исходя из специфики их статуса и повышенной ответственности. В правовой позиции, выраженной в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 15 апреля 2015 года отмечено, что должность судьи относится к особой категории государственной службы, предполагающей наличие у лица безупречной репутации, высокой квалификации и этических качеств, что обосновывает возможность предъявления к ним специальных требований.

Вместе с тем, он подчеркивает, что в статьях 35 и 39 конституционного Закона «О Верховном суде Кыргызской Республики и местных судах» разграничены компетенции судов первой и второй инстанции, что свидетельствует о наличии функциональных различий между ними. Следовательно, довод заявителя о том, что суды первой и второй инстанций являются однородными и не требуют отдельного учета при определении стажа, является ошибочным. Исходя из вышеизложенного, представитель Жогорку Кенеша полагает, что оспариваемая норма отвечает принципам правовой определенности, соразмерности и целесообразности, не нарушает конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе и направлена на достижение конституционно значимых целей, а именно на повышение профессионализма судей и качества правосудия.

В связи с этим, сторона-ответчик считает, что абзац 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» не может быть признан неконституционным.

Постоянный представитель Президента и Кабинета Министров в Конституционном суде Кыргызской Республики Молдобаев А.Т. поддерживает позицию стороны-ответчика.

Вместе с тем, он обращает внимание на то, что Конституция обладает высшей юридической силой (статья 6), а каждый человек обязан соблюдать ее требования (часть 3 статьи 53).

По его мнению, часть 9 статьи 95 Конституции, позволяя конституционному Закону устанавливать дополнительные требования к кандидатам на должность судьи Верховного суда, создает конституционно допустимую сферу усмотрения законодателя, в пределах которого он вправе дифференцировать требования к стажу, квалификации и опыту претендентов с учетом статуса и функциональной роли конкретной судейской должности. Требование наличия стажа работы судьей первой и второй инстанций рассматривается Молдобаевым А.Т. как механизм обеспечения поступательного профессионального роста судей и повышения качества кадрового состава высшей судебной инстанции.

Опыт работы в судах нижестоящих инстанций, как указывает представитель Президента и Кабинета Министров, обеспечивает судье Верховного суда всестороннее понимание судебного процесса на всех стадиях и уровнях, способствует выработке единообразного подхода к толкованию и применению закона, а также позволяет более эффективно осуществлять судебный контроль на стадии кассационного пересмотра. При этом установленное требование носит общий характер, распространяется на всех кандидатов и не является дискриминационным, поскольку направлено на обеспечение их профессиональной подготовки.

Постоянный представитель Министерства юстиции Джаркынбаев А.Д. в целом разделяя позицию стороны-ответчика, одновременно указывает, что международные стандарты — Основные принципы ООН о независимости судебных органов, акты Консультативного совета европейских судей и заключения Венецианской комиссии — допускают различные модели судейской карьеры и не устанавливают обязательных требований по распределению стажа между уровнями судов. Поэтому установленное требование должно оцениваться с точки зрения его объективной необходимости и соразмерности.

Он отмечает, что законодатель проводит дифференциацию на двух уровнях. Во-первых, выделяются юристы в целом и юристы, обладающие судейским опытом. Во-вторых, внутри судейского корпуса устанавливается узкий круг лиц, чья профессиональная траектория соответствует требуемому распределению стажа между судами различных инстанций. Такая дифференциация, по его мнению, может выступать как объективное средство обеспечения профессионализма, но при этом содержит риск чрезмерного формального ограничения конкурсного участия.

Вместе с тем, Джаркынбаев А.Д. обращает внимание, что требование судейского опыта в определенных временных пропорциях способно вывести из числа потенциальных кандидатов судей, обладающих высоким профессиональным авторитетом, но иной траекторией служебного роста. В этом контексте важным становится вопрос, действительно ли распределение стажа по инстанциям является строго необходимым для выполнения задач Верховного суда.

Он также указывает, что право на труд и свободу выбора профессии не гарантируют право на занятие должности в высшей судебной инстанции, но требуют, чтобы государство обеспечивало прозрачность и предсказуемость требований, а также соблюдало принцип недопущения чрезмерных ограничений. Установление о наличии 15-летнего юридического стажа и 5-летнего судейского стажа может быть оправдано целью обеспечения высокого уровня профессионализма, однако последующее распределение стажа по инстанциям существенно сужает кадровый выбор и формирует узкий профессиональный коридор.

Он отмечает, что распределение стажа также затрагивает вопросы открытости судебной системы и ее воспринимаемой независимости. Фиксированная карьерная модель может создавать риски формирования излишне закрытой судебной корпорации, что неоднократно отмечалось в международных заключениях, включая практику Венецианской комиссии. Наряду с этим, представитель Министерства юстиции подчеркивает, что именно в профессиональном развитии и прохождении различных уровней судебной системы законодатель видит гарантию компетентности судей Верховного суда.

Представители Совета судей Ибраимов Т.М., Совета по делам правосудия Каримов А.Б. и Верховного суда Мусуралиев Р.А. придерживаются позиции о конституционности оспариваемой нормы и привели доводы аналогичные доводам полномочного представителя Жогорку Кенеша в Конституционном суде Ысыранова С.К.

Конституционный суд, обсудив доводы сторон, заслушав мнения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, приходит к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда Кыргызской Республики является нормативное положение абзаца 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики» следующего содержания:

«Статья 19. Требования, предъявляемые к судьям Конституционного суда, Верховного суда, порядок их избрания

«из них 3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции,...».

Конституционный Закон Кыргызской Республики от 15 ноября 2021 года №138 «О статусе судей Кыргызской Республики» был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» 19 ноября 2021 №136, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Конституция Кыргызской Республики, закрепляя в части 3 статьи 37 право граждан на равные права и равные возможности при поступлении на государственную службу и продвижении по службе, придает данной гарантии особое значение как одному из инструментов реализации принципов равенства, справедливости и открытости публичной власти.

В этой связи данная гарантия реализуется в двух взаимосвязанных аспектах, охватывая как поступление на государственную службу, так и продвижение по службе.

Равные права и равные возможности при поступлении на государственную службу предполагают, что допуск к осуществлению публичных функций осуществляется на основе прозрачных, единых, заранее установленных и недискриминационных правил. Эта гарантия призвана исключить произвольные барьеры при входе в систему государственной службы и обеспечить каждому гражданину возможность участвовать в предусмотренной законом процедуре замещения государственной должности, но при условии соответствия квалификационным требованиям, имеющим объективное и разумное обоснование.

Наряду с этим, право на равные возможности продвижения по службе означает, что дальнейшее прохождение государственной службы и реализация карьерных возможностей также должны строиться на объективных и справедливых основаниях. Продвижение по службе не может ставиться в зависимость от произвольных предпочтений либо обстоятельств, не связанных с профессиональными качествами лица и характером

выполняемой им публичной функции. Тем самым, конституционная гарантия охватывает не только первоначальный допуск к государственной службе, но и весь период ее осуществления, обеспечивая равенство условий профессионального развития. При этом данная гарантия не может рассматриваться изолированно, ее содержание раскрывается в системной связи с иными положениями Конституции, определяющими организацию и функционирование публичной власти.

Государственная служба по своей природе неоднородна и включает различные виды публичной деятельности, требующие различного уровня профессиональной подготовки, опыта и институциональной устойчивости. В силу этого равенство доступа и продвижения по службе не исключает установления специальных требований к отдельным государственным должностям, если такие требования объективно обусловлены спецификой соответствующей должности и направлены на обеспечение надлежащего осуществления публичных полномочий.

Такой подход согласуется и с ранее выраженными правовыми позициями Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, в которых подчеркивалось, что с учетом целей, задач и принципов организации государственной службы законодатель вправе посредством специального правового регулирования определять для граждан, поступающих на государственную службу и проходящих ее, не только соответствующие права и обязанности, но и квалификационные требования (решения от 30 апреля 2014 года, 18 февраля 2015 года и 20 ноября 2019 года).

Вместе с тем, данное усмотрение законодателя в указанной сфере не является неограниченным. Установление и изменение квалификационных требований допустимы постольку, поскольку они имеют объективное и разумное обоснование, соотносятся с публичными целями соответствующей службы, изменениями ее задач либо необходимостью совершенствования механизмов ее функционирования и не влекут фактического умаления конституционных гарантий равенства возможностей при поступлении на государственную службу и продвижении по службе, закрепленных статьей 37 Конституции.

3. Судебная власть в Кыргызской Республике, будучи самостоятельной ветвью государственной власти, по своему конституционному назначению направлена на обеспечение верховенства Конституции и режима законности посредством правосудия.

Конституция закрепляет, что правосудие осуществляется только судом, а судебная власть реализуется в предусмотренных законом формах судопроизводства в рамках единой судебной системы (статья 94). В связи с чем отправление правосудия выступает особой формой осуществления государственной власти, непосредственно затрагивающей сферу жизнедеятельности человека и общества и порождающей общеобязательные юридические последствия. Именно этим предопределен особый конституционно-правовой статус судьи.

Конституция устанавливает независимость судей и их подчинение только Конституции и законам, запрещает любое вмешательство в деятельность по осуществлению правосудия и возлагает на государство обязанность обеспечивать судье социальные, материальные и иные гарантии независимости (части 1, 3 и 4 статьи 95).

В таком регулировании находит выражение фундаментальная идея конституционного правопорядка: осуществляя правосудие, судья реализует публичную функцию государства по обеспечению верховенства закона, поддержанию правопорядка, восстановлению социальной справедливости и защите прав и свобод человека и гражданина. Судебный акт способен кардинально изменять правовое положение личности, затрагивать его фундаментальные права и свободы, а также определять меру государственного принуждения. В этих условиях от судьи зависит не только справедливость разрешения конкретного дела, но и авторитет правосудия как института публичной власти.

В этой связи на носителя судебной власти возлагается повышенная профессиональная и личная ответственность за законность, обоснованность и справедливость принимаемых им решений. Соответственно, легитимность правосудия в демократическом государстве предполагает повышенные требования к компетентности и добросовестности носителя судебной власти, его приверженности общечеловеческим и конституционным ценностям.

В силу этого порядок формирования судейского корпуса, критерии профессиональной пригодности и процедуры отбора и назначения судей не могут носить случайный либо произвольный характер. Они должны быть урегулированы в рамках единой системы специального правового регулирования, включающей материальные элементы статуса судьи (требования, гарантии, ответственность) и процедурные механизмы формирования судейского корпуса.

Такое регулирование раскрывается в конституционном Законе «О статусе судей Кыргызской Республики», согласно которому конкретизируется правовое положение судьи как лица, наделенного полномочиями по осуществлению правосудия на профессиональной основе (статья 2), и закрепляется система гарантий независимости, требований к поведению, оснований ответственности и иных элементов особого правового статуса (статья 5). Тем самым, законодатель, действуя в пределах конституционного мандата, формирует целостную нормативную конструкцию статуса судьи, основанную на сочетании повышенных требований и усиленных гарантий. Наряду с этим, конституционный Закон Кыргызской Республики «О Совете по делам правосудия Кыргызской Республики» устанавливает организационную деятельность специального конституционного органа, призванного осуществлять отбор кандидатов на должности судей. В соответствии со статьей 2 данного конституционного Закона Совет является независимым коллегиальным органом, основной задачей которого является отбор кандидатур на должности судей и представление их для назначения, при этом в числе его полномочий предусмотрены проведение конкурсных

процедур и оценка профессиональных и нравственных качеств кандидатов (статья 18). Наличие специализированного независимого органа отбора подтверждает, что квалификационные требования к кандидатам и порядок их оценки выступают частью институционального механизма обеспечения качества правосудия и доверия общества к судебной власти.

Таким образом, судебская деятельность, обладая конституционно обусловленным характером и повышенным уровнем публичной ответственности, занимает особое место в системе государственной службы, что обуславливает допустимость повышенного подхода к кандидатам и необходимость специального правового регулирования не только порядка отбора и назначения судей, но и условий судебской службы, включая механизмы профессионального роста и продвижения, связанные с особенностями организации судопроизводства.

4. В Кыргызской Республике судебная система структурирована по уровням и инстанциям, что обусловлено различием задач судебного контроля и степенью ответственности принимаемых решений. Инстанционность судопроизводства обеспечивает последовательную проверку судебных актов и, тем самым, выступает организационно-правовым механизмом поддержания единых стандартов правоприменения. В этой связи различие инстанций отражает специфику осуществляемых полномочий в рамках правосудия и объективно предполагает дифференцированный учет профессионального опыта судьи, необходимого для осуществления соответствующих функций с учетом уровня и характера возлагаемых полномочий.

Как отмечено выше в пункте 3 настоящего Решения, такой учет профессионального опыта обеспечивается посредством нормативно установленных квалификационных требований к кандидатам на судебские должности, которые выступают юридическим механизмом допуска к осуществлению судебной власти и карьерного продвижения.

При этом Конституционный суд подчеркивает, что исходные параметры таких квалификационных требований прямо предопределены самой Конституцией. Так, для кандидата на должность судьи Верховного суда Конституция устанавливает требование о стаже работы по юридической профессии не менее пятнадцати лет, включая стаж работы в должности судьи не менее пяти лет (часть 5 статьи 95). Следовательно, Конституция определяет обязательный минимальный порог судейского стажа как конституционный критерий допуска к соответствующей должности.

Наряду с этим, Конституция допускает установление дополнительных требований к кандидатам на должности судей в конституционном законе (часть 9 статьи 95), что предполагает возможность законодательной конкретизации порядка учета конституционного минимума судейского стажа при сохранении исходных конституционных параметров допуска и условия соблюдения конституционных гарантий прав и свобод, включая недопущение чрезмерных и несоразмерных ограничений.

Соответственно, устанавливая в конституционном Законе «О статусе

судей Кыргызской Республики» дополнительные квалификационные требования, законодатель действует в рамках предоставленного ему частью 9 статьи 95 Конституции усмотрения, одновременно исходя из части 5 статьи 95 Конституции, закрепляющей обязательный минимальный судейский стаж не менее пяти лет как элемент допуска к должности судьи Верховного суда. В этом контексте оспариваемое нормативное положение, предусматривающее, что требуемый судейский стаж включает три года в первой инстанции и два года во второй инстанции, представляет собой распределение указанного минимального пятилетнего судейского стажа по инстанциям как дополнительное условие его учета.

Тем самым, оспариваемая конструкция отражает выбранный законодателем подход к учету судейского стажа, основанный на различии процессуальных функций инстанций. Первая инстанция обеспечивает рассмотрение дела по существу и формирование фактической и правовой основы судебного акта, тогда как вторая инстанция осуществляет проверку судебных актов с точки зрения законности и обоснованности в пределах, установленных законом. В результате структурирование стажа по инстанциям ориентировано на учет разнородного практического опыта, связанного как с принятием судебных решений по существу, так и с их последующей инстанционной проверкой.

Таким образом, оспариваемая конструкция «из них 3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции» не изменяет ни характер, ни минимальный объем конституционного требования о наличии стажа работы судьей не менее пяти лет. Она выражает выбранный законодателем условие учета уже установленного Конституцией пятилетнего судейского стажа, ориентированный на содержание и профиль профессионального опыта, связанного с осуществлением судебных функций в различных режимах, объективно различающихся по задачам и процессуальной роли судьи. Следовательно, законодатель не подменяет конституционную норму и не вводит новый самостоятельный конституционный критерий допуска к должности судьи Верховного суда, а осуществляет допустимую конкретизацию квалификационного стандарта в пределах предоставленного ему регулирования. В силу этого довод заявителя о фактическом изменении смысла части 5 статьи 95 Конституции является необоснованным.

5. Конституционный суд отмечает, что установление оспариваемого условия в качестве способа учета судейского стажа не означает признания данной модели единственно возможной либо неизменной. Реализуя предоставленное Конституцией усмотрение, законодатель вправе пересматривать и уточнять модель квалификационных требований в зависимости от избранного подхода к формированию судейского корпуса и актуальных потребностей обеспечения качества правосудия.

Важно подчеркнуть, что Конституционный суд не оценивает целесообразность выбора законодателем конкретной модели по сравнению с возможными альтернативами. В рамках настоящего дела он проверяет конституционную допустимость оспариваемого условия в заявленной редакции и по доводам заявителя, в том числе с точки зрения его правового

эффекта — не приводит ли оно к необоснованному ограничению гарантий и не создает ли чрезмерного, несоразмерного барьера доступа и продвижения по судейской службе.

Так, заявитель связывает оспариваемое условие «3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции» с конституционными гарантиями равных прав и равных возможностей при поступлении на государственную службу и продвижении в должности (часть 3 статьи 37 Конституции), а также с запретом принятия законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека (часть 2 статьи 56 Конституции).

Исходя из правовой позиции, изложенной в пункте 2 настоящего Решения, гарантия равных прав и равных возможностей, закрепленная частью 3 статьи 37 Конституции, не исключает установления специальных квалификационных требований к отдельным публичным должностям, если такие требования объективно обусловлены спецификой соответствующих полномочий и направлены на обеспечение надлежащего осуществления публичной власти. Это в полной мере применимо и к должности судьи Верховного суда. Верховный суд, исходя из своего статуса, выполняет функции, связанные с обеспечением единообразия судебной практики и формированием стандартов правоприменения, что объективно предполагает повышенные требования к профессиональной подготовке и содержанию судейского опыта кандидатов. В этой связи законодатель, определяя условия доступа к высшей судебной должности, вправе учитывать не только количественную меру стажа, но и его качественные характеристики, связанные с осуществлением судебного контроля в различных инстанционных режимах.

При таких предпосылках то обстоятельство, что при одинаковом общем минимуме судейского стажа отдельные карьерные траектории по-разному соотносятся с условием «3+2», само по себе не свидетельствует о нарушении части 3 статьи 37 Конституции. Требование «3+2» закрепляет необходимость наличия у кандидата опыта отправления правосудия в разных инстанционных режимах и, тем самым, отражает качественную характеристику судейского стажа, имеющую прямую связь с функциями высшей судебной инстанции. При этом данное условие не увеличивает общий объем минимального стажа, а уточняет его структуру применительно к задачам высшей судебной инстанции, вследствие чего не приобретает характер самостоятельного запретительного фильтра. В силу этого различия, обусловленные содержанием ранее приобретенного инстанционного опыта, не могут рассматриваться как неравенство возможностей, если они основаны на профессионально релевантной критерии и не превращают доступ к должности в чрезмерный барьер. Тем самым, данное условие не направлено на выравнивание индивидуальных карьерных траекторий, а ориентировано на отбор кандидатов, обладающих опытом, необходимым для осуществления полномочий судьи Верховного суда.

В части довода заявителя о том, что первичный пятилетний срок назначения судьи делает выполнение распределения «3+2» фактически невозможным и тем самым исключает продвижение, также не подтверждает

автоматического умаления гарантии равных возможностей и сам по себе не свидетельствует о несоответствии части 2 статьи 56 Конституции.

Равные возможности продвижения означают недопустимость необоснованного исключения из доступа к публичной должности по причинам, не связанным с профессиональной пригодностью, но не предполагают гарантированного достижения конкретной должности независимо от содержания квалификационных критериев. Оспариваемое требование адресовано к уровню профессиональной готовности кандидата на момент участия в отборе в Верховный суд, а обстоятельство, что достижение необходимого распределения инстанционного опыта в ряде случаев требует более длительного профессионального пути либо прохождения дополнительных этапов, не делает критерий произвольным, если он объективно связан с задачами должности и не выходит за пределы разумно необходимого.

По утверждению заявителя о разграничении инстанций Конституционный суд указывает, что отнесение судов первой и второй инстанций к местным судам (часть 3 статьи 94 Конституции) характеризует их место в системе судов и единый статус соответствующей категории судей, однако не устраняет различий задач судебного контроля, обусловленных инстанционным построением судопроизводства. Соответственно, учет инстанционного опыта при формировании квалификационных требований к судье Верховного суда представляет собой оценку функционального содержания профессионального опыта и не означает введения искусственного деления статуса судьи.

Ссылка заявителя на мировую практику, где при доступе к высшим судебным должностям, по его утверждению, решающее значение имеют возраст и общий стаж, а не последовательность инстанций, не влияет на вывод о конституционной допустимости оспариваемого требования, поскольку квалификационные требования в Кыргызской Республике устанавливаются законодателем в пределах Конституции с учетом национальных потребностей организации правосудия. В рассматриваемом случае оспариваемое требование, ориентированное на формирование профессионально подготовленного состава Верховного суда, объективно связано с задачами должности и не приобретает характера формального барьера продвижения по судейской службе.

Также не усматривается оснований считать, что условие «3+2» подрывает независимость судьи и образует коррупциогенный механизм. Независимость судьи является конституционной гарантией, обеспечиваемой системой институциональных и процедурных механизмов, и не сводится к наличию либо отсутствию отдельного квалификационного критерия. Указанное требование не вмешивается в отправление правосудия, не определяет содержание принимаемых судебных актов и не устанавливает правовых инструментов воздействия на судью при осуществлении правосудия. Возможные риски недобросовестного использования кадровых процедур относятся к вопросам применения закона и подлежат предотвращению предусмотренными законом гарантиями объективности и прозрачности кадровой оценки, а такие предположения не могут подменять конституционную оценку квалификационного требования, если оно объективно оправдано задачами должности.

Наконец, по доводу о правовой определенности Конституционный суд исходит из того, что изменение квалификационных требований к кандидатам на должность судьи Верховного суда по своей природе имеет перспективное действие и применяется при последующих процедурах отбора и избрания. Оно не направлено на пересмотр статуса судей, назначенных ранее в соответствии с действовавшими на тот момент правилами, и потому само по себе не создает неопределенности в вопросе легитимности ранее сформированного состава Верховного суда и законности ранее совершенных кадровых решений.

Резюмируя изложенное, рассматриваемая конструкция, являясь одной из допустимых моделей законодательного регулирования квалификационных требований к высшей судебной должности, по своему правовому эффекту не приобретает характер чрезмерного и необоснованного барьера, не нарушает гарантию равных прав и равных возможностей, предусмотренную частью 3 статьи 37 Конституции Кыргызской Республики, не приводит к умалению прав и свобод в смысле части 2 статьи 56 Конституции и в целом не противоречит Конституции Кыргызской Республики.

Руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4 и 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать нормативное положение абзаца 2 части 1 статьи 19 конституционного Закона Кыргызской Республики «О статусе судей Кыргызской Республики», выраженное словами «из них 3 года в первой инстанции и 2 года во второй инстанции», не противоречащей части 3 статьи 37, части 2 статьи 56, части 3 статьи 94 и части 5 статьи 95 Конституции Кыргызской Республики.

2. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

3. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

4. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики»

№ 01-3

10 декабря 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Арзыматовой А.Дж.,

руководствуясь частью 1, пунктом 5 части 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» рассмотрел по письменной процедуре дело о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

Поводом и основанием к рассмотрению дела явилось представление Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова.

Заслушав информацию судьи-докладчика Дуйшеева К.А., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 2 декабря 2025 года поступило представление Президента Кыргызской Республики С.Н. Жапарова о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

В справке-обосновании к проекту Закона обращается внимание на то, что статья 23 Конституции закрепляет права и свободы человека как высшие ценности Кыргызской Республики, а статья 20 отдельно выделяет детей в качестве одной из таких ценностей. Соответственно, законодательство, в частности статья 16 Кодекса о детях, возлагает на государство обязанность обеспечивать личную неприкосновенность ребенка, защищать его честь и достоинство и охранять от любых форм насилия. В документе также отмечается, что вопросы защиты жизни и половой неприкосновенности затрагивают не только детей, но и женщин, которые наряду с детьми рассматриваются как наиболее уязвимые группы, что обуславливает необходимость более внимательного и приоритетного подхода к обеспечению их безопасности.

Эти государственные обязательства согласуются с международными нормами, такими как Конвенция ООН о правах ребенка и Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которые ориентируют государства-участники на формирование эффективных механизмов предупреждения и пресечения насильственных преступлений.

Однако на сегодняшний день, как указано в приведенных статистических данных, подтверждается факт роста особо тяжких преступлений, связанных с убийствами и сексуальным насилием в отношении детей и женщин. Такая динамика свидетельствует о посягательствах на фундаментальные ценности, включая право на жизнь и половую неприкосновенность детей и женщин, относящиеся к числу высших и особо охраняемых прав.

В этой связи проект Закона предусматривает возможность установления смертной казни как исключительной меры наказания за изнасилование детей и за убийство, сопряженное с изнасилованием, путем внесения соответствующих изменений в статью 25 Конституции. В случае принятия предлагаемых изменений вопросы, связанные с международными обязательствами Кыргызской Республики, предполагается решать в рамках последующих правовых и иных необходимых процедур. Точнее, отменить Закон «О присоединении Кыргызской Республики ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, принятому резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года».

Указанное представление Президента Кыргызской Республики о даче заключения к проекту Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» подлежит рассмотрению Конституционным судом в силу прямого предписания пункта 5 части 2 статьи 97, части 4 статьи 116 Конституции и пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Ввиду чего определением судьи-докладчика К.А. Дуйшеева от 3 декабря 2025 года рассмотрение дела было назначено на 10 декабря 2025 года.

По рассматриваемому делу были запрошены правовые позиции Верховного суда Кыргызской Республики, Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, Омбудсмана (Акыйкатчы) Кыргызской Республики, Министерства иностранных дел Кыргызской Республики, Министерства внутренних дел Кыргызской Республики, Министерства юстиции Кыргызской Республики и Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики.

Верховным судом было отмечено, что право на жизнь является неотъемлемым и абсолютным, принадлежит каждому человеку от рождения и составляет фундамент всей правовой системы государства.

В этой связи подчеркивается, что государство, провозгласившее в Конституции принцип уважения человеческой жизни, несет положительное обязательство по обеспечению ее защиты и неприкосновенности, что предполагает формирование такой государственной политики, которая ориентирована на максимальное сохранение человеческой жизни.

В своей правовой позиции Суд указал, что восстановление смертной казни, предполагающее намеренное и необратимое лишение жизни государством, представляет собой концептуальный отход от конституционных установлений и фактически изменяет направленность правового развития страны, основанного на гуманизме и ценности человеческой личности.

По мнению Верховного суда, предлагаемое восстановление смертной

казни также не соответствует целям уголовного законодательства, поскольку ее исключительный карательный характер также противоречит гуманистической направленности правового регулирования. Суд подчеркнул, что эффективность предупреждения преступлений определяется не суровостью наказания, а его неотвратимостью.

Исходя из изложенного, Верховный суд выразил свою позицию о несовместимости восстановления смертной казни с принципами правового государства, конституционными ценностями, а также задачами уголовного законодательства.

Министерство иностранных дел в своей правовой позиции отмечает, что в соответствии со статьей 55 Конституции права и свободы человека и гражданина в Кыргызской Республике признаются и гарантируются в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика.

В этом контексте указывается, что Кыргызская Республика 16 марта 2010 года присоединилась ко Второму Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни, принятому резолюцией 44/128 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 декабря 1989 года.

Присоединение к указанному Протоколу повлекло принятие Кыргызской Республикой международно-правового обязательства окончательно отказаться от применения смертной казни, что нашло свое конституционное закрепление в виде императивного запрета смертной казни, установленного частью 1 статьи 25 Конституции.

При этом, Министерство особо отмечает, что Второй Факультативный протокол не относится к числу договоров, которые по своей природе подразумевают право на денонсацию, поскольку он кодифицирует в договорной форме универсальные и неотъемлемые права человека, закрепленные во Всеобщей декларации прав человека, что делает его обязательства постоянными и необратимыми.

Исходя из изложенного, Министерство иностранных дел подчеркивает, что представленный проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не только противоречит международным обязательствам страны, но и создает серьезные риски для ее международного положения, включая возможную изоляцию в мировом сообществе и блокирование глобальных инициатив Кыргызской Республики.

Генеральная прокуратура и Министерство юстиции выразили схожую с Министерством иностранных дел позицию.

Вместе с тем Министерство юстиции в дополнение отметило, что по преступлениям, совершенным в отношении детей, и по убийствам, сопряженным с изнасилованием, наказание должно предусматриваться исключительно в виде пожизненного лишения свободы, исключающего возможность смягчения наказания через применение помилования, амнистии или условно-досрочного освобождения.

Акыйкатчы (Омбудсмен) указал на приверженность Кыргызской Республики принципу неотъемлемости права на жизнь, а также на принятые

ею международные обязательства воздерживаться от применения смертной казни при любых обстоятельствах.

Восстановление смертной казни, по мнению Омбудсмана, может вступить в противоречие не только с международными обязательствами Кыргызской Республики, но и с духом Конституции, основанной на принципах гуманизма и верховенства права. Акыйкатчы подчеркивает, что, несмотря на справедливое стремление общества к усилению мер ответственности за тяжкие преступления, решения должны приниматься с опорой на долгосрочные интересы общества, гарантии справедливого суда и уважение к человеческому достоинству. Особое внимание обращается на необратимые последствия возможных ошибок при применении смертной казни.

На основании изложенного Акыйкатчы (Омбудсмен) не поддерживает проект Закона «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики».

Министерство внутренних дел в своей правовой позиции обращает внимание на увеличение числа особо тяжких преступлений против детей, в том числе преступлений, сопряженных с насилием, что, по мнению ведомства, создает серьезную угрозу общественной безопасности и требует усиления эффективности уголовно-правового реагирования.

Для этого, Министерством, указывается на необходимость укрепления материально-технического и кадрового потенциала следственных органов и экспертных учреждений, расширения доступа к криминалистическим экспертизам, а также повышения качества расследования и судебного разбирательства по делам данной категории.

Кроме того, Министерство отмечает целесообразность введения специального предусмотренного законом срока между вынесением судебного решения и его исполнением по делам об особо тяжких преступлениях против детей. Такой срок, по их мнению, необходим для минимизации риска судебных ошибок и установления возможной причастности осужденного к иным преступлениям.

Государственный комитет национальной безопасности в своей правовой позиции отметил, что предложений и замечаний к проекту не имеет.

Конституционный суд, рассмотрев представление Президента Кыргызской Республики, обсудив позиции государственных органов, и, исследовав приложенные материалы, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с пунктом 5 части 1 статьи 4, частью 3 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд дает заключение к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию оценивая его на соответствие фундаментальным правам и свободам человека и гражданина, допустимости их ограничений, принципам демократического, правового, светского государства, предусмотренному статьей 116 Конституции порядку внесения изменений и дополнений в нее.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда Кыргызской Республики по данному делу является проект Закона

Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» следующего содержания:

«Закон Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики»

Статья 1.

Внести в Конституцию Кыргызской Республики, принятую референдумом (всенародным голосованием) Кыргызской Республики 11 апреля 2021 года, следующее изменение:

- часть первую статьи 25 изложить в следующей редакции:

«1. Каждый имеет неотъемлемое право на жизнь. Посягательство на жизнь и здоровье человека недопустимо. Никто не может быть произвольно лишен жизни.

Смертная казнь может быть установлена законом только за изнасилование детей, убийство, сопряженное с изнасилованием.».

Статья 2.

Настоящий Закон вступает в силу со дня официального опубликования.».

2. Конституция Кыргызской Республики является учредительным правовым актом высшей юридической силы, посредством которого народ как носитель суверенитета задает архитектуру публичной власти, фиксирует основы конституционного строя и гарантии прав и свобод человека и гражданина. Сама преамбула Конституции формулирует исходные ценностные координаты этого учредительного решения — верховенство права, справедливость и равноправие, приоритет защиты прав и свобод, общечеловеческих принципов, опору на духовно-нравственные основания, а также ответственность перед нынешними и будущими поколениями. Ее общеобязательность превращают конституционные предписания в общий правовой масштаб, обеспечивая преемственность и предсказуемость правового развития, формируя доверие к институтам и удерживая в границах права как публичную власть, так и общество в целом.

В силу этого Конституция выполняет не только регулятивную, но и ценностно-ориентирующую функцию: она выступает правовой мерой государства и критерием, по которому соизмеряются политика, законодательство и практика правоприменения. Тем самым Конституция является юридической опорной точкой правопорядка — нормативным центром, вокруг которого выстраивается система источников права и обеспечивается единство правового развития.

Стабильность Основного Закона выражает не неподвижность текста, а устойчивость фундаментальных правил, без которых право перестает быть надежной гарантией и утрачивает охранительную силу, превращаясь в переменную величину, зависящую от текущей конъюнктуры. Частый и упрощенный пересмотр Конституции неизбежно снижает ее авторитет, размывает принцип правовой определенности и создает угрозу произвольной перенастройки баланса властей и объема правовых гарантий. Отсюда следует, что стабильность Конституции является самостоятельной и важной конституционной ценностью: она поддерживает преемственность

государственности и защищает конституционную идентичность — смысловой стержень, задающий пределы допустимых трансформаций.

3. Конституция, оставаясь устойчивой, не утрачивает качества живого правового инструмента, она должна сохранять способность отвечать на объективные изменения общественной жизни. Современный мир характеризуется ускорением технологического развития, трансформацией экономических моделей, новыми вызовами безопасности, изменением характера социальных коммуникаций и усилением взаимозависимости государств. Эти процессы могут порождать ситуации, когда прежние конституционные положения требуют уточнения или адаптации.

Однако сама возможность пересмотра не отменяет принципа исключительности конституционных поправок как меры последнего порядка. Поэтому внесение изменений в Конституцию оправдано лишь при наличии веских, проверяемых и объективно подтверждаемых оснований, вытекающих из глубоких и устойчивых изменений общественной жизни, когда цели конституционного развития невозможно достигнуть средствами обычного законодательства, институциональной модернизации либо конституционно согласованного толкования без риска затронуть базовые принципы и гарантии. В этом смысле поправка выступает *ultima ratio* — крайней юридической мерой, допускаемой для совершенствования конституционного порядка, но недопустимой как способ ситуативного реагирования, способный размывать смысловые основы, закреплённые в конституционных принципах.

Вследствие этого обращение к конституционным изменениям как к такой крайней мере предполагает, что их допустимость определяется не одним лишь соблюдением процедуры, а совокупностью взаимосвязанных процедурных и материальных пределов, образующих единую систему конституционных сдержек.

Процедурный предел выражается в строго определенном порядке внесения и принятия изменений, назначение которых обеспечить легитимность и взвешенность конституционного решения путем общественного обсуждения, соблюдение установленного круга субъектов инициативы, специальные кворумы и квалифицированное большинство, последовательность стадий рассмотрения. Процедура здесь не формальность, а гарантия от импульсивности, поскольку она создает фильтр и институциональную проверку мотивов, принуждая аргументы пройти испытание рациональностью и общественной верификацией.

Материальный предел, в свою очередь, означает, что даже безупречное соблюдение процедуры само по себе не легитимирует поправку, и не всякое формально возможное изменение является юридически допустимым. Конституционный текст способен обновляться, но не должен утрачивать защитную функцию по отношению к человеку и ограничениям публичной власти. Недопустимы также поправки, которые вступают в противоречие с базовыми принципами конституционного строя и нарушают внутреннюю согласованность Конституции как целостной системы, ослабляют фундаментальные гарантии прав и свобод, превращая их в условные обещания, ставят под сомнение добросовестность государства в исполнении международных обязательств и тем самым разрушают доверие как внутри страны, так и во внешних правовых отношениях.

Таким образом, институт конституционных поправок предполагает строгое различие между допустимой адаптацией и недопустимой трансформацией. Поправка может уточнять форму, совершенствовать механизмы и повышать эффективность конституционных гарантий, однако она не вправе разрушать их достигнутый уровень и обращать права и свободы вспять, поскольку в сфере основных прав действует логика недопустимости регресса, при которой изменение может иметь лишь созидательный, усиливающий вектор. Конституция допускает развитие, но не допускает утраты своих смысловых оснований, к числу которых относятся достоинство человека, верховенство права и ограниченность власти, и именно эти основания очерчивают предел, за которым поправка перестает быть обновлением и превращается в умаление.

4. Установив принцип исключительности конституционных поправок и систему взаимосвязанных пределов их допустимости, Конституция одновременно закрепляет институциональную гарантию, призванную придать этим требованиям практическую обязательность. В силу статьи 116 Конституции получение заключения Конституционного суда является обязательным элементом процедуры пересмотра, что превращает изменение Основного Закона в юридически проверяемое решение, соизмеряемое с конституционными основаниями и ограничениями, уже заданными самим конституционным порядком. Тем самым участие Конституционного суда выступает механизмом конституционного самоконтроля и самоограничения государства в целом, поскольку конституционная поправка не должна восприниматься как производная одной лишь политической воли или арифметики большинства. До завершения процедуры она обязана пройти независимую правовую оценку на соответствие конституционным основаниям и пределам. В этом проявляется простая идея конституционализма: власть может изменять правила, но не вправе освобождать себя от правила быть связанной правом. В связи с этим Конституция не ограничивается провозглашением принципов, а закрепляет юридически оформленный способ их применения к конкретному проекту поправок, передавая эту функцию Конституционному суду и определяя рамки его заключения законом.

Содержательное назначение такого заключения раскрывается в конституционном Законе «О Конституционном суде Кыргызской Республики», который определяет предмет оценки суда применительно к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию, в части соотношения фундаментальным правам и свободам человека, гражданина, включая допустимость их ограничений, принципам демократического, правового и светского государства, а также требованиям статьи 116 Конституции относительно конституционно установленного порядка.

Конституционный суд, действуя как независимый и институционально нейтральный субъект, не отождествляет себя ни с инициаторами поправок, ни с органами публичной власти, ни с частными интересами; его задача — дать целостную оценку конституционной допустимости предлагаемых изменений в логике и пределах, уже сформулированных Конституцией и конституционным Законом. При этом заключение Конституционного суда не подменяет усмотрение субъектов конституционной инициативы, а устанавливает правовые границы, в которых такое усмотрение может быть

реализовано без утраты учредительного смысла Конституции и без выхода за рамки конституционного правопорядка.

Как следствие, юридическое значение заключения Конституционного суда состоит не в консультативной рекомендации, а в обязательной конституционной предпосылке дальнейшего движения проекта. Положительное заключение подтверждает возможность конституционно необходимого условия для продолжения процедуры в установленном порядке. Отрицательное заключение, напротив, фиксирует отсутствие такого условия, когда предлагаемые изменения по своему правовому эффекту вступают в противоречие с основополагающими принципами и системной логикой Конституции, ведут к несоответствию и недопустимому снижению уровня конституционных гарантий прав и свобод, не согласуются с международными обязательствами Кыргызской Республики либо не укладываются в рамки статьи 116 как конституционно установленного порядка пересмотра. Исходя из этого дальнейшее продвижение проекта по процедуре внесения изменений в Конституцию исключается.

5. Развивая изложенное выше о предмете заключения Конституционного суда и о том, что допустимость конституционных изменений оценивается через их влияние на фундаментальные права и свободы человека и гражданина, следует подчеркнуть, что именно система прав и свобод образует ценностно-нормативный центр Конституции. Закрепляя права в тексте Основного Закона, народ превращает их из морального постулата в юридически обязательную гарантию, которая имеет двойную природу. С одной стороны, она утверждает за человеком сферу автономии и защищенности, с другой — устанавливает для государства пределы допустимого вмешательства и задает критерий, по которому оценивается правомерность как текущего регулирования, так и конституционного пересмотра. Поэтому в конституционном измерении важно не только признание права, но и сохранение достигнутого уровня его охраны, поскольку право перестает быть гарантией тогда, когда оно становится переменной величиной, зависящей от изменчивого усмотрения.

В этой системе право на жизнь занимает первичное, конститутивное положение. Оно не сводится к одному из прав, а составляет онтологическое основание правового статуса личности, поскольку без существования человека невозможна реализация каких-либо иных свобод, интересов и гарантий. Поэтому оно является не просто одним из фундаментальных прав, а правом-предпосылкой, без которого совокупность прав и свобод утрачивает реальное содержание. Свобода, достоинство, неприкосновенность личности, доступ к правосудию, собственность, образование, участие в публичной жизни, все это предполагает существование человека как носителя прав. Поэтому жизнь в конституционном измерении выступает не объектом охраны, а условием самой возможности конституционного статуса личности, а именно она задает предел, за которым право перестает работать как механизм защиты и превращается в декларацию без адресата.

По этой причине конституционная охрана жизни означает больше, чем запрет произвольного лишения жизни. Она выражает обязанность государства строить правовой порядок так, чтобы жизнь защищалась максимально возможными правовыми средствами, а любые исключения из этой охраны допускались лишь при сохранении сущности права и при недопущении

превращения жизни в предмет санкции. Смертная казнь в данном контексте является не одной из мер наказания повышенной строгости, а качественно иной правовой конструкцией, поскольку предполагает окончательное и необратимое лишение жизни по воле государства. Ее необратимость исключает возможность восстановления нарушенного права и делает ошибку правоприменения фатальной, что несовместимо с гарантийной природой Конституции, ориентированной на охрану человека и на минимизацию невосполнимых потерь.

Предлагаемая поправка затрагивает именно этот уровень конституционных гарантий. Проект Закона предусматривает изложение части первой статьи 25 в редакции, которая, наряду с провозглашением неотъемлемого права на жизнь и запретом произвольного лишения жизни, допускает установление смертной казни законом только за изнасилование детей и убийство, сопряженное с изнасилованием. Тем самым в конституционный текст вводится конструкция, переводящая охрану жизни в режим условной обратимости, зависимой от последующего законодательного усмотрения. Если Конституция в своей гарантийной функции призвана ограничивать возможность государства обращаться с жизнью как с объектом санкции, то включение в нее оговорок о допустимости смертной казни означает институционализацию противоположного подхода, при котором лишение жизни допускается как юридически нормируемый инструмент уголовной политики. В результате меняется не частный элемент регулирования, а сама логика охраны права на жизнь, поскольку допускается окончательное лишение жизни в качестве легитимного действия государства.

Историко-правовое развитие Кыргызской Республики подтверждает, что ранее государством был осуществлен иной, последовательно оформленный выбор, направленный на усиление гарантий права на жизнь и гуманизацию и либерализацию уголовной политики. Установление моратория на исполнение смертных приговоров в 1998 году и его последующие продления завершились Указом Президента от 29 декабря 2005 года №667, которым мораторий был продлен до полной отмены смертной казни законодательным путем, а также были даны поручения по подготовке решений, обеспечивающих отмену смертной казни и присоединение к международным механизмам ее окончательной отмены. Дальнейшие шаги носили не ситуативный, а институциональный характер: в 2006 году была внесена конституционная поправка, отменяющая смертную казнь, в 2007 году последовали изменения уголовного законодательства, а Конституция 2010 и 2021 годов закрепила окончательный запрет смертной казни. Этот ряд решений выражает сформированный правопорядком более высокий уровень охраны права на жизнь, закрепленный не только в политической практике, но и в нормативных актах конституционного уровня. Он демонстрирует не временное ограничение применения смертной казни, а последовательное институциональное оформление гуманистического и либерального выбора государства, при котором приоритет права на жизнь и достоинства личности был закреплен через нормативные решения повышенного уровня. Следовательно, достигнутый уровень охраны жизни приобрел характер устойчивой конституционной гарантии.

Вследствие этого предлагаемое конституционное допущение смертной казни по своему правовому эффекту означает не уточнение конституционного

регулирования, а снижение достигнутого уровня охраны права на жизнь и изменение самой направленности конституционной гарантии. Поправка переносит жизнь из сферы безусловной защиты в сферу условной обратимости, поскольку допускает окончательное лишение жизни как юридически нормируемый инструмент уголовной политики. В результате право на жизнь перестает выступать высшей конституционной гарантией и фактически ставится в зависимость от законодательного усмотрения, что не согласуется с его неотъемлемым, абсолютным характером и с ролью статьи 25 как предельного конституционного барьера охраны личности.

Отсюда следует принципиальный вывод для оценки допустимости предлагаемого изменения. Поправка, вводящая смертную казнь в конституционный текст, по своему правовому эффекту означает снижение достигнутого уровня конституционной защиты права на жизнь и тем самым образует регресс (non-regression) в сфере фундаментальных прав. В логике конституционных ограничений, изложенной выше, подобное обратное движение/эволюция не может быть квалифицировано как допустимая адаптация, поскольку оно изменяет не форму и не механизм гарантий, а их смысловую направленность, ослабляя охранительную функцию самой Конституции как таковой. В сфере основных прав действует презумпция недопустимости регресса, при которой развитие может иметь только усиливающий, созидательный вектор, иначе такая поправка перестает быть обновлением и превращается в умаление.

Таким образом, Конституционный суд считает, что предлагаемая редакция части первой статьи 25, допускающая установление смертной казни, вступает в прямое противоречие с конституционным стандартом охраны права на жизнь и, допуская регрессивное снижение уровня его гарантированности, означает отступление от принципов демократического и правового государства, что исключает признание такой поправки конституционно допустимой.

6. Конституция, признавая общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры частью правовой системы (часть 3 статья 6), фиксирует конституционный выбор правовой связности государства. Этим выбором на уровне Основного Закона закрепляется открытая (интегрированная) модель правовой системы, в рамках которой международные обязательства государства утрачивают характер внешнего, факультативного ориентира и приобретают внутрисистемную юридическую релевантность. Следовательно, государство обязано соизмерять внутренние решения с теми обязательствами, которые добровольно приняты на международном уровне.

Юридическое содержание данной конституционной установки проявляется, прежде всего, в ее обязывающем эффекте для всех ветвей власти.

Нормотворческие и управленческие решения органов государственной власти должны приниматься в соотнесении с ратифицированными и действующими международными договорами, поскольку их игнорирование образует не просто дефект политико-управленческого выбора, а конституционно значимое нарушение параметров правовой системы, в которую соответствующее обязательство уже включено.

В свою очередь, судебная власть реализует это требование, в том числе через конституционное судопроизводство. Конституционный суд, оценивая

содержание, смысл и применение национальных актов, исходит из презумпции согласованности внутреннего регулирования с принятыми международными обязательствами. Он обязан обеспечивать такое толкование и такую юридическую квалификацию, которые исключают нормативный разрыв между конституционным порядком и международно-правовой ответственностью государства. В этом выражается не риторика, а сущность правового государства: право есть форма связности и последовательности публичного обещания, обеспечивающая предсказуемость поведения государства и удерживающая власть в горизонте ответственности.

При этом государство не может обосновывать неисполнение международного договора ссылками на особенности своего внутреннего правового регулирования. Данный императив закреплен Венской конвенцией о праве международных договоров: участник не может ссылаться на положения внутреннего права как на основание невыполнения договора (статья 27), а каждый действующий договор обязателен для участников и подлежит добросовестному исполнению (*pacta sunt servanda*) (статья 26).

Вместе с тем указанная Конвенция регулирует не только обязанность добросовестного исполнения, но и условия прекращения договора, его денонсации, выхода из него либо приостановления его действия. Эти юридические последствия наступают не по усмотрению государства, а лишь в результате применения положений самого договора или норм Конвенции, что закрепляет принцип продолжения договорной связности обязательства (статья 42). Поэтому, если договор не содержит положений о прекращении и не предусматривает денонсации или выхода, право на односторонний выход не предполагается и допускается лишь в строго исключительных случаях, когда установлено намерение участников допустить такую возможность либо право выхода подразумевается характером договора (статья 56).

А в случае, если внутреннее нормативное решение или практика его применения по своему правовому эффекту приведут к несовместимости с действующим международным обязательством либо к его фактическому неисполнению, такая ситуация может быть квалифицирована не только в плоскости международно-правовой ответственности, но и как нарушение конституционной добросовестности публичной власти, поскольку соответствующее обязательство уже закреплено в самой Конституции. Допущенное несоблюдение также может быть квалифицировано как существенное в смысле статьи 60 Венской конвенции, ввиду этого возникает риск применения предусмотренных Конвенцией последствий для договорных отношений. В более широкой перспективе такая несогласованность способна ослабить предсказуемость государства как контрагента, подорвать кредит доверия к нему и, как следствие, может кардинально сузить пространство международного сотрудничества, в том числе в чувствительных сферах, включая права и свободы человека, безопасность и экономические связи.

7. Рассматриваемый проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» предусматривает изложение части первой статьи 25 в редакции, при которой, наряду с закреплением неотъемлемого права на жизнь, одновременно устанавливается, что смертная казнь может быть введена законом только за изнасилование детей и убийство, сопряженное с изнасилованием. Тем самым затрагивается

не частный элемент уголовно-правовой политики, а сама конституционная конфигурация охраны права на жизнь в действующей модели конституционного регулирования, которая по своему назначению призвана сдерживать возможность государства прибегать к лишению жизни как к форме наказания, а не институционализировать такую возможность.

В силу природы указанного права и его места в системе фундаментальных гарантий такое изменение неизбежно приобретает значение и в международно-правовой плоскости — как в части универсальных стандартов охраны права на жизнь, так и в принятых Кыргызской Республикой договорных обязательств в данной сфере.

Международный стандарт охраны права на жизнь имеет устойчивое и общеизвестное выражение уже на уровне Всеобщей декларации прав человека, закрепляющей право каждого на жизнь, свободу и личную неприкосновенность (статья 3). В договорном измерении тот же принцип получает юридически обязательную форму в Международном пакте о гражданских и политических правах, согласно которому право на жизнь признается неотъемлемым и подлежащим защите законом, а произвольное лишение жизни запрещается (статья 6).

Вместе с тем для Кыргызской Республики ключевое значение имеет то, что международно-правовая рамка в рассматриваемой сфере не исчерпывается общими стандартами. Кыргызская Республика присоединилась 6 декабря 2010 года ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленному на отмену смертной казни. Содержание этого Протокола исключает саму постановку вопроса об условиях допустимости смертной казни, поскольку устанавливает всеобщий для юрисдикции государства режим ее окончательного исключения из правопорядка и запрет казни как меры наказания, осуществляемой государством. А точнее, согласно статьи 1 Протокола никто, находящийся под юрисдикцией государства-участника, не должен быть казнен, а государство обязано принять все необходимые меры к отмене смертной казни в пределах своей юрисдикции, то есть обеспечить исключение самой возможности ее назначения и исполнения в национальном правопорядке. Протокол допускает лишь строго очерченную оговорку военного времени (статья 2) и тем самым фиксирует, что речь идет не о вариативности применения смертной казни, а о режиме принципиального запрета, направленного на ее устранение как допустимого института наказания.

Конституционный суд считает также необходимым особо подчеркнуть, что Кыргызская Республика, присоединившись в 2010 году ко Второму факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах, приняла на себя договорное обязательство именно об окончательной отмене смертной казни, причем в форме режима, не предусматривающего односторонней денонсации (выхода). Комитет ООН по правам человека прямо указывает, что в тексте Второго факультативного протокола денонсационная оговорка была сознательно исключена, и в этой связи разъясняет, что государства-участники не могут его денонсировать. В логике такого договорного режима отмена смертной казни приобретает юридически необратимый характер, а ее повторное введение в национальном правопорядке не допускается.

Таким образом, проект, вводя в Конституцию формулу о возможности установления смертной казни законом, закрепляет на конституционном уровне допустимость ее восстановления как меры наказания, тогда как действующее международное обязательство Кыргызской Республики по Второму факультативному протоколу требует противоположного — окончательной отмены смертной казни и недопущения казни в пределах юрисдикции государства. В международно-правовом измерении это означает прямое отступление от действующего договорного режима отмены смертной казни и конституционное закрепление модели, объективно ведущей к нарушению принятого обязательства, с возникновением риска международно-правовой ответственности и предусмотримых последствий для договорных отношений государства.

В свою очередь, во внутрисистемном, конституционном измерении такое расхождение разрушает принцип внутренней согласованности правопорядка, поскольку часть 3 статьи 6 Конституции включает международные договоры в состав правовой системы Кыргызской Республики. Соответственно, речь идет не о внешней коллизии, а о конституционно значимом внутрисистемном противоречии, при котором предлагается закрепить в Конституции разрешение, несовместимое с действующим международным обязательством, уже включенным в правовой порядок самим Основным Законом. При таком соотношении Конституция превращалась бы в источник нормативного самопротиворечия, поскольку одновременно утверждала бы обязательность международного режима отмены и закрепляла бы возможность его преодоления внутренним законодательным усмотрением.

8. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» внесен по инициативе Президента Кыргызской Республики и предусматривает изменение нормы, относящейся ко второму разделу Конституции (статья 25). В силу статьи 116 Конституции такие изменения принимаются посредством референдума (всенародного голосования), назначаемого Президентом, при соблюдении конституционно установленной последовательности стадий и ограничений, включая запрет принятия Конституции и внесения в нее изменений в период чрезвычайного или военного положения.

Одним из элементов данной процедуры является заключение Конституционного суда Кыргызской Республики. В соответствии с частью 4 статьи 116 Конституции дача заключения Конституционного суда выступает обязательной частью механизма пересмотра и превращает конституционную поправку в юридически проверяемое решение, соразмеряемое с пределами и основаниями, заданными самой Конституцией. Как было раскрыто в пункте 4 настоящей мотивировочной части, такое юридическое значение заключения состоит в том, что оно является конституционно необходимой предпосылкой дальнейшего движения проекта: положительное заключение подтверждает наличие такого условия для продолжения процедуры, тогда как отрицательное заключение означает отсутствие этого условия в случаях, когда предлагаемые изменения по своему правовому эффекту вступают в противоречие с основополагающими принципами и системной логикой Конституции, ведут к недопустимому снижению уровня конституционных гарантий прав и свобод и (или) не согласуются с международными обязательствами Кыргызской Республики.

В рассматриваемом деле, как последовательно обосновано в пунктах 5–7 настоящей мотивировочной части, предлагаемый проект Закона по своему правовому эффекту, во-первых, ведет к регрессивному снижению достигнутого уровня конституционной охраны права на жизнь, и, во-вторых, закрепляет нормативную конструкцию, несовместимую с действующими международными обязательствами Кыргызской Республики в сфере окончательной отмены смертной казни, включенными в ее правовую систему. Указанные обстоятельства в их совокупности означают, что проект вступает в противоречие с Конституцией Кыргызской Республики и не отвечает конституционно заданным пределам пересмотра. Следовательно, отсутствует конституционно необходимое условие для продолжения процедуры в порядке статьи 116, а потому дальнейшее продвижение проекта, включая инициирование и назначение референдума по данному вопросу, конституционно не допускается.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 5 части 2, частью 4 статьи 97, частью 4 статьи 116 Конституции Кыргызской Республики, статьями 38, 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики пришел к следующему

ЗАКЛЮЧЕНИЮ:

1. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не соответствует Конституции Кыргызской Республики.

2. Проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Конституцию Кыргызской Республики» не может быть вынесен на референдум и все процедуры по реализации инициативы для его принятия подлежат прекращению с момента вступления в силу настоящего Заключение.

3. Заключение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу со дня его опубликования на официальном сайте Конституционного суда.

4. Заключение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Заключение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
РЕШЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

**по делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 95
Уголовнопроцессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с
обращением Анарбаева Максатбека Гыязидиновича**

№ 09-Р

17 декабря 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре К. Маамыталы кызы, с участием:

обращающейся стороны - Осмоналиева Бакыта Саматкуловича, представляющего интересы Анарбаева Максатбека Гыязидиновича. по ордеру;

стороны-ответчика - Ысыранова Самата Кыштообековича, постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики;

третьих лиц - Молдобаева Алмазбека Тавалдыевича, постоянного представителя Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Калыгул уулу Бакыта, Байдылдаева Кумарбека Курманбековича, представителей Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Акынбекова Темирлана Тилековича, Хасанова Эмира Эрнисовича представителей Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Джаркынбаева Аязбека Доолосбековича, постоянного представителя Министерства юстиции Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики, Аскарлова Илгиза Камилжановича, представителя Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1 и 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 95 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом и основанием к рассмотрению данного дела явились обращение Анарбаева М.Г. и обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики оспариваемые нормы.

Заслушав информацию судьи-докладчика Кыдырбаева К.Дж., проводившего подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав материалы дела, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 17 июля 2025 года поступило обращение Анарбаева М.Г. о проверке соответствия частей 1 и 3 статьи 95 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК) частям 1, 3 и 4 статьи 57 Конституции Кыргызской Республики.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему материалов, в 2019 году в рамках уголовного дела в отношении нескольких лиц, обвиняемые Воинов Р.М. и Куценко К. заключили соглашения о признании вины, ввиду чего материалы в отношении них были выделены в отдельное производство, которое было рассмотрено судом в упрощенном порядке с постановлением обвинительного приговора в 2021 году.

В этой связи в обращении указывается, что Воиновым Р.М. и Куценко К. были даны признательные показания, а также сообщены сведения, касающиеся предполагаемой причастности Анарбаева М.Г. к инкриминируемым деяниям. По утверждению заявителя именно данные показания послужили основанием для возбуждения уголовного дела в отношении него, а выводы о его причастности к вменяемым преступлениям в значительной мере основываются на показаниях Воинова Р.М. и Куценко К., данных ими в рамках уголовного дела, рассмотренного судом в упрощенном порядке.

Исходя из этого, субъект обращения указывает, что рассмотрение уголовных дел в особом порядке предполагает осуществление судебного разбирательства без проведения судебного следствия в полном объеме и без непосредственного исследования доказательств судом. Кроме того, заявитель обращает внимание на положения статьи 142 УПК, регулирующей основания и порядок выделения материалов уголовного дела в отдельное производство, подчеркивая, что принятие такого процессуального решения допускается лишь при условии, что оно не отражается на всесторонности и объективности уголовного судопроизводства. Тогда как по уголовным делам в отношении заявителя Анарбаева М.Г. и других лиц, проходящих по делу, сторона обвинения и представители потерпевшей стороны, по его утверждению, ссылаются и пытаются использовать вступивший в законную силу обвинительный приговор, вынесенный в отношении Воинова Р.М. и Куценко К., тем самым, придавая установленным в нем обстоятельствам, основанным на их признательных показаниях, преюдициальное значение в силу положений частей 1 и 3 статьи 95 УПК.

При этом заявитель отдельно обращает внимание на положения части 3 статьи 95 УПК, которые, устанавливая обязательность приговора суда в части решения вопросов о возмещении материального ущерба и (или) морального вреда, по его мнению, фактически предопределяют выводы суда при рассмотрении соответствующих требований и затрагивают право на судебную защиту лиц, не участвовавших в уголовном процессе.

По утверждению Анарбаева М.Г., применение оспариваемых норм в сложившейся правоприменительной практике приводит к формированию ситуации, где выводы и обстоятельства, установленные в судебных актах, вынесенных в рамках особых процедур без проведения полноценного судебного следствия и без его участия, используются при рассмотрении

уголовного дела в отношении него. Это, по мнению заявителя, создает риск вынесения обвинительного приговора без самостоятельной оценки судом совокупности доказательств, а также без всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

Кроме того, заявитель указывает, что сложившаяся практика, при которой приговор, постановленный в порядке главы 57 УПК, рассматривается судами и участниками процесса как основание для признания установленными фактов, относящихся к другим лицам, позволяет формировать обвинение преимущественно на устных показаниях иных обвиняемых, не подтвержденных в общем порядке исследования доказательств в судебном заседании. По его утверждению, это противоречит конституционным гарантиям и принципу презумпции невиновности.

В этом контексте заявитель также ссылается на положения статей 45 и 47 УПК, определяющие процессуальный статус обвиняемого и участие лиц, несущих имущественную ответственность за причиненный преступлением вред, а также на статью 71 Уголовного кодекса, согласно которой возмещение материального ущерба и компенсация морального вреда применяются судом независимо от освобождения лица от уголовной ответственности либо наказания, что, по его мнению, усиливает правовые последствия придания преюдициальной силы приговорам, вынесенным в особом порядке, для лиц, не участвовавших в соответствующем уголовном процессе.

В этой связи заявитель ссылается на часть 1 статьи 57 Конституции, согласно которой каждый считается невиновным в совершении преступления, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. При этом, обращаясь к частям 3 и 4 указанной статьи, он подчеркивает недопустимость осуждения лица исключительно на основании признательных показаний, а также возложение бремени доказывания вины на сторону обвинения.

В подтверждение своей позиции Анарбаев М.Г. также ссылается на положения Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах, а равно на правовую позицию Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, изложенную в Решении от 17 февраля 2021 года, согласно которой установленная уголовно-процессуальным законодательством система правил, наряду с защитой прав и законных интересов потерпевшей стороны, должна обеспечивать защиту каждой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения прав и свобод.

Исходя из изложенного, заявитель просит признать части 1 и 3 статьи 95 УПК противоречащими Конституции в той мере, в какой они допускают придание преюдициальной силы приговорам, вынесенным в особом порядке на основании соглашений о признании вины, при рассмотрении уголовных дел в отношении лиц, не участвовавших в соответствующем судопроизводстве.

На основании определения коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 16 сентября 2025 года обращение принято к производству.

Сторона-ответчик в лице постоянного представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики Ысыранова С.К. представил следующую позицию по доводам, изложенным в обращении заявителя.

Оспариваемые части 1 и 3 статьи 95 УПК предусматривают преюдициальное значение вступивших в законную силу судебных актов и направлены на обеспечение правовой определённости, устойчивости судебных решений, а также согласованности уголовного и гражданского судопроизводства.

Сторона-ответчик отметил, что преюдициальная сила приговора суда распространяется исключительно на установленные обстоятельства и их правовую оценку в отношении лица, о котором вынесен соответствующий судебный акт, и не предполагает автоматического переноса выводов суда на иных лиц, не участвовавших в уголовном деле. Виновность каждого лица подлежит установлению индивидуально, исключительно вступившим в законную силу обвинительным приговором суда по итогам самостоятельного судебного разбирательства, что соответствует принципу презумпции невиновности, закреплённому в статье 57 Конституции и выступающему непреодолимым пределом для любых форм правоприменения.

При этом подчеркнуто, что институт преюдиции касается установленных фактических обстоятельств и не подменяет обязанность суда по самостоятельной правовой оценке доказательств, а также не освобождает его от соблюдения принципов непосредственности, состязательности и всестороннего исследования материалов дела. Использование приговора, вынесенного в отношении одного лица, не может рассматриваться в качестве доказательства виновности другого лица.

В своей позиции Ысыранов С.К. также указывает, что приговор, вынесенный в упрощённом порядке на основании соглашения о признании вины, не обладает преюдициальной силой в отношении иных обвиняемых и не предreshает вопрос об их виновности, подлежащий разрешению судом по итогам самостоятельного и всестороннего исследования доказательств.

По мнению стороны-ответчика, рассмотрение уголовного дела в упрощённом порядке на основании соглашения о признании вины осуществляется в рамках, предусмотренных законом процессуальных гарантий и не предreshает вопрос о виновности иных лиц, поскольку такой приговор принимается без исследования доказательств в общем порядке и действует исключительно в пределах правового статуса лица, в отношении которого он постановлен. Выделение уголовного дела в отдельное производство не освобождает органы досудебного производства от обязанности принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного расследования обстоятельств дела в отношении каждого подозреваемого или обвиняемого.

Кроме того, оспариваемое законодательное регулирование соответствует принципу обязательности судебных решений и международным стандартам справедливого судебного разбирательства, вытекающим из Всеобщей декларации прав человека и Международного пакта о гражданских и политических правах. Учитывая изложенное, Ысыранов С.К. считает, что части 1 и 3 статьи 95 не противоречат Конституции.

Представители Президента и Кабинета Министров Кыргызской Республики, Верховного суда Кыргызской Республики, Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики, Министерства юстиции Кыргызской Республики, Министерства внутренних дел Кыргызской Республики и

Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики выразили позиции и аргументы, схожие с позицией представителя Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в Конституционном суде Кыргызской Республики.

Исследовав материалы дела, и, заслушав позицию стороны-ответчика и мнения третьих лиц, Конституционный суд приходит к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда по данному делу являются нормативные положения частей 1 и 3 статьи 95 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, изложенные в следующей редакции:

«Статья 95. Преюдиция

1. Вступивший в законную силу приговор, а также вступившее в законную силу другое решение суда по делу, разрешающее его по существу, обязательны для всех государственных органов, организаций и граждан в отношении как установленных обстоятельств, так и их правовой оценки по отношению к лицу, о котором они вынесены. Данное положение не препятствует отмене и изменению приговора и других решений суда в апелляционном и кассационном порядке по новым или вновь открывшимся обстоятельствам.

3. Вступивший в законную силу приговор суда, в котором решен вопрос о возмещении материального ущерба и (или) морального вреда, обязателен в этой части для суда при рассмотрении дела в ходе гражданского судопроизводства в части вопросов, нерешенных в порядке уголовного производства.»

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №129 принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин Тоо» 16 ноября 2021 №122133, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Правосудие, осуществленное и завершенное в надлежащей процессуальной форме, призвано порождать не только правовые последствия, но и обеспечивать сохранение институциональной «памяти» судебной власти. Смысл этой памяти состоит в том, чтобы исключить воспроизводство в разных судебных процессах одних и тех же юридически значимых обстоятельств в виде взаимоисключающих фактических и правовых версий. Иначе правопорядок утратит свою предсказуемость, а судебная власть - свою ключевую способность стабилизировать общественные отношения посредством окончательных и общеобязательных выводов.

Именно в целях предупреждения противоречивых судебных установлений и недопущения «множественности истин» в правосудии действует институт преюдиции.

Преюдиция представляет собой правовое свойство вступившего в законную силу судебного акта, выражающееся в обязательности установленных им фактических обстоятельств и, в допустимых пределах, правовых выводов для государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, организаций и граждан в пределах предмета уже разрешенного судом дела и по отношению к лицу, о котором он вынесен. В этом качестве преюдиция исключает возможное сомнение в уже установленных обстоятельствах и их юридической квалификации, предотвращает произвольное «обнуление» судебных выводов в иных судопроизводствах и обеспечивает преемственность деятельности судов как единого механизма публичной юстиции.

Тем самым, преюдиция устраняет необходимость повторного доказывания того, что уже установлено судом, препятствует появлению взаимоисключающих оценок, поддерживает непротиворечивость правоприменения и укрепляет уважение к судебным решениям как актам правосудия, принимаемым от имени государства.

Конституционный суд подчеркивает, что преюдициальная сила судебного акта непосредственно вытекает из конституционного статуса суда как единственного органа, осуществляющего правосудие (часть 1 статьи 94 Конституции), и из обязательности судебного вердикта как формы реализации судебной власти. В системной взаимосвязи с гарантиями права каждого на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство (статьи 61, 100, 101 Конституции) данный принцип выступает юридическим выражением авторитета суда и его решений, как института окончательного разрешения социальных и правовых конфликтов.

Таким образом, преюдиция выступает системообразующим элементом правосудия: она придает вступившим в законную силу судебным актам реальную устойчивость, обеспечивает согласованность и предсказуемость правоприменения, предотвращает конфликт судебных установлений и, тем самым, укрепляет правопорядок.

В силу этого преюдициальность судебных актов является не только процессуальной категорией, но и выступает в качестве конституционно значимого проявления принципа правового государства, формирующего и поддерживающего доверие общества к правосудию в целом.

3. Вместе с тем, преюдиция не сводится к техническому приему, она имеет конституционно-правовую природу и выступает правовым следствием законной силы судебного решения, исключая понимание этого института как безусловной формулы. В силу оспариваемой части 1 статьи 95 УПК вступивший в законную силу приговор, а также вступившее в законную силу другое решение суда по делу, разрешающее его по существу, обязательны для всех государственных органов, организаций и граждан в отношении как установленных обстоятельств, так и их правовой оценки по отношению к лицу, о котором они вынесены.

Однако указанная обязательность не тождественна автоматическому использованию преюдиции в новом деле и не означает переноса в него всего содержания предыдущего судебного акта. Как следствие законной силы судебного решения, преюдиция реализуется в ином производстве исключительно при одновременном соблюдении условий ее применимости и

пределов действия и функционирует как юридически регламентированный механизм учета ранее установленных обстоятельств, а не как самостоятельное и безусловное основание для разрешения дела по существу. В этой связи для определения допустимых границ учета ранее установленных обстоятельств требуется разграничение условий применимости преюдиции и пределов ее действия.

Так, под условиями применимости преюдиции следует понимать совокупность юридически значимых критериев, подлежащих обязательной проверке судом при решении вопроса о допустимости обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным актом. Наличие и соблюдение этих критериев определяет, вправе ли (и в необходимых случаях — обязан ли) суд нового производства опираться на такие обстоятельства при рассмотрении иного дела.

Первым условием преюдициального учета выступает наличие судебного акта, вступившего в законную силу, и отсутствие сведений о его отмене либо изменении в установленном порядке. Суд нового дела обязан удостовериться в статусе такого акта, в завершенности его правового эффекта и в том, что он сохраняет юридическую силу на момент рассмотрения текущего спора. Иное означало бы опору на нестабильный правовой источник и создавало бы риск переноса в новое производство выводов, лишенных необходимой юридической устойчивости.

Вторым условием является предметная определенность преюдиции. Суд нового дела должен установить, какие именно обстоятельства прежним судом были не просто упомянуты, а реально исследованы и признаны доказанными в рамках надлежащей процедуры, и какие из них составляли необходимое основание для разрешения того дела по существу. Преюдиция охватывает лишь те факты, которые объективированы в мотивировочной части судебного акта и были существенными для принятого решения, а не любые сведения, содержащиеся в описательной части, в доводах участников либо в фактических предпосылках, не влияющих на исход. В этом же контексте суд нового дела должен разграничить объективируемые факты события или действия и оценочные выводы.

В зависимости от процессуальной природы производства и прямого предписания закона переносимыми могут быть лишь факты, тогда как вопросы виновности, правовой квалификации, субъективной стороны, степени участия, формы вины и меры ответственности подлежат самостоятельному формированию в новом деле на основе доказательств, исследованных с соблюдением одного из основополагающих принципов отправления правосудия - принципа непосредственности.

Третьим условием является персональная ограниченность преюдиции. Преюдициальная сила не может превращаться в инструмент предрешения правового положения тех лиц, которые не участвовали в исходном разбирательстве и не имели реальной возможности реализовать право на защиту, состязание и предоставление своих возражений. Особое значение это имеет в уголовном судопроизводстве, поскольку личный характер уголовной ответственности и презумпция невиновности исключают связывание обвиняемого выводами, сформированными без его участия.

Четвертым условием является релевантность преюдициальных

обстоятельств предмету доказывания по новому делу. Суд нового дела соотносит обстоятельства, установленные ранее, с теми юридическими фактами, которые подлежат установлению в текущем производстве. Даже формально совпадающее обстоятельство может иметь различное доказательственное значение в зависимости от предмета рассматриваемого дела, применимых норм права, стандарта доказывания и процессуального контекста. Преюдиция допустима лишь постольку, поскольку учитываемый факт действительно сохраняет значение для разрешения нового дела и не подменяет собой установление иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания и не охваченных пределами преюдиции.

Пятым условием является совместимость преюдициального учета с процессуальными гарантиями справедливого разбирательства. Суд нового дела обязан исключить ситуацию, при которой ссылка на преюдицию фактически перераспределяет бремя доказывания, превращает презумпцию невиновности в обязанность «опровергать» чужие выводы либо сводит состязательность к формальности. Поэтому проверка включает установление того, что стороны текущего процесса сохраняют реальную возможность заявлять возражения относительно применимости преюдиции, указывать на несоблюдение ее пределов, ссылаться на отмену либо изменение исходного акта, а также — в допустимых законом границах — оспаривать связь преюдициального факта с предметом доказывания нового дела.

Наряду с условиями применимости, суд нового дела, как уже выше было отмечено, обязан также очертить пределы применения преюдиции в конкретной ситуации.

Если условия применимости преюдиции отвечают на вопрос о допустимости ее использования в новом производстве, то пределы применения преюдиции определяют, в каком объеме и до какого момента ранее установленные обстоятельства могут обладать обязательной юридической силой. Это, в свою очередь, предполагает выявление направлений ограничения юридического эффекта преюдиции, выражающихся также в предметном, персональном, процессуальном, временном измерениях, отражающих соответственно объем обязательности, круг лиц, на которых она распространяется, и ее значение для процесса доказывания.

Прежде всего, предметный предел применения преюдиции определяется тем, что ее содержание ограничивается обстоятельствами, которые прежний суд установил, как факты события или действия, лишь в той мере, в какой они имели значение, необходимое для исхода дела. При этом элементы правовой оценки, выводы о виновности и иные оценочные суждения находятся за пределами юридического эффекта преюдиции.

В этом же контексте персональный предел означает, что обязательность распространяется исключительно на лицо, в отношении которого прежний судебный акт сформулировал выводы, и не может охватывать иных участников, не имевших возможности влияния на формирование доказательственной базы и правовой оценки.

В свою очередь, процессуальный предел выражается в том, что преюдиция не может приобретать значение средства доказывания, подменяющего непосредственное исследование доказательств судом. Ее юридический эффект ограничивается возможностью учета ранее

установленного факта как внешней опорной точки и не распространяется на формирование выводов по предмету доказывания без самостоятельной оценки относимых доказательств в текущем производстве.

Наконец, временной предел применения преюдиции обусловлен производным характером ее юридического эффекта от судьбы судебного акта, на котором она основана. В силу прямого указания статьи 95 УПК обязательная юридическая сила ранее установленных обстоятельств сохраняется лишь постольку, поскольку соответствующий приговор или иное судебное решение остается действующим и не отменено либо не изменено в апелляционном, кассационном порядке либо по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Отмена или изменение судебного акта исключает возможность дальнейшего использования содержащихся в нем выводов в качестве преюдициально обязательных.

Таким образом по смыслу изложенного, Конституционный суд резюмирует, что применение преюдиции в ином производстве допустимо лишь при одновременном и взаимосвязанном учете условий ее применимости и пределов действия. Преюдициальная сила судебного акта возникает и сохраняется только при совокупном соблюдении этих требований и исключает возможность их избирательного либо фрагментарного использования. Такой подход, основанный на проверке допустимости и границ преюдициального учета, а не на повторном доказывании обстоятельств «как впервые» и не на их механическом заимствовании из предыдущего судебного акта, — обеспечивает функционирование института преюдиции в логике правового государства, поддерживая правовую определенность и непротиворечивость судебной практики без умаления конституционных гарантий справедливого и состязательного разбирательства, включая презумпцию невиновности и распределение бремени доказывания.

4. Положениями УПК также закрепляется применение института преюдиции при разрешении вопросов о возмещении вреда в порядке гражданского судопроизводства. Так, в соответствии с частью 3 статьи 95 УПК приговор суда, в котором решен вопрос о возмещении материального ущерба и (или) морального вреда, обязателен в этой части для суда, рассматривающего дело в порядке гражданского судопроизводства, в пределах вопросов, не разрешенных в уголовном производстве.

В этой связи важно отметить, что при применении оспариваемой части 3 статьи 95 УПК суды гражданской юрисдикции обязаны исходить из общего правила применения преюдиции, сформулированного выше в пункте 3, как из правила ограниченного и обусловленного учета ранее установленных обстоятельств. В частности, обязательность приговора не охватывает весь объем обстоятельств, подлежащих установлению при разрешении требований о возмещении вреда. Учету подлежат лишь те фактические обстоятельства, которые были реально проверены и установлены уголовным судом применительно к этому лицу, в том числе факт совершения деяния лицом, в отношении которого вынесен приговор, и факт причинения вреда именно им при подтверждении материалами дела и мотивировочной частью приговора.

Именно в таком значении преюдициальной обязательности данный подход получает прямое нормативное закрепление в гражданском процессуальном законодательстве. В силу части 3 статьи 70 Гражданского процессуального кодекса, вступивший в законную силу акт суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-

правовых последствиях действий лица, в отношении которого он вынесен, по вопросам о том, имели ли место соответствующие действия и совершены ли они данным лицом. Тем самым, законодатель последовательно очерчивает пределы преюдициального значения приговора при межюрисдикционном учете и исключает его расширительное применение в гражданском судопроизводстве, оставляя иные элементы гражданско-правовой ответственности в сфере самостоятельного судебного усмотрения. Точнее, вопросы определения размера подлежащего возмещению вреда, установления причинной связи в гражданско-правовом смысле, участия иных лиц и распределения ответственности между ними подлежат самостоятельному разрешению судом по правилам гражданского судопроизводства.

5. Конституционный суд в своем Решении от 4 июня 2025 года уже формулировал правовые позиции, имеющие принципиальное значение для оценки процессуальной формы уголовного судопроизводства, связанной с заключением соглашения о признании вины и выделением уголовного дела в отдельное производство, а также о допустимых пределах применения института преюдиции, в том числе в отношении лиц, не участвовавших в соответствующем уголовном деле.

Данное Решение определяет соглашение о признании вины как особую форму процессуального урегулирования уголовно-правового конфликта, при которой добровольное и осознанное согласие обвиняемого с предъявленным обвинением позволяет в упрощенном порядке решить вопрос о его уголовной ответственности. Этот порядок служит целям процессуальной экономии и эффективности правосудия, при соблюдении требований справедливости. Конституционный суд подчеркнул, что подобная процедура допустима при условии соблюдения конституционных гарантий, поскольку исключает произвольность, обеспечивает правовую определенность и служит гарантией справедливого судопроизводства.

При этом Конституционный суд особо отметил, что применение данной процессуальной формы не затрагивает существа обвинения, потому сохраняются как правовая квалификация инкриминируемого деяния, так и установленный законом предел уголовной ответственности. Данное требование служит важной гарантией законности и правовой определенности: обвинение, предъявленное и подтвержденное соглашением, основывается на той же фактической базе, что и в классическом порядке, а добровольное признание вины дополняет, но не заменяет необходимую доказательственную базу обвинения. Следует подчеркнуть, что наличие достаточных данных и судебная проверка условий применения особого порядка остаются принципиально важными, а согласие обвиняемого упрощает процедуру, не отменяя действия презумпции невиновности до вынесения приговора.

Вместе с тем, Конституционный суд акцентировал внимание на обязательности судебного контроля при рассмотрении дела в порядке соглашения о признании вины. Несмотря на диспозитивный характер процедуры, она не сводится к простой договоренности между обвинением и защитой, законодатель предусмотрел детальную регламентацию заключения соглашения и встроил в нее механизмы контроля, направленные на обеспечение подлинной добровольности и осознанности признания, недопустимость принуждения и исключение процессуальных злоупотреблений. Судебная проверка условий соглашения и понимания обвиняемым последствий отказа от разбирательства обеспечивает сохранение гарантий справедливого судопроизводства в условиях особого порядка.

Решающее значение для рассматриваемого вопроса, в контексте уже раскрытых выше условий и пределов применения преюдиции, имеет

правовая позиция Конституционного суда о недопустимости распространения последствий приговора по уголовному делу, вынесенного в порядке соглашения о признании вины, на третьих лиц, не участвовавших в этом деле.

Конституционный суд прямо указал, что приговор, постановленный в рамках выделенного в отдельное производство дела на основании соглашения о признании вины, не обладает преюдициальной силой в отношении других обвиняемых по основному делу. Поскольку такой приговор выносится без исследования и оценки доказательств и действует исключительно в пределах правового статуса лица, заключившего соглашение, он не предрешает и не влияет на исход судебного разбирательства в отношении других соучастников преступления и, следовательно, не может использоваться как имеющий связывающее значение для них. Распространение установленных в таком приговоре фактов на других лиц ведет к фактическому переносу чужого признания вины, процессуальной стратегии и правовых последствий на тех, кто не делал подобного выбора, что несовместимо с личностным характером уголовной ответственности.

Следует подчеркнуть, что применение преюдициальной силы в указанных актах вступает также в прямое противоречие с презумпцией невиновности. Использование приговора, вынесенного на основе соглашения о признании вины, как обязательного доказательства по делу другого лица фактически возлагает на это лицо бремя опровержения обстоятельств, которые оно не формировало и не признавало. В таких условиях презумпция невиновности утрачивает свое защитное значение, а судебное разбирательство превращается в формальность. Поэтому преюдиция принципиально исключается в тех случаях, когда судебный акт отражает процессуальный компромисс, а не объективную юридическую истину.

Иными словами, преюдициальная сила объективно невозможна там, где судебный акт не является результатом полного и самостоятельного установления фактов судом. В делах, завершенных на основании соглашения о признании вины, суд не формирует собственную доказательственную модель события преступления, а опирается на признание обвиняемым предъявленного обвинения и согласованную сторонами фактическую версию. Это означает, что установленные обстоятельства носят конвенциональный (ограниченный) характер, что исключает их трансформацию в общеобязательные факты для иных судебных процессов.

В связи с чем, каждому обвиняемому в рамках иного судопроизводства дается право на полноценное судебное рассмотрение, где его виновность должна быть доказана в общем порядке — с исследованием всех относящихся к нему доказательств, возможностью заявлять возражения и представлять свои доводы, пользуясь презумпцией невиновности до вступления приговора в законную силу.

Таким образом, Конституционный суд указал, что такой подход не только соответствует конституционным принципам права на судебную защиту, состязательности и равенства сторон, но и гарантирует соблюдение принципов индивидуализации ответственности, презумпции невиновности и права каждого на справедливый суд, исключая ситуацию, при которой права не участвовавшего в деле лица были бы ущемлены результатом постороннего особого порядка.

Однако повторяемость обращений по данному вопросу в Конституционный суд свидетельствует о том, что сформулированная правовая позиция в указанном выше Решении нуждается в нормативном закреплении для устранения риска расширительного толкования института преюдиции,

включая фактический перенос выводов приговора, постановленного в особом порядке на основании соглашения о признании вины, на лиц, не участвовавших в соответствующем производстве. В этой связи законодательно следует внести ясность и правовую определенность в сферу действия оспариваемых норм с тем, чтобы очертить зону принципиальной неприменимости института преюдиции.

6. Относительно доводов заявителя о том, что в основу его обвинения в инкриминируемых ему деяниях легли признательные показания других фигурантов дела на основе заключенного ими соглашения о признании вины, Конституционный суд отмечает следующее. Если в правоприменительной практике имеет место расширительное понимание преюдициальной силы приговора, постановленного в порядке главы 57 УПК, при котором выводы о виновности и фактических обстоятельствах переносятся на лиц, не участвовавших в соответствующем деле, то такие случаи свидетельствуют не о наличии дефекта в регулятивном потенциале частей 1 и 3 статьи 95 УПК, а о неправильном их правоприменении. Исправление подобных нарушений должно обеспечиваться средствами судебного контроля в системе судов общей юрисдикции.

Конституционный суд в свою очередь, действуя в пределах своих полномочий, формулирует конституционно-правовой смысл указанных норм, исключаяющий подобное расширительное толкование.

Руководствуясь пунктом 2 части 2, частями 4, 5 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

Р Е Ш И Л:

1. Признать части 1 и 3 статьи 95 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими частям 1, 3 и 4 статьи 57 Конституции Кыргызской Республики.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики инициировать внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее правовое регулирование, согласно положениям мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

2. АКТЫ (ПОСТАНОВЛЕНИЯ) КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

О разъяснении Решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 июня 2023 года в связи с обращением Генерального прокурора Кыргызской Республики Асаналиева Максата Кубатовича

№ 01-П

14 января 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осмонбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Нургазиевой М.Н, руководствуясь пунктом 3 части 2 статьи 38 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», подпунктом 3 пункта 104, пунктом 110-1 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 18 февраля 2022 года №2, рассмотрев в судебном заседании обращение Генерального прокурора Кыргызской Республики Асаналиева М.К.,

У С Т А Н О В И Л :

В Конституционный суд Кыргызской Республики 15 октября 2024 года поступило обращение Генерального прокурора Кыргызской Республики Асаналиева М.К. о возникших проблемах правоприменительной практики в связи с принятием Конституционным судом Кыргызской Республики Решения от 14 июня 2023 года по делу о проверке конституционности пункта 11 части статьи 35, части 1 статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - Решение).

Генеральный прокурор отмечает, что с принятием изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики (далее-УПК) во исполнение вышеуказанного Решения постановления следователей о прекращении уголовных дел, подтвержденные судебным актом, перестали быть предметом прокурорского надзора и не могут отменяться ввиду их незаконности и необоснованности. Сложившаяся ситуация привела к подмене функций прокурорского надзора судебным контролем, создало несогласованность процедуры рассмотрения жалоб участников досудебного производства и конфликт в распределении полномочий между следственными судьями и прокурорами, что, в конечном итоге, ведет к игнорированию принципов верховенства права, справедливости и равноправия. В этой связи

следственные судьи начинают предрешать вопросы, которые, согласно УПК, должны рассматриваться непосредственно судом при разрешении дела по существу, а также дают указания о направлении расследования и проведении следственных действий, принимают решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, в том числе и прокурора.

Генеральный прокурор также указывает, что согласно части 1 статьи 35 и части 4 статьи 260 УПК прокурор изначально наделен полномочиями отменять незаконные и необоснованные решения следователя, включая решения о прекращении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела. Однако принятый во исполнение Решения Закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 2 апреля 2024 года № 73 фактически лишил прокурора такой возможности.

Воспользовавшись возможностью манипулировать полномочиями следственного судьи и недоброкачественным расследованием, закончившимся прекращением дела по пункту 2 части 1 статьи 27 УПК, а также стремясь исключить возможность раскрытия преступления и привлечения виновных к ответственности, заинтересованные лица, минуя этап изучения дела прокурором, незамедлительно подают формальную жалобу в суд на решение следователя, указывая на якобы неправильное применение основания для прекращения. Одновременно они ходатайствуют о прекращении дела за отсутствием события преступления.

Генеральный прокурор подчеркивает, что любое принятое следственным судьей решение в подобных случаях фактически оказывается благоприятным для заявителя, поскольку при рассмотрении жалобы неявно предрешаются аспекты, которые должны решаться в рамках судебного разбирательства по существу. В своем обращении он привел конкретные примеры таких судебных актов и отметил, что подобная практика становится распространенной вследствие Решения Конституционного суда.

Глава надзорного органа считает, что выводы, вытекающие из Решения, противоречат исполнению требований части 4 статьи 32 УПК и пункта 30 постановления Пленума Верховного суда от 24 мая 2019 года №14, где предписано, что следственный судья не должен предрешать вопросы, которые могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, прокурора.

Резюмируя свою позицию, Генеральный прокурор отмечает, что вышеуказанные обстоятельства и возможные негативные последствия, непосредственно влияющие на права и интересы граждан, государства и общества, не были предметом исследования Конституционного суда в момент вынесения им Решения.

Изучив обращение Генерального прокурора, а также учитывая степень важности преодоления негативной правоприменительной практики, сложившейся в результате исполнения Решения от 14 июня 2023 года, Конституционный суд считает необходимым разъяснить отдельные правовые позиции, выраженные в указанном Решении, для наиболее точного понимания и правильного правоприменения.

Разъяснение итогового акта Конституционного суда может осуществляться только самим Конституционным судом в рамках его предмета по вопросам, которые были рассмотрены и отражены в самом решении.

1. Одним из главных целей конституционного правосудия является безусловное соблюдение решений Конституционного суда в полном соответствии с их действительным содержанием и смыслом. В силу требований части 2 статьи 53 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» исполнительные и законодательные органы государственной власти обязаны обеспечить такое исполнение. На основании этого Решение Конституционного суда от 14 июня 2023 года было реализовано в установленном порядке Законом «О внесении изменений в Уголовнопроцессуальный кодекс Кыргызской Республики» от 2 апреля 2024 года № 73.

Указанным Законом внесены изменения в оспариваемые нормы УПК, согласно которым прокурор далее не уполномочен отменять решения следователя, руководителя следственного подразделения, нижестоящего прокурора, возобновлять производство по прекращенному делу в случаях, когда законность и обоснованность этих решений были подтверждены судебным актом.

2. Предметом рассмотрения Конституционного суда стали взаимосвязанные положения пункта 11 части 1 статьи 35, части 1 статьи 260 УПК, предусматривающие в полномочиях прокурора возможность в досудебном производстве отменять решение следователя, руководителя следственного подразделения, нижестоящего прокурора о прекращении уголовного дела и возобновлять производство по делу, даже если такие решения были признаны судом законными и обоснованными.

Конституционный суд в своем Решении от 14 июня 2023 года отметил, что итоговый характер прекращения уголовного производства требует повышенного уровня законности и обоснованности такого решения. Это обусловлено тем, что оно затрагивает не только правовые и процессуальные аспекты, но и имеет непосредственное влияние на деятельность правоохранительной системы в обеспечении правопорядка, соблюдении принципа неотвратимости ответственности, восстановлении нарушенных прав личности и защите публичных интересов правосудия. В этой связи правовые процедуры проверки законности и обоснованности прекращения уголовных дел приобретают особое значение.

Обязательной частью этих процедур является прокурорский надзор. После принятия решения следователь направляет дело прокурору, который либо признает его законным и обоснованным, либо отменяет с указанием причин и возобновляет производство. В то же время, законодатель в соответствии со статьей 259 УПК предоставляет участникам уголовного процесса право обжаловать постановление следователя вышестоящему прокурору или в суд, что обеспечивает дополнительный механизм контроля.

Конституционный суд подчеркнул, что судебные акты, вынесенные в рамках контроля на стадии досудебного производства, принятые в установленном порядке и вступившие в законную силу, обладают обязательной юридической силой и не могут быть отменены или изменены актами иных государственных органов.

Однако фрагментарное использование содержания рассматриваемых

норм УПК в отрыве от комплекса уголовно-процессуальных положений, в частности статьи 27 УПК, привело к девиантному, дефектному пониманию оспариваемых норм. В результате стало возможным отмена прокурором постановления о прекращении уголовного дела и возобновления производства по делу при наличии судебного решения по этому вопросу.

Произвольное усмотрение прокурора в таких случаях является посягательством на полномочия, которыми обладает исключительно суд. Такая правовая ситуация недопустима как с точки зрения конституционных принципов формирования в Кыргызской Республике системы органов государственной власти, так и конституционно-правового статуса судебной ветви власти.

В этой связи Конституционный суд посчитал недопустимым при существующей системе судебного контроля произвольное, многократное возобновление прекращенного уголовного дела по одному и тому же основанию, когда искусственно создается перманентная угроза уголовного преследования, что противоречит целям уголовного судопроизводства, в частности, такой формы завершения уголовного производства как его прекращение, является чрезмерным обременением конституционных свобод личности, способным попирает человеческое достоинство.

3. Конституционный суд, рассматривая доводы Генерального прокурора о возникшем конфликте полномочий между следственным судьей и прокурором, считает, что он обусловлен недостаточной осведомленностью правоприменительных органов о содержании и корректном применении Решения Конституционного суда.

Прежде всего, следует особо отметить, что в Решении подчеркнута важность надлежащего функционирования как судебного контроля, так и прокурорского надзора, которые являются неотъемлемыми элементами правового государства, направленными на обеспечение законности, поддержание правопорядка и защиту прав и свобод граждан.

В историческом аспекте они применялись в правовом регулировании на различных этапах уголовного судопроизводства, при этом содержательно претерпевали определенную эволюцию. В контексте действующих конституционно-правовых установок их функции, полномочия и границы взаимодействия четко разграничиваются законодательством.

Пределы полномочий судебного контроля в досудебном производстве определены УПК и ограничены рамками разрешения конкретного правового вопроса. Суд не вправе предрешать аспекты, которые в соответствии с УПК могут быть предметом судебного рассмотрения при разрешении дела по существу, он не может давать указания о направлении расследования и проведении следственных действий, совершать действия и принимать решения вместо лиц, осуществляющих досудебное производство, прокурора. В УПК установлены нормы, носящие императивный характер, которые ясно определяют пределы полномочий следственного судьи, тем самым, предотвращают возможное превышение власти или вмешательство в функции других органов (прокурора или следователя).

В свою очередь, прокурорский надзор, встроенный в обязательную процедуру досудебного производства, также очерчен законодательными рамками и нацелен на проверку законности и обоснованности актов следствия.

Прекращение уголовного дела — это один из финальных этапов досудебного производства, который оказывает значительное влияние на права личности и интересы общества. Поэтому решения органов следствия на этой стадии должны быть максимально выверены с точки зрения их обоснованности и законности. Это означает, что в постановлении о прекращении уголовного дела должны быть приведены фактические данные, установленные конкретными доказательствами, дана им уголовно-правовая оценка и сделаны юридически аргументированные выводы о достаточности оснований для прекращения уголовного дела.

Однако на этом стадия досудебного производства по замыслу УПК не считается завершенной, поскольку пунктами 5, 6 статьи 258 УПК предписана обязательная проверка прокурором законности и обоснованности решения следователя о прекращении уголовного дела. При этом прокурорский надзор встроен в данную стадию в императивном (обязательном) порядке, который должен завершиться актом в форме заключения о признании законным и обоснованным решения о прекращении уголовного дела, либо вынесением постановления об отмене постановления о прекращении уголовного дела, что влечет за собой возобновление досудебного производства.

С точки зрения содержательной части прокурорский надзор на стадии прекращения уголовного дела призван перепроверить действия органов следствия, чтобы юридически подтвердить законность и обоснованность их актов, а также оценить все возможные последствия его прекращения. Соответственно, именно заключение прокурора является завершающим и неотчуждаемым элементом, формирующим цельность института прекращения уголовного дела.

Императивные и диспозитивные нормы в уголовно-процессуальном праве функционируют в постоянном движении, находя баланс между строгими предписаниями и свободой усмотрения участников процесса, когда лицу предоставляется право обжаловать действия или решения органа следствия как в суде, так и прокурору, - это отражает диспозитивный характер части 1 статьи 259 УПК, то есть данная норма предоставляет возможность самостоятельно выбрать заинтересованному лицу наиболее эффективный способ защиты своих прав и интересов или отказаться от них. Императивные же положения УПК, что характерно для статьи 258 УПК, определяют неизменные рамки процедур и устанавливают обязательные требования, которые невозможно корректировать. Такое сочетание гибкости и строгости норм права обеспечивает устойчивое, справедливое и эффективное функционирование всей правовой системы и правоприменительной практики.

Таким образом, граница ответственности судебного контроля за актами следователя о прекращении уголовного дела начинается только после осуществления над ним прокурорского надзора, что отвечает требованиям эффективности самого судебного контроля и принципу процессуальной экономии.

В данном контексте понимания института прекращения уголовного дела в досудебном производстве обжалование постановления следователя о прекращении уголовного дела лицами, указанными в части 1 статьи 259 УПК, может осуществляться лишь при наличии заключения надзирающего прокурора по вертикали вышестоящему прокурору или в суд.

При это следует иметь ввиду, что по смыслу Решения от 14 июня 2023 года, если решение следователя о прекращении уголовного дела, прошедшее прокурорский надзор, получило положительную правовую оценку суда, вышестоящий прокурор не вправе давать оценку судебному акту и, соответственно, преодолевать его, осуществляя свои полномочия в рамках прокурорского надзора. В случае несогласия прокурора с судебным актом, законом предусмотрено обжалование и пересмотр данного акта вышестоящим судом в установленном порядке.

На основании вышеизложенного, руководствуясь статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», подпунктом 3 пункта 104, пунктом 110-1 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики, Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Разъяснить, что Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 июня 2023 года не предусматривает каких-либо ограничений в осуществлении прокурорского надзора и, соответственно, не порождает предпосылку для возможных коллизий полномочий следственных судей и прокуроров.

2. Заключение надзирающего прокурора является неотъемлемой частью института прекращения уголовного дела. Соответственно, граница ответственности между судом и прокуратурой определяется принципом последовательности: прокурорский надзор предшествует судебному контролю, а суд вправе проверять законность принятого постановления о прекращении уголовного дела только по завершении прокурорской проверки с составлением заключения.

3. Положения главы 35 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики должны применяться в системной взаимосвязи, исходя из обязательной проверки прокурором постановления следователя о прекращении уголовного дела, с последующей реализацией прав заинтересованных лиц на обжалование в вышестоящую прокуратуру или в суд.

4. Настоящее Постановление, как содержащее официальное разъяснение Решения Конституционного суда от 14 июня 2023 года, с момента подписания становится неотъемлемой его частью.

5. Постановление окончательное, обжалованию не подлежит, обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, юридических и физических лиц, подлежит исполнению на всей территории республики.

6. Опубликовать настоящее Постановление в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ
СУД КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**О рассмотрении и утверждении информации Конституционного суда
Кыргызской Республики «О состоянии конституционной законности в
Кыргызской Республике за 2024 год»**

№ 02-П

4 февраля 2025 года
город Бишкек

Руководствуясь частью 3 статьи 4 и статьей 56 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд Кыргызской Республики, рассмотрев информацию о состоянии конституционной законности в Кыргызской Республике за 2024 год на основе анализа поступивших обращений, принятых судебных решений и их исполнения, подготовленную в рамках обеспечения деятельности Конституционного суда его аппаратом

ПОСТАНОВИЛ:

1. С учетом обсуждения утвердить информацию Конституционного суда Кыргызской Республики «О состоянии конституционной законности в Кыргызской Республике за 2024 год».

2. В целях публикации данной информации для всеобщего сведения и ознакомления:

- опубликовать «Информацию Конституционного суда Кыргызской Республики о состоянии конституционной законности в Кыргызской Республике за 2022 год» на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики»;

- направить «Информацию Конституционного суда Кыргызской Республики о состоянии конституционной законности в Кыргызской Республике за 2022 год» в адрес Президента Кыргызской Республики Жапарова С.Н., Торага Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Тургунбек уулу Нурланбека, Председателя Кабинета Министров Кыргызской Республики Касымалиев А.А., председателя Верховного суда Кыргызской Республики Сатыева МА.

3. Настоящее постановление вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ИНФОРМАЦИЯ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«О СОСТОЯНИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ В
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА 2024 ГОД»

Конституционный суд Кыргызской Республики (далее - Конституционный суд) является высшим органом судебной власти, осуществляющим конституционный контроль посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Кыргызской Республики (далее - Конституция).

Конституционный суд независим от любой другой публичной власти и подчиняется только Конституции.

За Конституционным судом закреплён четко очерченный круг полномочий и свою деятельность он осуществляет согласно положениям Конституции, конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и Регламента Конституционного суда.

По итогам рассмотрения принятых к производству обращений, Конституционный суд выносит решения и заключения, которые вступают в силу с момента их провозглашения. Они являются окончательными, обжалованию не подлежат, обязательны для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений, юридических и физических лиц и подлежат исполнению на всей территории республики.

Юридическая сила решения Конституционного суда о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта. Решение Конституционного суда действует непосредственно и не требует подтверждения другими государственными органами и должностными лицами.

До приведения в соответствие с решением Конституционного суда норм законов и иных нормативных правовых актов, ставших предметом его рассмотрения, непосредственно применяются Конституция и само решение Конституционного суда, имеющее нормативный характер.

Решения и заключения Конституционного суда публикуются в официальных изданиях органов государственной власти, в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики», а также на официальном сайте Конституционного суда.

Важное значение в обеспечении конституционной законности играет порядок исполнения актов Конституционного суда. Он определен конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики», законами «О нормативных правовых актах» и «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

В соответствии с конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд ежегодно анализирует исполнение принятых им актов и публикует для всеобщего сведения.

1. Краткий обзор поступивших обращений в Конституционный суд в 2024 году

В 2024 году в Конституционный суд поступило 118 обращений, из которых 60 обращений касались непосредственно вопросов, связанных с проверкой конституционности нормативных правовых актов, официальным толкованием Конституции и дачей заключения на проект изменений в Конституцию.

Из общего количества обращений о конституционности нормативных правовых актов (49) 81,67% составили обращения граждан (физических лиц), обращения от государственных органов - (3) 5%, юридических лиц - (4) 6,67% и судей (4) 6,67%. При этом по 12 обращениям (21,67%) были приняты определения коллегии судей о принятии к производству, по 48 (78,33%) - отказано в принятии к производству.

Следует отметить, что в Конституционный суд стали поступать обращения в цифровом формате, что выступает позитивным подспорьем в использовании новых технологий в конституционном судопроизводстве. Так, из общего числа обращений о конституционности нормативных правовых актов три обращения от государственных органов были продублированы как на бумажных носителях, так и через систему электронного документооборота (СЭД).

Кроме того, в цифровом формате поступают обращения граждан, рассмотренные в предварительном порядке. Из 58 таких обращений три были поданы через систему «Тундук».

Одним из основных оснований к отказу в принятии обращений к производству явилось несоответствие их форм и содержаний требованиям пункта 1 части 3 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» (22 случая).

По 11 обращениям коллегия судей отказала в принятии к производству ввиду не подведомственности поставленных в них вопросов Конституционному суду; по 8 обращениям - из-за отсутствия в повторном обращении новых аргументов и доводов, касающихся оспариваемого нормативного правового акта. По 4 обращениям - вследствие того, что конституционность указанных в обращении вопросов ранее проверялась органом конституционного контроля и имеются его акты, сохраняющие свою силу; по 2 обращениям отказано по причине ненадлежащего субъекта; по 1 обращению - из-за отмены или утраты силы акта, конституционность которого оспаривалась в обращении.

В поступивших за указанный период обращениях, субъектами обращений чаще всего оспаривались различные нормы Уголовнопроцессуального кодекса (8), Гражданского-процессуального кодекса (7), Административно-процессуального кодекса (3) и Уголовного кодекса (7).

Конституционным судом за отчетный период принято 11 решений, а также 14 постановлений.

2. Обзор принятых решений Конституционного суда в 2024 году.

2-1. Конституционный суд своим Решением от 17 января 2024 года признал нормативное положение части 2 статьи 5, выраженное словами «за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 настоящего Закона», и статью 6 Закона Кыргызской Республики «О государственной поддержке

кинематографии Кыргызской Республики» не противоречащими части 2 статьи 10, частям 1, 2 статьи 32, части 1 статьи 33, частям 1, 2 статьи 48, части 1 статьи 63 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Конституционный суд, придерживаясь норм Конституции, неоднократно в своих решениях отмечал, что право на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати следует рассматривать как единое и неразрывное право свободно мыслить и свободно выражать свои мысли словами, не опасаясь преследования за это со стороны государства.

В тоже время Конституционный суд не может не считаться с тем, что в настоящее время свободное выражение мнения стало одним из наиболее распространенных средств персональных коммуникаций. Если раньше частное мнение как правило было предметом обсуждения определенного окружения индивида, то сегодня в цифровой информационной среде любое мнение приобретает публичный характер и способно стать причиной нового генезиса общественного сознания, которое может иметь как положительное, так и разрушительное воздействие не только на состояние других лиц, но и общества в целом.

В такой ситуации особое значение приобретают конституционные требования о выражении каждым своего мнения ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией и законами Кыргызской Республики. Это имеет ключевое значение в деле поддержания баланса между такими конституционными ценностями, как права и свободы личности в демократическом государстве и ее ответственное поведение в обществе. Такая правовая позиция в полной мере корреспондируется с нормами международного права.

Согласно Конституции, цензура в Кыргызской Республике не допускается. Однако любое демократическое правовое государство нуждается в системе ценностных координат, запретов и ограничений, которые обеспечат внутреннюю и внешнюю безопасность страны, стабильность государства и политического строя, соблюдение прав, свобод и интересов каждого индивида и общества в целом.

Так, в Кыргызской Республике в целях защиты подрастающего поколения мероприятия, противоречащие моральным и нравственным ценностям, общественному сознанию народа Кыргызской Республики, могут ограничиваться законом. Перечень мероприятий, подлежащих ограничению, и перечень ограничиваемой в доступе и распространении информации устанавливаются законом.

В реализацию приведенных конституционных установлений, частью 2 статьи 5 Закона «О государственной поддержке кинематографии Кыргызской Республики» предусмотрено, что цензура аудиовизуальных произведений не допускается за исключением случаев, предусмотренных статьей 6 названного Закона.

В свою очередь, статьей 6 указанного Закона установлено, что концепция фильма не должна призывать к насильственному изменению существующего конституционного строя, нарушению суверенитета и территориальной целостности государства; к пропаганде войны, насилия и жестокости; к разжиганию национальной, этнической, расовой, социальной, религиозной

вражды; к национальной или сословной исключительности, нетерпимости. Не допускается включение в фильм сцен порнографического содержания.

Приведенные конституционные установления и их реализация в обозначенном Законе обусловлены тем, что продукты кинематографии имеют особое влияние на общество и каждого его члена, выступают важным фактором формирования общечеловеческих и культурных ценностей, отражаясь на процессе становления многих поколений.

Поэтому, учитывая существенное влияние кинематографии на развитие общества в направлении большей гражданской ответственности за нравственное и духовное здоровье личности, возникает необходимость введения упреждающих мер, предусматривающих недопущение популяризации и одобрения деструктивных установок и использования данного инструмента воздействия только во благо развития личности, в том числе, не только с помощью политики допустимого ограничения свободы слова и мысли, но развития критического мышления подрастающего поколения.

Таким образом, в своей совокупности изложенные конституционные установления требуют от государства создания благоприятных условий для обеспечения свободы слова и свободного развития человека, что возможно лишь в условиях функционирования комплексного правового механизма, когда существуют не только различные формы ответственности за нарушения предусмотренных запретов, но и механизмы по их упреждению.

Иными словами, государство должно предпринимать меры по предотвращению совершения правонарушений, поскольку в рассматриваемом случае наступление установленной законом ответственности за нарушение предусмотренных оспариваемыми нормами запретов не может покрыть масштабов возможных последствий. Ввиду этого, государство несет ответственность за введение на законодательном уровне норм, содержащих меры по упреждению наступления вредных последствий.

Следует также отметить, необходимость введения таких мер вытекает не только из Конституции и обозначенного Закона, но и из международных обязательств Кыргызской Республики, в реализацию которых национальным законодателем в различных законах введен ряд норм, предусматривающих запрет на призыв к насильственному свержению или изменению существующего конституционного строя, нарушению суверенитета и территориальной целостности Кыргызской Республики и любого иного государства, пропаганду войны, насилия и жестокости, национальной, религиозной исключительности и нетерпимости к другим народам и нациям, а также на оборот порнографических материалов (законы «О средствах массовой информации», «О рекламе» и др.).

Конституционный суд отмечает, что в рассматриваемой ситуации важное значение приобретает сохранение баланса между свободой слова и ограничением этой свободы в интересах личности, общества и государства.

Для формирования вышеуказанного баланса необходимо руководствоваться пределами прав и свобод человека, зафиксированных в самой Конституции. Это пределы осуществления лицом прав свободно искать, получать, передавать, производить и распространять массовую информацию выраженные в запретах, обязанностях, мерах ответственности, существование которых предопределено необходимостью защиты важных конституционных

ценностей. Так, Конституцией установлено, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц. Вводимые ограничения должны быть соразмерными указанным целям.

Конституционный суд отмечает, что цель такого ограничения - не допускать опубликования того или иного творческого произведения, которое представляется вредным и опасным, а поэтому нежелательным и должно пониматься как средство обеспечения безопасности личности, общества и государства.

В контексте изложенного, распространение действия оспариваемых норм, имеющее место в случаях создания аудиовизуальных произведений, если их содержание связано с игнорированием как нравственных запретов, так и запретов, направленных на предотвращение возможных призывов к насильственному изменению существующего конституционного строя, нарушению суверенитета и территориальной целостности государства; к пропаганде войны, насилия и жестокости; к разжиганию национальной, этнической, расовой, социальной, религиозной вражды; к национальной или сословной исключительности, нетерпимости, обусловлено конституционными требованиями о защите национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц.

Учитывая, что введенные ограничения не носят идеологической или же субкультурной направленности, не содержат размытых и не ясных формулировок, а, наоборот, имеют четкие очертания и определенные способы регуляции, Конституционный суд рассматривает содержание оспариваемых нормативного положения и нормы не как цензуру, а как допустимое и соразмерное ограничение свободы слова.

В то же время необходимо отметить, что в оспариваемой норме о свободе творчества в кинематографии законодателем была допущена некорректная с точки зрения нормотворческой техники формулировка, выраженная во включении в одно нормативное положение двух разноплановых, по сути, правовых категорий, - запрета цензуры и допустимых Конституцией ограничений путем недопустимого расширения в законе конституционного предписания и придания этим ограничениям подобия неотъемлемого элемента цензуры. Отмеченные правовые категории совершенно отличны друг от друга как по природе своего происхождения, так целям и механизмам реализации.

Тем не менее, Конституционный суд считает, что правоприменение оспариваемых нормативного положения и нормы не создает юридических предпосылок для нарушения права на свободу мысли и мнения, права на выражение своего мнения, свободу слова и печати, а также права на свободу художественного и иных видов творчества, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права и соответственно не находит оснований для признания оспариваемых нормативного положения и нормы противоречащими Конституции.

2.2. В Решении от 31 января 2024 года Конституционный суд признал статью 432 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащей части 4 статьи 58, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Режим законности, затрагивая все сферы правовой действительности и жизнедеятельности общества, отражает такую упорядоченность общественных отношений, при которой проявляются уважительное, позитивное и ценностное отношение личности к праву. Следовательно, принцип законности и устойчивого правопорядка - эта та фундаментальная линия, которая обуславливает взаимосвязь правового государства и личности, внедрение в общество идей равенства, справедливости и всеобщности права, и формирует основы дальнейшего развития общества и благополучия каждого человека.

Среди всех существующих механизмов поддержания правопорядка и режима законности главенствующее место занимает правосудие, осуществляемое только судом. Законный и обоснованный приговор, надлежащим образом мотивированный судьей при его постановлении, является одним из важнейших правовых средств, способствующих укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного исполнения законов, действующих на ее территории, и уважения правил социального общежития.

Сущностью уголовного судопроизводства является реагирование государства на все факты совершения кем-либо общественно опасного деяния, запрещенного Уголовным кодексом Кыргызской Республики, посредством их выявления, устранения его последствий и назначения соразмерного наказания виновному.

При этом основной целью наказания, как результата работы механизма действия уголовного законодательства, является защита прав потерпевших, восстановление социальной справедливости посредством соразмерного наказания и устранения последствий преступления.

Вместе с тем, наказание нельзя рассматривать только как восстановление социальной справедливости в отношении потерпевшего. Оно включает в себя максимальную соразмерность наказания тяжести преступления как смыслообразующего компонента системы юридической ответственности и необходимого условия укрепления общественного сознания о неотвратимости наказания, устойчивой законности и правопорядка в стране.

В этой связи законодатель закрепил в уголовном законодательстве целый ряд императивных требований к содержанию обвинительного приговора, в том числе, в части назначения наказания виновному.

Так, статья 349 УПК устанавливает, что в обвинительном приговоре суд должен точно определить вид, режим, размер и начало исчисления срока отбывания. Это требование включает в себя и учет времени, проведенного обвиняемым под стражей, и указывается в резолютивной части приговора согласно правилам, предусмотренными статьями 80 УК и 354 УПК.

Содержание под стражей как уголовно-процессуальный институт, представляет собой вид лишения свободы, применяемый в порядке меры пресечения, но не наказания. Это значит, что заключение под стражу

осуществляется в отношении лица, виновность которого еще не установлена судом, соответственно, временной период с момента взятия его под стражу и до вступления обвинительного приговора в законную силу, когда осужденный продолжает оставаться под стражей (порою довольно длительное время), не может выпасть из поля зрения суда.

Так, в соответствии с пунктом 8 части 1 статьи 354 УПК, сведения о зачете времени содержания под стражей, если обвиняемый до постановления приговора был задержан, или к нему применялись меры пресечения в виде заключения под стражей, домашнего ареста, или он помещался в психиатрическое учреждение должны быть указаны в резолютивной части обвинительного приговора. Именно резолютивная часть приговора содержит официальную волю суда, в частности, предписания, обязательные для исполнения. Поэтому имеет важное значение решение вопроса зачета времени содержания под стражей в момент вынесения приговора, судом его постановившим. Отступление от этого может расцениваться как нарушение норм и требований процессуального законодательства и привести к отмене судебного акта.

Таким образом, законный и обоснованный приговор, надлежащим образом мотивированный судьей при его постановлении, является одним из важнейших правовых средств, способствующих укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступлений, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения законов и уважения правил социального общежития.

Конституционный суд в своем Решении от 29 марта 2023 года отмечал, что основной целью системы уголовного правосудия является стремление к реабилитации осужденного и сохранение уважительного отношения к каждому индивиду, защита его прав и интересов, а также обеспечение того, чтобы система уголовного правосудия стремилась к реабилитации и применению более мягких мер, а не просто суровому наказанию. В связи с чем законодателю было поручено, до приведения статьи 80 УК в соответствие с указанным Решением, срок содержания под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывать из расчета один день под стражей за два дня лишения свободы.

В соответствии с пунктом 2 части 4 статьи 451 УПК признание Конституционным судом закона или иного нормативного правового акта либо их части, примененных судом в данном уголовном деле, неконституционными и противоречащими Конституции является основанием для возобновления производства по делу по новым обстоятельствам.

Это означает, что лица, отбывающие наказание, которым зачет времени содержания под стражей был осуществлен по правилам, действовавшим до признания Конституционным судом части 5 статьи 80 УК противоречащей Конституции, имеют право обратиться с ходатайством в суд, постановивший приговор, для пересмотра срока отбытия наказания по новым правилам учета времени содержания под стражей.

Таким образом, в случае отказа в пересмотре судебного акта в части определения срока отбытия наказания по новым правилам судом по месту отбывания наказания, тогда как действующее правовое регулирование относит

решение этого вопроса к полномочиям суда, постановившего приговор, а при нерешенности этого вопроса, - предоставляет возможность пересмотра судебного акта в этой части по новым обстоятельствам, Конституционный суд не усматривает признаков ограничения конституционного права каждого на судебную защиту и права осужденного на пересмотр его дела вышестоящим судом.

2.3. Решением от 21 февраля 2024 года Конституционный суд признал части 1, 3 статьи 145, часть 1 статьи 153 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики не противоречащими части 1 статьи 61, частям 1, 4 статьи 95 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Действенность и эффективность права на судебную защиту зависит не только от создания надлежащей правовой базы о судостроительстве и судебных процедурах, обеспеченности судебной системы и судей всем необходимым, но, прежде всего, от условий независимости судебной власти в целом и каждого судьи в отдельности. Поэтому Конституция придает этому вопросу особое значение и необходимо отметить, что независимость судей, как основополагающий компонент правового государства, прежде всего, признается на международно-правовом уровне.

В силу особого предназначения судебной власти Конституция наделяет судью, носителя этой власти гарантиями, соответствующими его высокому статусу. Они охватывают не только все стороны его служебной деятельности и условий личной жизни, но и ограждают от всевозможных форм воздействия, способных повлиять на его независимость и беспристрастность при отправлении правосудия. Ключевым институтом в этом механизме выступает судейский иммунитет, приобретаемый судьей со вступлением в должность.

Они занимают свои должности и сохраняют свои полномочия до тех пор, пока их поведение является безупречным. Временное отстранение от должности, привлечение судей к уголовной и иной ответственности допускается с согласия Совета судей в порядке, определяемом конституционным законом. Иначе говоря, судья не может быть привлечен к какой-либо ответственности за высказанное им при осуществлении правосудия суждение или принятое решение кроме случаев, когда вступившим в законную силу приговором суда будет установлена его виновность в преступном злоупотреблении своими полномочиями.

Судейский иммунитет преследует четкую и прагматическую цель, а именно, предоставляет судье возможность выполнять свою конституционную обязанность - вершить правосудие без опасения его преследования в какой бы то ни было форме.

Установление таких предписаний на конституционно-правовом уровне обусловлено существующим риском возможного давления на судью в связи с его профессиональной деятельностью, что подтверждено многовековым международным опытом. Формы давления при этом могут носить разнообразный характер, в том числе не исключается преднамеренное использование для этого силовых механизмов государства, в частности, института уголовного преследования.

Важным компонентом системы обеспечения независимости судьи

является иммунитет от уголовной ответственности, предполагающий специфичную процедуру инициации возбуждения уголовного дела и особый порядок его привлечения к уголовной ответственности.

Так, в соответствии с пунктом 4 части 2 статьи 43 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», пункта 4 части 1 статьи 495 УПК решение о возбуждении уголовного дела в отношении судьи может быть принято только Генеральным прокурором, что является признанием его особого конституционно-правового статуса и процессуальной гарантией обеспечения высокого уровня правовой ответственности и объективности при принятии столь важного решения. Роль Генерального прокурора на этой и последующих стадиях досудебного производства является ключевой и обусловлена необходимостью предотвращения незаконного воздействия на судью и обеспечением непредвзятости следственных органов.

Далее, в соответствии с частями 2, 5 статьи 32 конституционного Закона «О статусе судей Кыргызской Республики» и части 3 статьи 497 УПК при наличии достаточных на то оснований необходимо получить согласие Совета судей на привлечение судьи к уголовной ответственности (предъявление обвинения). Совет судей, рассмотрев представление, отказывает в его удовлетворении, если доводы основаны на позиции, занимаемой судьей при осуществлении им судейских полномочий.

Таким образом, возбуждение уголовного дела непосредственно Генеральным прокурором; невозможность привлечения судьи к уголовной ответственности без согласия Совета судей - органа судейского самоуправления, призванного, в первую очередь, защищать права и законные интересы судей; осуществление надзора за законностью каждого действия органов следствия в ходе всего досудебного производства высшим органом прокуратуры, возглавляемого самим Генеральным прокурором, служит гарантией законности и обоснованности инициирования уголовного преследования судьи и соблюдения при этом всех составляющих компонентов принципа его независимости, закрепленных в Конституции и законах.

В тоже время, необходимо иметь в виду, что судейский иммунитет не направлен на предоставление судье абсолютной неприкосновенности. При наличии веских оснований и соблюдении вышеуказанных процедур, судья может и должен нести установленную законом уголовную и иную ответственность.

В силу выполняемых конституционно-значимых публичных задач, судьи наделены не только высоким статусом и надежными гарантиями, но и обременены повышенным требованием к приобретению этой профессии и своему повседневному поведению, установлением высоких стандартов к его квалификации, морально-нравственным и профессиональным качествам, которые в своей совокупности должны обеспечить необходимый уровень доверия общества к правосудию и судебной системе. В этой связи совершение преступлений со стороны судей - явление противоестественное, которое нивелирует ценность правосудия в общественном сознании, подрывая авторитет не только судебной, но и государственной власти в целом.

Принцип неотвратимости наказания лежит в основе верховенства права, укреплении законности и правопорядка в стране, обеспечения равенства всех

перед законом и судом, повышения правосознания граждан в необходимости правомерного поведения. Поэтому, не должна вызывать сомнений особая значимость выявления, раскрытия и тщательного расследования каждого факта преступления с тем, чтобы в последующем все без исключения виновные понесли заслуженное наказание.

УПК от 2 февраля 2017 года был введен Единый реестр преступлений и проступков. Досудебное производство по уголовным делам осуществлялось в форме следствия и начиналось с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений и проступков. Следственные действия начинались посредством уведомления прокурора о подозрении лица, в том числе и в отношении судьи.

В действующей редакции УПК, согласно статье 144, досудебное производство осуществляется в форме доследственной проверки и следствия и начинается с момента внесения сведений в Единый реестр преступлений до направления дела в суд, прекращения уголовного дела либо отказа в возбуждении уголовного дела.

Согласно частям 1, 3 статьи 145 УПК сотрудник правоохранительных органов с момента получения повода к началу досудебного производства, обязан внести соответствующие сведения в Единый реестр преступлений и немедленно начать доследственную проверку по досудебному производству.

Исходя из частей 1, 2, 3 статьи 153 УПК, в ходе доследственной проверки следователь, прокурор вправе производить ряд первичных, неотложных следственных действий. По результатам доследственной проверки следователь, прокурор принимает решение о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом решение о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении должно быть принято незамедлительно, но не позднее 10 суток с момента регистрации повода к началу досудебного производства. В случае невозможности принятия решения в указанный срок, этот срок может быть продлен прокурором до 20 суток по мотивированному постановлению следователя.

Тем самым, Единый реестр преступлений ведется не только в целях регистрации и учета преступлений, формирования уголовно-правовой статистики, а прежде всего, для официального запуска механизма по выявлению события преступления и проведения неотложных следственных действий, строго очерченных УПК, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления и изъятия. Промедление в производстве этих следственных действий может привести к утрате доказательств, соответственно, к невозможности раскрытия преступления и установлению виновных.

Таким образом, специальные процессуальные меры защиты, предусмотренные судебским иммунитетом, которые включаются со стадии возбуждения уголовного дела, достаточны и адекватны тому, чтобы оградить судей от произвольного уголовного преследования. В свою очередь, судебский иммунитет не может служить инструментом безнаказанности, в случае совершения судьей преступления, а также не должен препятствовать нормальному функционированию механизма по выявлению каждого факта преступления, вне зависимости от правового статуса субъекта его совершившего.

2.4. Конституционный суд своим Решением от 28 февраля 2024 года признал пункты 10-13 Порядка обжалования действий владельца сайта или страницы сайта, удаления недостоверной (ложной) информации и приостановления работы сайта или страницы сайта в связи с распространением недостоверной (ложной) информации в сети Интернет не противоречащими части 1 статьи 5, части 3 статьи 23, частям 1, 2 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Согласно Конституции, каждый имеет право на свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати, свободно искать, получать, хранить, использовать информацию и распространять ее устно, письменно или иным способом.

Вместе с тем, несмотря на принципиально важное значение рассматриваемых прав в построении справедливого и свободного общества, их положение в системе конституционных ценностей зависит от многих факторов, возникающих в процессе сложного взаимодействия, а порою и конкуренции с другими не менее значимыми благами. Иными словами, границы распространения конституционных прав и свобод не носят постоянного характера и выстраиваются в зависимости от конкретной ситуации и особенностей сферы общественных отношений, где происходит столкновение этих ценностей.

Таким образом, при всей значимости свободы выражения своего мнения, свободы слова и печати в демократическом государстве, они не могут априори доминировать над другими конституционными гарантиями, которые в равной мере защищены государственно-правовыми механизмами.

В соответствии с Конституцией каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, защиту чести и достоинства. Человеческое достоинство в Кыргызской Республике абсолютно и неприкосновенно. Каждый обязан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц.

Право на частную жизнь служит основой для свободного развития личности, поддерживая как его физическое благополучие, так и духовную неприкосновенность, что позволяет каждому человеку управлять своими поступками, защищать свою честь и достоинство от неправомерных вторжений.

Честь, в свою очередь, связана с общественным мнением и оценкой личности, которая влияет на то, как человек воспринимается в социуме. Достоинство же представляет собой самоощущение человека и его внутреннюю самооценку, то есть личностное восприятие своих качеств, способностей и своего значения в обществе.

Как видно из содержания приведенных конституционных прав и обязанностей, они не могут не соприкасаться со сферой действия свободы выражения своего мнения, свободы слова и печати, а порою находиться с ними в состоянии конфликта. Иначе говоря, при насыщенности Конституции разными по своей содержательно-смысловой нагрузке гарантиями невозможно обойтись без юридической экспликации пределов распространения каждого из них, в особенности в процессе их взаимодействия в публичном информационном пространстве.

Для эффективного регулирования информационной среды страны государством приняты ряд законов, в числе которых: «О средствах массовой информации», «Об информации персонального характера», «О защите от недостоверной (ложной) информации».

Закон «О средствах массовой информации» определяет правовые, экономические и социальные основы организации сообщений через средства массовой информации. Так, Законом устанавливается четкий перечень информации, не подлежащей публичному распространению, в который входят, в том числе посягательства на честь и достоинство личности, а также обнародование заведомо ложной информации.

Закон «Об информации персонального характера» регламентирует правовые рамки для обработки персональных данных, включая биографическую информацию, личные характеристики, сведения о семейном и финансовом положении, состоянии здоровья и прочее. Обработка таких данных допускается исключительно в целях журналистики либо художественного и литературного творчества, при условии получения согласия от субъекта данных с соблюдением права на неприкосновенность частной жизни и свободу слова.

Следует заметить, что неимоверные темпы развития информационных технологий привели к значительным изменениям в способах общения и доступе к различного рода сведениям, размещаемым в телекоммуникационной сети «Интернет». Обеспечивая мгновенное распространение информации, Интернет создает беспрецедентные возможности для реализации свободы слова и выражения различных мнений, однако при этом также увеличивает риски злоупотребления этими свободами. Такая форма распространения информации в виртуальной среде, включая дезинформацию и кибератаки, представляет серьезную угрозу не только для неприкосновенности частной жизни человека, его чести и достоинства, но и общественной безопасности и правопорядка в целом.

Кроме того, Кыргызстан, как и другие страны мира, сталкивается с современными вызовами в сфере пропаганды национальной, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде, насилию и экстремизму. Указанные явления представляют одну из глобальных угроз миру и демократии, являясь опасными вызовами правам человека, верховенству права и суверенитету государства. В этой связи, не случайно Конституция прямо запрещает пропаганду национальной, расовой, религиозной ненависти, гендерного и иного социального превосходства, призывающая к дискриминации, вражде или насилию. Иными словами, Основной Закон и вышеприведенные законы, наряду с укреплением свободы слова и различных мнений, обязывают государство не только принимать адекватные меры по защите достоинства каждой личности, как основы всех его прав и свобод, но и противостоять любым формам нетерпимости, требовать соблюдения этических стандартов и необходимого уровня медийной грамотности.

В то же время, учитывая динамику развития Интернета, глобальный, транснациональный и многогранный характер его воздействия на общественные процессы, выполнение государством своих задач требует создания и внедрения особых правовых и технических инструментариев для

обеспечения эффективного и своевременного вмешательства государства в интернет-пространство и модерации интернет-публикаций для обеспечения защиты конституционных ценностей и гармоничного сочетания частных и публичных интересов.

Именно с целью управления этих процессов государство определило Закон «О защите от недостоверной (ложной) информации» в качестве базового, который устанавливает правовые основы для запрета распространения недостоверной информации в интернет-пространстве.

В соответствии со статьей 4 данного Закона права и обязанности владельцев информационных ресурсов четко регламентированы, тем самым, обязывая их к ответственному управлению контентом. Так, владелец сайта и (или) страницы сайта и пользователь в интернет-пространстве Кыргызской Республики имеют право свободно искать, получать, хранить, использовать информацию, распространять ее устно, письменно или иным способом, размещать или допускать размещение на своем сайте или странице сайта текст и (или) иные материалы других пользователей сети Интернет, не порочащие или не унижающие честь и достоинство личности.

Наряду с этим, каждый, кто считает, что в отношении него была распространена недостоверная (ложная) информация, порочащая его честь, достоинство и деловую репутацию, имеет право обратиться к владельцу интернет-сайта или страницы с требованием о немедленном удалении недостоверной (ложной) информации со страницы или сайта (в течение 24 часов с момента обращения) и размещении информации, опровергающей ранее размещенную недостоверную (ложную) информацию.

В случае отказа от удаления недостоверной информации или нарушения времени удаления недостоверной (ложной) информации лицо, чьи права и свободы были нарушены в связи с публикацией недостоверной (ложной) информации о нем, вправе обжаловать действия владельца сайта в сети Интернет или владельца страницы сайта в порядке, определенным Кабинетом Министров Кыргызской Республики от 8 апреля 2022 года №204. Работа сайта или страницы сайта может приостанавливаться сроком до двух месяцев. Владелец сайта или страницы сайта не вправе создавать новый сайт или страницу сайта в сети Интернет в период приостановления сайта или страницы сайта.

Таким образом, государство, устанавливая такое правовое регулирование, определяет правила поведения в обществе и последствия за отступления от этих установок. Это включает в себя не только обязанность субъектов, ответственных за размещение информации в интернет-пространстве, удалять порочащие гражданина сведения, но и предоставляет таким лицам законный способ защиты. То есть, потерпевшим предоставляется возможность для обращения за защитой своих нарушенных прав, если владелец сайта или страницы отказывается добровольно исполнить эту обязанность.

На основе и во исполнение статьи 3 вышеуказанного Закона Кабинетом Министров Кыргызской Республики был принят Порядок, согласно которому предусматривается более конкретизированный механизм быстрого реагирования на недостоверную (ложную) информацию в интернете-пространстве.

Уполномоченный орган в сфере информации в течение одного рабочего дня рассматривает жалобы гражданина и юридического лица (далее-заявитель) на отказ в удалении или нарушение сроков удаления недостоверной (ложной) информации, проверяя соответствие требованиям пункта 7 Порядка.

Согласно оспариваемому пункту 10 Порядка, если заявление соответствует критериям орган выносит решение об удалении, устанавливает срок его исполнения и направляет его уполномоченному органу по связи для дальнейшей передачи владельцу сайта или страницы в сети Интернет. В свою очередь, они обязаны незамедлительно удалить информацию и разместить опровержение, после чего в течение одного дня должны уведомить уполномоченные органы, как это предписано в оспариваемом пункте 11 Порядка. А в случае неисполнения решения, уполномоченный орган приостанавливает работу сайта или страницы в сети Интернет через хостинг- провайдера, который также должен выполнить и уведомить о мерах в однодневный срок (оспариваемые пункты 12, 13).

Конституционный суд считает, что установление такого правового регулирования, при котором права гражданина, чьи честь и достоинство были нарушены, имеют преимущественное значение над интересами владельца сайта или веб-страницы, соответствует нормам и духу Конституции. То есть, человеческое достоинство, обладая абсолютным и неприкосновенным характером, стоит выше других конституционных гарантий, включая свободу выражения своего мнения, свободу слова и печати, что делает недопустимыми любые их умаления в процессе реализации иных прав (часть 1 статьи 29 Конституции).

В данном случае владелец сайта или страницы в сети Интернет выступает как правонарушитель, который должен принять необходимые меры по восстановлению достоинства личности в любых обстоятельствах и оперативном порядке. Таким образом, эти действия, по сути, являются исполнением конституционной обязанности государства и не могут рассматриваться как чрезмерное обременение или несоразмерное ограничение прав владельцев сайта или страниц в сети Интернет, а также как нарушение положений части 3 статьи 23 Конституции.

Это подчеркивает ответственность государства за поддержание законности и справедливости в цифровом пространстве, а также за обеспечение безопасности и защиты прав граждан в условиях широкого доступа к информации.

Оспариваемый Порядок определяет процедуры действий уполномоченного государственного органа в сфере информации, которые включают принятия решений как удаление недостоверной (ложной) информации с установлением срока, так и обоснованного отказа в принятии заявления о её удалении.

Согласно пунктам 9 и 17 Порядка, в случае несогласия владельца сайтов или страницы в сети Интернет, а также заявители, вправе обжаловать решение и действие (бездействие) уполномоченного государственного органа в сфере информации в административном (досудебном) порядке в соответствии с Законом Кыргызской Республики «Об основах административной деятельности и административных процедурах» (далее -Закон).

Далее, главой 10 Закона установлен стандартизированный механизм досудебного рассмотрения жалоб, который включает в себя четко определенные основания, сроки, требования, предъявляемые к жалобе, пределы действий административного органа по поступившей жалобе и правовые последствия подачи административной жалобы.

Так, жалоба на действие или бездействие административного органа или должностного лица подается в вышестоящий административный орган или вышестоящему должностному лицу, по итогам которого она либо удовлетворяется полностью или частично, отменяя административный акт или признав его незаконным, либо принимается новый административный акт (часть 2 статьи 62 и статья 69 Закона).

Таким образом, Закон наделяет уполномоченный орган в сфере информации, в лице Министерства культуры, информации, спорта и молодежной политики дискреционными полномочиями. Это означает, что уполномоченный орган по своему усмотрению вправе определить вид и содержание (полностью или частично) принимаемого административного акта, либо предоставляющих возможность выбора по усмотрению одного из нескольких предусмотренных законодательством вариантов решений (статья 4 Закона).

Ввиду чего в упомянутом органе учреждена постоянно действующая Комиссия под руководством министра для рассмотрения административных жалоб, задача которой - рассмотрение жалоб в соответствии с установленным порядком Закона.

При этом, несмотря на наделение Комиссии дискреционными полномочиями, Закон устанавливает их ограничения. Согласно этим ограничениям, Комиссия при осуществлении своих полномочий должна строго руководствоваться интересами защиты прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции, принципами равноправия, соразмерности и единообразного применения права, а также действовать для достижения других целей, установленных указанным Законом.

В связи с чем, необходимо отметить, что досудебный административный порядок служит для быстрого и эффективного урегулирования споров между гражданами и государственными органами, до обращения в судебные инстанции. Эта процедура не только ускоряет процесс разрешения конфликтов, но и предоставляет сторонам возможность полностью осознать все аспекты дела. То есть, это шанс для владельца сайта или страницы в сети Интернет, хостинг-провайдера и заявителя четко и открыто выразить свою оспариваемую позицию, что, в свою очередь, будет способствовать мирному разрешению споров через компромиссы и взаимоприемлемые решения.

Кроме этого, согласно части 1 статьи 62 Закона, если заявитель, обратившийся за осуществлением административной процедуры, не удовлетворен итоговым административным актом, в последующем он имеет право обжаловать его уже в судебном порядке.

Резюмируя вышеизложенное, Конституционный суд отмечает, что ни одна из сторон не лишается права на справедливую досудебную и судебную защиту в случае возможности удаления или отказа в удалении недостоверной (ложной) информации, а также при приостановлении работы сайта или страницы сайта из-за распространения такой информации в интернете.

2.5. Конституционный суд своим Решением от 6 марта 2024 года признал нормативное положение части 8 статьи 110 Административнопроцессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «и обратившихся в суд не позднее 10 лет со дня принятия обжалуемых актов или совершения обжалуемых действий», противоречащими части 2 статьи 56, части 1 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Меры государства по защите основных прав и свобод человека и гражданина по своему функциональному назначению должны иметь упреждающее действие и направлены на предотвращение возможных посягательств. А в случае, если они уже имели место, то должна включаться система такой защиты, которая позволит обеспечить восстановление нарушенных прав. К таким инструментам относятся самозащита человеком своих прав всеми не запрещенными законом способами, административные методы защиты, судебная защита, а также международно-правовые механизмы, которые в своей совокупности позволяют обеспечить достойную жизнь и свободное развитие человека.

Причем, судебная защита, ввиду своей высокой эффективности, занимает среди прочих главенствующее место. Это обусловлено ее особенностями в силу обладания судами такими властно-распорядительными полномочиями и средствами воздействия на правоотношения, которыми не наделен ни один другой государственный орган. Поэтому, неслучайно Конституция особо выделяет предоставляемую каждому индивиду гарантию судебной защиты его прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права часть.

Закрепление в Конституции права на судебную защиту конституционно связывает государственную власть (всю систему публичной власти) обязанностью создания механизмов, гарантирующих беспрепятственное пользование каждым обозначенным правом. При этом ключевым содержанием данного права является доступность правосудия, означающая недопустимость принятия норм, блокирующих доступ граждан к правосудию. Не имея реального доступа к правосудию по какому-либо вопросу, лицо не может реализовать в полной мере свое конституционное право на судебную защиту.

Способы и средства реализации права на судебную защиту зависят от построения системы процессуального права, ее деления на отрасли, которые, в свою очередь, образуют виды судопроизводства. Это обусловлено различием предмета и методов правового регулирования материальных отношений и особенностей необходимой модели процессуального поведения участников судопроизводства. Именно вид судопроизводства определяет статус, а также объем прав и обязанностей его участников. Ключевым смыслом такого разделения является достижение высокой эффективности, своевременности, справедливого рассмотрения и разрешения различных по своей природе дел.

Так, согласно Конституции, судебная власть в Кыргызской Республике осуществляется посредством конституционного, гражданского, уголовного,

административного и иных форм судопроизводства, предусмотренных законом.

В частности, административное судопроизводство осуществляется в соответствии с Административно-процессуальным кодексом Кыргызской Республики, который предусматривает, что любое заинтересованное лицо вправе в порядке, установленном законом, обратиться в суд за защитой своих нарушенных или оспариваемых прав, свобод или охраняемых законом интересов. Отказ от права на обращение в суд недействителен.

В то же время, обладание правом на обращение в суд по определенным причинам ограничено временем, в течение которого индивид имеет право получить разрешение своего дела в судебном порядке, учрежденным как исковая давность. Иными словами, если истец превышает установленный законом срок исковой давности, в удовлетворении его требований судом должно быть отказано.

Цель установления исковой давности заключается в том, чтобы обеспечить стабильность и предсказуемость правовых отношений, а также предотвратить бесконечное возобновление правовых споров. Кроме того, исковая давность выполняет функцию рационализации расходования ресурсов судебной системы в целом.

Так, в соответствии с вышеуказанным Кодексом иск подается в суд в течение трех месяцев со дня получения копии акта государственного органа, органа местного самоуправления, их должностных лиц либо со дня, когда заявитель узнал о вынесении данного акта, если иные сроки не установлены законом.

Таким образом, установленный трехмесячный срок по своей сути и является сроком исковой давности, в течение которого правообладатель может путем предъявления иска в суд получить удовлетворение своих требований.

Вместе с тем, следует заметить, что сроки исковой давности не носят пресекающего характера, их истечение не влечет за собой прекращение субъективного права и не является препятствием для обращения в суд. Так, несмотря на небольшой период времени, установленный законодателем, при наличии причин, признанных судом уважительными, истец имеет возможность восстановления пропущенного срока исковой давности.

Однако в силу оспариваемой нормы восстановление пропущенного срока возможно не позднее 10 лет со дня принятия обжалуемых актов или совершения обжалуемых действий.

Конституционный суд отмечает, что введенное законодателем ограничение возможности восстановления срока на подачу иска выступает по своей сути преклюзивным (пресекательным) сроком, характеризующимся тем, что:

- истечение пресекающего срока влечет неизбежное прекращение субъективного права;
- суд применяет пресекающий срок независимо от заявления сторон спора;
- пресекающие сроки не подлежат приостановлению, перерыву или восстановлению.

Хотя такая процессуальная установка призвана исключить возможность неразумно продолжительной неопределенности в вопросах правомерности актов и управленческих решений органов государственной власти и местного самоуправления, тем не менее, заинтересованные лица не могут подвергаться такому регулятивному воздействию, которое ограничивало бы реализацию права на судебную защиту такими преградами, которые, даже при наличии объективных причин, не могут быть преодолены.

Также, как и институт исковой давности, процессуальные пресекательные сроки необходимы для того, чтобы участники правоотношений могли в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и были уверенными в неизменности своего правового статуса, застрахованного от произвола со стороны других лиц, а также защищенного от состояния неопределенности, вызванного отсутствием возможности прогнозировать правовые последствия своего положения.

Таким образом, как институт исковой давности, так и процессуальные пресекательные сроки предназначены для выполнения одних и тех же задач.

Закрепляя положения о защите прав и свобод человека и гражданина, Конституция устанавливает, что права и свободы человека действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, в том числе органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Вопросы непосредственного жизнеобеспечения человека в месте его обитания в основном связаны с оказанием широкого спектра социальных услуг органами местного самоуправления, их административными и управленческими решениями.

Вышеуказанное конституционное установление предполагает, что на местное самоуправление, как на институт публичной власти, накладываются обязанности не только по соблюдению, но и претворению в жизнь конституционных прав и свобод человека и гражданина, созданию условий для наиболее их полной реализации, пресечению их нарушений, а, в отдельных случаях, - восстановлению нарушенных прав и свобод на территории муниципального образования имеющимися в их распоряжении административными и правовыми средствами.

В свете изложенного, следует отметить, что представленные доказательства и материалы заявителей по рассматриваемому вопросу, свидетельствуют о том, что в отдельных случаях при решении жизненно важных для граждан вопросов, а также общественно значимых задач, действия органов местного самоуправления с точки зрения неукоснительного соблюдения законов вызывают определенные сомнения. При этом, наличествуют случаи, когда заинтересованные лица в течение длительного периода времени могут и не знать о существовании юридических фактов, возникших вследствие решений органов местного самоуправления, соответственно, и не знать о факте нарушения их прав и интересов.

Согласно Конституции, в Кыргызской Республике не должны приниматься законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека.

Раскрывая значение данной конституционной гарантии, Конституционный суд в своем Решении от 29 марта 2023 года отметил,

что указанное императивное предписание, адресованное, прежде всего, законодателю, является одной из гарантий полноты прав и свобод как с точки зрения их перечня, так и адекватности принимаемых законов.

Конкретизация отдельных конституционных положений и ввод различных моделей правового регулирования, в том числе в соответствии с новыми социальными реалиями, безусловно, прерогатива законодателя. Однако, реализуя свои регулятивные полномочия, законодатель обязан следить за тем, чтобы принимаемые нормативные предписания были соразмерными и справедливыми, поддерживали доверие граждан к закону и действиям государства.

Оспариваемая норма возникла вследствие принятия Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики)» от 11 апреля 2023 года №85. Как следует из справки-обоснования к законопроекту, отсутствие единого пресекательного срока вредит правовой определённости и стабильности судебных актов. Любое требование должно быть заявлено в суд своевременно, поскольку отсутствие разумных временных ограничений для защиты нарушенных прав может привести к ущемлению интересов лиц, к которым такие требования предъявлены. Установление предельного срока, в рамках которого возможно восстановить срок, положительно скажется на устойчивости не только решений судов, но административных актов, влекущих правовые последствия.

Несомненно, состояние правовой определенности существенно влияет на режим законности, правопорядка и предсказуемости общественных отношений. Вместе с тем, следует отметить, что данный принцип не носит абсолютного характера, тогда как право на судебную защиту имеет фундаментальное значение и не может в какой-либо степени ограничиваться. Как отмечалось, это право предполагает, прежде всего, недопустимость принятия норм права, блокирующих доступ граждан к правосудию. При введении тех или иных ограничений, обусловленных конституционно значимыми целями, законодателю следует руководствоваться конституционным принципом адекватности и пропорциональности используемых правовых средств.

Таким образом, учитывая материально-правовую природу пресекательного срока Конституционный суд приходит к выводу о недопустимости применения такого механизма в регулировании правоотношений, связанных с первоначальным доступом граждан к правосудию, как основной конституционной гарантией, лежащей в основе обеспечения всех других прав и свобод человека. Законом не могут устанавливаться ограничения прав и свобод человека в иных целях и в большей степени, чем это предусмотрено Конституцией.

Действующий институт исковой давности является не менее эффективным правовым средством, нежели чем процессуальные пресекательные сроки, и при правильном правоприменении, не посягая на существо конституционного права, полноценно решает задачи, ради которых законодатель применил преклюзивный срок в регулировании административного судопроизводства.

Данное решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров Кыргызской Республики письмом суда от 15 мая 2024 года №03/384.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменения в Административно - процессуальный кодекс Кыргызской Республики» и представлен в Кабинет Министров Кыргызской Республики.

Направлен Кабинетом Министров Кыргызской Республики в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики (исх. АПКР №28-7382 от 26 августа 2024 года).

Находится на рассмотрении в Жогорку Кенеше Кыргызской Республики.

2.6. Решением Конституционного суда от 20 марта 2024 года нормативное положение части 4 статьи 439 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики, выраженное словами «Такие определения подлежат пересмотру в кассационном порядке одновременно с рассмотрением кассационных жалобы или представления на окончательное судебное решение, принятое по данному уголовному делу.», признано не противоречащим частям 1, 2, 4-6 статьи 23, статье 55, частям 1, 2 статьи 56, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Правовая система государства, построенная на верховенстве права и законности, предусматривает право каждого на судебную защиту. Это право, относящееся к основным неотъемлемым правам и свободам человека, включает гарантии свободного и равного доступа всех к правосудию. Оно осуществляется на основе принципа состязательности и равенства сторон независимым судом, призванным защищать и восстанавливать нарушенные права не только от незаконных действий органов законодательной и исполнительной власти, но и от ошибочных судебных решений.

В этой связи правосудие признается таковым только если оно отвечает критериям справедливости и эффективно восстанавливает нарушенные права, а законодатель же при формировании процесса судопроизводства должен обеспечить такой правовой механизм, который предоставляет надлежащую возможность по отстаиванию прав и законных интересов человека и гражданина на всех этапах уголовного судопроизводства всеми способами, не запрещенными законом.

Важную роль в этом процессе, безусловно, играет первая инстанция, результаты функционирования которой носят основополагающий (базовый) характер по отношению к последующим этапам уголовного судопроизводства.

Так, в ходе судебного разбирательства проводится тщательное исследование всех элементов доказательственной базы уголовного дела. Активное участие сторон — обвинения и защиты — не только способствует реализации их прав и интересов, но и позволяет суду объективно оценить содержание материалов досудебного производства.

Следовательно, крайне важно подчеркнуть, что высокая эффективность работы первой инстанции подтверждает её ключевую роль в системе правосудия и подчеркивает необходимость поддержания строгих стандартов для обеспечения правильного и беспристрастного отправления правосудия в целом.

Вместе с тем, учитывая состязательный аспект уголовного процесса, важно учесть возможность того, что стороны могут выявить проблемы на этапе подготовки дела заседанию суда первой инстанции. Именно поэтому, УПК предусматривает правомочие запуска механизма предварительного слушания не только за судьей по его инициативе, но и по ходатайству одной из сторон.

Таким образом, предварительное слушание является дополнительной процессуальной гарантией соблюдения прав участников процесса, позволяющее обнаруживать, корректировать либо устранять недостатки досудебного производства еще до начала основного слушания.

Законодатель предоставляет сторонам право заявлять ходатайство об исключении любого из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве. При этом отдельно закрепляет норму, предусматривающую в качестве основания для проведения предварительного слушания наличие ходатайства стороны об исключении недопустимых доказательств.

Причиной исключения доказательства служит их недопустимость, возникающая из-за нарушения требований УПК при сборе или проверке фактических данных, имеющих доказательственное значение. Четкий перечень недопустимых доказательств предусмотрен в части 4 статьи 80 УПК.

Решения суда об удовлетворении либо отказе в удовлетворении ходатайства об исключении доказательств могут быть обжалованы в апелляционном порядке в течение 3 суток согласно части 3 статьи 288 УПК.

В этой связи следует отметить, что предварительное слушание, предоставляемое в качестве возможности или выбора в зависимости от обстоятельств конкретного дела, несмотря на свой факультативный характер, также играет вспомогательную роль в исследовании доказательств на предмет их допустимости к процессу. Эффективность и надежность этого института, выступающего неким «мостом», соединяющим досудебное производство с судебным процессом, может повлиять на качество и результаты рассмотрения дел в суде первой инстанции и, безусловно, положительно скажется на всех последующих этапах уголовного судопроизводства.

Суд апелляционной инстанции, являясь вышестоящим судебным звеном, обладает важным значением в реализации права осужденного на пересмотр судебного решения, при этом он наделен не только свойственными ему уникальными процессуальными полномочиями, но и теми, которыми располагает суд первой инстанции.

Прежде всего, эта инстанция, состоящая из судебной коллегии, рассматривает уголовные дела по жалобам и представлениям на приговоры и постановления, которые не вступили в законную силу, и проверяет законность и обоснованность этих решений, вынесенных судом первой инстанции.

В связи с чем особенностью суда апелляционной инстанции является наличие в его процессуальном арсенале полномочия по проведению нового рассмотрения дела, как в полном, так и в частичном объеме, следуя процедурам первой инстанции и обеспечивая принцип состязательности. В результате чего может быть вынесен новый приговор, который заменит решение первой инстанции.

В свою очередь, поскольку общие условия судебного разбирательства, предусмотренные в статье 289 УПК, распространяются и на апелляционный суд, законодатель обязывает его основывать приговор лишь на тех доказательствах, которые были исследованы в судебном заседании.

Учитывая изложенное, необходимо подчеркнуть, что реализация полномочий второй инстанции обеспечивает повторное и тщательное исследование всех материалов дела, включая вопросы о недопустимости доказательств, которые уже подверглись детальному анализу на предыдущих этапах уголовного судопроизводства. Тем самым предоставляются необходимые правовые инструменты участникам уголовного процесса для обеспечения справедливости, законности и восстановления нарушенных конституционных прав, свобод и интересов человека через доступ ко всем возможностям правосудия.

Кассационное производство, являясь одним из действенных механизмов исправления судебных ошибок, выступает важнейшей гарантией защиты прав и свобод человека, а в случае их нарушения нижестоящими судами - основным способом их восстановления.

Так, законодатель установил четкие пределы полномочий кассационной инстанции, в рамках которых она вправе лишь проверить производство по уголовному делу на предмет существенных нарушений норм материального и процессуального права.

Согласно пункту 9 части 2 указанной статьи, одним из оснований для отмены судебного акта является обоснование приговора доказательствами, признанными судом недопустимыми. В свою очередь, часть 4 статьи 80 УПК четко определяет, какие доказательства считаются недопустимыми.

Согласно оспариваемым нормативным положениям, предметом рассмотрения суда кассационной инстанции могут быть определения, предшествующие окончательному судебному решению, если обжалование таких определений предусмотрено УПК. Такие определения подлежат пересмотру в кассационном порядке одновременно с рассмотрением кассационных жалобы или представления на окончательное судебное решение, принятое по уголовному делу.

Такое правовое регулирование исключает возможность текущего контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за ходом рассмотрения дела судом первой инстанции и, следовательно, вмешательство в осуществление им своих дискреционных полномочий.

Однако возможность судебной проверки законности и обоснованности промежуточных действий и решений суда при этом не устраняется; она лишь переносится на другой установленный срок и осуществляется после постановления приговора. Этот подход позволяет судам первой и второй инстанций завершить рассмотрение дела без внешнего давления и предвзятости, что способствует независимости судебного разбирательства.

Устанавливая исчерпывающий перечень полномочий кассационной инстанции, законодатель не предоставляет этому суду права определять или считать доказанными факты, которые не были установлены в приговоре или были отвергнуты им, предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, допустимости или недопустимости того

или иного доказательства, преимущества одних доказательств перед другими, а также предрешать выводы в итоговых актах, которые могут быть сделаны судами первой или апелляционной инстанции при повторном рассмотрении дела.

Таким образом, понимание итогового акта, включая оценку всех принятых в ходе дела процессуальных решений, является ключом к обеспечению справедливости и правильности судебного разбирательства на кассационном этапе. Это требуется не только для анализа законности примененных норм, но и глубокого понимания того, как процессуальные и материальные решения повлияли на формирование итогового акта, подчёркивая ответственность кассационной стадии судопроизводства в рамках своих полномочий.

Кроме этого, производство по пересмотру вступивших в законную силу судебных решений по уголовным делам как имеющее резервное значение дополнительного способа обеспечения их законности означает установление таких процедурных правил, которые исключают возможность злоупотребления процессуальными правами и превращения кассационной процедуры в ординарную судебную инстанцию, не нарушая при этом базовые конституционные принципы справедливости и равенства.

Установленный законодателем порядок для кассационной инстанции не ограничивает право на пересмотр решений этой инстанции. Также не умаляются права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства на судебную защиту, включая исследование вопросов о недопустимости доказательств при наличии процессуальных нарушений.

2.7. Конституционный суд своим Решением от 27 марта 2024 года признал нормативное положение абзаца седьмого пункта 4 Положения о порядке исчисления стажа государственной службы и муниципальной службы для выплаты процентных надбавок за выслугу лет, утвержденное Указом Президента Кыргызской Республики от 2 февраля 2022 года УП №25, выраженное словами «начиная с 7 июня 2016 года» не противоречащим части 1 статьи 24, статье 55, части 2 статьи 56 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Конституция Кыргызской Республики гарантирует каждому право на свободу труда, распоряжаться своими способностями к труду, на выбор профессии и рода занятий, охрану и условия труда, отвечающие требованиям безопасности и гигиены, а также право на получение оплаты труда, не ниже установленного законом прожиточного минимума.

Государство обязано в приоритетном порядке создавать правовые, организационные, экономические и иные благоприятные условия с тем, чтобы у каждого человека возникло реальное право выбора того или иного вида трудовой деятельности.

В свою очередь, смысл реализации конституционного права на труд заключается в получении каждым денежного дохода - источника повышения уровня благосостояния его самого и членов семьи, в том числе, в случае наемного труда, - заработной платы.

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики заработной платой является вознаграждение (возмещение) за труд в

зависимости от сложности, количества, качества и условий, а также выплаты компенсационного и стимулирующего характера. Выплаты компенсационного и стимулирующего характера в виде надбавок и доплат устанавливаются в абсолютных величинах или в процентах к должностному (тарифному) окладу.

Надбавки и доплаты стимулирующего характера - это два самостоятельных вида стимулирующих (поощрительных) выплат, имеющие общую цель - индивидуализировать заработок работника с учетом различных факторов, не учтенных в размере тарифной ставки.

В отличие от компенсационных выплат, доплаты и надбавки стимулирующего характера не связаны с оплатой труда в каких-то особых, вредных или опасных условиях, отклоняющихся от установленных норм. Их цель состоит в стимулировании работников к повышению количества и качества труда, для их дальнейшего личностного роста и развития.

Стимулирующие доплаты и надбавки носят постоянный характер и выплачиваются не за будущие, требующие оценки достижения, а за уже достигнутые результаты и индивидуальные качества работника, обеспечивающие высокую результативность его работы. Они устанавливаются за высокую квалификацию, непрерывный стаж, классность, ученое звание и иные заслуги.

Однако установление работникам стимулирующих выплат не является обязательным как с точки конституционных гарантий, так и общих принципов отраслевого законодательства.

Тем не менее, законодатель, обладая достаточно широкой свободой усмотрения при осуществлении своих полномочий вправе вводить как общие правила определения различных процентных надбавок к должностным окладам государственных и муниципальных служащих, так и особенностей применительно к их отдельным категориям.

В рассматриваемом случае, исходя из социальной ценности для общества трудовой деятельности по выполнению государственных функций, законодатель предусмотрел для лиц, посвящающих себя служению в органах государственной власти и местного самоуправления, специальные правила установления надбавок к окладам за выслугу лет, их размеры, условия назначения и выплаты. Тем самым, законодатель установил дополнительные стимулирующие выплаты к окладам государственных и муниципальных служащих с целью поощрения их многолетнего труда, а также мотивации на продолжение общественно значимой работы, повышения качественных и количественных показателей труда, а также поддержания уровня их материального достатка.

Исходя из норм и духа Конституции, законодатель в своей нормотворческой деятельности обязан строго придерживаться принципов равноправия и недискриминации как выражение и внедрение в жизнь общества идеи социальной справедливости. Это означает, что за исключением очевидно необходимых случаев, все люди должны обладать одинаковым правовым статусом, то есть, иметь права, свободы и обязанности одинакового объема и содержания, а также одинаковые возможности по их реализации и защите. Это, безусловно, касается и вопросов предоставления каждому равных возможностей при осуществлении права на труд, а также соблюдения принципа справедливого вознаграждения за труд.

Таким образом, социальная справедливость является основой правового, социального государства, внутренняя политика которого должна быть направлена на обеспечение справедливых условий в сфере труда для достижения достойной жизни и свободного развития каждого человека. В таком государстве сглаживаются социальные различия, а соответствующие гарантии обеспечиваются эффективным государственным регулированием.

Впервые правило о включении времени работы государственного и муниципального служащего, замещавшего временно отсутствующего служащего, в стаж государственной и муниципальной службы, а при наличии классного чина и выслуги лет, - с выплатой соответствующей надбавки, было введено с принятием Закона «О государственной гражданской службе и муниципальной службе» от 30 мая 2016 года №75, который вступил в силу со дня его официального опубликования в газете «Эркин-Тоо» 7 июня 2016 года.

Позднее, 27 октября 2021 года был принят новый Закон «О государственной гражданской службе и муниципальной службе», в соответствии с которым установлено, что стаж государственной и муниципальной службы для выплаты процентных надбавок за выслугу лет исчисляется в порядке, определяемом Президентом, трудовая деятельность по замещению временно отсутствующего служащего засчитывается в стаж государственной и муниципальной службы (части 6, 7 статьи 21).

Во исполнение этого Закона Президентом Кыргызской Республики был издан Указ от 2 февраля 2022 года УП №25, которым утверждено Положение о порядке исчисления стажа государственной службы и муниципальной службы для выплаты процентных надбавок за выслугу лет, где абзацем седьмым пункта 4 установлено, что в общий стаж государственной и муниципальной службы, дающий право на получение ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет, включается трудовая деятельность по замещению временно отсутствующего государственного гражданского служащего и муниципального служащего начиная с 7 июня 2016 года.

Как видно из приведенной хронологии, суть оспаривания данного Положения заключается в распространении вышеуказанного правила начиная лишь с 7 июня 2016 года, что, по мнению обращающейся стороны, ухудшает положение лиц, замещавших временно отсутствовавших служащих до указанной даты, и вводит элементы неравенства для лиц с одинаковым статусом.

Вопросы введения подобных доплат выходят за пределы конституционно-правового регулирования и государство вправе решать их в зависимости от макроэкономических показателей экономики и принципов бюджетного права.

Законодатель впервые ввел правило учета времени работы государственного и муниципального служащего, замещавшего временно отсутствующего служащего, в стаж государственной и муниципальной службы с 7 июня 2016 года, соответственно, установление этой же даты оспариваемым нормативным положением в качестве начала применения данного правила для начисления доплаты за выслугу лет не может расцениваться как обстоятельство, ухудшающее положение одних субъектов по отношению к другим и содержащее фактор неравенства.

Введение оспариваемого нормативного положения законодателем и Президентом Кыргызской Республики осуществлено в рамках своих дискреций и должны рассматриваться как последовательные меры, направленные на поэтапное улучшение положения лиц, временно замещающих отсутствующих работников, и обусловлены правовым положением государственной и муниципальной служб.

Таким образом, дифференцированный подход правового регулирования при учете трудового стажа работника в период замещения им временно отсутствующего работника для расчета ежемесячной надбавки к должностному окладу за выслугу лет в периоды до и после 7 июня 2016 года, не может расцениваться как нарушение конституционного права работников на справедливое вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и умаление ранее предоставленного права.

2.8. Решением Конституционного суда от 8 мая 2024 года пункт 8 части 1 статьи 32 конституционного Закона Кыргызской Республики «О государственном языке Кыргызской Республики» был признан не противоречащим частям 1, 2 статьи 23, части 1 статьи 24 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Кыргызский язык, как конституционно-правовой атрибут государственности, играет ключевую роль в качестве важного инструмента деятельности государства, обеспечивая его уникальность. Это также объясняет, почему кыргызский язык традиционно используется народом как основное средство национального общения, подчеркивая его фундаментальное значение для культурной жизни и социального взаимодействия в стране.

Вместе с тем Конституция, проявляя уважение к историческому аспекту развития кыргызской государственности в XX веке и признавая русский язык средством взаимодействия в самом широком спектре, устанавливает его в качестве официального языка, а также гарантирует представителям всех других этносов, образующих народ Кыргызской Республики, право на создание условий для сохранения, изучения и развития родного языка.

Однако, как уже указывалось органом конституционного контроля, право на использование родного языка другими этносами не абсолютно. Оно направлено на поддержку социокультурных интересов человека, но не дает права на его неограниченное применение во всех сферах публичной жизни государства.

Конституционный принцип правового государства закладывает фундаментальные юридические основы для функционирования государства и его взаимодействия с гражданами, устанавливая общие правила поведения и рамки осуществления власти. Основным аспектом этого принципа - верховенство Конституции, в соответствии с которой принимаются конституционные законы, законы и другие нормативные правовые акты (далее - НПА) на государственном и официальном языках. При этом законодатель особо подчеркивает, что акты, изданные на государственном языке, имеют приоритет и считаются оригиналами (часть 3 статьи 10 конституционного Закона и статья 6 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики»).

Это статусное закрепление не является лишь формальным признанием, оно предписывает, чтобы вся государственная деятельность, включая законодательную, исполнительную и судебную, осуществлялась на государственном языке.

Важной составляющей принципа правового государства является признание и гарантия защиты прав и свобод каждого человека в соответствии с Конституцией и международными нормами.

Одним из таких гарантий является конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи. Это положение подтверждает обязательство государства на установление законодательных мер общего характера по вопросам деятельности государственных органов и негосударственных институтов, задействованных в публичной юридической сфере. Оказание юридических услуг, таким образом, служит публичным интересам, и соответственно приобретает публично-правовое значение. Это делает его неотделимым от функционирования не только институтов судебной власти, но и иных государственных и негосударственных механизмов, предназначенных для разрешения всевозможных социальных конфликтов.

В этой связи государство должно обеспечить следующие условия: во-первых, создать необходимую правовую основу деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи; во-вторых, обеспечить доступ к оказанию этой помощи только тем лицам, квалификация которых позволяет им эффективно выполнять свои функции в интересах граждан; и в-третьих, установить четкие профессиональные и квалификационные требования для ведения адвокатской деятельности.

Таким образом, адвокаты, принимая на себя миссию по оказанию квалифицированной юридической помощи, в том числе и гарантированной государством, играют ключевую роль в реализации конституционных обязательств государства в сфере обеспечения защиты законных прав и интересов граждан.

Законодатель, принимая во внимание значимость вышеобозначенных факторов, определил порядок регулирования деятельности по оказанию квалифицированной юридической помощи в законах «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности» и «О гарантированной государством юридической помощи». А их целями предусмотрел реализацию прав индивидов на доступ к правосудию, обеспечение справедливого судебного разбирательства и создание более эффективной, справедливой, основанной на верховенстве права системы отправления правосудия.

Согласно вышеотмеченным актам, квалифицированная юридическая помощь включает в себя профессиональную деятельность адвоката по представительству и/или защите законных прав и интересов лиц по уголовным, гражданским, административным делам и по делам о правонарушениях на всех стадиях судопроизводства.

А как это определено в статье 4 конституционного Закона, судопроизводство должно осуществляться на государственном языке.

Установление государственного языка в качестве основного языка судопроизводства прямо вытекает из нормы Конституции о придании кыргызскому языку статуса государственного.

В данном контексте обязательное знание государственного языка адвокатами не только подчеркивает их роль в обеспечении доступа к правосудию и надлежащей защите прав и свобод участников судебного процесса, но и отражает отмеченные в настоящем Решении конституционно значимые цели.

Таким образом, требование законодателя о владении государственным языком адвокатами в рамках их служебных обязанностей диктуется с этими важными целями и не могут рассматриваться как ограничение их деятельности. Адвокаты, предоставляющие правовую помощь субъектам, находящимся в состоянии правового конфликта или обратившимся к ним со своими жизненно важными интересами и готовыми довериться им как к лицам, обладающим специальными познаниями, обязаны придавать первостепенное значение знанию законодательства на государственном языке, поскольку применение и апеллирование нормами законов и иных НПА является самым главным инструментом в его деятельности.

Также необходимо отметить, что поскольку адвокаты неотъемлемая часть общества, в котором государственный язык используется как в повседневной коммуникации, так и официальных делах, соответственно, владение ими этим языком является неизбежным для эффективного выполнения ими своих профессиональных обязанностей.

Государство заложило сохранение и развитие языковой политики в Национальную стратегию развития Кыргызской Республики до 2040 года и определило основные ее приоритетные направления и задачи в Программе развития государственного языка и совершенствования языковой политики на 2021 -2025 годы (Указ Президента от 31 октября 2018 года №221, постановление Правительства от 1 октября 2020 года №510).

Среди основных задач и направлений в этих документах значится достижение полномасштабного и широкого применения государственного языка во всех сферах общественной жизни республики и укрепление правовой основы развития государственного языка.

В рамках этих усилий был принят в новой редакции конституционный Закон «О государственном языке Кыргызской Республики», устанавливающий правовые основы осуществления государственной языковой политики, обязанности государственных органов, учреждений, организаций и органов местного самоуправления в создании условий для развития государственного языка.

Главами 12-13 конституционного Закона определены их полномочия, среди которых на Кабинет Министров возложено утверждение и обеспечение выполнения государственной программы развития государственного языка, в которой должны быть отражены основные стратегические цели и приоритетные задачи государственной политики по поддержке государственного языка в течение соответствующего периода времени, а также планируемые меры для достижения указанных целей и задач. Указанная Программа должна разрабатываться и реализовываться с учетом установленных законом гарантий и льгот, необходимых для удовлетворения потребностей граждан Кыргызской Республики, иностранных граждан и лиц без гражданства в изучении государственного языка, для распространения его использования как в Кыргызской Республике, так и за ее пределами.

Такая регламентация гарантирует конституционные права всех других этносов, образующих народ Кыргызской Республики, особенно в аспекте поддержания разумного баланса между конституционными ценностями в процессе их взаимодействия.

Таким образом формулировка оспариваемой нормы, хотя и содержит прямое указание на обязанность адвокатов владеть государственным языком, приобретает императивный характер по мере планомерной реализации государственной программы развития государственного языка, создания объективных условий для его освоения лицами, не владеющими государственным языком, и поэтапного внедрения языковой политики во все сферы жизнедеятельности общества.

Кроме того, рассматриваемый конституционный Закон не случайно устанавливает возможность использования официального языка в судопроизводстве в соответствии с процессуальным законодательством.

Тем самым, законодатель закрепляет универсальное правило для всех участников судопроизводства, которое действует во всех формах судопроизводства.

Так, лицам, не владеющим или недостаточно владеющим языком, на котором ведется судопроизводство, на любой стадии путем разъяснения обеспечивается специальное право делать заявления, давать показания, заявлять ходатайства, знакомиться с материалами дела, выступать в суде, слушать судебное разбирательство на языке, которым он владеет, с возможностью пользоваться услугами переводчика.

В этой связи обеспечение права на полноценное использование официального языка или языка, которым участник процесса владеет лучше, в рамках судопроизводства является принципом, обеспечивающим равный доступ каждого гражданина к правосудию. Это означает, что никакой участник судопроизводства не должен сталкиваться с языковыми барьерами в доступе к судебной защите по причине невладения государственным языком. Поэтому такая нормативная поддержка языковых прав отвечает конституционным установлениям и предотвращает любую дискриминацию, включая по языковому признаку, поскольку гарантирует каждому участнику судебного процесса возможность полноценно понимать его ход, активно участвовать в защите своих прав и представлять свои интересы в суде на равных условиях с другими участниками.

Таким образом при существующем правовом регулировании порядка внедрения государственного языка оспариваемая норма не может быть признана противоречащей Конституции и должна расцениваться как необходимое требование для выполнения таких публично-значимых функций, как адвокатская деятельность.

Требование владения государственным языком не является немедленно обязательным для всех адвокатов, а реализуется по мере того, как государство будет создавать все необходимые условия для его освоения. Такой подход обеспечивает справедливость в требованиях и позволяет всем заинтересованным сторонам адаптироваться к новым условиям без неоправданного давления.

2.9. Решением Конституционного суда от 21 июня 2024 года статья

62 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (в редакции от 2 февраля 2017 года), статья 73 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (в редакции от 1 октября 1997 года) были признаны не противоречащими статье 60 Конституции Кыргызской Республики. При этом были сформулированы следующие правовые позиции.

Государство, играя ключевую роль, устанавливает и раскрывает конституционное содержание и специфику обязанностей личности, уточняя его природу и четкие пределы в положениях действующих законов и иных нормативных правовых актов.

В связи с чем, взаимная ответственность государства и гражданина проистекает из качества правового регулирования форм его действий в законодательстве. Государство несет ответственность перед гражданами за создание условий, обеспечивающих свободное и достойное развитие личности и их защиту. Взамен, гражданин ответствен перед государством за неукоснительное исполнение своих обязанностей, возложенных на него Конституцией и законодательством. То есть, каждый гражданин, выбирая линию поведения, самостоятельно определяет его вариант, осознавая возможные правовые последствия. Это подчеркивает важность личной ответственности в применении и соблюдении действующих законов.

Законодательство по своей природе динамично и подвержено изменениям, обусловленным потребностями общества, социальноэкономическими факторами и инновациями. Соответственно, действие внесенных изменений в нормативные правовые акты не распространяется на отношения, возникшие до их официального применения, что предотвращает обратное изменение прав и обязанностей граждан.

Однако следует отметить, что имеются исключения из этого правила, определенные самой Конституцией, согласно которым закон или иной нормативный правовой акт, устанавливающий новые обязанности или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет.

Это означает, что любые такие законодательные изменения применяются лишь к ситуациям, возникающим после их официального введения в действие, тем самым, обеспечивается правовая определенность и предсказуемость правовой системы, позволяя людям адаптироваться к изменениям в законодательстве без страха перед неожиданными юридическими последствиями.

По общему правилу, закрепленному в статье 11 УК, к совершенному преступлению применяется уголовное законодательство, действовавшее в момент его совершения. Временем совершения преступления признается время совершения лицом предусмотренного законом действия или бездействия. В случаях, когда досудебное производство и судебное разбирательство по деянию, совершенному до вступления в законную силу нового уголовного закона, осуществляется после его вступления, то применяются нормы действовавшего ранее законодательства.

Между тем, Конституция, еще раз подчеркивая ценность каждой личности в жизни общества, провозглашает, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность лица, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за действия, которые на момент их совершения не признавались правонарушениями. Если новый закон, введенный после

совершения действия, снижает наказание или иным образом смягчает ответственность, такой закон применяется ретроактивно. Данное положение включает уменьшение срока наказания, изменение квалификации деяния на менее тяжкое, которое может привести к смягчению ответственности или даже полную отмену уголовной ответственности (декриминализация). Это обеспечивает справедливость и гуманность в правоприменении, позволяя лицам, привлеченным к уголовной ответственности, воспользоваться более лениентными положениями нового закона.

Следует отметить, что институт придания обратной силы закону имеет важное значение при применении права к длящимся отношениям. Установление правил его применения путем распространения новой нормы на факты и порожденные ими правовые последствия, возникшие до ее введения в действие (ретроактивность), либо, напротив, допустить в определенных случаях возможность применения утратившей силу нормы (ультраактивность) относится к дискреции законодателя.

Установление уголовно-правовых запретов на общественно опасные деяния и наказаний за их нарушение, а также принятие законодательных норм, которые устраняют преступность и наказуемость деяний и смягчают ответственность должно основываться на конституционных принципах демократического правового государства, включая приоритет и непосредственное действие Конституции, государственную защиту прав и свобод человека, справедливость и равенство. Эти меры служат основанием для возложения на конкретное лицо уголовной ответственности или освобождения его от таковой.

Под освобождением от уголовной ответственности понимается отказ государства от ее реализации в отношении совершившего преступление лица, его осуждения и применения к нему уголовного наказания. Применение данного института отражает важнейший принцип уголовного законодательства - гуманизм, закрепленный в статье 9 УК. Это подчеркивает социальноправовую обоснованность концепции снисхождения государства и общества к преступнику, предпочтительности его прощения и реализации этой идеи через него.

Так, одним из правовых инструментов в рамках указанного института является срок давности, который регламентирован статьями 58 и 92 УК. Этот механизм применяется в связи с истечением сроков уголовного преследования и исполнения обвинительного приговора.

Необходимо отметить, что такая правовая возможность обусловлена как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности из-за уменьшения общественной опасности преступления со временем и возможностью восстановить социальную справедливость без уголовной репрессии, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма, согласно которому никто не должен находиться под угрозой применения уголовной ответственности на неограниченное нормативными пределами время.

Эта позиция также отражает элемент прагматизма, поскольку прощение и снисхождение не только снижают непосредственную ответственность, но и способствуют более широким целям восстановительной юстиции, направленным на укрепление социальных связей, тем самым подчеркивая их многоаспектное значение в рамках правовой системы.

Вместе с тем, применение срока давности не носит абсолютного характера, и возможность проявления снисхождения на его основе не означает одинаковое проявление во всех случаях.

Именно поэтому, законодатель, действуя в рамках своих дискреционных полномочий, в части 2 статьи 58 и части 3 статьи 92 УК предусмотрел оговорки, определяемые конкретными условиями.

Так, течение давности приостанавливается, если лицо, совершившее преступление, или осужденный уклонились от следствия, суда и от отбывания наказания. В этих случаях течение сроков давности возобновляется со дня задержания лица. В этом случае лицо освобождается от уголовной ответственности, если со времени совершения преступления небольшой тяжести или менее тяжкого преступления прошло десять лет. Также, сроки давности, истекшие к моменту уклонения осужденного от отбывания наказания, подлежат зачету. При этом обвинительный приговор не может быть приведен в исполнение, если со времени его вынесения прошло двадцать лет и давность не была прервана совершением нового преступления. В случае отсрочки отбывания наказания течение срока давности приостанавливается до истечения срока отсрочки.

Следует отметить, что такие меры направлены прежде всего на то, чтобы лица, уклоняющиеся от следствия, суда или отбывания наказания, не могли воспользоваться прошедшим временем как средством избежания юридической ответственности. Приостановка сроков давности в таких случаях гарантирует, что уголовное преследование будет возобновлено после задержания лица, независимо от времени, прошедшего с момента совершения преступления или вынесения приговора.

Важно отметить, что период уклонения не засчитывается в общий срок давности, обеспечивая, таким образом, возможность правоприменения даже спустя значительное время после совершения преступления. Однако, если после задержания проходит дополнительное время, которое в сумме со временем до уклонения достигает установленного законом срока давности (десять лет для преступлений небольшой тяжести или менее тяжких), лицо может быть освобождено от уголовной ответственности. Это предполагает, что после возобновления течения срока давности и его полного истечения (учитывая все периоды до и после уклонения), если преступление по своей тяжести попадает под эту категорию, то обвиняемый может быть освобожден от ответственности, что способствует реализации принципов неотвратимости и пропорциональности наказания.

Если с момента вынесения обвинительного приговора прошло двадцать лет и срок давности не был прерван совершением нового преступления, то приговор не может быть исполнен, что подчеркивает важность временных рамок для осуществления правосудия.

Установление таких правил соотносится с реализацией принципа наказуемости, то есть превенцией, достижением социальной справедливости и исправлением виновного.

Кроме того, законодатель также установил особое правило, вовсе исключающее применение сроков давности к определенным видам преступлений (часть 6 статьи 58 и часть 6 статьи 92 УК).

Необходимо отметить, что тяжкие и особо тяжкие преступления, такие как убийство, против половой неприкосновенности и половой свободы личности в отношении детей, а также пытки, коррупция, акты терроризма, создание экстремистской организации и другие аналогичные деяния, порождают значительные социальные, моральные и психологические последствия.

В этой связи такое законодательное регулирование сроков давности, в том числе по тяжким и особо тяжким преступлениям, гарантирует социальную справедливость и служит сдерживающим фактором, предотвращая осознанное уклонение от наказания. Оно имеет значительные долгосрочные последствия для системы правосудия и «здорового» общества в целом, тем самым подчеркивая неприемлемость безнаказанности за серьезные деяния.

Это также демонстрирует ответственность государства защищать права и интересы каждого и поддерживать верховенство закона, независимо от времени, прошедшего после преступления, обеспечивая, что жертвы этих тяжких преступлений увидят, что правосудие в итоге восторжествует.

Таким образом, как отмечено в настоящем Решении, институт сроков давности - это, прежде всего, проявление снисхождения со стороны государства. Меняя правила применения института срока давности, оно исходит из конкретного состояния общества на тот или иной период его развития, учитывая состояние правосознания и правопорядка, уровень преступности и актуальные вызовы. Однако это не предполагает создание почвы для злоупотреблений правонарушителями своими процессуальными правами и использования данного правового инструмента в своих интересах.

В этой связи, институт сроков давности не может рассматриваться как смягчающие уголовно-правовые последствия противоправного деяния, соответственно, он не подпадает под правила, предусмотренные частью 1 статьи 60 Конституции, поскольку не затрагивает вопросы уменьшения срока наказания за конкретное преступное деяние, изменение его квалификации на менее тяжкое и не приводит к смягчению ответственности или же полную отмену уголовной ответственности (декриминализации).

Исходя из конституционно-правового смысла части 5 статьи 6, части 1 статьи 60 Основного Закона, институт сроков давности функционирует лишь в соответствии с действующими правилами уголовного закона на момент применения. Правильное применение данного института позволит адекватно реагировать на изменения в обществе, поддерживать законность и правопорядок.

Конституционный суд приходит к выводу, что статья 62 УК 2017 года и статья 73 УК 1997 года не подлежат применению в силу вышеизложенных правовых позиций мотивировочной части настоящего Решения.

2.10. Решением Конституционного суда от 2 октября 2024 года подпункты а), б) пункта 1 части 1, часть 2 статьи 146 Налогового кодекса Кыргызской Республики были признаны не противоречащими частям 4, 5 статьи 29, части 2 статьи 63 Конституции Кыргызской Республики. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Конституция Кыргызской Республики гарантирует каждому неприкосновенность его частной жизни, не допускает сбор хранения,

использование и распространение конфиденциальной информации, информации о частной жизни человека без его согласия, кроме случаев, установленных законом, а также защиту, в том числе судебную, от неправомерного вторжения в частную жизнь человека с правом на возмещение материального и морального вреда (части 1, 4, 5 статьи 29 Конституции).

Частная жизнь человека включает в себя не только его мысли и эмоции, убеждения и внутренние переживания, отношения с близкими и иными людьми, которые он предпочитает держать в пределах собственного пространства, но и представляет из себя гораздо более широкий концепт, охватывающий в том числе всю информацию личностного характера.

К таким, безусловно, относятся персональные данные о человеке: его имя, адрес проживания, сведения, идентифицирующие его в цифровом пространстве, а также определяющие его материальное положение, биографические факты, медицинская информация и другие.

Неприкосновенность частной жизни - это сложный по составу правовой институт, включающий ряд отдельных правомочий индивида: запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, право контролировать информацию о себе, право на защиту чести и доброго имени, на защиту своих персональных данных и сведений о своем материальном положении.

По своей сути, наличие индивидуальной свободы усмотрения и неприкосновенности частной жизни является одним из основополагающих показателей функционирования демократии в стране.

Г осударство гарантирует каждому защиту персональных данных. Доступ к персональным данным граждан, их получение осуществляются только в предусмотренных законом случаях (часть 2 статьи 63).

Сущность защиты персональных данных заключается в обеспечении конфиденциальности, точности, их актуальности и полноты, а также предотвращении несанкционированного доступа, утечек или изменения, чтобы личные данные были доступны только тем, кто имеет на это законные основания.

Вместе с тем, право на защиту персональных данных в конституционноправовом значении не может иметь абсолютного характера, соответственно, допускается возможность ее ограничения в случаях, предусмотренных законом, в целях достижения гарантированного результата от деятельности государственных органов при выполнении возложенных на них задач, результаты которых направлены на развитие общего благосостояния общества (часть 1 статьи 5, часть 1 статьи 19 Закона «Об информации персонального характера»).

Вместе с тем, граждане наделены не только правами и свободами, но и обременены конституционно-правовыми обязанностями, которые имеют общегосударственное значение, от исполнимости которых зависит благосостояние всего общества.

Каждый обязан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц. Защита Отечества - священный долг и обязанность граждан Кыргызской Республики. Каждый обязан охранять и бережно относиться к окружающей природной среде, растительному и

животному миру. Ответственность за обеспечение необходимых для развития ребенка условий жизни возлагается на каждого из родителей, опекунов и попечителей. Трудоспособные, совершеннолетние дети обязаны заботиться о родителях. Каждый обязан платить налоги и сборы в случаях и порядке, предусмотренных законом (часть 2 статьи 26, часть 3 статьи 27, часть 3 статьи 49, статья 50, часть 3 статьи 53, часть 1 статьи 54 Конституции).

Эти обязанности отражают стремление Конституции обеспечить гармонию между правами граждан, их обязанностями и интересами общества в целом.

При этом, особо следует отметить, что публично-правовая обязанность каждого платить налоги и сборы обусловлена природой государственной власти, пониманием налогов в качестве фундаментального элемента финансовой основы деятельности всего государства. Поэтому не случайно, налоговые правоотношения основываются на властных инструментах и характеризуются применением императивных норм в отраслевом законодательстве. Наряду с этим, органы публичной власти наделяются правомочием в односторонне-властном порядке путем государственного принуждения взыскивать с лица причитающиеся налоговые суммы, а налогоплательщик обязан внести определенный взнос в бюджет государства в виде уплаты соответствующих налогов.

Признавая за государством право устанавливать и вводить налоги на всей его территории, следует понимать, что налоговая система функционирует не только и не столько в интересах собственно государства, сколько в интересах всего общества и каждого ее члена. С одной стороны, налоги представляют собой основной источник доходов государства, необходимых ему для осуществления своих функций, а, с другой, важнейшей задачей при установлении налогов является обеспечение сбалансированности между интересами государства и плательщика налогов.

Одним из контрольных механизмов, направленных на своевременное исполнение каждым указанного бремени, выступает обязанность банков и платежных организаций/операторов платежных систем предоставлять налоговым органам информацию об их клиентах на основании соответствующего запроса, а также в режиме реального времени.

Оспариваемые положения подпунктов а), б) пункта 1 части 1 статьи 146 НК, закрепляющие право налоговых органов требовать от банка необходимую информацию об открытии, закрытии и наличии счетов налогоплательщиков с указанием их номеров, об операциях, проводимых на счетах организаций и индивидуальных предпринимателей, информацию о текущем состоянии их счетов при наличии мотивированного запроса, а также положение части 2 статьи 146 НК, устанавливающее обязанность банков и платежных организаций/операторов платежной системы по передаче налоговым органам в режиме реального времени информации о совершенных платежах физических и юридических лиц имеют под собой объективные и не противоречащие Конституции основания. Конституционный суд Кыргызской Республики приходит к такому заключению основываясь на следующих выводах.

В условиях быстрорастущего объема платежей и расширения интернет-торговли, а также в связи с возрастанием технологических и технических

возможностей субъектов предпринимательства имеет место тенденция устойчивого увеличения количества безналичных розничных платежей. В рамках безналичных платежей существуют различные платежные инструменты, такие как дебетовые и кредитные карты, мобильный банкинг, электронные кошельки, широко применяются QR коды и POS терминалы при оплате товаров и услуг, которые позволяют всем клиентам банков переводить значительную часть своих платежей в безналичную сферу, существенно экономить свои время и средства.

Однако появление новых платежных инструментов и активный переход населения на безналичную форму оплаты несет в себе также риски для системы налогового администрирования деятельности субъектов предпринимательства, поскольку недобросовестные предприниматели могут манипулировать этими обстоятельствами с целью уклонения от уплаты налогов, что чревато уходом денежных потоков субъектов предпринимательства в тень.

Именно такая постановка вопроса усматривается в логике законодателя в действующем содержании части 2 статьи 146 НК, которая позволяет налоговым органам видеть и анализировать все сомнительные финансовые операции, содержащие определенные риски.

При этом, необходимо отметить, что действие отмеченной нормы, ограничивается лишь выявлением сомнительных финансовых операций с фактором риска, так как программно-аппаратный комплекс посредством которого реализуется получение информации налоговыми органами в режиме реального времени автоматически отбирает нужную информацию на основании заранее заданных критериев, и все дальнейшие действия государственных органов по таким операциям, связанные с запросом иной информации должны санкционироваться решением суда.

Государственная налоговая служба при Министерстве финансов Кыргызской Республики в соответствии с Законом «Об информации персонального характера» является держателем (обладателем) массива персональных данных и зарегистрирована в Реестре держателей массивов персональных данных.

Положения Конституции, предопределяющие глубину проникновения государственных органов и их должностных лиц в сферу частной жизни граждан, обуславливают и возлагаемые на уполномоченный налоговый орган обязанности, в том числе в отношении информации о частной жизни, ставшей ему известной в связи с осуществлением им своих полномочий. Так, законодательство обязывает государственные органы - держателей массива персональных данных - использовать предоставленные им права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций, что предполагает недопустимость разглашения ставших им известными в связи с выполнением своих функций сведений о банковских вкладах. Если гражданин, в отношении которого истребуются сведения о вкладах в банках, иных кредитных организациях, полагает, что его права и свободы нарушены, он вправе обжаловать действия должностных лиц вышестоящему должностному лицу, либо обратиться за их защитой в суд; за совершенные проступки и правонарушения должностные лица государственных органов несут ответственность в соответствии с

законодательством; ущерб, причиненный ими гражданам и организациям, подлежит возмещению в порядке, предусмотренном гражданским законодательством.

Таким образом, взаимосвязанные положения пунктов 1, 2 статьи 146 НК в части, касающейся обязательности для банков и платежных организаций/операторов платежных систем требований уполномоченного налогового органа о предоставлении ему - в связи с исполнением его задач и функций - сведений о денежных вкладах физических лиц, организаций, в их конституционно-правовом истолковании означают, что уполномоченный налоговый орган, действуя в рамках публичной функции по осуществлению контроля за исполнением всеми субъектами налоговых обязательств, вытекающих из конституционной обязанности платить налоги, вправе требовать предоставления сведений о банковском вкладе лиц, а банк, иная платежная организация/оператор платежной системы обязаны предоставить такие сведения в пределах, установленных законом.

Вместе с тем, информация о наличии банковских счетов и информация по движению денежных средств по счету должна, в первую, очередь, рассматриваться с точки зрения отнесения такой информации к банковской тайне, а не к информации персонального характера, поскольку информация, отнесенная к банковской тайне, возникает из взаимоотношений между банком и клиентом, а информация персонального характера возникает из множества сфер жизни человека и понятие «информация персонального характера» носит обобщенный характер.

Так, Конституция осуществляет первичную легализацию таких специальных правовых режимов информации, как государственная тайна, тайна частной жизни, личная и семейная тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Ряд введенных законодателем специальных режимов информации в Конституции не установлены, но по смыслу и направленности тесно связаны с приведенными конституционными режимами информации.

Тем самым Конституция определяет основы правового режима и законодательного регулирования банковской тайны как условия свободы экономической деятельности, вытекающей из природы рыночных отношений, и гарантии права граждан на свободное использование своего имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, а также как способа защиты сведений о частной жизни граждан, в том числе об их материальном положении, и защиты личной тайны.

При этом следует воздержаться от расширительного толкования понятия банковской тайны, поскольку Конституция не защищает режимом тайны сведения, свидетельствующие о совершении правонарушения или преступления. Следовательно, конституционный режим тайны относится исключительно к тем предметам и документам, которые получены легитимным путем. Наличие признаков преступления дает достаточные основания для выведения информации из режима тайны.

Между тем, необходимо отметить и мировую тенденцию отступления от банковской тайны, как от некоего абсолюта, путем предоставления кредитными организациями сведений о счетах и вкладах физических лиц уполномоченным государственным органам. Обусловливается такая

тенденция прежде всего тем, что возрастает роль борьбы с преступностью, направленного главным образом к противодействию финансированию терроризма и отмыванию полученных преступным путем доходов, к выявлению налоговых и иных финансовых преступлений, в связи с чем недопустимо рассматривать банковскую тайну как большую ценность в сопоставлении с законным публичным интересом в расследовании противоправных деяний.

Так, закрепление в законе отступлений от банковской тайны - исходя из конституционного принципа демократического правового государства, обязанности государства соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина как высшую ценность и обеспечивать их баланс в законодательстве и правоприменении, верховенства Конституции и ее высшей юридической силы, свободы экономической деятельности и свободного предпринимательства - не может быть произвольным.

Такие отступления должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, в том числе частных и публичных прав и интересов граждан. Они не должны затрагивать существо соответствующих конституционных прав, то есть не ограничивать пределы и применение основного содержания закрепляющих эти права конституционных положений, и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц.

Государство, обладая монополией на легальное применение различных методов принуждения по отношению ко всему обществу и к каждому его члену, не может обойтись без строгой регламентации такой деятельности, в том числе посредством введения определенных ограничений и запретов, направленных на исключение произвола поведения и иного неправомерного поведения со стороны лиц, наделенных государственно-властными полномочиями, строго соблюдая тонкий баланс между интересами государства и личности.

Из вышеизложенного вытекает, что при дальнейшей детальной регламентации в подзаконных актах порядка взаимодействия органов налоговой службы с банками и платежными организациями/операторами платежных систем вытекающего из положения части 2 статьи 146 НК необходимо установить алгоритм действий, исключающий человеческий фактор и всякого рода злоупотребления со стороны государственных органов.

Таким образом, действие оспариваемых положений НК Конституционным судом расцениваются как ограничение права на банковскую тайну соразмерное публичным интересам общества и конституционно значимым целям, одной из которых является эффективное налоговое администрирование.

2.11. Решением Конституционного суда от 13 ноября 2024 года пункт 6 статьи 129, пункт 3 части 2 статьи 131 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики были признаны не противоречащими частям 1, 2, 4, 5, 6 статьи 23, части 2 статьи 24, частям 1, 2 статьи 56, части 1 статьи 61, части 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Вместе с тем, пунктом 2 данного Решения предложено Кабинету

Министров Кыргызской Республики внести соответствующие изменения в действующее правовое регулирование, вытекающие из мотивировочной части названного Решения. *При этом были сформулированы следующие правовые позиции.*

Право быть уведомленным о судебном заседании является одним из фундаментальных элементов правосудия, вытекающим из принципа справедливого суда, обеспечивающее участие сторон в процессе и защиту их прав. Соблюдение этого права в Кыргызской Республике, в контексте реализации конституционного права каждого на судебную защиту, гарантирует справедливость и прозрачность судебных процедур, а также выступает важным условием для укрепления верховенства права и доверия к судебной системе (часть 1 статьи 61 Конституции).

Гарантия права индивида быть уведомленным о судебном разбирательстве находится в тесной взаимосвязи с такими базовыми принципами правосудия как справедливое судебное разбирательство - все стороны должны быть надлежащим образом уведомлены и иметь возможность участвовать в процессе на равных условиях; гласности судебного разбирательства - процесс должен быть прозрачным и доступным для участников; процессуальной экономии - надлежащее уведомление сторон должно эффективно использовать ресурсы суда и сторон процесса, минимизируя случаи злоупотребления правом, расходов времени и других ресурсов.

Судопроизводство может быть эффективно осуществлено при непосредственном участии сторон. Это означает, что суд обязан лично оценивать доказательства, заслушивать показания сторон и свидетелей, а также воспринимать информацию, представленную непосредственно в ходе судебного заседания. Такой подход позволяет суду полноценно и объективно оценить обстоятельства дела, установить факты и принять обоснованное решение.

Вместе с тем, в гражданском судопроизводстве существуют допустимые исключения, когда суд может рассмотреть дело без участия одной стороны или сторон (процедура на основе письменных материалов, заочное производство). Эти исключения направлены на защиту прав и интересов истца и своевременного разрешения гражданских дел судами.

Существование таких исключений в гражданском процессуальном законодательстве все же обусловлено необходимостью надлежащего уведомления сторон о судебном разбирательстве, в особенности ответчика, о начавшемся в отношении него судопроизводстве. В ситуации неуведомленной стороны, чаще всего, выступает ответчик, так как судебное рассмотрение инициирует истец, и он же предоставляет суду информацию о месте нахождения ответчика. Отсутствие извещения о начале судебного процесса в отношении ответчика, о процессуальных обстоятельствах, влияющих на исход дела, о которых он не был уведомлен, создает негативную ситуацию, при которой ставится под сомнение справедливость всего судебного разбирательства.

Надлежащее уведомление сторон подразумевает соблюдение двух взаимосвязанных условий - фиксирование факта отправки судебного извещения и факта вручения судебного извещения адресату. Отсутствие

доказательств надлежащего извещения ответчика может стать основанием для отмены судебного решения.

В этой связи, суды, согласно гражданскому процессуальному законодательству, используют различные способы осуществления уведомления сторон о судебном разбирательстве (статья 128 ГПК). Среди них основным и обязательным способом уведомления сторон выступает почтовая корреспонденция (заказные письма с уведомлением о вручении адресату). Другие способы уведомления, такие как сообщения телефонограммой, телеграммой, по факсимильной связи или электронной почте либо с использованием иных средств связи могут быть использованы судом только при согласии стороны о направлении им сообщений посредством указанных способов.

При таком правовом регулировании истец может находиться в более выгодном положении, поскольку при предъявлении искового заявления он может выразить свое согласие на информирование его различными способами, нежели ответчик, который может быть уведомлен только посредством почтовой корреспонденции.

В условиях стремительного развития информационных и коммуникационных технологий, способных фиксировать факт доставки и получения информации, суд должен иметь возможность и обладать правомочием использовать всевозможные способы информирования сторон, чтобы уведомление достигло адресата. Для этого государство должно обеспечить суд возможностью их использования для выполнения им конституционно обусловленных задач и функций по осуществлению правосудия. Невозможность использования судом каналов связи или их законодательное ограничение может нарушить принципы правосудия и тем самым привести к ограничению права граждан на судебную защиту.

В этой связи Конституционный суд считает, что существующая система судебных уведомлений нуждается в совершенствовании правового регулирования действующих механизмов с учетом современных технических достижений.

Для превенции в сдерживании власти государства выступает конституционная обязанность граждан соблюдать Конституцию и законы, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц (часть 3 статьи 53). Конкретизация этой обязанности заключается в том, что граждане обязаны исполнять требования закона и следовать судебным актам. В широком смысле сбалансированные гарантии реализации конституционных прав и свобод граждан наравне с осознанным соблюдением ими конституционных обязанностей формируют условно модель законопослушного гражданина, характеризующегося сознательным и добровольным соблюдением законодательства, уважением к судебной власти и участием в поддержании правопорядка. Такой гражданин не только выполняет свои правовые обязательства, но и активно помогает судебной системе в осуществлении правосудия.

В данном контексте оспариваемая норма ГПК, предусматривающая указание на обязанность лица, принявшего извещение (повестку) в связи с отсутствием адресата, при первой возможности вручить его адресату (пункт 7 статьи 129), по своей сути, является судебным требованием,

вытекающим из судебного акта, и оформленным в структуре судебного извещения (повестки). Гражданин, не будучи вовлеченным в судебное разбирательство, действующий как посредник в передаче уведомлений, обременяется ответственностью за выполнение порученной ему задачи. Такая обязанность вытекает из его конституционной обязанности соблюдать законы и, соответственно, судебные акты, как инструменты, непосредственно реализующие правовые начала.

В этой связи, наделение законодателем таких лиц обязанностью передать судебное извещение адресату при первой же возможности в случае отсутствия его по месту жительства или по месту пребывания, не выходит за рамки призыва к выполнению обычного гражданского долга, вытекающего из модели законопослушного гражданина, и соответственно, не может расцениваться как обременение лица несоразмерными обязанностями.

Кроме того, законодателем предусмотрена юридическая ответственность за неисполнение законов и судебных актов, которая направлена на достижение целей правового государства и непосредственно верховенства закона.

Таким образом, оспариваемая норма, наделяющая обязанностью других лиц, не являющихся участниками судебного разбирательства, передать судебные извещения непосредственно адресату в случае его отсутствия во время передачи извещения, направлена на широкое вовлечение граждан в обеспечение правопорядка, не умаляет и не отменяет право ответчика быть уведомленным и в целом его права на судебную защиту.

Конституция гарантирует каждому право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах территории Кыргызской Республики (часть 1 статьи 31). Это право является одним из фундаментальных прав человека и свидетельствует о высокой ценности личной свободы и независимости граждан. Однако, несмотря на эти гарантии свободы, фиксация места жительства является важной процедурой, напрямую влияющей на реализацию конституционных прав и выполнение гражданских обязанностей.

Обязательная регистрация гражданина по месту жительства или месту пребывания имеет важное значение в контексте обеспечения права быть уведомленным о судебном заседании. Она позволяет судам и иным государственным органам иметь достоверные данные о фактическом месте нахождения лица, вовлеченного в судебное разбирательство. Такая необходимость вытекает из обязанности суда направить ему уведомления о предстоящих судебных заседаниях и иных процессуальных действиях. Регистрация также служит механизмом, препятствующим злоупотреблениям со стороны участников процесса, в том числе преднамеренным уклонением от получения уведомлений или манипуляцией адресом для затягивания судебного разбирательства.

При изменении места жительства гражданин обязан, через государственный портал электронных услуг или мобильное приложение, обратиться в уполномоченный орган в сфере регистрации населения для осуществления регистрационного учета (часть 1 статьи 16 Закона «О внутренней миграции»).

При таких обстоятельствах оспариваемая норма, признающая

надлежащим уведомлением не вручение судебного извещения адресату по причине его отсутствия по последнему известному суду адресу (пункт 3 части статьи 131 ГПК), расценивается как допустимое законоположение при соблюдении гражданами как своих конституционных прав, так и вытекающих из Конституции обязанностей, где не соблюдение обязанности по своевременной регистрации места жительства и места пребывания может повлиять на гарантии реализации их прав и свобод, в том числе и права на судебную защиту.

В этой связи Конституционный суд расценивает оспариваемое правовое регулирование, предусмотренное в пункте 3 части 2 статьи 131 ГПК, в совокупности с вышеуказанными обстоятельствами и обязанностями гражданина иметь документы, удостоверяющие его личность, быть зарегистрированным по месту фактического его проживания, как объективно возможное в сложившейся ситуации, и не нарушающее конституционные установления в части обеспечения права каждого на справедливое правосудие и права на судебную защиту.

Данное решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров Кыргызской Республики письмом суда от 30 декабря 2024 года №03/943.

3. Заключение

В рамках осуществления контроля за конституционностью нормативных правовых актов из 11 решений Конституционного суда в 2024 году 4 решения или почти треть касается уголовного законодательства, по 1 - гражданского процессуального и административно-процессуального, налогового законодательства, законов о государственном языке и поддержке кинематографии, Указа Президента Кыргызской Республики и постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики.

Конституционным судом за отчетный период также принято 14 постановлений по результатам рассмотрения жалоб на определение коллегии судей, а также о внесении изменений во внутренние нормативные акты. Принято одно постановление, связанное с разъяснением Решения Конституционного суда в связи с обращением председателя Верховного суда Кыргызской Республики.

В 2 из 11 принятых Конституционным судом решений оспариваемые нормы были признаны противоречащими или частично противоречащими Конституции либо из них вытекала необходимость устранения пробела в правовом регулировании. По итогам рассмотрения 9 дел Конституционный суд своим решением признал оспариваемые нормативные правовые акты не противоречащими Конституции.

4. Обзор исполнения решений Конституционного суда

Одним из важнейших показателей состояния конституционной законности в государстве является полное и своевременное исполнение решений Конституционного суда, свидетельствующее об ответственном отношении государственных органов и должностных лиц, вовлеченных в процесс обеспечения исполнения решений Конституционного суда, эффективности и действенности конституционного правосудия, реализации конституционных гарантий защиты прав и свобод граждан, прав и законных интересов организаций.

Конституционный суд является правопреемником Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики (далее - Конституционная палата) (статья 62 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики»). Все решения Конституционной палаты, принятые до вступления в силу Конституции от 5 мая 2021 года, подлежат исполнению в установленном законодательством порядке.

Соответственно, на 31 декабря 2024 года с учетом решений Конституционной палаты (с 1 июля 2013 года), органом конституционного контроля было принято 158 решений и 1 заключение.

Анализ информации, предоставляемой Министерством юстиции Кыргызской Республики в силу исполнения им пункта 81¹ Регламента Кабинета Министров Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №233, нормотворческими органами, чьи акты явились предметом рассмотрения Конституционного суда, показывает, что из 65 решений, предусматривающих необходимость внесения изменений в законодательство, остаются не исполненными следующие 10 решений.

За 2015 год.

1. Решение от 27 ноября 2015 года по делу о проверке конституционности нормативного положения части 11 статьи 22 конституционного Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект конституционного Закона «О внесении изменения в конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики», который одобрен постановлением Правительства Кыргызской Республики от 7 сентября 2018 года №418 и внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 13 сентября 2018 года.

Учитывая позицию депутатов парламента, данный проект был отозван Кабинетом Министров Кыргызской Республики 3 мая 2023 года для дальнейшей его доработки.

Находится на исполнении в Кабинете Министров, ответственный орган - Министерство юстиции Кыргызской Республики.

За 2016 год.

2. Решение от 2 ноября 2016 года по делу о проверке конституционности части 5 статьи 15, частей 3, 5, 7 статьи 21, пунктов 1 -5 части 1 статьи 22 Закона Кыргызской Республики «О противодействии организованной преступности».

В рамках проводимой масштабной инвентаризации законодательства законопроект был доработан на предмет соответствия принятой Конституции Кыргызской Республики и международным договорам, участницей которых является Кыргызская Республика, а также кодексам.

11 марта 2022 года за №АП-1/263 внесен на рассмотрение в Администрацию Президента Кыргызской Республики и в последующем

внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Рассмотрен Комитетом по правопорядку, борьбе с преступностью и противодействию коррупции Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 13 сентября 2022 года.

Однако позже был отозван на основании письма Председателя Кабинета Министров Кыргызской Республики от 30 декабря 2022 года №1464329 для дальнейшей его доработки до завершения работы межведомственной рабочей группы, созданной распоряжением Президента Кыргызской Республики от 14 ноября 2022 года №220.

Находится на исполнении в Кабинете Министров Кыргызской Республики, ответственный орган - МВД Кыргызской Республики.

За 2022 год.

3. Решение от 29 июня 2022 года по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 87 Налогового кодекса Кыргызской Республики.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Налоговый кодекс Кыргызской Республики)». Внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики и был отозван перед рассмотрением Комитета по конституционному законодательству, государственному устройству, судебно-правовым вопросам и Регламенту Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в целях доработки.

Повторно разработанный проект Закона «О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики» был внесен

Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 18 сентября 2023 года за №28-7685.

Рассмотрен Комитетом по конституционному законодательству, государственному устройству, судебно-правовым вопросам и Регламенту Жогорку Кенеша 31 октября 2023 года.

Отклонен Жогорку Кенешем Кыргызской Республики на стадии первого чтения 15 ноября 2023 года.

Находится на исполнении в Кабинете Министров Кыргызской Республики, ответственный орган - Министерство юстиции Кыргызской Республики.

За 2023 год.

4. Решение от 3 мая 2023 года по делу о проверке конституционности абзаца второй части 1 статьи 9 Закона Кыргызской Республики «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц».

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики (в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики, Закон Кыргызской Республики «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих

и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц»)).

Данный проект Закона направлен Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 29 августа 2024 года за №14-7517 и находится на рассмотрении в парламенте.

Отозван для дальнейшей доработки, исх. АПКР №4-610 от 22 января 2025 года.

Находится на исполнении в Кабинете Министров Кыргызской Республики, ответственный орган - Министерство юстиции Кыргызской Республики.

5 Решение от 23 мая 2023 года по делу о проверке конституционности части 1 статьи 138 Закона Кыргызской Республики «О Регламенте Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

Ответственным по данному решению Конституционного суда является Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Находится на стадии проработки в аппарате Жогорку Кенеша Кыргызской Республики.

6. Решение от 7 июня 2023 года по делу о проверке конституционности частей 2, 3 статьи 17 Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях».

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменений в законодательные акты Кыргызской Республики по вопросам отчетности отдельных некоммерческих организаций».

Данный проект Закона направлен Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики (вх. №6-23884/24 от 5 марта 2024 года).

Отклонен постановлением Жогорку Кенеша Кыргызской Республики №2148-VII от 6 июня 2024 года.

Находится на исполнении в Кабинете Министров, ответственный орган - Министерство юстиции Кыргызской Республики.

7. Решение от 15 ноября 2023 года о проверке конституционности второго предложения части 3 статьи 60¹ конституционного Закона Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики».

Президентом Кыргызской Республики по предложению Центризбиркома инициирован проект конституционного Закона «О внесении изменений в конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» и внесен в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Парламент 30 октября и 12 декабря 2024 года, 29 января 2025 года принял данный конституционный Закон соответственно в первом, втором и третьем чтениях.

8. Решение от 22 ноября 2023 года о проверке конституционности статей 218 и 303 Трудового кодекса, постановления Правительства Кыргызской Республики «О Перечне производств, работ, профессий и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин».

Конституционный суд признал оспариваемые нормы не противоречащими Конституции. Одновременно данным Решением предусматривается Кабинету Министров обеспечить на систематической основе обоснованность наличия видов производств, работ, профессий и должностей в Перечне производств, работ, профессий и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин, утвержденном постановлением Правительства Кыргызской Республики от 24 марта 2000 года №158.

Решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров письмом суда от 9 января 2024 года №03/12 и находится на рассмотрении в Кабинете Министров Кыргызской Республики.

За 2024 год.

9. Решение от 6 марта 2024 года по делу о проверке конституционности части 8 статьи 110 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона «О внесении изменения в Административно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики».

Данный проект Закона направлен Кабинетом Министров в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики 26 августа 2024 года за №28-7382 и находится на рассмотрении в парламенте.

Принят Жогорку Кенешем Кыргызской Республики в первом, втором и третьем чтениях соответственно 18 октября, 11 декабря 2024 года и 29 января 2025 года.

10. Решение Конституционного суда от 13 ноября 2024 года по делу о проверке конституционности пункта 7 статьи 129, пункта 3 части 2 статьи 131 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Данное решение направлено для дальнейшего рассмотрения в Кабинет Министров Кыргызской Республики письмом суда от 30 декабря 2024 года №03/943.

Министерством юстиции Кыргызской Республики разработан проект Закона Кыргызской Республики «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Кыргызской Республики».

Находится на стадии разработки и продвижения.

Таким образом в порядке исполнения 10 решений Конституционного суда Кыргызской Республики, принятых в рассматриваемых периодах времени, на рассмотрении на различных стадиях находятся:

- в Жогорку Кенеше Кыргызской Республики 2 проекта закона;
- в Кабинете Министров Кыргызской Республики 7 проектов законов, в том числе по исполнению решений суда от 27 ноября 2015 года, 2 ноября 2016 года и 3 мая 2023 года (отозваны Кабинетом Министров), 29 июня 2022 года и 7 июня 2023 года (отклонены Парламентом), от 22 ноября 2023 года и 13 ноября 2023 года;
- в аппарате Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 1 проект закона.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Илиязовой Назгуль Асанбековны, на определение
коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики
от 30 декабря 2024 года**

№ 03-П

13 февраля 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Джолгокпаевой С.А., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Илиязовой Н.А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 30 декабря 2024 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Илиязовой Н.А., выслушав информацию судьи-докладчика Жумабаева Л.П., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 5 декабря 2024 года поступило ходатайство Илиязовой Н.А. о проверке соответствия части 3 статьи 497 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК) части 3 статьи 59, частям 1, 4 статьи 95 Конституции Кыргызской Республики.

Оспариваемая норма предусматривает порядок привлечения судьи и экс- судьи к уголовной ответственности, согласно которому такая процедура может быть инициирована лишь при согласии Совета судей Кыргызской Республики на основании представления Генерального прокурора Кыргызской Республики.

Как следовало из содержания ходатайства и приложенных к нему материалов, указами Президента Кыргызской Республики от 30 апреля 2021 года №105, №106 Илиязова Н.А. была назначена на должность судьи местного суда Кыргызской Республики с полномочиями, действующими до достижения предельного возраста, и направлена для выполнения служебных обязанностей в Бишкекский городской суд.

Главным следственным управлением Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики (далее - ГКНБ) было начато досудебное производство в отношении заявителя по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных пунктами 1, 2 части 2 статьи 343, пунктами 4, 5 части 2, пунктом 2 части 3 статьи 342 и частью 4 статьи 337 Уголовного кодекса Кыргызской Республики (далее - УК).

Решением Совета судей от 26 сентября 2023 года по представлению Генерального прокурора дано согласие на привлечение Илиязовой Н.А. к уголовной ответственности. Постановлением следственного судьи Первомайского районного суда от 27 сентября 2023 года в отношении нее применена мера пресечения в виде заключения под стражу сроком до 26 ноября 2023 года.

Исходя из изложенных обстоятельств, заявитель отметил, что решение Совета судей, согласно части 1 статьи 36 Закона Кыргызской Республики «Об органах судейского самоуправления», должно было вступить в законную силу по истечении трех дней с момента его оглашения, то есть 29 сентября 2023 года. Только с этого дня органы досудебного производства могли начать процесс привлечения ее к уголовной ответственности, включая применение в отношении нее меры пресечения и проведения следственных действий.

Субъект обращения утверждал, что ходатайство следственного органа от 27 сентября 2023 года о применении меры пресечения в виде заключения под стражу свидетельствует о том, что следственный орган в рамках досудебного производства руководствовался исключительно нормами УПК, не учитывая решение Совета судей о вступлении данного решения в законную силу и особый порядок производства в отношении судьи. Несмотря на это процессуальное нарушение, следственный судья, удовлетворив ходатайство и избрав меру пресечения, связанную с лишением свободы, допустил нарушение конституционных принципов неприкосновенности и независимости судей, а также ее прав и свобод как гражданина Кыргызской Республики.

Заявитель указал, что положения главы 56 УПК не предусматривают детальной регламентации особенностей досудебного производства и проведения следственных действий в отношении судей. Законодатель, принимая УПК, не учел в полной мере конституционно-правовой статус судей и не заложил в его нормы дополнительные гарантии, необходимые для обеспечения принципа неприкосновенности, являющегося неотъемлемой частью независимости судей. Вместо этого УПК ограничивается повторением общих положений порядка привлечения судей к уголовной ответственности, которые уже закреплены в конституционном Законе «О статусе судей Кыргызской Республики», что по мнению заявителя, не соответствовало требованиям правового регулирования, вытекающим из особого статуса судей.

Автор обращения считает, что отсутствие в уголовно-процессуальном законодательстве указания на срок вступления в силу решения Совета судей о даче согласия на привлечение к уголовной ответственности создало противоречивую правоприменительную практику со стороны следственных органов, что влечет нарушение как конституционных принципов неприкосновенности и независимости судей, так и конституционных прав и свобод гражданина.

В обоснование своих доводов заявитель сослался на нормы Конституции, закрепляющие принципы неприкосновенности личности, независимости судей и их подчинения исключительно Конституции и законам. Она указала, что никто не может быть задержан, заключен под стражу или лишен свободы иначе как по решению суда и только на основаниях и в порядке, предусмотренных законом (часть 3 статьи 59, пункты 1, 2, 4 статьи 95).

С учетом изложенного, заявитель просил признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 30 декабря 2024 года в принятии к производству обращения Илиязовой Н.А. было отказано.

В отмеченном акте коллегии судей указано на презумпцию конституционности нормативных правовых актов, согласно которой они изначально считаются соответствующими Конституции. В связи с этим сомнения в их конституционности должны быть подтверждены убедительными правовыми доводами, демонстрирующими неразрывную системную связь между предметом регулирования оспариваемого акта или его структурного элемента и нарушением конституционных норм.

Однако доводы заявителя о неконституционности оспариваемого положения сводились к изложению фактов расследования уголовного дела и не содержали достаточного правового обоснования для возникновения сомнения в конституционности оспариваемого нормативного положения. Иными словами, заявитель обосновывал свою позицию аргументами, связанными с правоприменительной практикой и досудебным расследованием, что требовало исследования фактических обстоятельств дела, которые не могли быть рассмотрены в рамках конституционного судопроизводства, поскольку выходили за пределы полномочий Конституционного суда, определенных статьей 97 Конституции и статьей 4 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Коллегия судей отметила, что особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении судьи и привлечение его к уголовной ответственности, регламентированный главой 56 УПК, является процессуальной гарантией и подтверждением особого статуса носителей судебной власти.

В дополнение своих доводов, коллегия указала также на правовые позиции Конституционного суда, подчеркнув, что процедуры возбуждения уголовного дела самим Генеральным прокурором, необходимость согласия Совета судей для привлечения судьи к уголовной ответственности и надзор за законностью действий следствия служат гарантией законности и обоснованности инициирования уголовного преследования судьи. Эти меры защиты, предусмотренные судебским иммунитетом и принципом его независимости, достаточны для предотвращения произвольного преследования, но это не должно становиться инструментом безнаказанности или препятствовать выявлению преступлений, независимо от статуса лица.

Руководствуясь пунктами 1, 4 части 3 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», коллегия судей отказала в принятии обращения к производству, поскольку оно по содержанию не соответствовало требованиям вышеуказанного конституционного Закона, а заявленное в нем требование было неподведомственно Конституционному суду.

Не согласившись с обозначенным определением коллегии судей, Илиязова Н.А. 15 января 2025 года обратилась с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Заявитель утверждает, что определение коллегии судей Конституционного суда об отказе в принятии ходатайства к производству является необоснованным, поскольку в ходатайстве содержатся правовые аргументы, обосновывающие требование о проверке конституционности оспариваемой нормы. Илиязова Н.А. отмечает, что ее целью было не выражение несогласия с уголовным делом, возбужденным в отношении нее, а указание на наличие противоречия между действующим уголовно-процессуальным законодательством и специальными

нормативными правовыми актами, регулирующими правовой статус судей. Суть этого заключается в наличии пробела в УПК, который не устанавливает четкого момента вступления в силу решения Совета судей о даче согласия на привлечение судьи к уголовной ответственности. В результате следственные органы, игнорируя срок, предусмотренный частью 1 статьи 36 Закона «Об органах судейского самоуправления», ходатайствовали о заключении судьи под стражу еще до вступления данного решения в законную силу. По мнению заявителя, подобная практика порождает правовую неопределенность, подрывая конституционные принципы неприкосновенности и независимости судей, ставя под угрозу права и свободы граждан, что противоречит основам правового государства.

В остальной части жалобы ее автор не приводит новых аргументов правового характера и лишь повторяет доводы, изложенные в первоначальном ходатайстве.

С учетом изложенного, Илиязова Н.А. просит отменить обжалуемое определение коллегии судей и принять ее обращение к производству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

При рассмотрении жалобы на определение коллегии судей Конституционный суд оценивает ее выводы исключительно в пределах аргументов и требований, изложенных в обращении, а также доводов, направленных на их опровержение.

Конституционный суд неоднократно подчеркивал, что Кыргызская Республика является правовым государством, его деятельность основана, прежде всего, на верховенстве права, режиме законности, признании и соблюдении прав и свобод человека и гражданина. Указанное, в свою очередь, влечет взаимную ответственность как личности, так и государства, требующую строгого соблюдения законодательства и тем самым стимулирующую всех субъектов правоотношений к выбору правомерного поведения (решения от 26 октября 2022 года, 31 января 2024 года, 21 июня 2024 года).

То есть, императивные нормы законодательства, обладающие юридической силой и общеобязательным характером, должны применяться единообразно и неукоснительно всеми субъектами права, включая судебные и правоохранительные органы. Это гарантирует объективное и последовательное исполнение норм права как обязательных правил надлежащего правового регулирования.

ПОСТАНОВИЛ:

1. Жалобу Илиязовой Назгуль Асанбековны на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 30 декабря 2024 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Курманбаевой Аиды Маратовны и
Сергеевой Натальи Дмитриевны на определение
коллегии судей Конституционного суда
Кыргызской Республики от 17 декабря 2024 года**

№ 04-П

19 февраля 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Токтосуновой З., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Курманбаевой А.М. и Сергеевой Н.Д. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 декабря 2024 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Курманбаевой А.М. и Сергеевой Н.Д., выслушав информацию судьи- докладчика Кыдырбаева К.Дж., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 18 ноября 2024 года поступило ходатайство Курманбаевой А.М., Сергеевой Н.Д. о проверке соответствия пункта 1 и подпункта 2 пункта 2 постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики «О мерах по реализации Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 27 августа 2024 года №518 (далее – Постановление Кабинета Министров) части 2 статьи 2, части 3 статьи 23 и части 4 статьи 37 Конституции.

Заявители считали, что отдельными нормами Положения о порядке ведения Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, и проведении проверки их деятельности (далее – Положение о Реестре), утвержденного вышеуказанным Постановлением Кабинета Министров, вводятся ограничения прав и свобод граждан, не предусмотренные Конституцией и законами.

Эти доводы субъекты обращения обосновывали тем, что Закон «О некоммерческих организациях» не содержит отсылочной нормы, согласно которой вопросы, раскрываемые в Положении о Реестре, должны быть определены решением Кабинета Министров.

Они отмечали, что в соответствии с частями 1, 2 статьи 17-1 вышеуказанного Закона, уполномоченным органом ведется Реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя (далее - Реестр), в котором установлены нормы в более широком смысле, чем в Законе «О некоммерческих организациях».

Заявители в подтверждение своих доводов ссылались на главу 2 Положения о Реестре, которая содержит требование о включении в Реестр таких сведений, как: Ф.И.О./наименования учредителя; ПИН/ИНН учредителя; Ф.И.О. руководителя; ПИН руководителя; сведения о работниках и так далее. Согласно требованиям Главы 3 Положения о Реестре, основанием для проверки некоммерческой организации является обращение государственных органов, органов местного самоуправления и средств массовой информации, основанием же для последующего ее включения в Реестр уполномоченным государственным органом устанавливается заключение государственных органов.

Кроме этого, заявители в качестве аргументов привели правовые позиции из решений Конституционной палаты Верховного суда КР от 29 октября 2013 года, 30 мая 2018 года, в соответствии с которыми ограничения, не предусмотренные Конституцией и законами, не могут вводиться подзаконными нормативными правовыми актами. Согласно этим позициям, Конституция, предусматривая повышенный уровень гарантий прав и свобод человека и гражданина, допускает возможность их ограничения, но, исключительно в той мере, в какой это необходимо в определенных ею целях, и лишь в установленном законом порядке (часть 3 статьи 23).

Как указывали субъекты обращения, аналогичные соображения содержатся также в пунктах 53, 54 и 82 заключения Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) от 14 октября 2024 года CDL-AD (2024)033, вынесенного по Закону «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 2 апреля 2024 года №72.

Заявители также отмечали, что Положение о Реестре не подвергалось процедуре прохождения общественного обсуждения, установленной Законом «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики», что, по их мнению, ограничивает права граждан на участие в принятии государственных решений, не позволяет реализовать народовластие в полном объеме, лишая народ реальных механизмов влияния на нормотворческий процесс. Учитывая изложенное, заявители просили признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 декабря 2024 года в принятии к производству обращения Курманбаевой А.М., Сергеевой Н.Д. было отказано ввиду его несоответствия по форме и содержанию требованиям конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

В определении коллегии судей было отмечено, что согласно части 3 статьи 97 Конституции, каждый вправе оспорить конституционность закона и иных нормативных правовых актов, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые Основным Законом.

Статьи 26, 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» предусматривают, что основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе соответствия закона или иного нормативного правового акта Конституции, а также соблюдение общих требований к обращению по форме и содержанию. При

этом в понятие «содержание» должны включаться конкретные основания, предусмотренные конституционным Законом, в том числе, обязанность заявителя привести неопровержимые аргументы правового характера по поставленному им вопросу со ссылкой на соответствующие нормы Конституции, очевидно доказывающие наличие неопределенности в конституционности предмета оспариваемого правового регулирования.

Однако несмотря на то, что заявители оспаривали конституционность некоторых положений Постановления Кабинета Министров, их доводы были направлены на аргументацию неконституционности самого Положения о Реестре, что обуславливает отсутствие очевидной системной взаимосвязи между оспариваемыми нормами и нормами Конституции, на которые ссылаются заявители.

Исходя из правовых аргументов заявителей, коллегия судей пришла к выводу, что сами по себе оспариваемые нормы Постановления Кабинета Министров не вызывают сомнений в их конституционности. Поскольку пунктом 1 Постановления Кабинета Министров утверждено Положение о Реестре, подпунктом 2 пункта 2 этого Постановления было установлено, что заявления в рамках реализации части 3 статьи 17-1 Закона «О некоммерческих организациях» подаются в уполномоченный государственный орган по ведению Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, в течение двух месяцев со дня вступления в силу данного постановления. Следовательно, Министерство юстиции ведет такую работу в рамках своей компетенции, установленной законодательством Кыргызской Республики.

Кроме того, относительно доводов заявителей о несоблюдении процедуры общественного обсуждения при принятии Положения о Реестре, коллегия судей отметила, что Конституционный суд, осуществляя формальный конституционный контроль, заключающийся в проверке правомочности нормотворческого органа, соблюдения им конституционных и законодательных требований к порядку принятия, опубликования и введения в действие нормативных правовых актов (часть 2 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики»), не исследует этапы прохождения законопроекта, в том числе, вопросы формирования согласительных групп, общественного обсуждения.

Резюмируя свою позицию, коллегия судей пришла к выводу, что доводы заявителей, изложенные в ходатайстве, не могут расцениваться как обстоятельства, вызывающие сомнение в конституционности оспариваемых норм Постановления Кабинета Министров.

Не согласившись с определением коллегии судей, Курманбаева А.М. и Сергеева Н.Д. 22 января 2025 года обратились с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Заявители считают определение коллегии судей необоснованным и подлежащим отмене по следующим основаниям.

По мнению Курманбаевой А.М. и Сергеевой Н.Д., при подготовке и подаче обращения ими должным образом были соблюдены общие требования, установленные статьей 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Они считают, что коллегия судей необоснованно сослалась на отсутствие системной связи между оспариваемыми нормами и положениями Конституции, как на основание для отказа в принятии к конституционному судопроизводству их обращения. Поскольку в части 3 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» приведены исчерпывающие основания для отказа в принятии обращения к производству, среди которых отсутствует основание, примененное коллегией судей.

Авторы жалобы повторно приводят доводы, изложенные в своем первоначальном обращении, и вновь настаивают на них, считая их ясными и обоснованными, указывающими на правовую неопределенность оспариваемых норм, особенно в части ограничений прав некоммерческих организаций, что, в свою очередь, требует проведения полноценной конституционной проверки.

На основании изложенного, заявители просят отменить определение коллегии судей от 17 декабря 2024 года, принять их ходатайство к конституционному судопроизводству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителей и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

Как уже неоднократно отмечалось Конституционным судом, высокую степень доступности конституционного правосудия в Кыргызской Республике нельзя рассматривать как неотъемлемое право каждого оспаривать любой закон или подзаконный акт при первой же возможности, пренебрегая принципом презумпции конституционности нормативных правовых актов. Поэтому конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» предусмотрены такие требования к форме и содержанию обращения, чтобы не допускать возбуждения конституционного производства без веских и очевидных причин, подвергая каждый раз сомнению жизнеспособность правовой системы страны.

Следует отметить, что Конституционный суд, рассматривая жалобу, осуществляет пересмотр определения коллегии судей строго в пределах аргументов, изложенных в обращении, а также с учетом доводов, направленных на опровержение выводов коллегии судей.

1. В части доводов авторов жалобы, касающихся исчерпывающего перечня оснований к отказу в принятии обращения к конституционному судопроизводству, Конституционный суд отмечает, что коллегия судей, принимая решение об отказе в принятии обращения к производству, применяет обозначенный перечень оснований в системной связи с общими требованиями к обращениям, предъявляемыми конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики», принципами конституционного судопроизводства и презумпции конституционности нормативных правовых актов.

2. Что касается доводов заявителей о расширении перечня сведений в Положении о Реестре, чем предусмотрено в Законе «О некоммерческих организациях», Конституционный суд отмечает, что применение в законе отсылочной нормы прямо указывает на необходимость более детального регулирования в подзаконном акте (часть 2 статьи 17-1). Такие акты

регламентируют специфические вопросы, требующие более детализированного подхода, уточняют процедуры и механизмы, которые помогают внедрять и исполнять законы. Таким образом, сам факт наличия более широкого регулирования того или иного вопроса в подзаконном акте, само по себе не образует нарушения принципа правовой определённости и позволяет субъектам правоотношений более чётко понимать детали правового регулирования.

3. Закон «Об информации персонального характера» наделяет органы государственной власти, органы местного самоуправления и юридические лица, являющиеся держателями (обладателями) массивов персональных данных, полномочиями по определению целей и категорий персональных данных, а также по контролю их сбора, хранения, обработки и использования.

Министерство юстиции Кыргызской Республики, как уполномоченный орган по ведению Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, является держателем (обладателем) массива персональных данных.

Из вышеизложенного следует, что представление персональной информации об учредителях и руководителях некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного представителя, уполномоченному органу является не только правомерной, но и необходимой мерой (часть 2 статьи 17-1 Закона «О некоммерческих организациях»). Этот процесс не может рассматриваться как вторжение государственных органов или их должностных лиц в сферу частной жизни граждан, поскольку он строго обусловлен возложенными на уполномоченный орган обязанностями не по ведению Реестра в прямом смысле, а выполнением определенных задач общегосударственного значения посредством этого Реестра. Иначе говоря, ведение уполномоченным органом Реестра, включающего обработку персональных данных, само по себе не может приводить к нарушению их конфиденциальности. Такое возможно только в последующих действиях соответствующего уполномоченного органа.

Не случайно законодательство обязывает государственные органы - держателей массива персональных данных - использовать предоставленные им права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций.

Это предполагает недопустимость разглашения информации персонального характера, ставшей им известной в ходе выполнения своих функций, в том числе при ее публикации в открытых источниках, включая официальные сайты государственных органов.

В случае разглашения персональных данных со стороны держателей массива персональных данных граждан вправе обжаловать действия должностных лиц вышестоящему должностному лицу, либо обратиться за их защитой в суд, за совершенные проступки и правонарушения должностные лица государственных органов несут ответственность в соответствии с законодательством.

4. Относительно вопроса прохождения общественного обсуждения постановления Кабинета Министров необходимо отметить, что Конституционный суд, рассматривая дела о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов, наряду с проверкой содержательной части нормативного правового акта или его элемента,

осуществляет формальный контроль, включающий в себя проверку правомочности нормотворческого органа, соблюдения им конституционных и законодательных требований к порядку принятия и введения в действие оспариваемого нормативного правового акта.

Однако необходимо отметить, что формальный контроль осуществляется в рамках материального контроля, то есть при рассмотрении конституционности содержания нормативного правового акта или его отдельных положений. Это означает, что Конституционный суд не проверяет процесс принятия нормативного правового акта отдельно, сам по себе. Он оценивает его лишь как часть общего анализа конституционности оспариваемого акта, принятого в конституционное производство.

Таким образом, процедурные нарушения становятся основанием для признания нормативного правового акта неконституционным только в том случае, если они повлияли на его содержание и привели к несоответствию Конституции.

В то же время Конституционный суд отмечает, что действующее административно-процессуальное законодательство предусматривает возможность обжалования подзаконного нормативного правового акта административного органа в порядке административного судопроизводства, в том числе в случае его противоречия закону.

Таким образом, Конституционный суд не находит оснований для отмены определения коллегии судей от 17 декабря 2024 года об отказе в принятии к производству обращения Курманбаевой А.М., Сергеевой Н.Д.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПО С Т А Н О В И Л:

1. Жалобу Курманбаевой Аиды Маратовны и Сергеевой Натальи Дмитриевны на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 декабря 2024 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Алмазбекова Тилека Алмазбековича и
Кубатбекова Кутмана Бактыбековича на определение коллегии судей
Конституционного суда Кыргызской Республики
от 10 декабря 2024 года**

№ 05-П

19 февраля 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Мырзакановой Б.К., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Кубатбекова Кутмана Бактыбековича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 декабря 2024 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Алмазбекова Т.А. и Кубатбекова К.Б., выслушав информацию судьи- докладчика Касымалиева М.Ш., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 11 ноября 2024 года поступило ходатайство Алмазбекова Т.А. и Кубатбекова К.Б. о проверке соответствия подпунктов 10-14 пункта 8 Положения о порядке ведения Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, и проведения проверки их деятельности, утвержденного Постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 27 августа 2024 года № 518 (далее - Положение) , частям 4, 5 статьи 29, части 2 статьи 63 Конституции Кыргызской Республики.

Как следовало из ходатайства, в Законе «Об информации персонального характера» дается определение персональных данных, под которыми понимается любая информация, которая прямо или косвенно относится к определенному физическому лицу. С учетом многообразия проявлений частной жизни человека, правовое содержание информации о ней не может быть исчерпывающим. К информации подобного рода могут относиться любые сведения конфиденциального характера, доступ к которым возможен только с согласия гражданина либо на основании прямого указания закона.

Защита персональных данных является одной из приоритетных целей и задач государства относительно правовой защиты интересов личности. Однако, по мнению заявителей, оспариваемая норма, допускающая сбор, хранение, распространение и использование информации о частной жизни гражданина в государственных, общественных или иных публичных интересах без его согласия противоречит основополагающим конституционным принципам и общепринятым нормам международного права. Такими международными нормами являются Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, а также Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека.

Понятие «частная жизнь» относится к сфере личного усмотрения человека, которая представляет собой нематериальную ценность, защищаемую законом от произвольных вмешательств, включая действия государства. Заявители полагают, что частную жизнь составляют те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других, стремясь скрыть свой мир интимных и деловых интересов от посторонних глаз. Это своеобразный суверенитет личности, означающий неприкосновенность его «среды обитания».

Алмазбеков Т.А. и Кубатбеков К.Б. отметили, что вмешательство в частную жизнь с целью выявления противоправных действий допустимо при наличии веских оснований, четко предусмотренных законом, например, при возбуждении уголовного дела. В остальных случаях частная жизнь должна оставаться неприкосновенной.

С учётом изложенного, заявители просили признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 декабря 2024 года было отказано в принятии обращения к производству по следующим основаниям.

Согласно Конституции, государство гарантирует каждому защиту персональных данных. Доступ к персональным данным граждан, их получение осуществляется только в предусмотренных законом случаях (часть 2 статьи 63).

Во исполнение данной гарантии Законом «Об информации персонального характера» устанавливается правовое регулирование работы с персональными данными путем обеспечения защиты прав, свобод человека и гражданина при их сборе, обработке и использовании (статья 5). В общем порядке персональные данные относятся к конфиденциальной информации, за исключением случаев, когда информация должна носить публичный характер, в том числе при осуществлении правосудия и исполнении судебного акта, а также в сферах электронного управления, национальной безопасности, противодействия терроризму и коррупции, оперативно - розыскной деятельности и иных случаях, определяемых законодательством Кыргызской Республики.

Согласно указанному Закону, общедоступные массивы персональных

данных не подлежат режиму конфиденциальности, однако субъект персональных данных вправе сам определить, могут ли его данные быть открытыми для общего доступа.

Как отметила коллегия судей, работа с персональными данными может осуществляться держателем (обладателем) таких данных исключительно в пределах компетенции, установленной законодательством Кыргызской Республики, и только в случаях, когда это необходимо для выполнения возложенных на органы государственной власти функций.

В этой связи постановлением Кабинета Министров Кыргызской Республики от 27 августа 2024 года №518 Министерство юстиции определено уполномоченным органом по ведению Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя. Соответственно, сведения, включая персональные данные, содержащиеся в указанном Реестре, размещаются в порядке, установленном уполномоченным органом, на его официальном сайте. Следовательно, Министерство юстиции ведет такую работу исключительно в рамках своей компетенции

Кроме того, информация о некоммерческих организациях, будучи сведениями о юридическом лице, которые в ряде случаев, связанных с их регистрацией (например, наименование, адрес, идентификационный номер, сведения о руководителях), являются открытыми и доступными для общего пользования.

Коллегия судей отметила, что в целях обеспечения прозрачности и открытости деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, введение правового регулирования, предусмотренного подпунктами 10-14 пункта 8 оспариваемого Положения, не может рассматриваться в качестве основания, вызывающего сомнение в их конституционности.

Основанием же к рассмотрению дела является наличие неопределенности в вопросе соответствия закона или иного нормативного правового акта Конституции. При этом, обращение должно отвечать общим требованиям, предъявляемым к его форме и содержанию, включать в себя аргументы правового характера по поставленному им вопросу со ссылкой на соответствующие нормы Конституции (статьи 26, 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики»).

С учетом изложенного, коллегия судей пришла к выводу об отсутствии неопределенности в вопросе о соответствии оспариваемых норм требованиям Конституции, что, в свою очередь, явилось основанием для отказа в рассмотрении обращения в рамках конституционного судопроизводства.

Не согласившись с определением коллегии судей, Алмазбеков Т.А. и Кубатбеков К.Б. 21 января 2025 года обратились с жалобой в Конституционный суд.

Заявители считают отказ коллегии судей в принятии его ходатайства к производству незаконным и необоснованным, подлежащим отмене по следующим основаниям.

Они отмечают, что коллегия судей сослалась на норму Закона «Об информации персонального характера», по которой режим конфиденциальности для общедоступных массивов персональных данных не устанавливается. Однако частью 2 статьи 7 обозначенного Закона регламентировано, что в общедоступные массивы персональных данных с письменного согласия субъекта могут включаться такие данные как: фамилия, имя, отчество, год и место рождения, адрес места жительства, номер контактного телефона, сведения о профессии, иные сведения, предоставленные субъектом и/или полученные из открытых источников, других общедоступных массивов персональных данных, если эти источники сформированы с согласия субъекта персональных данных.

При таких обстоятельствах публикация должна быть только с письменного согласия, тогда как оспариваемое положение не дает такой возможности, что является основанием для проведения полноценной конституционной проверки.

Более того, как полагают заявители, все их требования в ранее поданном ходатайстве подкреплены ссылками на Заключение Европейской комиссии за демократию через право от 14 октября 2024 года.

С учетом изложенного, Алмазбеков Т.А. и Кубатбеков К.Б. считают, что позиция коллегии судей вступает в противоречие со статьей 97 Конституции, гарантирующей каждому право оспорить конституционность закона и иных нормативных правовых актов, если считает, что ими нарушаются права и свободы, признаваемые ею. В связи с чем субъекты обращения просят отменить определение коллегии судей и принять ходатайство к конституционному судопроизводству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, отмечает следующее.

Доступность конституционного правосудия в Кыргызской Республике характеризуется, прежде всего, широким кругом субъектов обращений, включая граждан и юридические лица, а также предоставлением им права прямого обращения в Конституционный суд без обязательного исчерпывания всех иных способов разрешения споров в сфере правового регулирования. Однако такую доступность нельзя рассматривать как неотъемлемое право каждого оспаривать любой закон или подзаконный акт при первой возможности, пренебрегая принципом презумпции конституционности. Это привело бы к массовому несоблюдению или отказу от исполнения законов. Соответственно, обеспечение режима законности и правопорядка в стране стало бы крайне затруднительным. Именно поэтому конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» предусмотрены общие требования к форме и содержанию обращения. На заявителя возлагается обязанность аргументировать свои требования такими вескими доводами, которые бы прямо указывали, каким образом регулятивное воздействие оспариваемой нормы нарушает гарантированные Конституцией права и свободы

человека и гражданина. Это означает для Конституционного суда существенно большее, нежели чем просто формальное выполнение вышеуказанных требований. Такой подход позволяет Конституционному суду не только эффективно исполнять свою функцию, исключая необоснованные жалобы, но и не возбуждать конституционное производство без весомых и очевидных оснований для этого, подвергая, тем самым, сомнению жизнеспособность всей правовой системы страны.

Конституционный суд в своем Решении от 2 октября 2024 года подчеркнул важность защиты персональных данных, включая их конфиденциальность, точность и недопущение несанкционированного доступа к ним. Надлежащая защита предотвращает утечки и использование данных в противоправных целях, таких как дискриминация, мошенничество или кибератаки. Вместе с тем, право на защиту персональных данных в конституционно-правовом значении не может иметь абсолютного характера, соответственно, допускается возможность ее ограничения в случаях, предусмотренных законом, в целях достижения гарантированного результата от деятельности государственных органов при выполнении возложенных на них задач, результаты которых направлены на развитие общего благосостояния общества (часть 1 статьи 5, часть 1 статьи 19 Закона «Об информации персонального характера»).

В этой связи Закон «Об информации персонального характера» наделяет органы государственной власти, органы местного самоуправления и юридические лица, являющиеся держателями (обладателями) массивов персональных данных, полномочиями по определению целей и категорий персональных данных, а также по контролю их сбора, хранения, обработки и использования. Работа с такими данными допускается только после регистрации Государственным агентством по защите персональных данных при Кабинете Министров Кыргызской Республики в Реестре держателей массивов персональных данных.

Министерство юстиции Кыргызской Республики, как уполномоченный орган по ведению Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, является держателем (обладателем) массива персональных данных.

Из вышеизложенного следует, что представление персональной информации об учредителях и руководителях некоммерческой организации, выполняющей функции иностранного представителя, уполномоченному органу является не только правомерной, но и необходимой мерой (часть 2 статьи 17-1 Закона «О некоммерческих организациях»). Этот процесс не может рассматриваться как вторжение государственных органов или их должностных лиц в сферу частной жизни граждан, поскольку он строго обусловлен возложенными на уполномоченный орган обязанностями не по ведению Реестра в прямом смысле, а выполнением определенных задач общегосударственного значения посредством этого Реестра. Иначе говоря, ведение уполномоченным органом Реестра, включающего обработку персональных данных, само по себе

не может приводить к нарушению их конфиденциальности. Такое возможно только в последующих действиях соответствующего уполномоченного органа.

Не случайно законодательство обязывает государственные органы - держателей массива персональных данных - использовать предоставленные им права в соответствии с законом и не допускать в своей деятельности ущемления прав и законных интересов граждан и организаций.

Это предполагает недопустимость разглашения информации персонального характера, ставшей им известной в ходе выполнения своих функций, в том числе при ее публикации в открытых источниках, включая официальные сайты государственных органов.

В случае разглашения персональных данных со стороны держателей массива персональных данных граждан вправе обжаловать действия должностных лиц вышестоящему должностному лицу, либо обратиться за их защитой в суд, за совершенные проступки и правонарушения должностные лица государственных органов несут ответственность в соответствии с законодательством.

Таким образом, Конституционный суд не находит оснований для удовлетворения жалобы заявителей и отмены определения коллегии судей от 10 декабря 2024 года.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

П О С Т А Н О В И Л:

1. Жалобу Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Кубатбекова Кутмана Бактыбековича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 10 декабря 2024 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Землянской Елены Георгиевны в интересах общества
с ограниченной ответственностью «Азия Финанс Логистик»
на определение коллегии судей Конституционного суда
Кыргызской Республики от 14 января 2025 года**

№ 06-П

12 мая 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Мырзакановой Б.К., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Землянской Елены Георгиевны в интересах общества с ограниченной ответственностью «Азия Финанс Логистик» на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 января 2025 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Землянской Е.Г. в интересах ОсОО «Азия Финанс Логистик», заслушав информацию судьи-докладчика Шаршеналиева Ж.А., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 16 декабря 2024 года поступило обращение Землянской Е.Г., представителя ОсОО «Азия Финанс Логистик» (далее - Общество) о проверке соответствия нормативного положения части 5 статьи 97 Налогового кодекса Кыргызской Республики (далее - НК), выраженного словами «если отсутствует решение суда об обоснованности данного решения» частям 4, 5 статьи 23, частям 1, 2 статьи 61 Конституции.

Как следует из ходатайства и приложенных к нему материалов, в 2020 году Управлением государственной налоговой службы по Свердловскому району города Бишкек (далее - УГНС) была проведена налоговая проверка Общества, по итогам которой ему были начислены налоговые обязательства. Оспорив данное решение в досудебном порядке в вышестоящий государственный орган, а затем и в суде, Общество получило отказ от всех инстанций, которые признали результаты проверки обоснованными.

Впоследствии, по причине неуплаты налоговых обязательств в отношении руководителя Общества Захарова И.Г. было возбуждено уголовное дело, в ходе которого были выявлены ошибки в расчетах начисленных налогов. Данный факт был подтвержден разъяснением Министерства экономики и коммерции от 6 июня 2022 года.

В связи с этими обстоятельствами Общество обратилось в УГНС с просьбой о проведении перепроверки их деятельности за ранее проверенный период. Однако УГНС, сославшись на норму части 5 статьи 97 НК, отказало в проведении перепроверки, указав, что налоговый орган не вправе отменить свое решение при наличии судебного акта, подтвердившего его обоснованность. Общество обжаловало данный отказ в вышестоящий орган и в суды всех инстанций в период с декабря 2023 года по август 2024 года, однако во всех случаях получило такой же отказ со ссылкой на оспариваемую норму НК.

Заявитель отметила, что в рамках уже судебного разбирательства по уголовному делу Захарова И.Г., в связи с признанием УГНС ошибок, допущенных при исчислении налоговых обязательств, была назначена комиссионная судебно-бухгалтерская экспертиза, которая 14 ноября 2024 года подтвердила неверность результатов ранее проведенной проверки.

Несмотря на указанные факты, подтверждающие допущенные проверяющим ошибки в налоговых расчетах, Общество не может оспорить принятые ранее решения. Как подчеркнула Землянская Е.Г., хотя суды изначально опирались на ошибочные данные налоговых органов, но из-за оспариваемой нормы НК у Общества нет возможности оспорить все акты, включая судебные, даже, если в их основе лежат заведомо неверные расчеты. Таким образом, фактически имеет место судебная ошибка, которую невозможно исправить.

Заявитель также ссылается на статью 269 Административно-процессуального кодекса (далее - АПК), которая предусматривает пересмотр судебных актов на основании новых обстоятельств, возникших после их вступления в законную силу. Однако пункт 2 части 2 этой статьи устанавливает, что пересмотр возможен только в случае отмены акта суда или административного органа, который послужил основанием для вынесения оспариваемого судебного акта.

Как указал субъект обращения, в их случае таким актом является решение УГНС, принятый по результатам проверки в 2020 году. Для применения указанной статьи 269 АПК УГНС должно было провести перепроверку и, по ее итогу, отменить свое решение с учетом выявленных нарушений. Однако в силу оспариваемой части 5 статьи 97 НК, налоговый орган не может отменить свое решение из-за наличия судебных актов, подтвердивших его обоснованность.

Землянская Е.Г. отметила, что институт пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам создан для того, чтобы стороны по делу могли беспрепятственно получать доступ к судебной защите, а также защищать свои права и интересы всеми способами, в том числе путем

пересмотра судебных актов, вступивших в законную силу.

С учетом изложенного заявитель считает, что оспариваемая норма, которая не позволяет устранить нарушение, допущенное при исчислении налоговых обязательств в ходе проверки, если судебный орган ошибочно оценил ситуацию и вынес соответствующий акт, ограничивает право Общества на судебную защиту и восстановление нарушенных прав всеми доступными законными способами, что противоречит частям 4, 5 статьи 23 и частям 1, 2 статьи 61 Конституции.

В этой связи заявитель просила признать оспариваемое нормативное положение противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 14 января 2025 года было отказано в принятии обращения к производству.

Коллегия судей отметила, что заявитель должен привести неопровержимые правовые аргументы со ссылкой на соответствующие нормы Конституции, которые должны очевидно доказывать неопределенность в конституционности оспариваемого правового регулирования. При этом системная связь между оспариваемыми нормами и Конституцией должна быть безусловной.

Между тем, приведенные заявителями правовые доводы не свидетельствуют о наличии сомнений в конституционности оспариваемой нормы. Она лишь устанавливает иерархию обжалования решений органа налоговой службы в административном и судебном порядках, и не допускает пересмотра решения органа налоговой службы, если его обоснованность была подтверждена решением суда.

Судебные акты, принятые в установленном порядке и вступившие в силу, независимо от того, были ли они вынесены в рамках судебного контроля или в процессе непосредственного судебного разбирательства, обладают одинаковыми свойствами и не могут быть отменены или изменены актами других государственных органов. С момента вступления любого судебного акта в законную силу он приобретает свойства неопровержимости, исключительности, обязательности, преюдициальности, исполнимости, оставаясь неизменным.

При обнаружении судебной ошибки после того, как дело рассмотрено всеми судебными инстанциями, единственным возможным путем устранения такой ошибки является пересмотр решения суда по вновь открывшимся или новым обстоятельствам. При этом, действие оспариваемой нормы не препятствует дальнейшему пересмотру решения суда, соответственно, не может расцениваться как ограничение права на судебную защиту и восстановление нарушенных прав всеми доступными способами, не запрещенными законом.

На основании изложенного, коллегия судей пришла к выводу об отсутствии неопределенности в вопросе соответствия оспариваемого нормативного положения требованиям Конституции, что стало основанием для отказа в рассмотрении обращения в рамках конституционного

судопроизводства.

Не согласившись с определением коллегии судей, 5 февраля 2025 года Землянская Е.Г. обратилась с жалобой в Конституционный суд, указав на его необоснованность и ходатайствуя о его отмене.

Заявитель выражает несогласие с тем, что оспариваемая норма лишь устанавливает иерархию обжалования решений налоговых органов. В то же время она соглашается с выводами коллегии, что данная норма не допускает пересмотра решения налоговой службы при наличии решения суда, подтверждающего его обоснованность. По мнению заявителя, именно это ограничение и порождает правовую проблему.

Субъект обращения указывает, что в решениях Конституционного суда неоднократно подчеркивалась неизбежность судебных ошибок. В данном случае судебные акты были вынесены на основании решений налоговых органов, которые, в свою очередь, основывались на результатах проверки, проведенной налоговым инспектором. Однако сам инспектор признал допущенные ошибки в исчислении налоговых обязательств только в ходе следствия по уголовному делу, то есть, уже после принятия судебных актов, подтверждающих обоснованность налогового обязательства. Министерство экономики и коммерции и судебно-бухгалтерская экспертиза подтвердили эти нарушения законодательства при налоговой проверке.

В обращении заявителя указано, что, при наличии достаточных фактов, подтверждающих нарушение в исчислении налоговых обязательств, как справедливо отмечено в определении коллегии судей, можно было бы использовать механизм пересмотра судебных актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам.

Но, по мнению Землянской Е.Г., в их случае невозможно воспользоваться механизмом пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам, предусмотренным пунктом 1 части 2 статьи 268 АПК, поскольку эта норма охватывает лишь те обстоятельства, которые существовали на момент принятия судебного акта, но не были и не могли быть известны заявителю. При этом, срок подачи заявления исчисляется со дня обнаружения документа, имеющего существенное значение для дела (пункт 1 статьи 273 АПК).

Из приведенных норм, заявитель полагает, что вновь открывшимся обстоятельством является не любое обстоятельство, а только документ, который существовал на момент рассмотрения дела, но не был известен заявителю. В их же случае сведения о нарушениях порядка исчисления налоговых обязательств (разъяснение, показание и заключение) были выявлены уже после вынесения судебных актов, что исключает возможность их квалификации как вновь открывшихся обстоятельств в смысле упомянутых положений.

Также заявитель, повторно ссылается на статью 269 АПК, указывая на неприменимость оснований для пересмотра по новым обстоятельствам в их случае, воспроизводя аргументы, приведенные в первоначальном ходатайстве.

В этой связи Землянская Е.Г. подчеркивает о возникновении

правового парадокса, при котором обстоятельства как взаимозависимы, так и взаимоисключают друг друга, что делает невозможным применение правовых механизмов. При этом заявитель обращает внимание на то, что отмена налоговой службой собственного решения не влечет автоматическую отмену судебных актов, а только предоставляет возможность использовать этот факт как новое обстоятельство для пересмотра в соответствии со статьей 269 АПК. Следовательно, по мнению субъекта обращения, не нарушается принцип, о котором упомянула коллегия судей, поскольку судебные акты не могут быть преодолены актами других государственных органов, и с момента вступления в силу они приобретают свойства неопровержимости, обязательности и преюдициальности.

Однако, как считает Землянская Е.Г., действующее правовое регулирование создает непреодолимые препятствия для эффективной судебной защиты, ограничивает доступ к правосудию и, что особенно важно, нарушает основные конституционные гарантии прав и свобод, закрепленные в Конституции.

В связи с чем, субъект обращения просит отменить определение коллегии судей и принять его ходатайство к конституционному судопроизводству.

Конституционный суд, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, отмечает следующее.

1. Прежде всего, требование, указанное в определении коллегии судей, о представлении неопровержимых правовых аргументов, подтверждающих неопределенность в конституционности оспариваемого регулирования, отражает высокие стандарты конституционного контроля и вытекает из роли Конституционного суда как органа, обеспечивающего верховенство Конституции в правовой системе.

Заявитель не может ограничиваться общими утверждениями о несправедливости нормы, он должен предоставить доказательства, подтверждающие сомнения в ее юридической значимости. Требование неопровержимых аргументов помогает предотвратить жалобы без серьезных оснований или основанные лишь на попытках вызвать сомнения. Такой подход гарантирует, что рассмотрение дел в Конституционном суде основывается на объективных и достаточных основаниях, исключая возможность различных форм злоупотребления правом. Высокая доступность конституционного правосудия не означает возможность беспрепятственного оспаривания любого закона без соблюдения принципа презумпции его конституционности. Строгий процессуальный фильтр важен для сохранения баланса между правом граждан оспаривать нормативные акты и стабильностью правовой системы.

2. Относительно невозможности преодоления судебного акта, в том числе его отмены или изменения актами других государственных органов, а также его неопровержимости, исключительности, обязательности, преюдициальности и исполнимости, Конституционный суд подчеркивает, что коллегия судей, прежде всего, исходила из правовых позиций, ранее изложенных в решениях

органа конституционного контроля.

В них подчеркивается, что судебный акт занимает особое место в системе правовых актов и представляет собой ключевую форму реализации судебной власти. Его неопровержимость и устойчивость обеспечивают стабильность и защиту от произвольной отмены или изменения. Такая устойчивость судебных решений способствует эффективному и справедливому правосудию, укрепляя доверие к судебной власти, поддерживая законность, последовательность и предсказуемость в правоприменении.

Эти принципы подкрепляются конституционными и международно-правовыми нормами, в частности частью 4 статьи 100 Конституции, которая императивно указывает, что отмена, изменение или приостановление судебного решения могут осуществляться только судом в установленном порядке (решения от 31 января 2014 года, 19 марта 2014 года, 11 мая 2016 года, 26 июня 2019 года, 26 октября 2022 года, 1 марта 2023 года, 20 марта 2024 года).

3. Как заметил сам заявитель, орган конституционного контроля неоднократно подчеркивал, что право на судебную защиту охватывает не только охрану прав и законных интересов, но и защиту от судебных ошибок. Обеспечение баланса между преюдициальной силой судебных актов и необходимостью устранения таких ошибок требует допуска возможности пересмотра дела по вновь открывшимся или новым обстоятельствам — как исключительного механизма, направленного на выявление существенных и неопровержимых фактов, способных восстановить нарушенные права и утвердить правовую определенность в каждом конкретном случае (Решение от 26 июня 2019 года).

Конституционный суд в развитие изложенного отмечает и о другой правовой позиции, в которой подчеркивается, что сущность пересмотра судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам заключается в правовой переоценке установленных судом фактов с учетом новых данных, способных повлиять на исход дела. Цель пересмотра — проверка законности и обоснованности ранее принятого решения и его отмена в случае выявления нарушений, когда иные средства правовой защиты либо неприменимы, либо исчерпаны, либо не были известны. Выявление новых или вновь открывшихся обстоятельств указывает на возможность того, что при их наличии суд мог бы прийти к иному выводу (решения от 31 января 2014 года и 17 марта 2021 года).

Так, согласно положениям статьи 268 АПК, одним из оснований для пересмотра вступившего в законную силу судебного акта является наличие обстоятельства, имеющего существенное значение для разрешения дела, которое не было и не могло быть известно заявителю и (или) суду на момент принятия оспариваемого акта. Оценку юридической значимости такого обстоятельства дает исключительно суд (статья 270 АПК).

С учетом изложенного, Конституционный суд считает, что утверждения заявителя основаны на неправильной интерпретации соответствующих правовых положений. Важно разграничивать два различных правовых

механизма – пересмотр судебного акта, вступившего в законную силу, предполагает учет ранее неизвестных суду или заявителю юридически значимых обстоятельств, тогда как запрет на отмену решения налогового органа при наличии судебного акта, подтверждающего его обоснованность, отражает принцип недопустимости преодоления судебных актов иными государственными органами. Только суд вправе пересматривать судебные акты.

При этом юридически значимые обстоятельства, выявленные в рамках иного судопроизводства, приобретают преюдициальное значение лишь при их подтверждении итоговым судебным актом, вступившим в законную силу. До этого момента такие факты не обладают доказательной силой и не могут служить основанием для пересмотра или иного процессуального реагирования.

Такая правовая регламентация соотносится с позицией Конституционного суда, согласно которой допустимость использования преюдициальных фактов предполагает их надлежащее происхождение и закрепление в итоговом судебном решении. Преюдициальная сила судебных решений служит гарантией единства судебной деятельности и является инструментом защиты авторитета правосудия (Решение от 3 мая 2023 года).

Таким образом, Конституционный суд не усматривает оснований для отмены определения коллегии судей от 14 января 2025 года.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Жалобу Землянской Елены Георгиевны в интересах общества с ограниченной ответственностью «Азия Финанс Логистик» на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 января 2025 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Мадина Орозобека Капарбековича на определение
коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики
от 26 декабря 2024 года**

№ 07-П

12 марта 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жолдошевой Л.Ч., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Токтосуновой З., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Мадина Орозобека Капарбековича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 26 декабря 2024 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Мадина О.К., заслушав информацию судьи-докладчика Жолдошевой Л.Ч., Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 2 декабря 2024 года поступило обращение Мадина О.К. о проверке соответствия статьи 361-1 Уголовного процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК) частям 3, 4, 5 статьи 23, части 2 статьи 56, частям 1, 2, 3 статьи 100 Конституции Кыргызской Республики.

Как следовало из материалов дела, решением Октябрьского районного суда города Бишкек от 15 июня 2017 года религиозное течение «Йакын Инкар» было признано экстремистским, а его деятельность подлежала ликвидации и запрету.

Заявители Мадина О.К. и Тентимишев У.К., действуя в интересах Асанбаева Я.А., Амдамова Н.А., Сейтасимова А. Е и Мусаева У.А., обратились в Октябрьский районный суд города Бишкек с просьбой о пересмотре решения в связи со вновь открывшимися обстоятельствами.

Однако определением суда это заявление было оставлено без удовлетворения. Не согласившись с этим определением, заявители подали кассационную жалобу в Верховный суд и обратились с просьбой о восстановлении пропущенного срока для подачи заявления.

В свою очередь Верховный суд Кыргызской Республики восстановил пропущенный срок для подачи кассационной жалобы, но оставил в силе определение Октябрьского районного суда города Бишкек. При этом рассмотрение кассационной жалобы в соответствии с частью 1 статьи 361-1 ГПК прошло без проведения устного разбирательства по делу.

По мнению заявителей, такое положение нарушает их права и свободы, а также ограничивает возможность их действий в соответствии с конституционным принципом равенства и состязательности сторон в судебном разбирательстве.

Авторы обращения в своем заявлении указали, что гарантированные Конституцией права и свободы человека не подлежат ограничению, а принятие законов, отменяющих и умаляющих эти права, не допускается. Кроме того, они подчеркнули, что рассмотрение дел во всех судах должно проводиться открыто.

С учетом изложенного заявители просили признать оспариваемую статью неконституционным.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 26 декабря 2024 года обращение Мадинова О.К. и Тентимишева Н.К. представляющих интересы Асанбаева Ж.А., Амдамова Н.А., Сейтасимова А.Е. и Мусаева У.К. в принятии к производству было отказано в связи с несоответствием его формы и содержания требованиям, установленным пунктом 9 части 4 статьи 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Так, коллегия судей пришла к выводу, что заявители не выполнили одно из основных требований к содержанию обращения, а именно о необходимости аргументировать свои требования убедительными доводами правового характера, прямо указывающими каким образом регулятивное воздействие оспариваемой нормы нарушает гарантированные Конституцией права и свободы человека и гражданина.

Резюмируя свою позицию, коллегия судей отметила, что доводы, изложенные в ходатайстве заявителей, не могут расцениваться как обстоятельства, вызывающие сомнение в конституционности оспариваемой нормы ГПК.

Не согласившись с определением коллегии судей, Мадинов О.К. 11 февраля 2025 года обратился с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Заявитель считает, что его ходатайство содержит достаточно аргументов, доказывающих неконституционность оспариваемой нормы ГПК.

Не приводя новых доводов, субъект обращения в своем ходатайстве ссылается только на часть 1 статьи 361-1 ГПК, хотя в своем первоначальном ходатайстве заявители просили признать неконституционной всю статью в полном объеме.

В связи с вышеизложенным, он просит отменить определение коллегии судей и принять его ходатайство к конституционному судопроизводству.

Следует отметить, что заявитель приложил к своей жалобе материалы, из которых, на основании представления Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики и заключения соответствующей экспертизы,

решением Октябрьского районного суда города Бишкек от 15 июня 2017 года религиозное течение «Йакын Инкар» было признано экстремистским на территории Кыргызской Республики, а также запрещено использование их атрибутики и/или символики. В результате следственно-оперативных мероприятий, проведенных следственными органами, у граждан Асанбаева Ж.А., Амдамова Н.А., Сейтасимова А.Э. и. Мусаева У. А. были найдены атрибуты и символики, принадлежавшие религиозному течению «Йакын Инкар». В связи с этим приговором Сокулукского районного суда Чуйской области от 28 июля 2022 года указанные граждане были признаны виновными и приговорены к лишению свободы на различные сроки.

Основанием для обращения с заявлением о пересмотре решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам в 2023 году послужил факт проведения экспертизы экспертами, не зарегистрированными в государственном реестре судебных экспертов Кыргызской Республики, которое было установлено заявителями.

Учитывая изложенное, заявитель считает, что рассмотрение кассационной жалобы без устного разбирательства нарушает принципы равенства и состязательности сторон, следовательно, ограничивает его право на судебную защиту.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания для отказа коллегии судей в принятии заявления к судопроизводству, пришел к следующему выводу.

Национальное законодательство устанавливает правовую и организационную основу для противодействия экстремистской деятельности в целях выполнения конституционных требований по обеспечению надлежащей защиты конституционного строя и национальной безопасности Кыргызской Республики.

Так, глава 25-1 ГПК определяет порядок судопроизводства по заявлениям уполномоченных государственных органов о признании информационных материалов экстремистскими или террористическими. Такие судебные акты вступают в законную силу с момента их оглашения и подлежат рассмотрению только в кассационном порядке (часть 2 статьи 211 и часть 2 статьи 351 ГПК).

Конституционный суд в своих решениях неоднократно подчеркивал важность роли судебных инстанций, их последовательности, порядок обжалования и оснований для отмены или изменения судебных актов вышестоящими судами. Именно поэтому законодатель устанавливает институциональные и процессуальные условия для пересмотра судебных актов, отвечающие требованиям процессуальной эффективности и позволяющие своевременно устранять возможные судебные ошибки.

В процессе отправления правосудия, безусловно, первостепенное значение имеет первая инстанция, судебные акты которой являются базовыми по отношению к более поздним этапам. Именно на этом этапе проводится тщательное изучение всей совокупности доказательной базы, создается прочная правовая основа для оценки результатов рассмотрения дела в вышестоящих судебных инстанциях.

Кассационное производство, являясь одним из действенных механизмов исправления судебных ошибок, является важнейшей гарантией защиты прав и свобод человека, а в случае их нарушения нижестоящими судами –

эффективным способом их восстановления. При этом при рассмотрении дела кассационная инстанция не изучает новые доказательства и не дает оценку фактическим обстоятельствам дела, а пересмотр производится только на основании имеющихся материалов, собранных нижестоящими инстанциями. Его функция заключается в обеспечении законности судебных актов, то есть в соблюдении судами норм материального и процессуального права при издании актов. В связи с этим полномочия Верховного суда по рассмотрению отдельных категорий дел по письменной процедуре не влекут нарушению конституционных гарантий судебной защиты прав и свобод каждого человека, равенства и состязательности в судах. Это не нарушается, особенно когда речь идет о специальных судебных процедурах.

Такое правовое регулирование обусловлено тем, что дела о признании материалов экстремистскими имеют ярко выраженный общественно-правовой характер, поскольку они направлены на защиту интересов общества и государства, а не на разрешение частноправового спора.

Из-за такой особенности они рассматриваются без участия сторон в традиционном смысле, так как их целью является установление факта экстремистской природы материалов и уровня их общественной опасности, а привлечение конкретного лица к ответственности за участие в деятельности экстремистской организации осуществляется в рамках иной деятельности в соответствии с уголовным законодательством.

В контексте вышесказанного принцип состязательности и равноправия сторон, характерный для гражданско-правовых споров, не может применяться в полном объеме из-за отсутствия спора между равноправными сторонами в указанном случае. Вместо этого используется особый порядок судебного разбирательства, в рамках которого суд изучает представленные доказательства, дает оценку являются ли материалы экстремистскими или нет, и выносит решение в интересах общественной безопасности государства.

Исходя из этого, утверждения заявителя не могут рассматриваться как аргументы правового характера, ставящие под сомнение конституционность оспариваемой нормы. Соответственно, Конституционный суд не нашел оснований для отмены определения коллегии судей от 26 декабря 2024 года.

На основании вышеизложенного, руководствуясь пунктом 3 части 3 и частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПО С Т А Н О В Л Я Е Т:

1. Оставить без удовлетворения жалобу Мадинова Орозобека Капарбековича об отмене определения коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 26 декабря 2024 года.

2. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента его подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**о разьяснении Решения Конституционного суда
Кыргызской Республики от 3 мая 2023 года в связи с обращением
Жолдошовой Артыгул Шакирбаевны**

№ 08-П

11 июня 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Дуйшеева К.А., Жолдошовой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Толобалдиеве М.Э., руководствуясь подпунктом 6 пункта 104, пунктом 110-1 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденного постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 18 февраля 2022 года №2, рассмотрев в судебном заседании обращение Жолдошовой А.Ш.,

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 28 января 2025 года поступило обращение Жолдошовой А.Ш. о разьяснении Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года по делу о проверке конституционности абзаца второй части 1 статьи 9 Закона Кыргызской Республики «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц», пункта 2 части 2 статьи 373 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики, пункта 2 части 2 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года) ввиду возникших проблем при его правоприменении.

Как следует из обращения заявителя и приложенных к нему материалов, в 2000 году гражданка Бакирова А.А. и члены ее семьи Абдылдаев Т.Т., Абдылдаев М.Т., Абдылдаева С.Т., Абдылдаева С.Т. получили у Кенжебаева Т.А., супруга Жолдошовой А.Ш. заемные средства в размере 2400 долларов США сроком на 6 месяцев, с ежемесячной выплатой начисленных процентов в сумме 250 долларов США, о чем был заключен договор. Залоговым обеспечением по указанному займу выступал жилой дом, принадлежащий на праве частной собственности заемщикам.

В 2001 году, в связи с неисполнением заемщиками условий договора Кенжебаев Т.А. обратился в суд с иском о взыскании долга. Решением Ленинского районного суда от 5 декабря 2001 года иск был удовлетворен, и с ответчиков солидарно взыскана сумма задолженности в размере 133 629 сомов. Впоследствии взыскание указанной суммы было обращено на заложенное

имущество — жилой дом, который был выставлен на публичные торги. Поскольку имущество не было реализовано на торгах, в 2002 году оно было передано протоколом Подразделения службы судебных исполнителей (далее — ПССИ) Кенжебаеву Т.А. в счет погашения долга.

Не согласившись с этим, в 2008 году ответчики подали в суд исковое заявление о признании недействительным вышеотмеченного протокола ПССИ, иск был удовлетворен судом.

С учетом изложенного и факта неисполнения ответчиками решения Ленинского районного суда с 2001 года в добровольном порядке, Кенжебаев Т.А. подал заявление в суд об индексации присужденной суммы в связи с течением времени и инфляционными изменениями. В рамках этого дела, в 2008 году судом была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза, согласно которой эксперт заключил, что денежная сумма в размере 133 629 сом в результате индексации составила 2 813 640 сомов. Определением суда указанная сумма была взыскана с ответчиков. Апелляционным судом отмеченное определение было оставлено в силе. Однако Верховным судом Кыргызской Республики указанные акты были отменены в 2009 году.

В связи с этим Кенжебаев Т.А. в 2011 году вновь обратился в суд с заявлением о проведении индексации присужденных ему денежных сумм. По делу была назначена и проведена повторная судебно-бухгалтерская экспертиза. Согласно заключению эксперта Чынгышева К.К. от 3 октября 2011 года, сумма в размере 133 629 сомов, присужденная в 2001 году, с учетом индексации за период до 2011 года составила 3 000 867 сомов. Также, решением суда указанная сумма взыскана с ответчиков, апелляционным судом оно оставлено в силе. При этом Верховный суд отменил это решение о взыскании указанной суммы и направил на новое рассмотрение. Ввиду чего в 2013 году была назначена очередная экспертиза, которую вновь провел эксперт Чынгышев К.К. Однако он в заключении от 2 ноября 2013 года, в противоречии предыдущему своему выводу, указал, что сумма индексации составляет 303 992 сома.

В последующем по заявлению Кенжебаева Т.А. была проведена еще одна экспертиза, где экспертом Дуйшеналиевым Э. установлена сумма индексации в размере 149 089,87 сомов, которая решением Ленинского районного суда от 23 марта 2016 года была взыскана с ответчиков. Однако постановлением Верховного суда данное решение также было отменено и направлено на новое рассмотрение.

При новом рассмотрении вновь назначена бухгалтерская экспертиза, согласно которой эксперт Молдосанов Н.Ж. 14 мая 2019 года в своем заключении указал, что денежная сумма в результате индексации составила 159 285 сомов. Эта сумма определением Ленинского районного суда от 21 мая 2019 года взыскана в пользу Кенжебаева Т.А.

Не согласившись с заключением судебно-бухгалтерской экспертизы, Кенжебаев Т.А. обратился в правоохранительные органы с заявлением о привлечении к ответственности экспертов Чынгышева К.К. и Молдосанова Н.Ж. за задачу заведомо ложных заключений. По данным фактам, правоохранительными органами в отношении указанных экспертов были возбуждены уголовные дела.

В рамках расследуемых уголовных дел была назначена комиссия судебно-бухгалтерская экспертиза, согласно заключению которой, денежная сумма в размере 133 629 сом, образованная в период с 2001 по 2011 года в

результате индексации, составила 10 752 056 сом. Однако, постановлениями следователя уголовные дела в отношении указанных экспертов были прекращены в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Учитывая, что отмеченные постановления следователя о прекращении уголовного дела вынесены по нереабилитирующим основаниям, Кенжебаев Т.А. обратился в суд в порядке гражданского судопроизводства с заявлением о пересмотре определения Ленинского районного суда от 21 мая 2019 года по вновь открывшимся обстоятельствам.

Однако, как отмечено в обращении, суд в пересмотре отказал, сославшись на Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года, которым пункт 2 части 2 статьи 373 Гражданско-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее-ГПК) был признан противоречащим Конституции в части, содержащей слова «прокурора, следователя». В связи с этим и руководствуясь частью 2 статьи 15 ГПК, суд указал, что он не вправе применять нормы, признанные противоречащими Конституции, что исключило возможность использования постановления следователя о прекращении уголовного дела в качестве основания для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку таким основанием может быть только судебный акт.

Одновременно, как отмечает заявитель, в рамках уголовного дела им были обжалованы постановления о прекращении уголовных дел в отношении экспертов Чынгышева К.К. и Молдосанова Н.Ж., вынесенные следователем. Жалобы заявителя были отклонены определениями следственного судьи, однако впоследствии апелляционная инстанция удовлетворила эти жалобы, признав постановления следователя незаконными и необоснованными.

После этого прокуратурой уголовные дела были возвращены на дополнительное расследование, но 4 сентября 2024 года они были вновь прекращены в связи с истечением сроков давности. Повторные жалобы заявителя на данные действия также были оставлены без удовлетворения определением следственного судьи от 16 сентября 2024 года.

Заявитель поясняет, что их требования о передаче уголовных дел в суд не были удовлетворены, поскольку следственные органы и прокуратура ссылаются на невозможность игнорировать действующие императивные нормы УПК до внесения изменений в законодательство во исполнение Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года. В частности, в пункте части 1 статьи 27 УПК прямо указано, что уголовное дело подлежит прекращению по истечении сроков давности, если обвиняемый не возражает против прекращения дела. В данном случае, как отмечает заявитель, эксперты Чынгышев К.К. и Молдосанов Н.Ж. не возражали против прекращения дел, а Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года, касающееся применения данной нормы, до настоящего времени не реализовано. В связи с этим, по мнению следственных органов и прокуратуры, правовые основания для передачи уголовных дел в суд отсутствовали.

В то же время, учитывая наличие акта следственного судьи от 16 сентября 2024 года, подтвердившего законность постановления следователя, заявители в порядке гражданского судопроизводства повторно обратились с заявлением о пересмотре определения Ленинского районного суда от 21 мая 2019 года по вновь открывшимся обстоятельствам.

В этой связи Жолдошева А.Ш. во избежание возможного очередного отказа, учитывая сложившуюся ситуацию и возникшие проблемы в правоприменении, просит дать разъяснение Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года.

Заявитель, в частности, поднимает вопрос о допустимости рассмотрения судебного акта следственного судьи, вынесенного в рамках досудебного производства по жалобе на постановление следователя о прекращении уголовного дела, в качестве основания, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК, то есть, как основания для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Кроме того, заявитель указывает на существующее, по ее мнению, различие в правоприменении отмеченного выше Решения Конституционного суда. Иначе говоря, в то время как суды руководствуются данным Решением до внесения соответствующих изменений в законодательство, органы прокуратуры и следствия продолжают применять действующие нормы УПК. Такая правовая неопределенность, как утверждает заявитель, создает тупиковую ситуацию, препятствующую защите ее прав.

Также, как указывается в обращении, заявитель ставит вопрос о том, кто несет ответственность за несвоевременное исполнение решений Конституционного суда, что, по ее мнению, приводит к ограничению конституционных прав, в частности - права на судебную защиту. Подобные пробелы в правовом регулировании, как указывает заявитель, влекут за собой существенные материальные и эмоциональные затраты, негативно влияющие на здоровье и общее состояние потерпевших.

Конституционный суд, обсудив обращение Жолдошовой А.Ш., исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В своем Решении от 3 мая 2023 года Конституционный суд рассмотрел три отдельных обращения, касающихся различных норм законодательства, в рамках одного объединенного производства. Предметом рассмотрения стали абзац второй части 1 статьи 9 Закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц», пункт 2 части 2 статьи 373 ГПК и пункт 2 части 2 статьи 268 Административно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Так, оспариваемые нормы касались условий освобождения страховщика от выплаты страховой суммы по обязательному государственному страхованию в случае, если страховой случай наступил вследствие совершения застрахованным лицом деяния, признанного общественно опасным во внесудебном порядке; возможности пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам на основании актов прокурора или следователя, содержащих сведения о заведомо ложных показаниях, заключениях эксперта или подложности доказательств; а также ограничения пересмотра судебных актов в административном судопроизводстве исключительно на основании вступившего в законную силу приговора суда.

Объединение указанных обращений в одно конституционное судопроизводство было обусловлено тем, что в основе всех трех обращений лежит конституционно-правовое значение содержания, действия и влияния

презумпции невиновности на взаимосвязанные правовые ситуации, требующие юридического разрешения.

Но, несмотря на это, каждое из отмеченных нормативных положений рассматривалось Конституционным судом отдельно — с учетом самостоятельного правового предмета, различий в сфере регулирования и характера затрагиваемых правоотношений. По результатам рассмотрения по каждому из обращений были сформулированы отдельные выводы, отражающие специфику соответствующих нормативных положений, подлежащих приведению в соответствие с Конституцией в установленном законодательством порядке.

Однако Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года до настоящего времени не реализовано. Отсутствие надлежащих изменений в действующем законодательстве породило правовую неопределенность и вызвало затруднения в его практическом применении.

Как показал анализ поступившего в Конституционный суд обращения, указанная неопределенность повлекла различное понимание и толкование положений Решения судами, органами прокуратуры и другими правоприменителями. Это негативно сказалось на правоприменительной практике и непосредственно отразилось на правах и законных интересах граждан, вызвав затруднения при рассмотрении конкретных дел, в том числе дела, приведенного заявителем в обращении.

Так, Жолдошева А.Ш., не являвшаяся стороной по делу, по которому было вынесено Решение Конституционного суда от 3 мая 2023 года, оказалась в аналогичной правовой ситуации. В рамках рассмотрения ее гражданского дела возник вопрос о допустимости пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам на основании процессуального документа следователя, содержащего сведения о заведомо ложном заключении эксперта. Разнотечения в правовом понимании и применении положений Решения Конституционного суда оказали прямое влияние на ход рассмотрения ее дела.

В соответствии с пунктом 110-1 главы 11 Регламента, утвержденного постановлением Конституционного суда от 18 февраля 2022 года № 2-П, решения Конституционного суда могут быть официально разъяснены самим судом в случае возникновения проблем в правоприменении.

С учетом выявленных коллизий, затрагивающих реализацию конституционного права на судебную защиту, а также отсутствия единого понимания и применения положений Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года со стороны правоприменительных и законотворческих органов, что, в том числе, затруднило выработку необходимых изменений в законодательство, Конституционный суд считает обоснованным дать официальное разъяснение отдельных правовых позиций, направленное на устранение сложившейся неопределенности и обеспечение единообразного подхода при их применении.

2. В этой связи Конституционный суд считает целесообразным обратить внимание на основные выводы, содержащиеся в указанном Решении, которые имеют определяющее значение для понимания его правовой природы и правильного применения.

Прежде всего, в Решении акцент сделан на том, что установление виновности лица в совершении преступления отнесено исключительно к

компетенции суда. Как указано в правовой позиции Конституционного суда, в силу своего высокого предназначения суд является носителем особой власти и единственным органом, который правомочен от имени государства прийти к вердикту о виновности лица в совершении преступления, закрепив его вступившим в законную силу приговором. Эта функция ни при каких обстоятельствах не может быть возложена на какой-либо иной государственный орган.

Следует подчеркнуть, что в центре данной правовой позиции находится запрет на установление виновности лица в совершении преступления на основании внесудебных актов (постановление следователя и прокурора), поскольку именно такой подход нарушает требования правовой определенности и принцип презумпции невиновности. Как следствие, любые юридически значимые последствия, включая возникновение или прекращение материальных прав и обязанностей, допустимы лишь при условии, что факт виновности установлен вступившим в законную силу приговором суда.

Указанный вывод получил конкретное развитие в контексте конституционно-правовой оценки положений абзаца второй части 1 статьи 9 Закона «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных, призванных на учебные и специальные сборы, и приравненных к ним лиц». Конституционный суд признал недопустимым освобождение страховщика от выплаты страховой суммы по обязательному государственному страхованию в случае, если общественная опасность деяния застрахованного лица установлена не вступившим в силу приговором суда, а на основании внесудебных актов следователя или прокурора, либо в связи с совершением деяния по неосторожности. Такой подход противоречит конституционному принципу презумпции невиновности и создает правовую неопределенность, нарушая требования частей 1 и 2 статьи 57 Конституции.

Аналогичная правовая позиция применима и к вопросу пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в части недопустимости использования внесудебных актов как оснований для возобновления производства по делу. Конституционный суд подчеркнул, что основания, предусмотренные пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК, могут реализовываться только при наличии судебного акта, обладающего преюдициальной силой. Решения органов предварительного расследования (следователя, прокурора) не могут по своей правовой природе обладать такой силой, тем самым выводы следователя и прокурора относительно виновности лица, в отношении которого закончено следствие, не имеют обязательной силы для суда.

Преюдиция, как отмечено в Решении Конституционного суда от 3 мая 2023 года, означает, что установленные судом факты обязательны для других видов судопроизводств и не подлежат повторной оценке. Такая правовая конструкция обеспечивает правовую определенность и устойчивость судебной практики, возможно только на основании судебного акта, прошедшего полноценную правовую процедуру рассмотрения в установленном законом порядке. Соответственно, внесудебные акты, в том числе постановления о прекращении дела по нереабилитирующим основаниям, не могут быть источником преюдициально установленных фактов и не подменяют собой судебное решение.

Таким образом, изложенные в указанном Решении правовые позиции однозначно разграничивают юридическую природу судебных актов и актов органов уголовного преследования. Конституционный суд последовательно указывает, что исключительно вступивший в законную силу судебный акт обладает свойствами неопровержимости, исключительности, обязательности, преюдициальности, исполнимости и неизменности. Эти свойства обеспечивают правовую определенность и устойчивость судебной практики и могут быть источником юридических последствий лишь при условии, что факт установлен в рамках надлежащей судебной процедуры.

Следовательно, применение положений пункта 2 части 2 статьи 373 ГПК предполагает наличие судебного акта, прошедшего процедуру всестороннего, полного и объективного рассмотрения, который в силу своей природы может быть признан обладающим преюдициальной силой. Использование иных, не обладающих таким статусом документов, влечет риск произвольного вмешательства в сферу судебной власти и подрывает доверие к правосудию как гаранту принципов правового государства, защиты прав и свобод человека и гражданина.

3. Учитывая изложенное Конституционный суд пришел к выводу о том, что в уголовно-правовом законодательстве необходимо предусмотреть правовые механизмы, которые будут содержать запрет на прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а также возможность возобновления уже прекращенного дела по инициативе заинтересованных лиц в придании преюдициальности юридическим фактам, содержащимся в деле.

Из сформулированной правовой позиции следует, что прекращение уголовного дела за истечением срока давности уголовного преследования недопустимо в тех случаях, когда расследуются деяния, связанные с дачей заведомо ложных показаний свидетелем или специалистом, представлением заведомо ложного заключения эксперта, осуществлением заведомо неправильного перевода, а также подлогом документов или вещественных доказательств, — если такие действия повлекли вынесение незаконного или необоснованного судебного акта в ином судопроизводстве.

В связи с этим следователь, прокурор и суд не вправе прекращать уголовное дело по указанным категориям дел на основании истечения срока давности. Такие дела подлежат доведению до судебного разбирательства по существу с вынесением приговора, который может иметь преюдициальное значение для других судопроизводств.

Вместе с тем, в случаях, когда для разрешения вопроса о выплате либо отказе в выплате страховой суммы по законодательству об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих и военнообязанных необходимо установить, что страховой случай наступил вследствие совершения застрахованным лицом деяния, признанного в установленном порядке общественно опасным, — такое установление может быть осуществлено исключительно на основании вступившего в законную силу приговора суда. Соответственно, органы предварительного расследования обязаны направить уголовное дело в суд для его рассмотрения по существу, даже в случае смерти застрахованного лица.

Однако, если, несмотря на установленный запрет, уголовное дело по указанным выше основаниям было прекращено в силу различных причин, оно подлежит возобновлению по мотивированному заявлению лица, заинтересованного в доведении дела до судебного рассмотрения по существу и постановлении судебного приговора. В заявлении должны быть приведены обоснования и подтверждения того, что наличие судебного приговора необходимо для разрешения иного дела в другом судопроизводстве, а также указана существенная взаимосвязь между ними.

При этом, в зависимости от стадии, на которой было прекращено уголовное дело, заявление подается в орган или суд, принявший соответствующее решение. В случае, если законность прекращения дела была подтверждена судебным актом следственного судьи, заявление подается в суд в порядке, установленном уголовно-процессуальным законодательством.

4. Относительно вопроса заявителя - может ли судебный акт следственного судьи, вынесенный по жалобе о проверке законности и обоснованности постановления следователя о прекращении уголовного дела в досудебном производстве, рассматриваться в качестве основания, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК, то есть служить основанием для возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам, Конституционный суд отмечает следующее.

В своем Решении от 14 июня 2023 года орган конституционного контроля указал, что судебная власть, реализуемая как через отправление правосудия, так и посредством судебного контроля, выражается в форме судебного акта, который с момента вступления в законную силу приобретает свойства неопровержимости, исключительности, обязательности, преюдициальности, исполнимости и остается неизменным. Одним из проявлений законной силы судебного решения является его преюдициальность в отношении установленных им обстоятельств и осуществленной правовой оценки, что направлено на обеспечение его общеобязательности, преемственности и правовой стабильности.

Вместе с тем, в ряде других решений Конституционный суд раскрывал особенности судебных актов, выносимых следственным судьей. Такие акты, принимаемые в порядке осуществления судебного контроля, не направлены на установление виновности или невиновности лица, в отношении которого было прекращено уголовное дело. Их основной задачей является исключительно проверка законности и обоснованности действий или решений следователя в досудебном производстве, без рассмотрения вопроса по существу обвинения (решения от 17 февраля 2021 года, 21 сентября 2021 года, 15 июня 2022 года).

Это означает, что юридические свойства каждого судебного акта зависят от его содержания и процессуального значения. Не каждый судебный акт обладает преюдициальной силой в смысле, необходимом для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

В связи с чем Конституционный суд подчеркивает, что основания для пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам предполагают наличие судебного акта, вынесенного в рамках разбирательства по существу дела. В то время как акт следственного судьи лишь констатирует процессуальные аспекты законности дела, включая его прекращения, он не

разрешает спор о праве, не содержит выводов о фактических обстоятельствах, подлежащих обязательному принятию другим судом, и не формирует правовую определенность в смысле приговора или иного судебного решения по существу.

Таким образом, Конституционный суд приходит к выводу, что судебный акт следственного судьи, вынесенный в рамках досудебного производства, не обладает преюдициальной силой в необходимом объеме и, следовательно, не может быть признан надлежащим основанием для пересмотра судебного решения по вновь открывшимся обстоятельствам, предусмотренным пунктом 2 части 2 статьи 373 ГПК.

5. Конституционный суд, выступая единственным органом, уполномоченным на выявление подлинного смысла норм Конституции посредством их правовой интерпретации, в своих решениях последовательно раскрывает суть и природу того или иного правового регулирования. Выявляя конституционный смысл норм материального и процессуального права, устраняя неопределенность в их понимании, Конституционный суд формирует единство правового пространства и обеспечивает верховенство Конституции в правотворчестве и правоприменении.

Ключевым индикатором состояния конституционной законности в стране является качество правоприменения. Применение неконституционных нормативных правовых актов, игнорирование Конституции и решений органа конституционного контроля нарушает конституционный правопорядок, подрывает гарантии правового и справедливого общества, лишает человека действенной защиты его прав и свобод. Именно поэтому первостепенное значение имеет соблюдение в ходе правоприменения конституционных требований во всей их полноте, включая точное следование правовым позициям Конституционного суда, а также выполнение иных установок, содержащихся в его решениях, обращенных к правоприменителю.

Положения о правах и свободах человека и гражданина, содержащиеся в Конституции, а также учредительные, регулятивные, охранительные и иные конституционные установления обретают в актах Конституционного суда детальную конкретизацию и ясность с точки зрения изначального их замысла, заложенного в Основном Законе. Благодаря этому решения органа конституционного контроля становятся ориентиром для законодателя и правоприменителей, направляя их деятельность на достижение целей, основанных на конституционных ценностях и принципах.

В этой связи осуществление конституционного правосудия занимает особое место среди функций государственных институтов, поскольку именно оно придает государственной власти конституционно-выверенный, системный, правовой и предсказуемый характер. Такая реализация функции конституционного контроля осуществляется, прежде всего, через признание неконституционными нормативных правовых актов, что обеспечивает прямое действие Конституции и устранение правовых норм, противоречащих ее положениям (решения от 15 января 2014 года, 24 сентября 2014 года, 30 ноября 2022 года, 18 января 2023 года, 19 апреля 2023 года).

Подобное юридическое последствие означает, что признанные неконституционными нормы утрачивают свою юридическую силу на всей

территории Кыргызской Республики с момента вынесения Конституционным судом соответствующего решения. Иными словами, такие решения обладают высшей юридической силой, соизмеримой с юридической силой самой Конституции, поскольку принимаются от ее имени и направлены на обеспечение ее верховенства в правовой системе страны. Они подлежат обязательному и неукоснительному исполнению всеми субъектами права — судами, органами дознания и следствия, прокуратурой, адвокатурой и иными государственными органами — вне зависимости от того, внесены ли соответствующие изменения в действующее законодательство. Любое отступление от правовых позиций Конституционного суда либо их альтернативное толкование недопустимы.

Эти правовые позиции выполняют функцию устранения пробелов, неопределенностей и коллизий в нормативном регулировании, а также направлены на преодоление ошибок и отклонений в правоприменительной практике. Точнее, они подлежат прямому применению как нормы действующего права.

Так, в соответствии со статьей 97 Конституции и частью 3 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», установление Конституционным судом неконституционности законов и иных нормативных правовых актов или их положений отменяет их действие на территории Кыргызской Республики, а также отменяет действие других нормативных правовых актов, основанных на законах или их положениях, признанных неконституционным. До приведения их в соответствие или отмены непосредственно применяются Конституция и решения Конституционного суда.

Следовательно, отсутствие формального внесения изменений в УПК, ГПК не освобождает правоприменителей от обязанности строго следовать правовым позициям Конституционного суда, изложенным в его Решении от 3 мая 2023 года. Игнорирование таких позиций нарушает принцип единообразия правоприменительной практики, подрывает доверие к правосудию и нарушает принцип верховенства и прямого действия Конституции.

Таким образом, правовые позиции, выраженные Конституционным судом Кыргызской Республики в Решении от 3 мая 2023 года, представляют собой не только юридически обязательные установки для правоприменительной практики, но и системообразующий фактор укрепления конституционного правопорядка.

Следует особо подчеркнуть, что правовые позиции Конституционного суда не ограничиваются исключительно рамками конкретного дела, по которому принято решение. Их действие распространяется не только на те обстоятельства и юридические коллизии, которые легли в основу соответствующего обращения, но и на все аналогичные по существу правоотношения, независимо от времени их возникновения и круга участников. Такая природа правовых позиций обусловлена публично - правовым характером конституционного судопроизводства и особым местом Конституционного суда в системе органов государственной власти.

Именно благодаря такой универсальной юридической природе правовых позиций, Конституционный суд обеспечивает стабильность и предсказуемость правовой системы, устраняет фрагментарность в понимании конституционных норм и формирует целостную доктрину их применения. Тем самым достигается не только защита конкретных прав и свобод, но и утверждение общего стандарта конституционного правопорядка, обязательного для всех субъектов правоприменения.

На основании вышеизложенного, руководствуясь статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», подпунктом 6 пункта 104, пунктом 110-1 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики, Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Разъяснить, что Решение Конституционного суда Кыргызской Республики от 3 мая 2023 года подлежит обязательному и непосредственному (прямому) применению в качестве источника действующего права.

2. Не подлежат применению нормы уголовно-процессуального законодательства, допускающие прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, а прекращенное дело подлежит возобновлению, если его итоги имеют юридическое значение для другого дела в ином судопроизводстве, в том числе в качестве основания для пересмотра дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

3. Настоящее Постановление, как содержащее официальное разъяснение Решения Конституционного суда от 3 мая 2023 года, с момента подписания становится неотъемлемой его частью.

4. Постановление окончательное, обжалованию не подлежит, обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, юридических и физических лиц, подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее Постановление в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**О внесении изменения в Положение об аппарате Конституционного
суда Кыргызской Республики, утвержденное постановлением
Конституционного суда Кыргызской Республики
от 28 ноября 2023 года № 16-П**

№ 09-П

19 сентября 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики, руководствуясь частью 2 статьи 4 Конституционного закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», а также подпунктом 2 пункта 1 главы 5 Плана мероприятий по реализации Государственной стратегии по противодействию коррупции в Кыргызской Республике на 2025-2030 годы, утвержденного Указом Президента Кыргызской Республики от 5 июня 2024 года № 137,

ПОСТАНОВИЛ:

1 Внести в Положение об аппарате Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденное постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 28 ноября 2023 года № 16-П, следующее изменение:

- в подпункте 2 пункта 14 после слов «осуществление его функций» дополнить словами следующего содержания:

«, за непринятие мер по предотвращению конфликта интересов, а также за организацию и обеспечение функционирования внутренней системы предупреждения коррупции;».

2. Настоящее постановление вступает в силу со дня его принятия.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан»
на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской
Республики от 19 сентября 2025 года**

№ 10-П

16 декабря 2025 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева КА., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева ЖА. при секретаре Мырзакановой Б.К., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан» на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 сентября 2025 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Исмаиловой Т.А., выслушав информацию судьи-докладчика Жолдошевой Л.Ч., Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 19 августа 2025 года поступило обращение Общественного объединения «Бир Дуйно Кыргызстан» о проверке соответствия порядка принятия Постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики «О мерах по реализации Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» от 27 августа года №518 (далее - Постановление), а также пунктов 36-40 Положения о порядке ведения Реестра некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного представителя, и проведения проверки их деятельности (далее - Положение) части 2, 3 статьи 23, части 2 статьи 24, статье 36, части 4 статьи 37, пункту 11 части 1 статьи 91, абзацу 2 статьи 105 Конституции Кыргызской Республики.

В обращении указывается, что оспариваемое Постановление принято без проведения обязательного общественного обсуждения, что лишило некоммерческие организации права участвовать в принятии решений республиканского значения.

Заявитель полагает, что Постановление нарушает его конституционные права, так как наделяет органы исполнительной власти полномочиями, выходящими за пределы статьи 17-1 Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях», и, соответственно, нарушает принцип

правовой определенности и положения статьи 22 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее - МПГПП), гарантирующие свободу ассоциаций.

Отмеченное Постановление по указанным выше основаниям было оспорено заявителем в судах общей юрисдикции. Решением суда первой инстанции в удовлетворении административного иска было отказано, апелляционная инстанция оставила его без изменения, а кассационная инстанция оставила состоявшиеся судебные акты нижестоящих судов в силе.

Автор обращения отмечает, что в Кыргызской Республике равенство всех перед законом и судом невозможно обеспечить при существовании норм, допускающих неоднозначное толкование и различное применение.

В подтверждение своей позиции заявитель ссылается на Замечания общего порядка №34 (статья 19 МПГПП) и № 37 (статья 21 МПГПП) Комитета по правам человека ООН, согласно которым ограничения прав человека должны быть четко сформулированы, предсказуемы и не должны наделять органы власти неограниченными дискреционными полномочиями. Эти подходы применимы и к регулированию свободы ассоциаций по статье 22 МПГПП.

Из указанных норм следует, что контрольно-надзорные процедуры, осуществляемые государственными органами, должны соответствовать конституционным критериям законности, правовой определенности, правомерной цели и пропорциональности. Требования к проверяемым субъектам должны быть допустимы лишь постольку, поскольку они необходимы для достижения законной цели и не вмешиваются в их текущую деятельность сверх необходимого. В частности, истребуемые документы должны быть связаны с предметом проверки, не дублировать ранее предоставленные документы и не находиться в открытом доступе. Запрещается требовать документы, которые организация не обязана иметь по закону, или создавать новые документы по требованию проверяющего органа. Сроки исполнения должны быть разумными и нормативно закрепленными, исключая произвольное их сокращение.

Пункты 36-40 Положения, по мнению заявителя, не соответствуют отмеченным требованиям, они допускают неограниченное количество проверок одной организации по любым сообщениям, в том числе анонимным, позволяют устанавливать чрезмерно короткие сроки для исполнения требований и допускают повторное истребование ранее предоставленных или общедоступных документов.

Заявитель также считает, что Кабинет Министров неправомерно расширил полномочия органов прокуратуры. Так, абзац четвертый пункта 37 Положения предусматривает направление в прокуратуру вопросов, связанных с участием некоммерческих организаций в политической деятельности, для дачи заключения.

Согласно статье 105 Конституции, органы прокуратуры осуществляют уголовное преследование, участвуют в судебных разбирательствах, надзирают за исполнением судебных решений и выполняют иные полномочия, установленные конституционным законом. Пункт 1 части 2 статьи 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» ограничивает предмет прокурорского надзора за соблюдением законов

государственными органами и юридическими лицами, получающими государственное или местное финансирование. Некоммерческие организации, не получающие такого финансирования, соответственно, не относятся к объектам прокурорского надзора. Часть 2 статьи 3 указанного закона прямо запрещает возложение на прокуратуру функций, не предусмотренных законодательством.

Поскольку прокуратура является органом государственной власти со специальным статусом, Кабинет Министров Кыргызской Республики не может наделять его новыми полномочиями, включая консультативные.

Заявитель также отмечает, что Постановление, будучи подзаконным нормативным актом, ограничивает права граждан и организаций, что противоречит части 3 статьи 23 Конституции.

С учетом изложенного, заявитель просил признать оспариваемые нормы противоречащими Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда от 19 сентября 2024 года было отказано в принятии к производству обращения Общественного объединения «Бир Дуйно - Кыргызстан».

В данном определении относительно доводов заявителя о том, что Постановление было принято без обязательного общественного обсуждения отмечено, что согласно имеющейся правовой позиции Конституционного суда, выраженной в его Постановлении от 19 февраля 2025 года, Конституционный суд, рассматривая дела о проверке конституционности законов и иных нормативных правовых актов, наряду с проверкой содержательной части нормативного правового акта или его элемента, осуществляет формальный контроль, включающий в себя проверку правомочности нормотворческого органа, соблюдения им конституционных и законодательных требований к порядку принятия и введения в действие оспариваемого нормативного правового акта.

Формальный контроль осуществляется в рамках материального контроля, то есть при рассмотрении конституционности содержания нормативного правового акта или его отдельных положений, что означает, что Конституционный суд не проверяет процесс принятия нормативного правового акта отдельно сам по себе. Он оценивает его лишь как часть общего анализа конституционности оспариваемого акта, принятого в конституционное производство.

Коллегия судей также посчитала, что мнение заявителя относительно расширения Кабинетом Министров полномочий органов прокуратуры является необоснованным.

В соответствии с функциональным предназначением прокуратуры, указанным в статье 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», прокуратура является государственным органом, призванным обеспечивать верховенство закона, единство и укрепление законности, а также защиту охраняемых законом интересов личности, общества и государства.

Учитывая особое место, занимаемое прокуратурой в системе государственных органов, ее обособленность в механизме разделения властей, Конституция, законы и иные нормативные правовые акты возложили

на нее надзорные функции; представительство интересов государства и гражданина в установленных законом случаях; функции государственного обвинителя; осуществление уголовного преследования должностных лиц государственных органов; а также осуществление иных полномочий, предусмотренных конституционным Законом «О прокуратуре Кыргызской Республики» и иными нормативными правовыми актами Кыргызской Республики.

Данные полномочия органы прокуратуры осуществляют независимо от органов государственной власти, органов местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих организаций и в строгом соответствии с Конституцией, нормативными правовыми актами и вступившими в установленном законом порядке в силу международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика (статья 3 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики»).

Учитывая правовую конструкцию статьи 105 Конституции, содержащую отсылку об определении полномочий прокуратуры специальным конституционным законом, пункт 8 части 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» предусматривает выполнение ею и иных функций, предусмотренных иными нормативными правовыми актами. Оспариваемые положения носят нормативный характер и предусматривают публично-правовой порядок реагирования уполномоченных государственных органов на нарушения, допущенные со стороны некоммерческих организаций.

В частности, абзац 4 пункта 37 Положения предусматривает направление в органы прокуратуры информации, связанной с оценкой соответствия деятельности некоммерческих организаций при их участии в политической деятельности собственным уставным целям, а также соблюдением иных требований законодательства Кыргызской Республики, для дачи заключения.

Указанное регулирование, предусмотренное нормативным правовым актом, устанавливает обязанность прокуратуры дать правовую оценку представленной информации в рамках обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты охраняемых законом интересов личности, общества и государства, что соответствует статье 2 конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики».

На основании указанных выше выводов коллегия судей не нашла неопределенности в вопросе о том - соответствуют ли оспариваемые нормы требованиям Конституции, что, в свою очередь, явилось основанием для отказа в принятии обращения к конституционному судопроизводству.

Не согласившись с определением коллегии судей, 00 «Бир Дуйно - Кыргызстан» в лице его руководителя Исмаиловой Т.А. 27 октября 2025 года обратилось с жалобой в Конституционный суд.

Она считает отказ коллегии судей в принятии ее ходатайства к производству незаконным и необоснованным, подлежащим отмене по следующим причинам.

По мнению Исмаиловой Т.А., коллегия судей отказала в принятии ее обращения по причине несоответствия по форме и содержанию в соответствии

с требованиями статей 27 и 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», несмотря на то, что ею были приведены достаточно аргументированные доводы о наличии правовой неопределенности, что нарушает часть 10 статьи 49 обозначенного конституционного Закона.

Заявитель утверждает, что в части ходатайства о неконституционности расширения полномочий прокуратуры Кыргызской Республики, коллегия судей указала на соответствие оспариваемых Постановления и Положения статье 105 Конституции.

Тем самым, по ее мнению, коллегия судей вышла за пределы своих полномочий, фактически рассматривая дело по существу при вынесении решения об отказе в принятии ходатайства.

Также в жалобе указывается, что ссылка судей на ранее принятое Постановление Конституционного суда от 19 февраля 2025 года некорректна, поскольку оно не разрешает вопрос о конституционности отказа Кабинета Министров от проведения общественного обсуждения.

Исмаилова Т.А. особо обращает внимание на то, что коллегия судей Конституционного суда никак не высказалась относительно части ходатайства заявителя, оспаривающей нарушение конституционных и международноправовых требований правовой определенности и однозначности пунктов 36- 40 оспариваемого Положения.

С учетом изложенного, субъект обращения просит отменить определение коллегии судей от 19 сентября 2025 года и принять ее ходатайство к конституционному судопроизводству, а также рассмотреть представленную жалобу с ее участием. Помимо этого, 13 ноября 2025 года заявителем было внесено дополнительное ходатайство с просьбой обеспечить участие представителя организации при рассмотрении жалобы на определение коллегии судей от 19 сентября 2025 года.

Заявитель указывает, что принятый Закон и последующее регулирование имеет дискредитирующий характер относительно деятельности некоммерческих организаций, вводя дискриминационные требования к НКО, получающим иностранное финансирование, и, создавая режим повышенного контроля, который затрагивает в том числе деятельность 00 «Бир Дуйно - Кыргызстан». По мнению заявителя, это приводит к ограничениям в реализации гарантированных Конституцией прав на свободу объединений, выражения мнения и участия в общественной жизни, подрывает доверие к организации со стороны партнеров и доноров, усиливает риски преследования правозащитников и провоцирует кампании очернения и угрозы в их адрес.

В представленном ходатайстве содержатся ссылки на международные стандарты ООН и международную практику, в которых подчеркивается недопустимость использования законодательства о НКО как инструмента давления на правозащитные организации, а также недопустимость публичного маркирования подобных организаций как «иностранцев агентов» или иных форм дискредитации. Отмечается также влияние законодательных

нововведений на безопасность правозащитников, в том числе с учетом случаев угроз, кампаний преследования и ограничений доступа к ресурсам.

Относительно доводов о наличии правовой неопределенности Исмаилова Т.А. особо отмечает, что оспариваемое регулирование приводит к снижению уровня участия НКО в разработке государственных стратегий, вызывает отказ государственных органов от сотрудничества с правозащитными организациями, препятствует доступу к международным грантам, создает угрозу для реализации проектов, направленных на защиту прав человека. Она также акцентирует внимание на «эффекте охлаждения», когда организации и граждане воздерживаются от реализации своих прав из-за страха преследования.

В этой связи просит обеспечить возможность ее участия в заседании Конституционного суда по рассмотрению жалобы от 27 октября 2025 года на определение коллегии судей об отказе в принятии к производству обращения. Предоставить возможность заявителям изложить доводы и аргументы для реализации конституционного права граждан Кыргызской Республики на участие в общественной жизни и защиты прав человека, что будет способствовать не только реализации принципов открытости и справедливости судебного процесса, но и укреплению международного имиджа Кыргызской Республики, как демократического государства, уважающего верховенство права и свои международные обязательства в сфере прав человека.

Конституционный суд, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к следующим выводам.

Конституционным судом неоднократно подчеркивалось, что высокая степень доступности конституционного правосудия не предполагает возможность обращения в Конституционный суд по любому поводу, игнорируя принцип презумпции конституционности нормативных правовых актов. С учетом этого законодательством установлены требования к форме, содержанию и обоснованию обращения. Эти требования направлены на недопущение возбуждения конституционного производства без достаточных оснований и наличия объективно подтвержденной правовой неопределенности.

Рассматривая жалобу, Конституционный суд пересматривает определение коллегии судей строго в пределах доводов, изложенных в обращении, а также с учетом аргументов, направленных на опровержение выводов коллегии.

1. Относительно доводов заявителя о незаконности отказа коллегии судей в принятии обращения к конституционному судопроизводству, в том числе о необоснованности применения пункта 1 части 3 статьи 30 и нарушении части 10 статьи 49 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», отмечается следующее.

Оценивая указанные доводы, Конституционный суд исходит из того, что установленный указанным конституционным Законом порядок предварительного рассмотрения обращений коллегией судей придает такой стадии самостоятельный процессуальный характер. На данной стадии коллегия

судей не рассматривает дело по существу, а проверяет, соответствует ли обращение требованиям статьи 27 указанного конституционного Закона, то есть содержит ли оно аргументированные основания правовой неопределенности, необходимые для возбуждения конституционного производства.

Из содержания определения коллегии судей следует, что отказ в принятии обращения был обусловлен не формальными недостатками обращения, а выводом о том, что изложенные заявителем доводы не позволяют установить наличие объективно подтвержденной правовой неопределенности и не вызывают очевидных сомнений в конституционности оспариваемых положений. Коллегия судей прямо указала на обязанность заявителя аргументировать свои требования доводами правового характера, демонстрирующими, каким образом регулятивное воздействие оспариваемых норм затрагивают гарантированные Конституцией права и свободы человека и гражданина.

При этом отсутствие в определении коллегии судей детализированного анализа каждого довода обращения либо прямой ссылки на конкретные положения статьи 27 конституционного Закона само по себе не свидетельствует о неправильном применении пункта 1 части 3 статьи 30 указанного конституционного Закона. Данная норма предоставляет коллегии судей право дать общую оценку соответствия обращения критериям допустимости, без обязательного перечисления всех элементов предварительной проверки.

Конституционный суд также отмечает, что положения части 10 статьи 49 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» не возлагают на коллегию судей обязанность давать исчерпывающую оценку доводам обращения по существу на стадии его принятия. Требование мотивированности отказа в принятии обращения предполагает указание процессуальных оснований такого отказа, а не разрешение поставленных в обращении конституционно-правовых вопросов.

Таким образом, вывод коллегии судей о невозможности принятия обращения к конституционному судопроизводству, основанный на отсутствии очевидных сомнений в конституционности оспариваемых норм и недостаточной аргументации наличия правовой неопределенности, не выходит за пределы предоставленных ей конституционным Законом полномочий и не может рассматриваться как нарушение части 10 статьи 49 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

2. Относительно довода заявителя о некорректной ссылке коллегии судей на Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года, а также о том, что пункт 3 части 2 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», определяющий пределы разрешения дела, по мнению заявителя, не связывает формальный контроль конституционности нормативных правовых актов с материальным контролем, Конституционный суд приходит к следующему.

Коллегия судей, отказывая в принятии обращения, отвечая на довод заявителя о непроведении обязательного общественного обсуждения при

принятии оспариваемого Постановления и утвержденного им Положения, сослалась на Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года, в котором изложена правовая позиция Конституционного суда о взаимосвязи формального и материального контроля конституционности нормативных правовых актов в рамках единого процесса конституционного контроля.

Данная правовая позиция была использована коллегией судей правомерно в том смысле, что доводы, касающиеся исключительно формального контроля конституционности нормативных правовых актов по порядку их принятия, сами по себе не могли быть признаны достаточными для принятия обращения к конституционному судопроизводству при отсутствии подтверждения их обусловленности и влияния материальным аспектом оспариваемого нормативного регулирования.

Конституционный суд отмечает, что такой подход не является результатом усмотрения коллегии судей, поскольку прямо вытекает из требований статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», которая, определяя пределы разрешения дела, императивно устанавливает, что проверка конституционности нормативного правового акта осуществляется по его содержанию, форме, а также по порядку принятия, подписания, опубликования и введения в действие. Перечисленные элементы конституционного контроля образуют единый, неделимый предмет проверки и по смыслу указанной нормы не предполагают их автономного, изолированного применения вне связи друг с другом.

Смысл и назначение указанного нормативного требования были раскрыты в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 2 декабря 2020 года, в котором подчеркнуто, что формальный контроль не выступает самостоятельным способом проверки конституционности, а является необходимой частью конституционного контроля, поскольку соблюдение процедур нормотворчества служит условием законности нормативного правового акта и подлежит оценке во взаимосвязи с его содержанием и конституционно-правовыми последствиями.

В этой связи Конституционный суд исходит из того, что материальный контроль направлен на оценку содержания нормативного регулирования и его соответствия Конституции с точки зрения воздействия на конституционные права и свободы человека и гражданина. Формальный контроль, в свою очередь, ориентирован на проверку соблюдения установленных процедур нормотворчества как условия законности нормативного правового акта и приобретает конституционно-правовое значение лишь в той мере, в какой допущенные при его принятии процедурные отклонения повлияли либо могли повлиять на содержание правового регулирования и его конституционную допустимость.

Таким образом, ссылка коллегии судей на Постановление Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 февраля 2025 года отражает применение требования, установленного статьей 17 конституционного

Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», и свидетельствует о правильном понимании пределов конституционного контроля при разрешении вопроса о принятии обращения к производству.

Ввиду чего, Конституционный суд отмечает, что ссылка заявителя на пункт 3 части 2 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» как на подтверждение того, что указанная норма не связывает формальный контроль конституционности нормативных правовых актов с материальным контролем, является необоснованной. Данная норма определяет пределы разрешения дела по существу и подлежит применению в рамках конституционного судопроизводства после принятия обращения к производству, в системной взаимосвязи с иными элементами статьи 17, а не на стадии решения вопроса о допустимости обращения.

Именно поэтому на предварительной стадии коллегия судей была обязана установить, не сводятся ли доводы обращения исключительно к формальному аспекту порядка принятия нормативного правового акта либо заявителем обоснована его конституционно-правовая значимость. Доводы, не выходящие за пределы формального несогласия с процедурой нормотворчества, не опровергают презумпцию конституционности оспариваемого нормативного правового акта.

Применительно к доводу заявителя о непроведении обязательного общественного обсуждения указанная правовая позиция означает, что данный элемент процедуры принятия нормативного правового акта относится к формальным аспектам нормотворческого процесса. При этом статья 22 Закона «О нормативных правовых актах Кыргызской Республики» закрепляет общий порядок общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов, одновременно устанавливая случаи, когда такое обсуждение проводится, и случаи, когда требования о его проведении не подлежат применению. Тем самым законодатель, формируя стандарт процедуры нормотворчества, не придает общественному обсуждению безусловного и абсолютного характера, а очерчивает пределы усмотрения нормотворческого органа, реализация которого подлежит оценке с точки зрения последствий для содержания нормативного правового акта и затрагиваемых конституционных прав и свобод.

Поэтому само по себе непроведение общественного обсуждения не образует достаточного основания для признания нормативного правового акта неконституционным, если заявителем не показано, каким образом предполагаемое отклонение от процедуры трансформировалось в материально значимый дефект нормативного регулирования, затрагивающий конкретные конституционные права и свободы.

Фактически доводы заявителя в данной части сводятся к выражению несогласия с выбранной Кабинетом Министров моделью нормотворческого процесса и уровнем участия институтов гражданского общества в подготовке подзаконного регулирования. Однако подобные аргументы, затрагивающие вопросы целесообразности и качества нормотворчества, относятся к сфере публичной политики и не образуют конституционного вопроса,

подлежащего разрешению в порядке конституционного судопроизводства, при отсутствии подтвержденных обстоятельствами дела последствий применения оспариваемого нормативного правового акта, свидетельствующих о затрагивании конституционных прав и свобод.

3. Касательно довода заявителя о том, что коллегия судей, ссылаясь на статью 105 Конституции и положения конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики», вышла за пределы проверки допустимости обращения и фактически разрешила дело по существу, Конституционный суд отмечает следующее.

Как уже выше было отмечено, осуществляя указанную проверку, коллегия судей не разрешает вопрос о конституционности нормативного правового акта по существу, а оценивает доводы заявителя *prima facie* (на первый взгляд, без разрешения вопроса по существу), с точки зрения их способности поставить под сомнение конституционную допустимость оспариваемого регулирования.

Так, при разрешении данного довода Конституционный суд исходит из правовой позиции органа конституционного контроля, изложенной в своем Решении от 13 января 2014 года, согласно которой прокуратура является самостоятельным и независимым государственным органом, чей конституционный статус предопределяет осуществление возложенных на нее функций в строго определенных Конституцией и законом пределах. Он указал, что прокуратура осуществляет предоставленные ей государственно-правовые функции в рамках закона, не выходя за пределы своей компетенции, при этом формы и механизмы реализации ее полномочий могут быть конкретизированы законодательством.

Ввиду отмеченного, оспариваемые нормы Положения, предусматривающие направление в органы прокуратуры информации, связанной с участием некоммерческих организаций в политической деятельности, для дачи соответствующего заключения, сами по себе не свидетельствуют о выходе за пределы конституционно закрепленного предмета деятельности прокуратуры и не порождают очевидных сомнений в создании нового вида контроля за деятельностью некоммерческих организаций.

В свою очередь, оспариваемые нормы Положения, принятые во исполнение статьи 17-1 Закона «О некоммерческих организациях», регулируют порядок реагирования уполномоченного органа на обращения государственных органов, органов местного самоуправления и средств массовой информации и предусматривают возможность направления отдельных вопросов в компетентные органы, в том числе в органы прокуратуры, для получения заключения по вопросам соблюдения законодательства Кыргызской Республики в границах своих функциональных предназначений.

Таким образом, из содержания оспариваемого нормативного регулирования не усматривается, что установленный порядок формирует для органов прокуратуры самостоятельное полномочие по контролю за деятельностью некоммерческих организаций либо изменяет содержание

прокурорского надзора, закрепленного Конституцией и конституционным Законом «О прокуратуре Кыргызской Республики».

В этой связи обращение коллегии судей к положениям статьи 105 Конституции и конституционного Закона «О прокуратуре Кыргызской Республики» не свидетельствует о выходе за пределы стадии принятия обращения к производству, поскольку было направлено на установление того, укладываются ли оспариваемые положения в конституционно и законодательно установленную модель правового статуса и компетенции органов прокуратуры и способны ли доводы заявителя поставить под сомнение конституционную допустимость соответствующего нормативного регулирования.

4. По части довода заявителя о нарушении требований правовой определенности и однозначности пунктов 36-40 Положения.

Заявитель в данном вопросе приходит к утверждению о том, что коллегия судей не дала самостоятельной оценки аргументам о несоответствии пунктов 36-40 Положения требованиям правовой определенности и однозначности, вытекающим из Конституции и международных договоров, участницей которых является Кыргызская Республика, а также не опровергла приведенные заявителем примеры возможных неблагоприятных последствий их применения.

Между тем, как уже упоминалось, на стадии проверки допустимости обращения коллегия судей не осуществляет анализ оспариваемого нормативного правового акта по существу, поэтому не оценивает его соответствие Конституции и международным обязательствам Кыргызской Республики в аспекте возможных вариантов правоприменения.

Приведенные заявителем доводы о возможности проведения проверок на основании недостоверных сообщений, неоднократного либо одновременного проведения проверок, установления чрезмерно коротких сроков исполнения требований либо истребования документов, не относящихся к предмету проверки, касаются предположений о потенциально обременительном применении Положения и сами по себе не свидетельствуют о наличии неопределенности, противоречивости либо внутренней несогласованности нормативного содержания пунктов 36-40.

При этом пункты 36-40 Положения приняты во исполнение статьи 17-1 Закона Кыргызской Республики «О некоммерческих организациях» и не формируют самостоятельного нормативного регулирования либо новых полномочий государственных органов, а направлены на процедурную конкретизацию предусмотренного законом механизма реагирования. Такое нормативное воспроизведение и детализация не могут рассматриваться как источник правовой неопределенности.

С учетом изложенных правовых подходов доводы заявителя в данной части не содержат аргументации, позволяющей сделать вывод о том, что нормативное содержание пунктов 36-40 Положения допускает неоднозначное толкование либо не позволяют адресатам нормы предвидеть правовые последствия своего поведения, что не усматривает конституционно значимую

правовую неопределенность их нормативного содержания

Поэтому факт отсутствия в определении коллегии судей детализированного анализа каждого из приведенных заявителем гипотетических сценариев правоприменения не свидетельствует о нарушении требований конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и не может рассматриваться как основание для вывода о незаконности либо неполноте проверки допустимости обращения.

В этой связи доводы заявителя о том, что указанная часть ходатайства подлежит принятию к рассмотрению, являются необоснованными.

5. Конституционный суд относительно ходатайства заявителя об обеспечении участия представителя организации в его заседании отмечает, что в соответствии с частью 2 статьи 38 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» жалобы на определения коллегии судей об отказе или о принятии обращения к производству рассматриваются в порядке письменного процесса. Согласно пунктам 103 и 104 Регламента Конституционного суда, утвержденного Постановлением Конституционного суда 18 февраля 2022 года, письменный процесс представляет собой заседание, проводимое в отсутствие участников процесса по делам указанной категории.

В соответствии с требованиями статьи 33 конституционного Закона участниками конституционного судопроизводства считаются стороны, их представители, третьи лица, свидетели, эксперты, переводчики. Отсюда следует, что, лица подавшие жалобу не вправе присутствовать на заседаниях Конституционного суда по обозначенному вопросу.

В связи с этим требования о необходимости личного участия заявителя либо его представителя в заседании Конституционного суда не подлежат удовлетворению.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Жалобу Исмаиловой Т. А. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 19 сентября 2025 года оставить без удовлетворения.

2. Настоящее Постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**по жалобе Гушленко Константина Владимировича на определение
коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от
17 октября 2025 года**

№ 11-П

18 декабря 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой ЧА., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева КА., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева ЖА. при секретаре Самсалиевой С.Ж., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Гушленко К.В. на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 октября 2025 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Гушленко К.В., выслушав информацию судьи-докладчика Шаршеналиева Ж.А., Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 18 сентября 2025 года поступило обращение Гушленко К.В. о проверке соответствия части 1 статьи 148 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - ГПК) статье 61 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой не предоставляет право на обжалование судебных актов лицами, не привлеченными к участию в деле.

Из обращения и приложенных к нему материалов следовало, что 18 марта 2025 года на основании полученной в уполномоченном органе в сфере кадастра копии определения Ленинского районного суда города Бишкек от 15 февраля 2023 года Гушленко К.В. стало известно, что в порядке обеспечительных мер был наложен арест на объекты, в том числе и принадлежащее ему имущество.

При этом заявитель не являлся стороной по делу, не был привлечен к участию в процессе и не был уведомлен о рассмотрении вопроса об обеспечении иска.

После получения сведений о наложенном аресте он обратился в Бишкекский городской суд с частной жалобой, в которой просил отменить определение Ленинского районного суда города Бишкек в части обеспечения

иска путем наложения ареста на принадлежащее ему имущество. В обоснование жалобы он сослался на части 1 и 3 статьи 323 ГПК, устанавливающие, что судебные акты, не вступившие в законную силу, могут быть обжалованы в апелляционном порядке сторонами и другими лицами, участвующими в деле, а также лицами, не привлеченными к участию в деле, если суд принял решение в отношении их прав и обязанностей.

Суд апелляционной инстанции оставил жалобу без удовлетворения, указав, что в силу части 1 статьи 148 ПЖ обеспечение иска может быть отменено тем же судом только по заявлению лиц, участвующих в деле. Для лиц, не принимавших участия в деле, гражданское процессуальное законодательство предусматривает иной механизм защиты - рассмотрение спора по принадлежности имущества в порядке искового производства.

Суд также отметил, что доводы Гушленко К.В. о принадлежности спорного земельного участка ему на праве частной собственности не подлежат рассмотрению в апелляционном порядке.

Кассационная инстанция согласилась с данными выводами и оставила определение апелляционного суда без изменения. Таким образом, заявитель полагал, что положение части 1 статьи 148 ГПК, регулирующее порядок отмены обеспечения иска, предоставляя право на обращение с соответствующим заявлением лишь лицам, участвующим в деле, исключает возможность самостоятельного обращения собственников арестованного имущества в суд с ходатайством об отмене обеспечения иска до момента их привлечения к участию в деле. В результате обеспечительная мера продолжает действовать несмотря на то, что она наложена на имущество, не принадлежащее ответчику, а принадлежащее иному лицу, не имеющему отношения к спору.

Исходя из изложенного, Гушленко К.В. считал, что примененная судами часть 1 статьи 148 ГПК фактически лишила его конституционного права, предусмотренного статьей 40 и препятствует реализации права на судебную защиту, гарантированного частью 1 статьи 61 Конституции. В связи с этим он просил признать оспариваемую норму не соответствующей Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 октября 2025 года в принятии к производству обращения Гушленко К.В. было отказано.

В определении было отмечено, что правовой формой конституционного судопроизводства является проверка соответствия нормативных правовых актов или их структурных элементов требованиям Конституции при наличии убедительных доводов правового характера, подтверждающих сомнение в конституционности существующего правового регулирования. При этом правовая позиция заявителя должна основываться на аргументации, демонстрирующей логическую и содержательную взаимосвязь между положениями оспариваемой нормы и соответствующими конституционными установлениями, с указанием того, каким образом данное регулирование

приводит к нарушению конституционно закрепленных прав и свобод.

Однако, по мнению коллегии судей, доводы заявителя сводились к правоприменительной практике судов общей юрисдикции. Такие обстоятельства сами по себе не свидетельствовали о наличии неопределенности оспариваемой нормы, поскольку затрагивали вопросы практической реализации законодательства и судебного усмотрения при разрешении споров.

Тем не менее, коллегия судей отметила, что в процессуальном законодательстве конституционная гарантия о праве каждого на судебную защиту конкретизируется в статье 4 ГПК, в соответствии с которой заинтересованное лицо вправе требовать судебной защиты в случае нарушения его субъективных прав или законных интересов. Указанная норма носит общий характер и распространяется не только на лиц, участвующих в гражданском деле, но и на иных субъектов, чьи права и законные интересы оказались затронутыми судебными актами. Помимо этого, законодатель предусмотрел возможность защиты нарушенного права посредством самостоятельного искового производства, выступающего универсальным процессуальным средством восстановления нарушенного права.

В связи с изложенным коллегия судей пришла к выводу, что проверка правильности применения законодательства в конкретных делах относится к компетенции судов общей юрисдикции и в соответствии с конституционным Законом «О Конституционном суде Кыргызской Республики» не может стать предметом конституционного судопроизводства.

Не согласившись с определением коллегии судей, Гушленко К.В. 28 октября 2025 года обратился с жалобой в Конституционный суд.

Заявитель считает определение коллегии судей необоснованным и подлежащим отмене по следующим основаниям.

Гушленко К.В. в своей жалобе отмечает, что предметом обращения являлась не правоприменительная практика, а содержание части 1 статьи 148 ГПК, формулировка которой, по его мнению, фактически исключает возможность судебной защиты для лиц, чьи имущественные права затронуты судебным актом, но которые не привлечены к участию в деле. Приведенный в обращении пример, по утверждению заявителя, имел иллюстративный характер и служил подтверждением существующей в правоприменении проблемы.

Также автор жалобы обращает внимание на ссылку коллегии на статью ГПК, предусматривающую право заинтересованного лица на судебную защиту. Гушленко К.В. отмечает, что он, руководствуясь именно этой нормой, обращался в суд за защитой своих прав, однако его жалоба была оставлена без удовлетворения со ссылкой на часть 1 статьи 148 ГПК. Исходя из этого, заявитель пришел к выводу о противоречии оспариваемой нормы конституционным гарантиям.

Относительно ссылки коллегии судей на положения главы 13 ГПК о возможности предъявления иска об освобождении имущества от ареста, субъект жалобы полагает, что данный механизм не обеспечивает эффективной защиты

имущественных прав. Согласно его доводам, реализация указанного способа невозможна без доступа к материалам дела, в рамках которого наложен арест. Это подтверждается отказом Ленинского районного суда города Бишкека в предоставлении представителю заявителя возможности ознакомиться с делом в связи с отсутствием у него процессуального статуса участника процесса.

На основании изложенного, Гушленко К.В. просит отменить определение коллегии судей от 17 октября 2025 года и принять его ходатайство к конституционному производству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к выводу о необходимости принятия данного ходатайства к производству.

Ходатайство отвечает требованиям конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и в поставленном вопросе усматривается неопределенность, что является основанием для рассмотрения дела в рамках конституционного судопроизводства.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

ПОСТАНОВИЛ:

1. Удовлетворить жалобу Гушленко Константина Владимировича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 17 октября 2025 года.

2. Принять к производству ходатайство Гушленко Константина Владимировича о проверке соответствия части 1 статьи 148 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики статье 61 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в какой не предоставляет право на обжалование судебных актов лицами, не привлеченными к участию в деле.

3. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**О внесении изменений в Регламент Конституционного суда
Кыргызской Республики, утвержденный постановлением
Конституционного суда Кыргызской Республики
от 18 февраля 2022 года № 2-П**

№ 12-П

5 декабря 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего - Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева КА., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева ЖА. руководствуясь частью 2 статьи 4, частью 4 статьи 48 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и в соответствии с главой 14 Регламента Конституционного суда Кыргызской Республики

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Внести в Регламент Конституционного суда Кыргызской Республики, утвержденный постановлением Конституционного суда Кыргызской Республики от 18 февраля 2022 года № 02-П, следующие изменения:

- 1) в Главе 8. Подготовка и назначение дела к рассмотрению:
– абзац второй пункта 43 изложить в следующей редакции:

«Если предмет обращения связан с толкованием Конституции и разрешением спора о компетенции между ветвями государственной власти, а также с дачей заключений о конституционности не вступивших в силу для Кыргызской Республики международных договоров, к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию, о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента или запроса судьи (суда), срок подготовки дела может быть установлен более коротким с учетом общего срока рассмотрения этих категорий дел, установленный статьей 31 конституционного Закона.»;

- дополнить Главу новым пунктом 44² в следующей редакции:

«44². В процессе подготовки дела о рассмотрении проекта закона об изменениях и дополнениях в Конституцию, представленного согласно статье 116 Конституции, назначенный судья-докладчик своим определением устанавливает дату заседания Конституционного суда и осуществляет подготовку к нему»;

2) в Главе 10. Порядок рассмотрения дел в Конституционном суде:

– пункт 104 изложить в следующей редакции:

«104. Рассмотрение по письменной процедуре осуществляется по следующим категориям дел:

1) об официальном толковании Конституции;

2) о даче заключения о конституционности не вступивших в силу для Кыргызской Республики международных договоров;

3) о разрешении спора о компетенции между ветвями государственной власти;

4) о даче заключения к проекту закона об изменениях и дополнениях в Конституцию;

5) о даче заключения о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения против Президента;

6) по обращению суда (судьи), в случае возникновения вопроса о конституционности нормативного правового акта, от которого зависит решение дела;

7) о рассмотрении жалобы на определение коллегии судей об отказе или о принятии обращения к производству;

8) по пересмотру решения Конституционного суда;

9) о даче разъяснения решения, заключения Конституционного суда в виду возникновения проблем в правоприменении.»;

– пункт 106 изложить в следующей редакции:

«106. Конституционный суд при рассмотрении дел по письменной процедуре принимает во внимание сроки рассмотрения, установленные статьей 31 конституционного Закона.

При этом, по делам, предусмотренных:

- подпунктами 1-4, 6, 9 пункта 104 Регламента Конституционный суд выносит акт в течение двух месяцев со дня принятия к производству;

- подпунктом 5 пункта 104 Регламента Конституционный суд выносит акт в течение одного месяца со дня принятия к производству;

- подпунктами 7, 8 пункта 104 Регламента Конституционный суд выносит акт в сроки, предусмотренные соответственно пунктами 38, 126⁴ названного Регламента.».

2. Настоящее постановление вступает в силу со дня его принятия.

3. Опубликовать настоящее постановление на официальном сайте Конституционного суда Кыргызской Республики и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ**

**о рассмотрении жалобы Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Гусева
Валерия Евгеньевича на определение коллегии судей Конституционного
суда Кыргызской Республики
от 20 октября 2025 года**

№ 13-П

29 декабря 2025 года
город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Айдарбековой Ч.А., Бобукеевой М.Р., Дуйшеева КА., Жолдошевой Л.Ч., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева ЖА. при секретаре Ильясове Т.Т., руководствуясь частью 5 статьи 30 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в судебном заседании жалобу Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Гусева Валерия Евгеньевича на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 20 октября 2025 года.

Исследовав доводы, изложенные в жалобе, и материалы по ходатайству Алмазбекова ТА. и Гусева В.Е., выслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., Конституционный суд Кыргызской Республики

УСТАНОВИЛ:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 19 сентября 2025 года поступило обращение Алмазбеков ТА. и Гусева В.Е., о проверке соответствия части 6 статьи 370 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - ГПК) частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Как следовало из обращения, оспариваемая норма предоставляет суду кассационной инстанции возможность оставлять в силе акты нижестоящих судов, ограничиваясь согласием с их обоснованиями без самостоятельного изложения мотивов.

Субъекты обращения считают, что установленная законодателем норма фактически ограничивает право гражданина на получение ясных и обоснованных судебных решений. Такой подход, по их мнению, лишает институт кассационного обжалования его правового назначения, поскольку заявитель не получает ответа на приведенные доводы и, следовательно, лишается возможности эффективной судебной защиты. Это, по утверждению

заявителей, нарушает принцип правовой определенности и противоречит частям 1 и 2 статьи 61 Конституции, гарантирующим каждому судебную защиту его прав и свобод, а также право на восстановление нарушенных прав всеми законными способами.

Согласно обстоятельствам, изложенным в обращении, в постановлении Верховного суда Кыргызской Республики по делу Гусева В.Е. не указаны причины, по которым были отклонены доводы заявителя о нарушении процессуальных норм и ошибочности произведенных расчетов, что, по мнению заявителя, нарушило его конституционное право на обоснованное судебное решение и препятствовало реализации права на судебную защиту.

Авторы ходатайства подчеркивают, что отсутствие обязанности мотивировать решения суда кассационной инстанции ослабляет систему процессуальных гарантий, снижает уровень судебной ответственности и подрывает принципы законности и доверия к правосудию.

Кроме того, заявители указывают, что оспариваемая норма противоречит международным стандартам защиты прав человека, закрепленным в Международном пакте о гражданских и политических правах, Всеобщей декларации прав человека, а также практике Европейского суда по правам человека, в соответствии с которой мотивированность судебных решений является неотъемлемым элементом права на справедливое судебное разбирательство.

С учетом изложенного заявители просили признать оспариваемую норму противоречащей Конституции.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 20 октября 2025 года в принятии к производству обращения было отказано по следующим основаниям.

Согласно правовой позиции, выраженной органом конституционного контроля в Решении от 27 сентября 2023 года, в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод человека и гражданина реализация права на судебную защиту является основополагающим элементом, от которого зависит действительность всех иных прав и свобод, гарантированных Конституцией. Поскольку именно посредством обращения в суд обеспечивается реальное восстановление нарушенных прав, данное право обоснованно включено в перечень фундаментальных, не подлежащих ограничению конституционных прав.

Суд, как орган правосудия, призван обеспечивать в судебном разбирательстве соблюдение требований, необходимых для вынесения законного, обоснованного и справедливого решения по делу в установленные законом сроки. Законодательство, определяющее процессуальные основы гражданского судопроизводства, четко разграничивает его стадии и создает необходимые условия для структурированного, многоступенчатого и полноценного рассмотрения дел судом с участием всех сторон процесса.

В этой системе ключевое значение имеет суд первой инстанции. Строгое

соблюдение процессуальных норм на данном этапе формирует правовой фундамент для всех последующих стадий рассмотрения дела, что обеспечивает легитимность и обоснованность судебных решений. Именно на стадии судебного разбирательства в первой инстанции реализуются конституционные полномочия суда по отправлению правосудия: проводится исследование доказательств, устанавливаются юридически значимые обстоятельства и заслушиваются объяснения сторон.

Возможность обжалования судебного акта является гарантией судебного разбирательства, средством защиты от судебных ошибок и неправомерных решений нижестоящих судов, а также инструментом укрепления доверия к судебной системе.

Суд апелляционной инстанции рассматривает жалобы и представления на судебные акты, не вступившие в законную силу, проверяя их законность и обоснованность. Особенностью апелляционного производства является наличие полномочий на новое рассмотрение дела как в полном, так и в частичном объеме с соблюдением процедур первой инстанции и обеспечением принципа состязательности. Таким образом, деятельность апелляционной инстанции обеспечивает повторное и всестороннее исследование всех материалов дела, включая вопросы допустимости доказательств.

Кассационная инстанция, являясь высшим звеном в системе судов общей юрисдикции, выполняет важнейшую функцию по обеспечению законности и единообразия судебной практики. Ее деятельность направлена на проверку правильности применения норм материального и процессуального права судами первой и апелляционной инстанций, а также на устранение судебных ошибок, затрагивающих права и свободы граждан.

В то же время законодатель установил такие процессуальные пределы, которые исключают возможность злоупотребления правом на пересмотр и предотвращают превращение кассационной процедуры в повторное рассмотрение дела по существу.

В этой связи суд кассационной инстанции не вправе переоценивать доказательства или устанавливать новые обстоятельства дела. Такое нормативное регулирование направлено на обеспечение баланса между гарантией судебной защиты и принципом стабильности правосудия, а также законодатель, определяя пределы полномочий кассационной инстанции, исходил из необходимости соблюдения принципов независимости судебной власти и окончательности судебных актов.

Коллегия судей отметила, что итоговый судебный акт представляет собой не простое объединение материалов и обстоятельств дела, а результат последовательной правовой деятельности суданавсехстадияхсудопроизводства. Он включает совокупность процессуальных решений от допуска доказательств до разрешения вопросов, возникающих в ходе рассмотрения дела, каждое из которых может существенно повлиять на исход спора.

Следовательно, качество судебного решения определяется не только

полнотой установления фактических обстоятельств, но и правильностью применения процессуальных норм, обеспечивающих справедливость и законность разбирательства. Оценка этих аспектов требует всестороннего анализа итогового акта в его полном содержании, поскольку без учета процессуального контекста невозможно объективно установить влияние принятых решений на результат дела.

Такой подход обеспечивает комплексное понимание судебного акта как выражения фактической и правовой стороны рассмотрения дела и подчеркивает особую роль кассационной инстанции, которая, действуя в установленных законом пределах, обязана оценивать законность и процессуальную корректность судебного разбирательства, что служит гарантией справедливости и правовой определенности.

Учитывая вышеизложенное, многоступенчатая система судопроизводства обеспечивает всестороннюю и последовательную проверку судебных решений, направленную на выявление и устранение судебных ошибок. Именно поэтому, в случае, когда кассационная инстанция, не выявляет нарушений норм материального или процессуального права, тем самым подтверждается, что правовые и фактические выводы нижестоящих судов признаются исчерпывающими и правильными. Исходя из этого, подтверждение законности и обоснованности судебных актов судом кассационной инстанции посредством выраженного согласия с их мотивировкой в гражданском судопроизводстве не обуславливает необходимости детализированной аргументации. Такое подтверждение представляет собой завершающую форму судебного контроля и служит финальным правовым утверждением судебного акта, обеспечивая его стабильность, окончательность и предсказуемость, что, в свою очередь, укрепляет доверие к правосудию.

В связи с изложенным коллегия судей пришла к выводу, что в вопросе о правомочии кассационной инстанции оставлять в силе акты нижестоящих судов, ограничиваясь согласием с их обоснованиями без самостоятельного изложения мотивов, не усматривается неопределенность, свидетельствующая о противоречии Конституции Кыргызской Республики.

Не согласившись с определением коллегии судей, Алмазбеков Т.А. и Гусев В.Е. 3 декабря 2025 года обратились с жалобой в Конституционный суд Кыргызской Республики.

Заявители утверждают, что при подготовке и подаче обращения были соблюдены общие требования, установленные статьей 27 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики».

Алмазбеков Т.А. и Гусев В.Е. указывают, что коллегия судей, заявив об отсутствии неопределенности, свидетельствующей о противоречии оспариваемой нормы и Конституции, не провела всестороннего изучения ходатайства и фактически выразила свою позицию по существу конституционности вопроса. По их мнению, доводы, представленные в обращении, содержат четкую правовую позицию и указывают на правовую

неопределенность, а каждое оспариваемое положение было подкреплено конкретными аргументами и примерами, демонстрирующими риски противоречия Конституции, которые влияют на принятие судом кассационной инстанции законного и обоснованного решения.

Авторы жалобы повторно приводят доводы, изложенные в первоначальном обращении, считая их ясными и аргументированными, указывающими на правовую неопределенность оспариваемой нормы.

С учетом изложенного, Алмазбеков Т.А. и Гусев В.Е. просят отменить обжалуемое определение коллегии судей и принять обращение к производству.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы заявителя и основания отказа коллегии судей в принятии обращения к производству, приходит к выводу о необходимости принятия данного ходатайства к производству.

Ходатайство отвечает требованиям конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики» и в поставленном вопросе усматривается неопределенность, что является основанием для рассмотрения дела в рамках конституционного судопроизводства.

На основании вышеизложенного, руководствуясь частью 5 статьи 30, статьями 38, 48, 49, частью 1 статьи 52 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики,

ПОСТАНОВИЛ:

1. Удовлетворить жалобу Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Гусева Валерия Евгеньевича, на определение коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 20 октября 2025 года.

2. Принять к производству ходатайство Алмазбекова Тилека Алмазбековича и Гусева Валерия Евгеньевича о проверке конституционности части 6 статьи 370 Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

3. Настоящее постановление является окончательным, обжалованию не подлежит и вступает в силу с момента подписания.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

3. ЭЛ АРАЛЫК КЫЗМАТТАШТЫК, КЫРГЫЗ РЕСПУБЛИКАСЫНЫН КОНСТИТУЦИЯЛЫК СОТУНУН ӨКҮЛДӨРҮНҮН ЭЛ АРАЛЫК КОНФЕРЕНЦИЯЛАРГА ЖАНА СЕМИНАРЛАРГА КАТЫШУУСУ, ЧЫГЫП СҮЙЛӨГӨН СӨЗДӨРҮ ЖАНА ИШ ТАЖРЫЙБАСЫ МЕНЕН АЛМАШУУЛАР

3. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ И СЕМИНАРАХ, ВЫСТУПЛЕНИЯ И ОБМЕН ОПЫТОМ РАБОТЫ

**Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун
түзүлгөндүгүнүн 35 жылдыгына арналган “Жаңы демократия
өлкөлөрүндө конституциялык сот адилеттигинин калыптанышы”
темасындагы эл аралык конференция
(Кыргыз Республикасынын Ысык-Көл облусунун Бостери айылында
жайгашкан “Baytur Resort” курорттук комплексинде 2025-жылдын
17-18-июнунда өткөн)**

Иш-чаранын расмий ачылышы Кыргыз Республикасынын Президенти Садыр Нургожоевич Жапаровдун видеокайрылуусу менен башталды, анда ал туруктуу демократиялык өнүгүүнү камсыз кылууда көз карандысыз конституциялык сот адилеттигинин негизги ролун баса белгиледи.

Республикасынын Конституциялык сотунун төрагасы Эмиль Жолдошевич Осконбаев куттуктоо сөзү менен чыгып, эл аралык өнөктөштөргө катышкандыгы үчүн ыраазычылык билдирди жана азыркы чакырыктардын шартында чечимдерди биргелешип издөөнүн маанилүүлүгүн белгилеп өттү.

Конференциянын ачылышында катышуучуларга төмөнкүлөр кайрылуу жасашты:

- М.А. Сатыев, Кыргыз Республикасынын Жогорку сотунун төрагасы;
- Ж.С. Жоробаев, Кыргыз Республикасынын Акыйкатчысынын орун басары;
- Э.А. Азимова, Казакстан Республикасынын Конституциялык сотунун төрагасы;
- М.-У.Э. Абдусаломов, Өзбекстан Республикасынын Конституциялык сотунун төрагасы;
- А.А. Дронов, Евразия экономикалык сотунун төрагасы;
- А.Г. Гесмундо, Филиппиндин Жогорку сотунун башкы судьясы (видео кайрылуу).

Ачылыш аземинен кийин Хорватиянын, Түштүк Кореянын, Румыниянын, Россия Федерациясынын жана башка мамлекеттердин конституциялык сотторунун өкүлдөрү баяндама жасаган пленардык сессиялар болду.

Талкуунун жүрүшүндө конституциялык көзөмөл институттарынын калыптанышы жана трансформациясы, адамдын укуктарын жана эркиндиктерин коргоо, ошондой эле заманбап технологияларды сот практикасына интеграциялоо маселелери козголду.

Ошондой эле Евразия конституциялык көзөмөл органдарынын ассоциациясынын мүчөлөрүнүн комитетинин жыйыны болуп, анда кызматташтыкты кеңейтүү жана укуктук интеграцияны бекемдөө маселелери талкууланды.

20 чет мамлекеттин өкүлдөрүнүн катышуусу Кыргыз Республикасынын укуктук диалог үчүн эл аралык аянтча катары өсүп жаткан маанисин баса белгилейт.

2025-жылдын 18-июнунда Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун 35 жылдыгына карата уюштурулган «Жаңы демократия өлкөлөрүндө конституциялык сот адилеттигинин калыптанышы» аттуу эл аралык конференция аяктады.

Бул масштабдуу иш-чара конституциялык көзөмөл органдарынын, эл аралык уюмдардын, мамлекеттик органдардын жана илимий коомчулуктун өкүлдөрүнүн ортосундагы ачык жана мазмундуу диалог үчүн аянтча болуп калды. Катышуучулар эки күндүн ичинде пикир алмашып, тажрыйба бөлүшүп, азыркы сот адилеттиги туш болгон актуалдуу маселелерди көтөрүштү.

Конституциялык сот адилеттигинин демократиялык институттардын туруктуулугун камсыз кылуудагы ролун күчөтүү, жарандардын арыздарын кароо, сот процесстерин санариптештирүү жана эл аралык кызматташтыкты кеңейтүүгө байланыштуу темалар өзгөчө кызыгууну жаратты.

Талкуулардын өзүнчө блогу технологиялардын тездик менен өнүгүшү, жеке маалыматтарды коргоо зарылчылыгы, санариптик укуктар жана жаңы коркунучтарга укуктук жооп кайтаруу, анын ичинде мезгилдин чакырыктары болду. Дал ушундай маселелерде Конституциянын рухун жана жоболорун сактап калуу гана эмес, ийкемдүү жана натыйжалуу укуктук механизмдерди табуу да маанилүү.

Талкуулардын жыйынтыгында маанилүү макулдашууга жетишилди – конституциялык көзөмөл органдарынын ортосундагы өз ара аракеттенүүнү укуктук доктриналар жана ыкмалар менен тынымсыз алмашуу форматында, өзгөчө санариптик укуктар жана адамдын жеке эркиндиги менен байланышкан сезимтал чөйрөлөрдө бекемдөө. Катышуучулар биргелешкен окутуу иш-чараларын өткөрүүгө, актуалдуу маселелер боюнча макулдашылган позицияларды иштеп чыгууга жана ийгиликтүү тажрыйбалар менен бөлүшүүгө даяр экендиктерин билдиришти.

Конференциянын алкагында Евразия конституциялык көзөмөл органдарынын ассоциациясынын (ЕККА) мүчөлөрүнүн комитетинин жыйыны да болуп өттү, анда мындан аркы кызматташуунун артыкчылыктуу багыттары аныкталып, жаңы демилгелерди ишке ашыруу боюнча пландар макулдашылды.

Эл аралык конференциянын ишине 17 өлкөнүн делегациялары активдүү катышты, алардын ичинде Филиппиндин Жогорку соту, Австриянын, Түркиянын, Грузиянын, Казакстандын, Корея Республикасынын, Молдованын, Өзбекстандын, Монголиянын, Беларустун, Хорватиянын, Россия Федерациясынын, Румыниянын жана башка өлкөлөрдүн конституциялык соттору, Евразия экономикалык союзунун соту, ошондой эле Улуу Британиядан жана Индиядан келген академиялык чөйрөнүн өкүлдөрү болду.

Конференциянын катышуучуларынын кеңири эл аралык өкүлчүлүгү биздин өлкөнүн конституциялык көзөмөл институтунун глобалдык укуктук диалогдун толук катышуучусу катары аброюн таануунун далили болуп саналат.

**Международная конференция
«Становление конституционного правосудия
в странах новой демократии»,
приуроченная к 35-летию со дня образования
Конституционного суда Кыргызской Республики**

(Состоялась 17-18 июня 2025 года в курортном комплексе «Baytur Resort», расположенном в селе Бостери Иссык-Кульской области Кыргызской Республики)

Официальное открытие мероприятия началось с видео приветствия Президента Кыргызской Республики Садыра Нургожоевича Жапарова, в котором он подчеркнул ключевую роль независимого конституционного правосудия в обеспечении устойчивого демократического развития.

С приветственным словом выступил Председатель Конституционного суда Кыргызской Республики Эмиль Жолдошевич Осмонбаев, выразив благодарность международным партнерам за участие и отметил значимость совместного поиска решений в условиях современных вызовов.

В ходе открытия конференции с обращениями к участникам выступили:

- М.А. Сатыев, председатель Верховного суда Кыргызской Республики
- Ж.С. Жоробаев, заместитель Акыйкатчы Кыргызской Республики

• Э.А. Азимова, председатель Конституционного суда Республики Казахстан

• М.-У.Э. Абдусаломов, председатель Конституционного суда Республики Узбекистан

• А.А. Дронов, председатель Суда Евразийского экономического союза

• А.Г. Гесмундо, главный судья Верховного суда Филиппин (видео выступление)

После церемонии открытия начались пленарные сессии, на которых с докладами выступили представители конституционных судов Хорватии, Южной Кореи, Румынии, Российской Федерации и других государств.

В ходе дискуссий были затронуты вопросы становления и трансформации институтов конституционного контроля, защиты прав и свобод человека, а также интеграции современных технологий в судебную практику.

Также состоялось заседание Комитета членов Евразийской ассоциации органов конституционного контроля, на котором обсуждались вопросы расширения сотрудничества и укрепления правовой интеграции.

Участие представителей из 20 зарубежных стран подчеркивает возрастающее значение Кыргызской Республики как международной платформы для правового диалога.

18 июня 2025 года международная конференция «Становление конституционного правосудия в странах новой демократии», организованная по случаю 35-летия Конституционного суда Кыргызской Республики, завершилась.

Это масштабное событие стало площадкой для открытого и содержательного диалога между представителями органов конституционного контроля, международных организаций, государственных органов и научного сообщества. В течение двух насыщенных дней участники обменивались мнениями, делились практикой, поднимали актуальные вопросы, с которыми сталкивается современное правосудие.

Особый интерес вызвали темы, связанные с укреплением роли конституционного правосудия в обеспечении устойчивости демократических институтов, рассмотрением жалоб граждан, цифровизацией судебных процессов и расширением международного сотрудничества.

Отдельным блоком обсуждений стали современные вызовы, в том числе стремительное развитие технологий, необходимость защиты персональных данных, цифровых прав и правового реагирования на новые угрозы. Именно в таких вопросах важно не только сохранять дух и букву Конституции, но и находить ответные гибкие и действенные правовые механизмы.

По итогам дискуссий была достигнута важная договоренность – укреплять взаимодействие между органами конституционного контроля в формате постоянного обмена правовыми доктринами и подходами, особенно в чувствительных сферах, связанных с цифровыми правами и личной свободой человека. Участники выразили готовность проводить совместные обучающие мероприятия, вырабатывать согласованные позиции по актуальным вопросам и делиться успешными практиками.

В рамках конференции также состоялось заседание Комитета членов Евразийской ассоциации органов конституционного контроля (ЕАОКК), где были определены приоритетные направления дальнейшего сотрудничества и согласованы планы по реализации новых инициатив.

В работе международной конференции приняли активное участие делегации из 17 стран, в числе которых Верховный суд Филиппин, конституционные суды Австрии, Турции, Грузии, Казахстана, Республики Корея, Молдовы, Узбекистана, Монголии, Беларуси, Хорватии, Российской Федерации, Румынии и других стран, Суд Евразийского экономического союза, а также представители академических кругов из Великобритании и Индии.

Широкая международная представленность участников конференции является проявлением признания авторитета института конституционного контроля нашей страны, как полноправного участника глобального правового диалога.

Кыргыз Республикасынын Президенти С.Н Жапаровдун видеокайрылуусу

**Кыргыз Республикасынын Президенти С.Н. Жапаровдун
видеокайрылуусу**

**“Урматтуу конституциялык соттордун төрагалары жана
судьялары, окумуштуу юристтер жана эксперттер! Кадырлуу коноктор!**

Өлкөбүздүн “бермети” – Ысык-Көлдүн жээгинде өтүп жаткан Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун түзүлгөндүгүнүн 35 жылдык мааракесине арналган эл аралык конференцияга кош келиңиздер!

Баарынан мурда, ушундай тынч эмес мезгилде өзүңүздөрдүн ойлоруңузда менен бөлүшүүгө, урмат көрсөтүүгө жана тилектештик билдирүүгө убакыт таап келген бардык делегацияларга терең ыраазычылык билдиргим келет.

Юбилейлик иш-чара конституциялык сот адилеттигинин келечеги жөнүндө, айрыкча демократиялык өнүгүү жолуна салыштырмалуу жакында эле түшкөн өлкөлөрдө терең ой жүгүртүү жана кеңири талкуулоо үчүн татыктуу жана олуттуу себеп болот деп эсептейм.

Кыргызстандын Конституциялык соту Баш мыйзамдын сактоочусу катары өлкөбүздүн тарыхындагы өткөөл мезгилде, мындан 35 жыл мурда түзүлгөн болчу. Бул кадам өлкөбүздүн демократиялык баалуулуктарга берилгендигинин жана коомдук жашоонун пайдубалы катары укукту урматтоонун символу болуп калды. Бул окуя эгемендүү кыргыз мамлекетинде сот адилеттигинин калыптануусун символдоштуруу менен биздин укуктук системанын тарыхындагы маанилүү учур болуп калмакчы.

Биз жаш демократиялуу мамлекет үчүн Конституциялык соттун ишмердүүлүгү өзгөчө мааниге ээ экендигин жакшы түшүнөбүз. Анткени Конституциялык сот укуктук мамлекетти институционалдык жактан бекемдөөнүн пайдубалы болуп саналат.

Ушуну эске алуу менен мен, Мамлекет башчысы катары Конституциялык соттун ар тараптуу өнүгүүсүн колдойм.

Бүгүн Кыргыз Республикасынын Конституциялык соту өзүнүн жогорку миссиясын — Конституциянын үстөмдүгүн камсыз кылуу, конституциялык түзүлүштүн негиздерин коргоо миссиясын татыктуу аткарып келет. Кыргызстандагы бүгүнкү конституциялык көзөмөл — бул жарандардын укуктарын жана эркиндигин коргоонун жандуу механизми.

Азыркы учурда, технологиялык, геосаясий жана социалдык өзгөрүүлөрдүн тездик менен жүрүп жаткан доорунда биз буга чейин элестетүү мүмкүн болбогон жаңы чакырыктарга туш болуудабыз. Жасалма интеллект, киберкоопсуздук, трансчек аралык маалыматтар, миграциялык агымдар, климаттын өзгөрүүсү үчүн жоопкерчилик — булардын бардыгы конституциялык ченемдерди түшүнүүгө жана колдонууга карата жаңы мамилелерди талап кылат.

Бүгүнкү иш-чара өзүнө маанилүү маселени: Конституциялык сот мезгил чакырыктарына кандай жооп бериши керек деген маселенин кеңири талкуусун камтыйт деп ишенем.

Биз конституциялык соттордун ортосундагы эл аралык кызматташтыкты бекемдөө дүйнөдөгү глобалдуу укуктук туруктуулукту

чыңдоонун эң маанилүү жолдорунун бири деп ишенебиз. Алардын өз ара баарлашуусу, тажрыйба алмашуусу, биргелешкен конференцияларды өткөрүүсү бири-бирибизди тереңирээк түшүнүүгө, татаал маселелердин чечилишин табууга жана адилеттүүлүктүн универсалдуу принциптерин коргоого жана адамзат баалуулуктарына тиешелүү укуктук маселелер боюнча жалпы мамилени иштеп чыгууга өбөлгө болот.

Урматтуу Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун 35 жылдыгына арналган иш-чаранын катышуучулары, конференциянын иши үзүрлүү болсун!

Сиздерге мазмундуу диалог каалайм!”.

Видеообращение Президента Кыргызской Республики Жапарова С.Н.

«Уважаемые председатели и судьи конституционных судов, ученые- юристы и эксперты! Дорогие гости!

Я искренно рад приветствовать вас на международной конференции, приуроченной к знаменательной дате - 35-летию образования Конституционного суда Кыргызской Республики на берегу “жемчужины” нашей страны - озера Ысык-Куль.

Прежде всего хотел бы выразить глубокую благодарность всем приехавшим делегациям, которые в столь беспокойное время нашли время, чтобы поделиться своими мыслями, проявить уважение и выразить солидарность.

Полагаю, что юбилейное событие послужит достойным и серьезным поводом для глубоких размышлений и широкой дискуссии о будущем конституционного правосудия, особенно в странах, которые сравнительно недавно стали на путь демократического развития.

Конституционный суд Кыргызстана был создан ровно 35 лет назад, в переломный период в истории нашей страны, как хранитель Основного Закона. Этот шаг стал символом приверженности нашей страны демократическим ценностям и уважения к праву, как фундаменту общественной жизни. Это событие стало важным моментом в истории нашей правовой системы, символизируя становление правосудия в независимом кыргызском государстве.

Мы хорошо понимаем, что деятельность Конституционного суда имеет особое значение для молодого демократического государства. Потому что Конституционный суд является фундаментом институционального укрепления правового государства.

Учитывая это, как Глава государства, я поддерживаю всестороннее развитие Конституционного суда.

Сегодня Конституционный суд Кыргызской Республики достойно выполняет свою высшую миссию - обеспечение верховенства Конституции и отстаивание основ конституционного строя. Сегодняшний конституционный контроль в Кыргызстане — это живой механизм защиты прав и свобод граждан.

В настоящее время, в эпоху стремительных технологических, геополитических и социальных изменений, мы сталкиваемся с новыми вызовами, которые ранее были немыслимы. Искусственный интеллект, кибербезопасность, трансграничные данные, миграционные потоки, ответственность за изменение климата — все это требует новых подходов к пониманию и применению конституционных норм.

Надеюсь, что сегодняшнее мероприятие будет включать в себя подробное обсуждение важного вопроса: каким должен быть Конституционный суд в ответ на вызовы времени.

Мы убеждены, что укрепление международного сотрудничества между конституционными судами является одним из важнейших путей укрепления глобальной правовой стабильности в мире. Их взаимное общение, обмен практиками, проведение совместных конференций способствует более глубокому пониманию друг друга, находить решения сложных проблем и защищать универсальные принципы справедливости и вырабатывать общие подходы по правовым вопросам, затрагивающим человеческие ценности.

Уважаемые участники мероприятия, посвященного 35-летию Конституционного суда КР, пусть работа конференции будет плодотворной!

Желаю вам содержательного диалога!»

**Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун түзүлгөндүгүнүн
35 жылдык юбилейине арналган эл аралык конференцияда
Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун төрагасы
Э.Ж.Осконбаевдин сүйлөгөн сөзү**

“Урматтуу конференциянын катышуучулары!”

Кыргыз Республикасы трансформациялануу жана өзүн-өзү аныктоонун татаал жолун басып өткөн мамлекет катары, конституциялык сот адилеттигинин жаш мамлекеттин калыптанышындагы ролуна ар дайым өзгөчө маани берип келген.

1990-жылы, эгемендүүлүк расмий жарыяланганга чейин эле, Кыргызстанда Конституциялык сот түзүлгөн болчу. Бул саясий жана юридикалык жактан алганда эркти талап кылган кадам болгон.

Биз конституциялык көзөмөл органын түзгөн Борбордук Азиядагы биринчи республика болдук. Ошол учурда бул, түпкүлүгүндө, алдыда боло турган өзгөрүүлөрдү сезүү, мындайча айтканда укуктук “көз карандысыздык декларациясы” болгон.

Алгачкы иштей баштаган жылдары эле биздин Конституциялык сот ата мекендик юриспруденцияда дээрлик прецедент боло элек иштерди караган. Ошол учурда конституциялык көзөмөлдүн улуттук укуктук доктринасы жок шартта аракеттендик. Бизге азыр Кыргыз Республикасынын конституциялык сот адилеттиги колдонуп жаткан “тилди” түзүүгө туура келди.

Ал мезгил чечкиндүү кадамдардын, жогорку жоопкерчилик туюмдун жана тарыхый миссиянын мезгили болчу. Дал ошол жылдары юридикалык эле эмес, ошондой эле адеп-ахлактык негиздер да түптөлүп, конституциялык контролдоо институтунун мыйзамдуулугу камсыз кылынды.

Бүгүн биз Кыргыз Республикасынын соңку тарыхындагы эң маанилүү окуялардын бири – Конституциялык соттун түзүлгөндүгүнүн 35 жылдыгын белгилеп жатабыз.

Бул жол оңой болгон жок. Кризистер, глобалдуу саясий жана социалдык толкундоолор болду. Конституция бир нече жолу өзгөртүлдү. Сот системасы бир канча реформага дуушар болду. Конституциялык көзөмөл органы айрым учурларда анын классикалык түрүндө убактылуу иштебей калган учурлар да болду.

Бирок кеп бул үзгүлтүктөрдө эмес, анын негизги маңызы – кайтып келүү жана жаңылануу жөндөмүндө. Конституциялык сот адилеттигинин идеясы – юридикалык аң-сезимде, коомдун күтүү мүнөзүндө, укуктук мамлекетти куруу логикасында сакталып калгандыгында болду.

35 жыл – бул жетилүү. Бул – тажрыйба. Бул – өз миссиясын терең түшүнүү.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык соту эксперименттен баштап, коомдук ишенимге ээ, таасирдүү жана легитимдүү институтка чейинки жолду басып өттү.

Бирок иш дагы эле уланууда. Конституциялык сот адилеттиги эч качан толук аяктабайт. Бул – укуктук эволюциянын жандуу процесси.

Бүгүн Конституциялык сот өзүнүн жогорку миссиясын – Конституциянын үстөмдүгүн камсыз кылуу, конституциялык түзүлүштүн негиздерин сактоо, адамдын жана жарандын укуктары менен эркиндиктерин коргоо миссиясын кайрадан аткарып келет.

Урматтуу кесиптештер,

Жаш демократия өлкөлөрүндө конституциялык сот адилеттигинин калыптанышы бул түз сызыктуу процесс эмес. Бул – эски менен жаңынын, административдик баш ийүү салты менен сот бийлигинин көз карандысыздык идеясынын ортосундагы чыңалуу менен коштолгон жол. Конституциялык соттор мындай өлкөлөрдө көп учурда кесиптик гана эмес, укуктук маданияттын жоктугу, институционалдык алсыздык жана ар кандай сырткы таасирлер сыяктуу системалык кыйынчылыктарга да туш болушат.

Жаш демократия өлкөлөрүндөгү конституциялык сот өндүрүшү башынан эле туруктуу тарыхый-укуктук салттуулукка ээ болбогон феномен болгон, андыктан азыркы убакка чейин анын калыптануусу аягына чыга элек процесс бойдон калууда. Бул институт саясий системанын трансформациясы шартында Конституциянын үстөмдүгүн камсыз кылуу, токтотуу жана тең салмактуулук системасынын балансы жана адамдын фундаменталдуу укуктарын жана эркиндиктерин коргоону кепилдөө зарылдыгынан улам келип чыккан.

Бийликтин башка бутактары тарабынан да институционалдык таануу өзгөчө саясий маданият калыптанып жаткан шартта өтө маанилүү. Бул таануу Конституциялык соттун чечимдерин сөзсүз аткарууда, анын чечмелөөлөрүн урматтоодо жана мамлекеттик саясатты түзүүдө жана ишке ашырууда аларды эске алуу даярдыгында чагылдырылат.

Андыктан, жаш демократия өлкөлөрүндөгү конституциялык сот адилеттигинин калыптанышы – бул юридикалык гана эмес, социалдык-саясий процесс, ал коомдо өзгөчө болгон – конституционализм маданиятын ырааттуу калыптандырууну болжолдойт.

Жаш демократия өлкөлөрүндөгү конституциялык сот адилеттиги – бул ар дайым чакырык. Юридикалык гана эмес, философиялык дагы чакырык. Бул кимдир-бирөөгө каршы эмес, бул кандайдыр бир идея үчүн:

- коомдун укукка, Конституцияга жана Конституциялык сотко болгон ишенимди бекемдөө үчүн,

- институционалдык көз карандысыздык үчүн;

- соттун чечимдерин саясий акт катары эмес, укуктук маңызга жана глобалдык мааниге ээ акт катары кабылдоо үчүн.

Биздин Президент өз видеокайрылуусунда белгилегендей, улуттук укуктук системалар менен глобалдык процесстердин өз ара байланышын биз бүгүн терең аңдап-түшүнөбүз. Биздин соттор туш болуп жаткан маселелер эчактан эле бир өлкөнүн алкагы менен чектелбейт.

Алар:

- инсандын санариптик укуктары,

- маалыматты трансчек аралык коргоо,

- климаттык жоопкерчилик,

- басмырлоонун жаңы формалары,

- укук менен жасалма интеллекттин өз ара аракеттенүүсү.

Бул конституциялык соттордон жаңы деңгээлдеги ой жүгүртүүнү – ачык, технологиялык жактан жеткилең, бирок ошол эле учурда принципалдуу ой жүгүртүүнү талап кылат.

Биз конституциялык сот адилеттиги дүйнөдөгү, өзгөчө трансформация жолуна түшкөн коомдо укуктук туруктуулуктун таянычы болушу керек экендигине ишенебиз. Ошондуктан биз дүйнөнүн бардык өлкөлөрүнүн конституциялык сотторунун ортосундагы эл аралык кызматташтыкка өзгөчө маани беребиз. Бул тажрыйба, укуктук ыкмалар жана көз карандысыздык стратегиялары менен бөлүшүү үчүн мейкиндикти түзүүгө мүмкүнчүлүк берет.

Ушул мүмкүнчүлүктөн пайдаланып, биздин эл аралык өнөктөштөргө – чет өлкөлүк конституциялык соттордогу, академиялык жамааттардагы жана эл аралык уюмдардагы кесиптештерге колдоонуздар, диалогунуздар жана эксперттик тилектештигиңиздер үчүн өзгөчө ыраазычылык билдирем. Сиздер биздин институттун өнүгүүсүнүн ар кандай мезгилдеринде бизге жардам берип келдиңиздер, биз өз учурунда ишенимдүү өнөктөш болууга даярбыз.

Бүгүнкү конференция, бизге конституциялык сот өндүрүшүн ишке ашыруунун универсалдуу жана улуттук ыкмаларын түшүнүүгө жана анын мындан аркы өнүгүү багыттарын аныктоого жакшы мүмкүнчүлүк берет деп ойлойм.

Биздин конференцияга үзүрлүү ишти, мазмундуу талкууларды жана эң башкысы – коомдук тилектештиктин эң жогорку формасы катары укукка ишенгендердин бардыгына өз ара түшүнүшүүнү каалайм.

Көңүл бурганыңыздар үчүн рахмат.”.

**Речь председателя Конституционного суда
Кыргызской Республики**

**Э.Дж. Осконбаева на международной конференции, посвященной
35-летию юбилею со дня образования Конституционного суда
Кыргызской Республики**

«Уважаемые, участники конференции!

Кыргызская Республика как государство, прошедшее сложный путь трансформации и самоопределения, всегда придавало особое значение роли конституционного правосудия в становлении нашего молодого государства.

В 1990 году, еще до официального провозглашения независимости, в Кыргызстане был создан Конституционный суд. Это был акт смелости - политической и юридической.

Мы были первой республикой в Центральной Азии, которая создала орган конституционного контроля. Тогда это было, по сути, предчувствием грядущих трансформаций. Своегородаправовая «декларация независимости».

С самого начала своей работы наш Конституционный суд рассматривал дела, которые практически не имели прецедентов в отечественной юриспруденции. Мы действовали в условиях почти полного отсутствия национальной правовой доктрины конституционного контроля. Нам приходилось буквально формировать язык, на котором сегодня говорит конституционное правосудие в Кыргызской Республике.

Это было время смелых решений, высокого чувства ответственности и исторической миссии. Именно за прошедшие годы были заложены основы - не только юридические, но и нравственные - на которых строится легитимность института конституционного контроля.

Сегодня мы отмечаем важнейшее событие в новейшей истории Кыргызской Республики - 35-летие со дня образования Конституционного суда.

И мы признаем: путь был непростым. Были кризисы. Были глобальные политические и социальные потрясения. Конституция множество раз менялась. Судебная система неоднократно подвергалась реформированию. Были и моменты, когда институт конституционного контроля временно не функционировал в его классическом виде.

Но суть не в этих перерывах. Суть - в способности к возвращению и обновлению. В том, что идея конституционного правосудия осталась живой в юридическом сознании, в ожиданиях общества, в логике построения правового государства.

35 лет – это зрелость. Это опыт. Это понимание своей миссии.

Конституционный суд Кыргызской Республики прошел путь от эксперимента до института, имеющего влияние, легитимность и общественное доверие.

Но работа продолжается. Конституционное правосудие никогда не бывает завершенным. Это живой процесс правовой эволюции.

Сегодня Конституционный суд Кыргызской Республики вновь выполняет свою высшую миссию - обеспечение верховенства Конституции, охрана основ конституционного строя, защита прав и свобод человека и гражданина.

Уважаемые коллеги,

Становление конституционного правосудия в странах молодой демократии - это не линейный процесс. Это путь, наполненный напряжением между старым и новым, между традициями административного подчинения и идеей независимости судебной власти. Конституционные суды в таких государствах часто сталкиваются не только с профессиональными, но и с системными вызовами: отсутствием правовой культуры, институциональной слабостью и различного рода внешними воздействиями.

Конституционное судопроизводство в государствах молодой демократии изначально представляло собой феномен, не имеющий устойчивых историко-правовых традиций, а потому его становление до настоящего времени остается незавершенным процессом. Этот институт возник в условиях трансформации политической системы, как ответ на необходимость гарантировать верховенство Конституции, сбалансировать систему сдержек и противовесов и обеспечить защиту фундаментальных прав и свобод человека.

Не менее важным остается и институциональное признание со стороны других ветвей власти, особенно в условиях, когда политическая культура еще только формируется. Это признание выражается в безусловном исполнении

решений Конституционного суда, в уважении к его толкованиям и в готовности учитывать их при формировании и реализации государственной политики.

Таким образом, становление конституционного правосудия в молодых демократиях – это не только юридический, но и социально-политический процесс, предполагающий последовательное формирование особой культуры конституционализма в обществе.

Конституционное правосудие в странах молодой демократии - это всегда вызов. Не только юридический, но и философский. Это борьба не с кем-то, а за что-то:

- за доверие общества к праву, Конституции и Конституционному суду,
- за институциональную независимость,
- за то, чтобы решения суда воспринимались не как политические акты, а как акты глубокого правового смысла и глобального значения.

Сегодня мы как никогда осознаем взаимосвязь между национальными правовыми системами и глобальными процессами, о которых говорил наш Президент в своем видеообращении. Вопросы, с которыми сталкиваются наши суды, уже давно не ограничиваются рамками одной страны.

Мы говорим о:

- цифровых правах личности,
- трансграничной защите данных,
- климатической ответственности,
- новых формах дискриминации,
- взаимодействии права и искусственного интеллекта.

Это требует от конституционных судов нового уровня мышления - открытого, технологически подкованного, но при этом глубоко принципиального.

Мы убеждены, что конституционное правосудие должно оставаться якорем правовой стабильности в мире, особенно в обществах, проходящих путь трансформации. Именно поэтому мы придаем большое значение международному сотрудничеству между Конституционными судами всех стран мира. Это позволяет создать пространство для обмена опытом, правовыми подходами, стратегиями независимости.

Пользуясь случаем, хотел бы выразить особую благодарность нашим международным партнерам - коллегам из зарубежных конституционных судов, академических сообществ, международных организаций – за вашу поддержку, диалог и экспертную солидарность. Вы на протяжении многих лет помогали нам в сложные периоды роста нашего института, и мы готовы быть столь же надежными партнерами.

Сегодняшняя конференция, по моему мнению, предоставит нам хорошую возможность осмысления универсальных и национальных подходов к осуществлению конституционного судопроизводства, а также определения векторов дальнейшего развития конституционного правосудия.

Я желаю успешной работы нашей конференции, содержательных дискуссий, и самого главного – взаимопонимания между всеми, кто верит в право, как высшую форму общественного согласия.

Благодарю за внимание.».

Эл аралык илимий-практикалык конференция

Ж. Баласагын атындагы

Кыргыз Улуттук Университети

2025-жылдын 25 -апрели, Бишкек ш.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун Төрагасынын орун басары К.А. Дуйшеевдин

“Конституцияда таанылган жана кепилденген эмгектик жана социалдык укуктар: Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун тажрыйбасы” темасында эл аралык илимий-практикалык конференцияда сүйлөгөн сөзү

Урматтуу конференциянын катышуучулары!

Айымдар жана мырзалар!

Оболу, Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун жана жеке өзүмдүн атымдан бул иш-чаранын бардык катышуучуларын куттуктайм. Сиздерге натыйжалуу жана үзүрлүү ишти каалайм.

Конференциянын темасы абдан актуалдуу болуп саналат, анткени бүгүнкү күндө, өтө тездик менен болуп жаткан саясий жана экономикалык өзгөрүүлөрдүн шартында мамлекеттердин ичинде да, эл аралык деңгээлде да адам укуктарын жана эркиндиктерин натыйжалуу коргоо, укуктун үстөмдүгүн камсыз кылуу жана демократиялык, укуктук жана социалдык мамлекеттин туруктуу иштөөсү жөнүндө маселе келип чыгууда (1-берене).

Кыргыз Республикасынын конституциялык жактан бекемделген социалдык багыты калктын бакубаттыгын жана аны социалдык жактан коргоону камсыз кылууда көрүнөт. Мамлекет бул милдеттенмени социалдык жактан аялуу топторду колдоо, эмгекти жана саламаттыкты коргоо, ошондой эле мамлекеттин социалдык саясатын ишке ашыруунун негизги механизмдери болуп кызмат кылган социалдык колдоонун башка түрлөрү аркылуу ишке ашырат (19-берене).

Бул шарттарда конституциялык контролдоо органдарына өзгөчө роль таандык, анткени Конституциялык сот Конституциянын үстөмдүгүн жана түздөн-түз колдонулушун камсыз кылууга багытталган негизги институт болуп саналат.

Конституциялык сот жарандардын Конституция менен кепилденген укуктары менен эркиндиктерин, анын ичинде социалдык жана эмгек укуктарын, айрыкча аялуу топтордун укуктарын жүзөгө ашыруусуна көмөктөшүүчү эң маанилүү институттардын бири болуп саналат.

Конституциялык соттун социалдык камсыздоонун конкреттүү маселелери же эмгек талаш-тартыштары боюнча жеке даттанууларды кароого ыйгарым укугу жок экендигин белгилөө керек. Бирок, ченемдерди контролдоону жүзөгө ашыруунун алкагында жеке жана юридикалык жактар Конституция тарабынан таанылган жана кепилденген эмгек жана социалдык укуктарды кошо алганда, өздөрүнүн конституциялык укуктарына жана эркиндиктерине түздөн-түз таасир этүүчү маселелер боюнча конституциялык көзөмөл органына кайрылууга укуктуу.

Дал ошондуктан конституциялык көзөмөл адамдын жана жарандын укуктары менен эркиндиктерин коргоонун кыйла натыйжалуу ыкмаларынын бири бойдон калууда. Анын сот тутумундагы айырмачылыгы жана өзгөчөлүгү конституциялык сот өндүрүшүнүн натыйжасында конституциялык сот адилеттиги органына кайрылган адам гана эмес, укуктары бузулган же бузулушу мүмкүн болгон башка жарандар да соттук коргоону алышат.

Мындан тышкары, конституциялык сот өндүрүшүн жүзөгө ашырууда, Конституциялык сот укук колдонуу жана укук жаратуу ишинде Баш мыйзамда

түптөлгөн идеялар менен принциптердин сакталышын контролдойт. Бардыгы үчүн жалпыга милдеттүү мааниге ээ болгон чечимдерди Конституциялык сот гана чыгарат. Ошондуктан анын актылары акыркы болуп саналат, башка органдар тарабынан кайра каралбайт же конституциялык эмес мыйзам жоболорун кайталап кабыл алуу жолу менен четке кагылбайт, ошондой эле бардык укук колдонуучуларды Конституциялык соттун укуктук позицияларына ылайык иш алып барууга милдеттендирет.

Конституциялык соттун чечимдеринин натыйжасында конституциялык эмес деп табылган ченемдик укуктук актылар юридикалык күчүн жоготот жана мыйзам жаратуучу органдын чечимдери сыяктуу эле убакыт, мейкиндик жана адамдардын чөйрөсү боюнча бирдей колдонуу чөйрөсүнө ээ.

Ошондуктан, Конституциялык сот ченемдик укуктук актылардын Конституцияга ылайык келүүсүн контролдоо функциясын ишке ашырууда мындайча айтканда “негативдүү мыйзам чыгаруучу” катары иш алып барат. Анын бул ролу конституциялык эмес деп таанылган ченемдерди укуктук алкактан чыгарып салуу жөндөмү менен билдирилет, муну менен Конституцияга карама-каршы келген жоболорду жоюу аркылуу мыйзамдар системасына таасир этет. Ошентип, алар Конституциянын өзү менен салыштырууга мүмкүн болгон жогорку юридикалык күчкө ээ.

Демек, Конституциялык соттун чечимдери укук колдонуучу үчүн ченемдик мааниге ээ жана ушул мааниде Конституциялык сот кандайдыр бир деңгээлде квази-мыйзам чыгаруучу деп тыянак чыгарса болот.

Урматтуу кесиптештер жана конференциянын катышуучулары!

Кыргыз Республикасында укуктун үстөмдүгү принцибин бекемдөөдө Конституциялык соттун өсүп жаткан ролуна көңүл бургум келет. Ошону менен бирге, Конституциялык соттун чечимдеринин эмгек жана социалдык камсыздоо чөйрөсүндөгү мыйзамдарды түзүүгө тийгизген таасири маселесин кароодо Конституциялык соттун укуктук позицияларына көңүл буруу зарыл. Мында алар ченемдик-интерпретациялык белгилөөлөр, чечимдеринин резолютивдик бөлүгүндө камтылган жыйынтыктоочу тыянакты негиздөөдөгү укуктук корутундулар катары түшүнүлөт.

Биздин өлкөдө конституциялык контролдоо органы тарабынан акыркы он жылда укуктун ар кандай тармактары, анын ичинде эмгек жана социалдык камсыздоо боюнча жүздүн тегерегинде укуктук маселелер каралган, алар боюнча Конституциялык сот тарабынан теңдик, өлчөмдүүлүк, басмырлабоонун жана башка конституциялык принциптердин маңызын ачып берүүчү так позициялар түзүлгөн.

Конституциялык сот тарабынан кабыл алынган, жалпы юрисдикциядагы соттордун жана жарандардын эмгек жана социалдык камсыздоо укуктарын ишке ашыруу процессине түздөн-түз катышкан башка мамлекеттик органдардын тажрыйбасын өзгөрткөн, менин көз карашым боюнча бир нече маанилүү укуктук позицияларды келтирүүгө уруксат этиңиздер.

Алсак, мыйзам чыгаруучу үчүн Конституциялык соттун эмгек укуктары боюнча укуктук позициялары чоң мааниге ээ. 2015-жылдын 16-декабрында кабыл алынган өзүнүн чечиминде Эмгек кодексинин 65 жаш куракка жеткенде ректорлукка шайлоого катышууга чектөө койгон ченемдеринин конституциялуулугун текшерүү жөнүндө ишти кароодо, Конституциялык сот белгилүү кызмат орундарын ээлөөнүн шарттарына тиешелүү чектөөлөргө жол берилээрин жана иштин түрүнүн өзгөчөлүктөрүнө жана шарттарына жараша ар кандай категорияларга таандык адамдардын укуктук статусунун айырмачылыктарына байланыштуу экендигин белгилеген. Мыйзам чыгаруучу мамлекеттин жана муниципалдык билим берүүнүн кызыкчылыктарын камсыз кылуу максатында мамлекеттик жана муниципалдык ЖОЖдордун жетекчилерине жогорку талаптарды коюуга укуктуу.

Мындан тышкары, декандын кызмат ордун ээлөө үчүн жаш курагынын чеги атайын талап катары каралышы мүмкүн эмес жана факультеттин деканы кызматынан бошотуу же бул кызматка шайлоого катышууга тоскоолдук кылуу үчүн жетиштүү негиз боло албайт. Муну менен мамлекеттик жана муниципалдык ЖОЖдордун факультеттеринин деканы кызматын ээлөө үчүн жаш курагынын чегин белгилеген талашылып жаткан ченемдин жоболору мүмкүнчүлүктөрдүн теңдигин кошо алганда, тең укуктуулук конституциялык принцибин бузуп, эмгек укугун жүзөгө ашырууда басмырлоого алып келет деп таанылган.

Конституциялык сот өз чечимдеринде укук колдонуу практикасындагы аныксыздыкты да белгилейт жана ушуга байланыштуу мыйзам чыгаруучуга мыйзамдарга тиешелүү өзгөртүүлөрдү киргизүү боюнча тапшырма берет.

Ушул учур боюнча мисал катары аялдардын эмгегин колдонууга тыюу салууну караган Эмгек кодексинин, Кыргыз Республикасынын Өкмөтүнүн «Аялдардын эмгегин колдонууга тыюу салынган эмгек шарттары зыяндуу жана (же) коркунучтуу өндүрүштөрдүн, жумуштардын, кесиптердин жана кызматтардын тизмелери жөнүндө» токтомунун ченемдеринин конституциялуулугун текшерүү жөнүндөгү Конституциялык соттун 2023-жылдын 22-ноябрындагы Чечимин келтирүүгө болот. Конституциялык сот юридикалык теңдик принцибин ишке ашыруу аялдын тукум улоодогу жалпы таанылган социалдык ролун эске албастан ишке ашырылышы мүмкүн эмес экендигин, бул мамлекетти аялдар үчүн кошумча кепилдиктерди, анын ичинде эмгек мамилелери чөйрөсүндө энеликти коргоого багытталган кепилдиктерди белгилөөгө милдеттендирерин, демек, талашылып жаткан ченемдер аялдардын эмгегин колдонууга тыюу салуу боюнча бул жоболордун логикалык жана негизделген көрүнүшү болуп саналат деп белгилеген.

Ошону менен бирге, Конституциялык сот аялдардын эмгегин колдонуу чектелген, эмгек шарттары зыяндуу жана кооптуу жумуштардын тизмеси 2000-жылы бекитилгенин жана эч кандай олуттуу өзгөрүүлөргө дуушар болбогонун белгиледи, бул техникалык жана илимий жетишкендиктер аялдардын эмгеги үчүн коопсуз шарттарды камсыз кылууга мүмкүндүк берген өндүрүштөрдү, жумуштарды жана кызматтарды андан чыгарып салуу аркылуу тизмени

үзгүлтүксүз жаңыртуу жана негиздөө зарылдыгын шарттайт.

Ошондой эле, социалдык камсыздоо чөйрөсүндөгү укуктук аныксыздык маселелерин чечүү боюнча Конституциялык соттун чечимдери мыйзамдарды түзүүдө оң ролду ойноорун белгилей кетүү керек.

Алсак, башка мамлекеттердин аймагындагы согуштук аракеттердин катышуучулары үчүн жеңилдиктер, анын ичинде Афганистандын аймагында согуштук аракеттерге катышкан аскердик адистер жана кеңешчилер үчүн жеңилдиктер маселеси боюнча иш каралган. Бул иште арыз ээси “кеңешчилер” деген сөздү “аскердик кеңешчилер” деген сөзгө алмаштыруу анын алган жеңилдиктеринин көлөмүнө олуттуу таасир тийгизип, анын укуктарын бузуп жатканын көрсөткөн.

Буга байланыштуу Конституциялык сот согуштук аракеттердин катышуучуларынын улгайганда, ооруп калган же эмгекке жарамдуулугун жоготкон башка учурларда мамлекеттин эсебинен социалдык камсыздалууга укугу Кыргыз Республикасы катышуучусу болуп саналган, эл аралык келишимдерден да келип чыгарын баса белгилеген.

Ошол эле учурда Конституциялык сот социалдык камсыздоого болгон укук абсолюттук эмес экенин жана улуттук коопсуздукту, коомдук тартипти, саламаттыкты сактоону жана адеп-ахлакты, ошондой эле башка адамдардын укуктарын жана эркиндиктерин коргоо максатында Конституция жана мыйзамдар менен чектелиши мүмкүн экендигин белгилеген. Бирок мындай чектөөлөр өлчөмдөш болушу керек жана берилген укукту жокко чыгарбашы же азайтпашы зарыл. Ошентип, Конституциялык сот “аскердик кеңешчилер сөзүнө” алмаштыруу укуктук маңызын жана жоболордун баштапкы маанисин өзгөртпөгөндүгүнө жана Конституцияга карама-каршы келбегендигине көрсөткөн.

Башка үлгү мисал катары Кыргыз Республикасынын Конституциясынын 44-беренесинин 2-бөлүгүнө расмий түшүндүрмө берүү жөнүндөгү ишти кароодогу Конституциялык соттун позициясын келтирсек болот, анда жашоо минимуму жөнүндөгү жоболор каралган.

Конституциялык сот Конституциянын жоболорунан жана укуктук системанын курамдык бөлүгү болуп саналган эл аралык келишимдерден, тагыраак айтканда, аларда бекитилген Кыргыз Республикасынын социалдык милдеттенмелеринен мамлекеттин тең салмактуу системанын негизинде социалдык камсыздоонун тартибин белгилөө милдети келип чыгаарын белгилеген, ал ресурстарды кайра бөлүштүрүү менен жарандардын социалдык жактан аялуу категорияларынын негизги турмуштук муктаждыктарын канааттандыруучу деңгээлде алардын укуктарын натыйжалуу ишке ашыруу үчүн реалдуу шарттарды түзөт. Конституциялык сот белгилегендей, Конституциянын жоболорунан жана укуктук системанын ажырагыс бөлүгү болуп саналган эл аралык келишимдерден, тагыраак айтканда, аларда бекитилген Кыргыз Республикасынын социалдык милдеттенмелеринен мамлекеттин колдо болгон ресурстарды тең салмактуу бөлүштүрүү тутумунун

негизинде социалдык жактан аялуу категориядагы жарандардын негизги жашоо муктаждыктарын канааттандыра турган деңгээлде алардын укуктарын натыйжалуу ишке ашыруу үчүн реалдуу шарттарды түзө турган социалдык камсыздоо тартибин белгилөө милдети келип чыгат.

Ресурстарды кайра бөлүштүрүү жеке адамдын жакшы жашоосун кепилдеген социалдык жыргалчылыктарга болгон абсолюттук укугу катары каралбашы керек, ал, мамлекеттин анын социалдык көйгөйлөрүн, эгерде ал объективдүү себептерден улам аларды өз алдынча чече албаса, чечүүгө көмөктөшүү милдеттенмеси катары түшүнүлүшү керек.

Ошондой эле Конституциялык сот азыркы колдонуудагы ченем “коомдун экономикалык мүмкүнчүлүктөрүнө ылайык” деген сөз айкалышын камтыбагандыктан, бул ченемдин чыныгы мааниси мамлекеттин реалдуу экономикалык мүмкүнчүлүктөрүнө жараша мыйзам менен белгиленген жашоо минимумунан төмөн эмес деңгээлдеги пенсиялар, социалдык жөлөкпулдар жана башка социалдык жардамдар менен камсыз кылуудан башкача түшүнүлбөйт деп белгилеген.

Мында мамлекеттин саясаты аялуу категориядагы жарандардын бардык турмуштук муктаждыктарын канааттандыруу үчүн зарыл болгон көлөмдө социалдык төлөмдөрдү жүргүзүүгө мүмкүндүк берген экономикалык өсүштүн деңгээлине жетүүгө ырааттуу түрдө алып барышы керек.

Урматтуу конференциянын катышуучулары!

Жогоруда айтылгандар конституциялык контролдоо органынын кабыл алынган чечимдеринде билдирилген мамиле эмгек жана социалдык камсыздоо чөйрөсүндө адамдын жана жарандын Конституцияда кепилденген укуктарын жана эркиндиктерин толук ишке ашырууга багытталган мыйзамдарды өзгөртүү үчүн негиз болуп берди деген тыянак чыгарууга болот.

Ушуга байланыштуу конституциялык контролдоо укуктук ченемдерди коргоо механизми гана эмес, мамлекеттик укуктук системанын индикатору катары да чыгат. Конституция жандуу жана колдонуудагы инструмент болгон жерде укуктук тартиптин иштеши камсыздалат, бул адилеттүүлүктү жана мыйзам үстөмдүгүн бекемдөөгө өбөлгө түзөт.

Сөзүмдүн аягында доктрина менен мыйзам турмуштан алыс болбошу керектигине көңүлүңүздөрдү бургум келет. Соттук конституциялык контролдоо органдарынын чечимдеринин табиятын туура түшүнүү максатында доктриналык ыкмаларды укук колдонуунун реалдуулугу менен айкалыштыруу зарыл. Бул конференция белгиленген тема боюнча илимий, диссертациялык иштерди жазууга жана аларды жактоого өбөлгө болот деп ниеттенебиз.

Ушуну менен сөзүмдү аяктагым келет. Уюштуруучуларга жана бардык катышуучуларга дагы бир жолу ыраазычылык билдирем!

Көңүл бурганыңыздар үчүн рахмат!

**Международная научно-практическая конференция
Кыргызский Национальный Университет
им. Ж. Баласагына
25 апреля 2025 года, г. Бишкек**

**Доклад К.А. Дуйшеева
заместителя председателя Конституционного суда
Кыргызской Республики на тему:
«Трудовые и социальные права,
признаваемые и гарантируемые Конституцией:
практика Конституционного суда Кыргызской Республики»
на международной научно-практической конференции**

**«Уважаемые участники конференции!
Дамы и господа!**

Позвольте, прежде всего, от имени Конституционного суда Кыргызской Республики и от себя лично поприветствовать всех участников данного мероприятия, пожелать эффективной и плодотворной работы.

Тема конференции является весьма актуальной, поскольку сегодня, в условиях стремительных политических и экономических изменений как внутри государств, так и на международной арене, возникает вопрос об эффективной защите прав и свобод человека, обеспечении верховенства права и стабильном функционировании демократического, правового и социального государства (статья 1).

Конституционно закреплённая социальная ориентированность Кыргызской Республики проявляется в обеспечении благосостояния населения и его социальной защите. Государство реализует данное обязательство посредством поддержки социально уязвимых групп граждан, охраны труда и здоровья, а также иных форм социальной поддержки, которые выступают ключевыми механизмами реализации социальной политики государства (статья 19).

В этих условиях особая роль принадлежит органам конституционного контроля, поскольку Конституционный суд ключевой институт, призванный обеспечивать верховенство и прямое действие Конституции.

Конституционный суд является одним из наиболее важных институтов, содействующих реализации гражданами прав и свобод, гарантированных Конституцией, в том числе социальных и трудовых прав, в особенности для уязвимых групп населения.

Следует подчеркнуть, что Конституционный суд не наделен

полномочиями по рассмотрению индивидуальных жалоб по конкретным вопросам социального обеспечения или трудовым спорам. Однако в рамках осуществления нормоконтроля физические и юридические лица вправе обратиться в орган конституционного контроля по вопросам, непосредственно затрагивающим их конституционные права и свободы, включая трудовые и социальные права, признаваемые и гарантируемые Конституцией.

Именно поэтому конституционный контроль остается одним из наиболее эффективных средств защиты прав и свобод человека и гражданина. Ее отличие и особенность в судебной системе заключается в том, что в результате конституционного судопроизводства судебную защиту получают не только лицо, обратившееся в орган конституционного правосудия, но и другие граждане, права которых нарушались или могли бы быть нарушены.

Кроме того, осуществляя конституционное судопроизводство, Конституционный суд следит за тем, чтобы в правоприменительной и правотворческой деятельности соблюдались идеи и принципы, заложенные в Основном законе. Только Конституционный суд выносит решения, имеющие общеобязательное значение для всех. Именно поэтому его акты являются окончательными, не могут быть пересмотрены другими органами или преодолены путем повторного принятия неконституционного законоположения, а также обязывают всех правоприменителей действовать в соответствии с правовыми позициями Конституционного суда.

Решения Конституционного суда, в результате которых неконституционные нормативные правовые акты утрачивают юридическую силу, имеют такую же сферу действия во времени, пространстве и по кругу лиц, как решения нормотворческого органа.

Ввиду этого Конституционный суд, осуществляя функцию контроля за соответствием нормативных правовых актов Конституции, выступает в качестве так называемого «негативного правотворца». Эта роль выражается в его способности исключать из правового поля нормы, признанные неконституционными, тем самым воздействуя на систему законодательства посредством устранения противоречащих Конституции положений. Тем самым, они наделены высшей юридической силой, сопоставимых с самой Конституцией.

Следовательно, решения Конституционного суда имеют для правоприменителя нормативное значение и в этом смысле, можно заключить, что Конституционный суд в какой-то мере является квазиправотворцем.

Уважаемые коллеги и участники конференции!

Хотелось бы обратить внимание на возрастающую роль Конституционного суда в упрочнении принципа верховенства права в Кыргызской Республике. Вместе с тем, при рассмотрении вопроса влияния решений Конституционного суда на формирование законодательства в сфере труда и социального обеспечения необходимо обратить внимание на правовые позиции Конституционного суда, под которыми следует понимать нормативно-интерпретационные установления, правовые умозаключения в обоснование итогового вывода, содержащегося в резолютивной части ее решений.

Органом конституционного контроля в нашей стране за последние десять лет рассмотрено около сотни правовых вопросов по различным отраслям права, в том числе по трудовому и социальному обеспечению, по которым Конституционным судом сформулированы четкие позиции, раскрывающие суть конституционных принципов равенства, соразмерности, недискриминации и другие.

Позвольте привести несколько важных, на мой взгляд, правовых позиций, принятых Конституционным судом, изменивших практику судов общей юрисдикции и других государственных органов, непосредственно вовлеченных в процесс реализации прав граждан на труд и социальное обеспечение.

Так, большую важность для законодателя представляют правовые позиции Конституционного суда по трудовым правам. В своем решении от 16 декабря 2015 года при рассмотрении дела о проверке конституционности нормы Трудового кодекса, устанавливающей ограничение участия в выборах ректора при достижении 65 летнего возраста, Конституционный суд отметил, что ограничения, касающиеся условий замещения определенных должностей, допустимы и связаны с различиями правового статуса лиц, принадлежащих к разным категориям в зависимости от специфики рода и условий деятельности. Законодатель, в целях обеспечения интересов государства и муниципальных образований вправе предусматривать повышенные требования к руководителям государственных и муниципальных ВУЗов.

При этом возрастное ограничение при замещении должности декана не может рассматриваться в качестве специального требования и не может служить достаточным основанием для освобождения от должности декана факультета или препятствовать участию в выборах на данную должность. Тем самым положения оспариваемой нормы, предусматривающие возрастные ограничения при замещении должности декана факультета государственных и муниципальных ВУЗов, признаны нарушающими конституционный принцип равноправия, включая равенство возможностей, приводящими к дискриминации при реализации права на труд.

В своих решениях Конституционный суд также отмечает неопределенность в правоприменительной практике, и в связи с этим дает поручения законодателю внести соответствующие изменения в законодательство.

В качестве примера по этому случаю можно привести решение от 22 ноября 2023 года о проверке конституционности норм Трудового кодекса, постановления Правительства Кыргызской Республики «О Перечне производств, работ, профессий и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых запрещается применение труда женщин». Конституционный суд указал, что реализация принципа юридического равенства не может осуществляться без учета общепризнанной социальной роли женщины в продолжении рода, что обязывает государство устанавливать дополнительные гарантии для женщин, в том числе в сфере трудовых отношений, направленные на охрану материнства, соответственно, оспариваемые нормы на запрет применения труда женщин представляются логичным и обоснованным воплощением этих положений.

Вместе с тем, Конституционный суд отметил, что Перечень работ с вредными и опасными условиями труда, на которых ограничивается

применение труда женщин, был утвержден в 2000 году и не подвергался каким-либо существенным изменениям, это обуславливает потребность регулярного обновления и обоснованности Перечня путем исключения из него тех производств, работ и должностей, где технические и научные достижения позволяют обеспечить безопасные условия для труда женщин.

Также следует отметить, что в формировании законодательства положительную роль играют решения Конституционного суда по разрешению вопросов правовой неопределенности в сфере социального обеспечения.

Так, было рассмотрено дело по вопросу о льготах для участников боевых действий на территории других государств, в том числе и для военных специалистов и советников, принимавших участие в боевых действиях на территории Афганистана. В этом деле заявитель указывал, что замена слова «советники» на «военные советники» значительно повлияло на объем получаемых им льгот, что нарушает его права.

В этой связи, Конституционный суд подчеркнул, что право на социальное обеспечение за счет государства в старости, в случае болезни или иного случая утраты трудоспособности, участников боевых действий вытекает также из международных договоров, участником которых является Кыргызская Республика.

Вместе с тем, Конституционный суд отметил, что право на социальное обеспечение не является абсолютным и может быть ограничено Конституцией и законами в целях защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности, а также прав и свобод других лиц. Однако такие ограничения должны быть соразмерными и не должны отменять или умалять предоставленное право. Так, Конституционный суд указал, что замена слова на «военные советники», не изменили правовой сущности и изначального смысла положений и не противоречат Конституции.

Другим показательным примером может служить позиция Конституционного суда при рассмотрении дела об официальном толковании части 2 статьи 44 Конституции Кыргызской Республики, предусматривающей положения о прожиточном минимуме.

Конституционный суд отметил, что из положений Конституции и международных договоров, являющихся составной частью правовой системы, а именно из закрепленных в них социальных обязательств Кыргызской Республики, вытекает обязанность государства установить на основе сбалансированной системы перераспределения имеющихся ресурсов такой порядок социального обеспечения, который создавал бы реальные условия для эффективной реализации прав социально уязвимых категорий граждан на уровне, удовлетворяющем их основные жизненные потребности.

Последнее не должно рассматриваться как абсолютное право индивида на социальные блага, гарантирующие его безбедное существование, а должно пониматься как обязательство государства содействовать в решении его социальных проблем, когда он по объективным причинам решить их самостоятельно не в состоянии.

Также Конституционный суд указал, что несмотря на то, что ныне действующая норма не содержит выражения «в соответствии с экономическими

возможностями общества», истинный смысл данной нормы объективно не может пониматься иначе, как обеспечение пенсиями, социальными пособиями и другой социальной помощью уровня жизни не ниже установленного законом размера прожиточного минимума в зависимости от реальных экономических возможностей государства.

При этом политика государства должна поступательно вести к достижению такого уровня экономического роста, которая позволит осуществлять социальные выплаты уязвимым категориям граждан в объеме, необходимом для удовлетворения всех жизненных потребностей.

Уважаемые участники конференции!

Изложенное вполне полагает сделать заключение, что подходы органа конституционного контроля, выраженные в принятых им решениях, послужили основой для преобразований в законодательстве, направленных на полноценную реализацию гарантированных Конституцией прав и свобод человека и гражданина в сфере труда и социального обеспечения.

В этой связи конституционный контроль выступает не только как механизм защиты правовых норм, но и как индикатор государственной правовой системы. Там, где Конституция остается живым и действующим инструментом, обеспечивается функционирование правового порядка, что способствует укреплению справедливости и верховенства права.

В заключение своего выступления хотелось бы обратить ваше внимание на то, что доктрина и законодательство не могут отрываться от жизни. Следует сочетать доктринальные подходы с реалиями правоприменения, в целях правильного понимания природы решений органов судебного конституционного контроля. Надеемся, что данная конференция будет способствовать написанию научных, диссертационных работ и их защите по обозначенной тематике.

На этом хочу завершить свое выступление. Еще раз благодарю организаторов и всех участников!

Благодарю за внимание.»

**Азербайжан Республикасынын Конституциясынын
30 жылдыгына арналган
“Конституциянын үстөмдүгүн конституциялык сот адилеттигин
жүзөгө ашыруу аркылуу камсыз кылуунун азыркы тенденциялары”
аттуу эл аралык конференция
(Баку шаары, 2025-жылдын 15-18-июлу)**

Кыргыз Республикасынын
Конституциялык сотунун судьясы
Ч.А. Айдарбекованын

“Конституциянын үстөмдүгү принципин камсыз кылууда Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун практикасы” темасында жасаган доклады

**“Урматтуу конституциялык соттордун төрагалары жана судьялары,
Урматтуу конференциянын катышуучулары, айымдар жана мырзалар,**

Азербайжан Республикасынын Конституциясы — өлкөнүн көз карандысыздыгынын, эгемендүүлүгүнүн жана демократиялык өнүгүүсүнүн символу болгон Негизги Мыйзамдын 30 жылдыгына арналган, мааниси чоң эл аралык форумга катышууга чакырган уюштуруучуларга чын жүрөктөн ыраазычылык билдирем.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун атынан кесиптештеримди чын дилимден куттуктайм жана Конституциянын үстөмдүгүн жана укуктук мамлекеттин принциптерин бекемдөө ишинде мындан ары да прогрессти каалайм.

Бүгүнкү конференциянын темасынын – “Конституциянын үстөмдүгүн конституциялык сот адилеттигин ишке ашыруу аркылуу камсыз кылуунун азыркы тенденциялары” деп аталышы конституциялык түзүлүштүн негиздерине таасир этүүчү глобалдык жана регионалдык масштабдагы чакырыктардын күчөшүнүн шартында өзгөчө мааниге ээ.

Ушуга байланыштуу Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун өлкөнүн укуктук жана коомдук-саясий мейкиндигинде Конституциянын үстөмдүгүн жана түздөн-түз колдонулушун камсыз кылуу боюнча негизги миссиясын ишке ашыруудагы тажрыйбасы менен бөлүшүү абдан маанилүү деп эсептейм.

Кыргыз Республикасынын биринчи Конституциясы 1993-жылы кабыл алынган. Кийинки бир катар реформаларга карабастан, анын негиз түзүүчү принциби – Конституциянын үстөмдүгү – бүгүнкү күнү да өзгөрүүсүз сакталып келет. Мамлекеттин демократиялык өнүгүүсү үч негизги фактор менен камсыздалуучу туруктуу конституциялык мыйзамдуулуксуз мүмкүн эмес: алар – жетилген мыйзамдар, натыйжалуу укуктук институттар жана жарандардын укуктук аң-сезиминин жогорку деңгээли. Бул элементтердин биринин эле жетишсиздиги Конституциянын үстөмдүгү принципин ишке ашыруунун натыйжалуулугун төмөндөтөт.

Калыптанып калган мыйзамдык алкак укуктук системанын туруктуу архитектурасын болжолдойт, анда негизги ролду конституциялык жоболор жана тармактык мыйзамдардын укуктук түзүмүндө кылдаттык менен өнүгүп жаткан жоболор ойнойт. Ошол эле учурда, укуктук институттардын күчү кандай гана жагдай болбосун, анын ичинде социалдык дүрбөлөндө да мыйзамдуулук режимин сактоо, жарандардын укуктары менен

эркиндиктеринин бузулушуна жол бербөө жөндөмдүүлүгүндө турат. Өз кезегинде, коомдун көпчүлүк мүчөлөрүнүн укуктук ой жүгүртүүсү конституциялык жана башка ченемдик орнотмолордун колдонулушуна, укуктук институттардын ишине түрткү берип, алар жыйындысында конституциялык мыйзамдуулуктун абалын түзөт жана өз ара шарттайт.

Конституциянын үстөмдүгү принцибин камсыз кылууда, албетте, конституциялык контролдоо органдары маанилүү ролду ойнойт, алар белгилүү учурларда конституциялык жоболорду кесипкөйлүк менен чечмелеп, укуктук институттарга ченем жаратуу жана укук колдонуу боюнча милдеттерин аткарууга жардам берет, ошондой эле Негизги Мыйзамды урматтоонун укуктук маданиятын калыптандырат.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык соту 1990-жылдын 14-декабрында түзүлгөн, быйыл биз институттун 35 жылдык мааракесин белгилеп жатабыз. Өсүп-өнүгүү жылдары ал өзүнүн жетишкендиктери жана кемчиликтери, атак-даңкы жана ишмердигин сынга алуулар менен татаал жолду басып өттү, бул албетте ага тажрыйбаны жана даанышмандыкты топтоого өбөлгө болду.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун практикасы механизмдердин кеңири спектри жөнүндө далилдейт, алардын жардамы менен Конституциянын үстөмдүгү, анын ичинде мыйзамдардын жана башка ченемдик укуктук актылардын конституциялуулугун текшерүү; Конституциянын ченемдерин расмий чечмелөө; бийлик бутактарынын ортосундагы компетенциялар жөнүндөгү талаштарды чечүү; конституциялык-укуктук өлчөмдөн алганда инсандын негизги укуктары менен эркиндиктерин коргоо камсыздалат. Конституциялык соттун чечимдери акыркы мүнөзгө ээ экендигин, даттанууга жатпай тургандыгын жана Кыргыз Республикасынын бүткүл аймагында аткарууга милдеттүү экендигин баса белгилөө зарыл.

Конституциялык сот өзүнүн түздөн-түз функцияларын аткарууда Конституциянын үстөмдүгү принцибин жетекчиликке алган бир нече чечимдерге кыскача токтоло кетүүгө уруксат этиңиздер.

“Кыргыз Республикасынын Президентинин ишмердүүлүгүнүн кепилдиктери жөнүндө” Мыйзамынын ченемдик жобосунун конституциялуулугун текшерүү жөнүндөгү иш боюнча Сот мыйзам менен белгиленген экс-президенттин укуктук кол тийбестигин талашкан жарандардын кайрылуусун караган. Анда анын алып салуунун тартиби жана негиздери жок болгондуктан, аны алып жүрүүчүнүн ээсине, анын ичинде өзүнүн ыйгарым укуктарынын мөөнөтү аяктагандан кийин жасаган жосундары үчүн да абсолюттук кол тийбестикти берген, бул арыз ээлеринин пикири боюнча тендик жана жазанын болбой койбостугу конституциялык принциптерин бузат.

Конституциялык контролдоо органы өзүнүн 2018-жылдын 3-октябрындагы Чечиминде мыйзам жана сот алдында тендик принциби укуктук мамлекет үчүн негиз түзүүчү болуп саналаарын жана негиздүү конституциялык маанилүү өзгөчөлүктөрдөн сырткары бардык жарандардын бирдей юридикалык жоопкерчилигин билдирээрин белгилеген. Укуктук кол тийбестик тендик принцибинен жол берилген четтөө болуп саналат жана иштеп жаткан кызмат адамдарына, атап айтканда, Президентке карата алардын көз карандысыздыгын жана функцияларын натыйжалуу аткаруусун

камсыз кылуу үчүн аларга карата өзүн актайт. Ошол эле учурда, талашылып жаткан ченемге ылайык, экс-президенттин кол тийбестиги жол берилген чектен чыгат, анткени ал ыйгарым укуктарын аткаруу учурунда жасалган укук бузуулар үчүн жоопкерчиликке тартуу механизмин карабайт жана ыйгарым укуктары аяктагандан кийин жасалган аракеттер үчүн анын жоопкерчилигинин мүмкүндүгү жөнүндө маселеде аныктык жок. Бул чечимде Сот Конституциянын мыйзамдардан артыкчылыгын ачык көрсөткөн, мында коомдук институттарды (президенттик) коргоого багытталган ар кандай укуктук ченемдер өлчөмдүү болууга тийиш жана фундаменталдык конституциялык принциптерди, атап айтканда, мыйзам алдында бирдейлик жана юридикалык жоопкерчиликтиң сөзсүздүгү принциптерин бузбашы керек деп белгилеген. Экс-президенттин кол тийбестиги конституциялык түзүлүшкө карама-каршы келүүчү жеке артыкчылыкка айланбаган учурда гана жол берилет.

Ошентип, талашылып жаткан ченем кол тийбестикти жоюу механизмдин белгилебеген жана эки ача чечмелөөгө жол берген бөлүгүндө жарым-жартылай конституциялык эмес деп таанылган. Конституциянын үстөмдүгү мыйзам чыгаруучунун укуктук аныксыздыкты жоюу жана коомдук кепилдиктер менен адамдын негизги укуктарынын ортосунда тең салмактуулукту камсыз кылуу милдети аркылуу ишке ашырылат. Чечим Конституциянын үстөмдүгү коомдук бийликтин бардык институттары, анын ичинде президенттик институт Конституциянын чегинде иштешин жана мыйзамдан жогору коюлбашын талап кыларын ырастайт. Бул принципти бузган ченемдик актылар оңдоп-түзөтүүгө жатат. Конституциялык сот мамлекет башчысынын өзгөчө статусун урматтоо менен бирге, конституциялык укук тартибинин сакталышын камсыз кылуу менен укуктук иммунитеттин чектерин так жөнгө салууну талап кылат.

КР Кылмыш-жаза процессуалдык кодексинин камакка алуу түрүндөгү бөгөт коюу чарасын “өзгөчө учурларда” бир жылдан ашык мөөнөткө узартууга жол берген ченемдик жобосунун конституциялуулугун текшерүү жөнүндөгү иш боюнча, кайрылуу субъектиси бул ченемде так критерийлер жана укуктук аныктык жок экендигин белгилеген. Бул эркиндикке жана жеке кол тийбестикке болгон укукту, күнөөсүздүк презумпциясын, ошондой эле тараптардын атаандаштык жана теңдик принциптерин бузарын белгилеген.

Сот өзүнүн 2020-жылдын 16-декабрындагы Чечиминде Конституциянын үстөмдүгү анын принциптеринин үстөмдүгүн, анын ичинде укуктук аныктыктын, мыйзамдын ачык-айкындуулугунун жана эки ача мааниси жоктугунун да билдирерин баса белгилеген. Чечимде талашылып жаткан ченем “өзгөчө учурлар” түшүнүгүнүн мазмунун ачып бербегендиги, ошону менен сотко кеңири эркиндик калтыруу менен, инсандын эркиндигин өзүм билемдик менен чектөө тобокелдигин жаратары белгиленген. Сот мындай аныксыздык укуктук мамлекеттин стандарттарына жооп бербейт деген тыянакка келген, анда укуктарды чектөө жетиштүү ачык-айкындуулукка жана алдын ала айтууга ээ болгон мыйзамдын негизинде гана мүмкүн.

Чечимдин негизги тыянактарынын бири жеке адамдын укуктарын чектеген чаралар, анын ичинде бөгөт коюу чарасы, алар колдонулган максатка өлчөмдөш болууга тийиш деген ырастоосу болгон. Конституциялык контролдоо органы камакка алуу – кылмыш-жаза процессуалдык мажбурлоонун эң катаал чарасы экенин эске салып, ошондуктан мөөнөтү боюнча чектелип, так жөнгө салынып, аны узартуу жүйөлүү жана негиздүү болууга тийиш деп эскерткен.

Чечимде күнөөсүздүк презумпциясы принцибине өзгөчө көңүл бурулган (КР Конституциясынын 26-беренеси), ал айыпталуучу тийиштүү негиздери жок белгисиз узак мөөнөткө камакта калса бузулат. Ошо сыяктуу эле, тараптардын атаандаштык жана теңдик принциби (Конституциянын 99-беренеси) да бузулат, анткени өтө узакка созулган камакка алуу айыптоо тарапка кошумча артыкчылыктарды түзүп, процессуалдык тең салмактуулукту бузат. Сот талашылып жаткан ченемди укуктук аныктыкты камсыз кылуучу так укуктук критерийлерди камтыбаган жана өзүм билемдикке жана кеңири чечмелөөгө жол берген бөлүгүндө конституциялык жоболорго карама-каршы келет деп тапкан.

Конституциялык сот бул иште Конституциянын үстөмдүгүн камсыз кылуунун негизги формасы катары мыйзамдын конституциялуулугуна көзөмөлдү ишке ашырып, адамдын укуктары менен эркиндиктеринин артыкчылыгын; мыйзамдын тактыгы менен алдын ала айтууга мүмкүн болушун; адам укуктарынын эл аралык стандарттарын сактоонун милдеттүүлүгүн; инсандын укуктарын өзүм билемдик менен чектөөгө жол берилбестигин баса белгилеген.

“Кыргыз Республикасынын Президентин жана Кыргыз Республикасынын Жогорку Кеңешинин депутаттарын шайлоо жөнүндө” Мыйзамдын конституциялуулугун текшерүү жөнүндө иш боюнча Конституциялык сот ири өлчөмдөгү милдеттүү шайлоо күрөөсүн майыптыгы бар жарандарга карата колдонулушу каралган шайлоо мыйзамдарынын ченемдеринин конституциялуулугун текшерүү жөнүндө өтүнүчтү караган. Буга, көрүүсү боюнча 1-топтогу майыбы бар жарандын арызы жүйө болгон, ал мыйзам тарабынан белгиленген эсептик көрсөткүчтүн мин эселенген өлчөмүндөгү (1150 доллар) күрөө анын шайлоого талапкер катары катышуусуна мүмкүнчүлүк бербей тургандыгын, бул анын конституциялык укуктарын бузуп, мүлктүк абалы жана ден соолугу боюнча басмырлоо болуп саналат деп көрсөткөн.

Конституциялык сот өзүнүн 2023-жылдын 15-ноябрындагы Чечиминде талаштуу жобо Конституцияга карама-каршы келбейт деп тапкан, бирок Чечимдин жүйөлөштүрүүчү бөлүгүндө Конституциянын үстөмдүгү принцибин ишке ашырууга багытталган маанилүү укуктук багыттарды белгилеген, атап айтканда, Сот шайлануу укугу элдик бийликтин ажырагыс бөлүгү болуп саналаарын (Конституциянын 2, 37-беренелери), теңдик жана басмырлабоо принцибин бузбаган, ынандырарлык негиз болгондо гана чектелиши мүмкүн экендигин тастыктады. Сот анда шайлануу укугу элдик бийликтин ажырагыс бөлүгү болуп саналат (Конституциянын 2, 37-беренелери) жана теңдик жана басмырлоо принцибин бузбаган, ишенимдүү негиз болгондо гана чектелиши мүмкүн экенин тастыктады. Формалдуу теңдик дайыма эле иш жүзүндөгү адилеттүүлүккө алып келбестиги жана мамлекет социалдык жактан аялуу катмарлардын, анын ичинде ден соолугунун мүмкүнчүлүгү чектелген адамдардын тең эмес абалын компенсациялоочу шарттарды түзүүгө милдеттүү экени баса белгиленди.

Формалдуу теңдик дайыма эле иш жүзүндөгү адилеттүүлүккө алып келбестиги жана мамлекет социалдык жактан аялуу топтордун, анын ичинде майыптуулугу бар адамдардын теңдеш эмес абалын компенсациялоочу шарттарды түзүүгө милдеттүү экендиги баса белгиленген.

Конституциялык сот майыптыгы бар адамдар үчүн шайлоо күрөөсүнө карата компенсациялык механизмдердин жоктугу ченемдин тышкы формалдуу

укук ченемдүүлүгүнө карабастан, теңдештиктин конституциялык принцибин терең түшүнүлүшүн бузарын көрсөткөн. Практикасында биринчи жолу Сот майыптыгы бар жарандардын шайлоо укуктарын иш жүзүндө ишке ашырууну камсыз кылуу боюнча мамлекеттин позитивдүү милдеттенмелери түшүнүгүнө кайрылып, БУУнун Майыптардын укуктары жөнүндө конвенциясы жана Атуулдук жана саясий укуктар жөнүндө эл аралык пакт сыяктуу эл аралык стандарттарга шилтеме жасады. Конституциялык сот, мыйзам чыгаруучу социалдык жактан аялуу категориядагы жарандардын шайлоого катышуусунун альтернативдүү механизмдерин иштеп чыгууга, мыйзамдарга өзгөртүүлөрдү киргизүүгө, муну менен шайланууга конституциялык укугун ишке ашырууга тоскоол болгон учурдагы дисбаланстарды жоюуга милдеттүү деп тааныды.

Бул Чечим, Конституциялык сот, ченемди Конституцияга ылайык келет деп формалдуу түрдө тааныганда да, жүйөлөштүрүүчү бөлүктү Конституциянын үстөмдүгү, социалдык мамлекет, теңдик жана басмырлабоо сыяктуу конституциялык принциптердин артыкчылыгын камсыз кылуу үчүн колдонорун көрсөтөт. Ал конституциялык юриспруденциянын адам укуктарын материалдык жана мазмундуу түшүнүү багытында өнүгүшүн көрсөтөт, ошондой эле мамлекетке мыйзамдын чегинде гана эмес, ошондой эле Конституциянын духуна ылайык иш алып баруу милдетин жүктөйт.

Көрсөтүлгөн практикадан Конституциялык сот тарабынан иштелип чыккан бир нече туруктуу доктриналык ыкмаларды бөлүп көрсөтүүгө болот.

А) Конституциялуулук презумпциясы – абсолюттук эмес: эгерде талашылып жаткан ченемдик укуктук акт Конституциянын негизги принциптерин бузса, анда формалдуу мыйзамдуулук болсо дагы, конституциялык эмес деп таанылууга тийиш.

Б) Текшерүү инструменти катары өлчөмдөштүк: укуктарды жана ыйгарым укуктарды чектөөлөр көздөгөн максатка өлчөмдөш жана зарыл болууга тийиш.

В) Конституциянын түздөн-түз колдонулушу: Конституциянын ченемдери кошумча мыйзамдык жөнгө салууга муктаж болбостон, сот тарабынан түздөн-түз колдонулууга тийиш.

Г) Конституциялык түзүлүштүн негиздерин коргоо: эч кандай саясий же укуктук жагдайлар эгемендүүлүк, элдик бийлик, укуктук жана социалдык мамлекеттин принциптеринен четтөө үчүн негиз боло албайт.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун тажрыйбасы көрсөткөндөй, Конституциянын үстөмдүгүн реалдуу камсыз кылуу көз карандысыз жана абройлуу конституциялык көзөмөл органы болгондо гана мүмкүн. Анын ишмердүүлүгүнүн натыйжалуулугу, өз кезегинде, коомдун укуктук маданиятынын деңгээли, мамлекеттик бийлик органдарынын жоопкерчилиги жана улуттун биримдигинин символу жана укуктук тартиптин инструменти катары Конституцияны урматтоосу менен аныкталат.

Азербайжандык кесиптештерибизди Конституциянын юбилейине байланыштуу куттуктап жатып, конституциялык соттордун ортосундагы тажрыйба алмашуу жана диалогду улантуу биздин жалпы евразиялык мейкиндикте Конституциянын үстөмдүгүн бекемдөөгө өбөлгө түзөт деген ишенимди билдиргим келет.

Көңүл бурганыңыздар үчүн ырахмат.”.

Международная конференция
«Современные тенденции обеспечения верховенства Конституции
посредством осуществления конституционного правосудия»,
посвященная 30-летию Конституции Азербайджанской Республики
(г. Баку, 15-18 июля 2025 года)

Доклад
судьи Конституционного суда Кыргызской Республики
Айдарбековой Ч. А. на тему:
«Практика Конституционного суда Кыргызской Республики в
обеспечении
принципа верховенства Конституции»

«Уважаемые председатели и судьи конституционных судов, уважаемые
участники конференции, дамы и господа,

Позвольте выразить искреннюю признательность организаторам за приглашение к участию в столь значимом международном форуме, посвящённом 30-летию юбилею Конституции Азербайджанской Республики — Основного Закона, ставшего символом независимости, суверенитета и демократического развития страны.

От имени Конституционного суда Кыргызской Республики передаю самые тёплые поздравления коллегам и пожелания дальнейшего прогресса в деле утверждения принципов верховенства Конституции и правового государства.

Тема сегодняшней конференции — «Современные тенденции обеспечения верховенства Конституции посредством осуществления конституционного правосудия» — имеет особую значимость в условиях растущих вызовов глобального и регионального масштаба, затрагивающих основы конституционного строя.

В этой связи мне представляется важным поделиться опытом Конституционного суда Кыргызской Республики в реализации его основной миссии — обеспечения верховенства и прямого действия Конституции в правовом и общественно-политическом пространстве страны.

Первая Конституция Кыргызской Республики была принята в 1993 году. Несмотря на ряд последующих реформ, ее основополагающий принцип — верховенство Конституции — остается неизменным и сегодня. Демократическое развитие государства невозможно без стабильной конституционной законности, обеспечиваемой тремя ключевыми факторами: зрелым законодательством, эффективными правовыми институтами и высоким уровнем правосознания граждан. Недостаточность хотя бы одного из этих элементов снижает

действенность реализации принципа верховенства Конституции.

Сложившаяся законодательная рамка предполагает устойчивую архитектуру правовой системы, где главенствующую роль играют конституционные положения и установки, вдумчиво развивающиеся в правовой ткани ортаслевого законодательства. В то же время сила правовых институтов заключается в умении ими при любых обстоятельствах, в том числе и социальных потрясениях, соблюдать режим законности, не допуская нарушений прав и свобод граждан. В свою очередь, правовое мышление большинства членов общества способно привести в движение применение конституционных и иных нормативных установок, деятельность правовых институтов, которые в совокупности создают и взаимообуславливают состояние конституционной законности.

Важную роль в обеспечении принципа верховенства Конституции, безусловно, играют органы конституционного контроля, которые в известных случаях профессионально интерпретируют конституционные положения, помогая правовым институтам выполнять их функции по нормотворчеству и правоприменению, а также формируют правовую культуру уважения к Основному Закону.

Конституционный суд Кыргызской Республики был учрежден 14 декабря 1990 года, в нынешнем году мы справляем 35-летний юбилей нашего института. За годы становления он прошел непростой путь со своими взлетами и падениями, славой и общественной критикой деятельности, что, безусловно, добавили ему опыта и мудрости.

Практика Конституционного суда Кыргызской Республики свидетельствует о широком спектре механизмов, с помощью которых обеспечивается верховенство Конституции, включая проверку конституционности законов и иных нормативных правовых актов; официальное толкование норм Конституции; разрешение споров о компетенции между ветвями власти; защиту основных прав и свобод личности в конституционно-правовом измерении. Следует подчеркнуть, что решения Конституционного суда обладают окончательным характером, не подлежат обжалованию и обязательны к исполнению на всей территории Кыргызской Республики.

Позвольте кратко остановиться на нескольких решениях, в которых Конституционный суд руководствовался принципом верховенства Конституции при исполнении им своих непосредственных функций.

В деле о проверке конституционности нормативного положения Закона «О гарантиях деятельности Президента Кыргызской Республики» Суд рассмотрел обращение граждан, оспаривающих установленный законом правовой иммунитет экс-президента, который в силу отсутствия порядка и оснований для его снятия предоставлял его обладателю абсолютную неприкосновенность, включая за деяния, совершенные после окончания срока полномочий, что по мнению заявителей нарушало конституционные принципы равенства и неотвратимости наказания.

Орган конституционного контроля в своем Решении от 3 октября 2018 года отметил, что принцип равенства перед законом и судом является основополагающим для правового государства и подразумевает равную юридическую ответственность всех граждан, за исключением обоснованных

конституционно значимых исключений. Правовой иммунитет является допустимым отступлением от принципа равенства и оправдан в отношении действующих должностных лиц, в частности Президента, для обеспечения их независимости и эффективного исполнения функций. Вместе с тем иммунитет экс-президента, согласно оспариваемой норме выходит за пределы допустимого, поскольку не предусматривает механизма привлечения к ответственности за правонарушения, совершенные во время исполнения полномочий, и не содержит ясности в вопросе о возможности ответственности за действия, совершённые уже после окончания полномочий. В данном решении Суд четко продемонстрировал приоритет Конституции над законами, установив, что любая правовая норма, в том числе направленная на защиту публичных институтов (президентства), должна быть соразмерной и не нарушать фундаментальные конституционные принципы – в частности, равенство перед законом и неотвратимость юридической ответственности. Иммунитет экс-президента допустим лишь постольку, поскольку он не превращается в личную привилегию, противоречащую конституционному строю.

Таким образом, оспариваемая норма признана частично неконституционной, в той мере, в какой она не устанавливает механизм преодоления иммунитета и допускает двусмысленное толкование. Верховенство Конституции реализуется через обязанность законодателя устранить правовую неопределенность и обеспечить баланс между публичными гарантиями и основополагающими правами человека.

Решение подтверждает, что верховенство Конституции требует, чтобы все институты публичной власти, включая институт президентства, функционировали в рамках Конституции и не могли быть поставлены выше закона. Нормативные акты, нарушающие этот принцип, подлежат корректировке. Конституционный суд, сохраняя уважение к особому статусу главы государства, одновременно настойчиво требует четкого регулирования пределов правового иммунитета, обеспечивая тем самым соблюдение конституционного правопорядка.

По делу о проверке конституционности нормативного положения Уголовно-процессуального кодекса КР, допускающего продление меры пресечения в виде заключения под стражу «в исключительных случаях» свыше одного года. Субъект обращения отмечал, что норма не содержала четких критериев и правовой определенности, что нарушало право на свободу и личную неприкосновенность, презумпцию невиновности, а также принципы состязательности и равенства сторон.

Суд в своем Решении от 16 декабря 2020 года подчеркнул, что верховенство Конституции предполагает и верховенство ее принципов, включая правовую определенность, ясность и недвусмысленность закона. В Решении отмечается, что оспариваемая норма не раскрывает содержание понятия «исключительные случаи», тем самым оставляя суду широкое усмотрение, что создает риск произвольного ограничения свободы личности. Суд пришел к выводу, что такая неопределенность не отвечает стандартам правового государства, где ограничения прав возможны только на основе закона, имеющего достаточную ясность и предсказуемость.

Одним из ключевых выводов Решения стало утверждение, что меры, ограничивающие права личности, в том числе мера пресечения, должны быть

соразмерны цели, для которой они применяются. Орган конституционного контроля напомнил, что заключение под стражу – самая строгая мера уголовно-процессуального принуждения, и потому должна быть ограничена по срокам, четко регламентирована, а ее продление — мотивировано и обосновано. Отдельное внимание в решении уделено принципу презумпции невиновности (ст. 26 Конституции КР), который, по сути, нарушается, если обвиняемый может находиться под стражей неопределенно долго без должных оснований. Аналогично, принцип состязательности и равенства сторон (ст. 99 Конституции) также нарушается, поскольку чрезмерно длительное содержание под стражей создает дополнительные преимущества для стороны обвинения, нарушая процессуальный баланс. Суд признал оспариваемую норму противоречащей конституционным установлениям в той мере, в какой она не содержит четких правовых критериев, обеспечивающих правовую определенность, и допускает произвольное и расширительное толкование.

Конституционный суд в этом деле реализовал контроль за конституционностью закона как ключевую форму обеспечения верховенства Конституции, подчеркнув приоритет прав и свобод человека; необходимость четкости и предсказуемости закона; обязательность соблюдения международных стандартов прав человека; недопустимость произвольного ограничения прав личности.

По делу о проверке конституционности Закона «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» Конституционный суд рассмотрел ходатайство о проверке конституционности норм избирательного законодательства, устанавливающих обязательный избирательный залог в крупном размере применительно к гражданам с инвалидностью. Поводом послужила жалоба гражданина, инвалида 1 группы по зрению, который указал, что установленный законодательством залог в тысячекратном размере расчетного показателя (1150 дол.) делает для него невозможным участие в выборах в качестве кандидата, что нарушает его конституционные права и является дискриминацией по имущественному положению и состоянию здоровья.

Конституционный суд в своем Решении от 15 ноября 2023 года признал спорное положение не противоречащим Конституции, однако в мотивировочной части решения дал важнейшие правовые ориентиры, направленные на реализацию принципа верховенства Конституции, в частности, Суд подтвердил, что право быть избранным является неотъемлемой частью народовластия (статьи 2, 37 Конституции) и может быть ограничено только при наличии убедительного обоснования, не нарушающего принцип равенства и недискриминации. Было подчеркнуто, что формальное равенство не всегда ведет к фактической справедливости, и государство обязано создавать условия, компенсирующие неравное положение социально уязвимых групп, включая людей с инвалидностью.

Конституционный суд указал, что отсутствие компенсаторных механизмов в отношении избирательного залога для лиц с инвалидностью нарушает глубинное понимание конституционного принципа равенства, несмотря на внешнюю формальную правомерность нормы. Впервые в практике Суд обратился к понятию позитивных обязательств государства по обеспечению фактической реализации избирательных прав граждан с

инвалидностью, со ссылкой на международные стандарты — Конвенцию ООН о правах инвалидов и Международный пакт о гражданских и политических правах. Конституционный суд признал, что законодатель обязан разработать альтернативные механизмы участия в выборах для социально уязвимых категорий граждан, инициировать изменения законодательства и тем самым устранить существующие дисбалансы, препятствующие реализации конституционного права быть избранным.

Это решение показывает, как Конституционный суд, даже при формальном признании нормы соответствующей Конституции, использует мотивировочную часть для обеспечения приоритета конституционных принципов, таких как верховенство Конституции, социальное государство, равенство и недискриминация. Оно показывает развитие конституционной юриспруденции в направлении более материального и содержательного понимания прав человека, а также закрепляет за государством обязанность действовать не только в рамках закона, но и в соответствии с духом Конституции.

Из обозначенной практики можно выделить несколько устойчивых доктринальных подходов, выработанных Конституционным судом.

А) Презумпция конституционности — не абсолютна: если оспариваемый нормативный правовой акт нарушает базовые принципы Конституции, он подлежит признанию неконституционным, даже при наличии формальной законности.

Б) Соразмерность как инструмент проверки: ограничения прав и полномочий должны быть необходимыми и пропорциональными преследуемой цели.

В) Прямое действие Конституции: нормы Конституции подлежат непосредственному применению судом, без необходимости в дополнительном законодательном регулировании.

Г) Защита основ конституционного строя: никакие политические или правовые обстоятельства не могут служить основанием для отступления от принципов суверенитета, народовластия, правового и социального государства.

Опыт Конституционного суда Кыргызской Республики свидетельствует о том, что реальное обеспечение верховенства Конституции возможно только при наличии независимого и авторитетного органа конституционного контроля. Эффективность его деятельности, в свою очередь, определяется уровнем правовой культуры общества, ответственностью органов государственной власти и уважением к Конституции как символу и инструменту единства нации и правового порядка.

Поздравляя наших азербайджанских коллег с юбилеем Конституции, хочу выразить уверенность, что обмен опытом и продолжение диалога между конституционными судами будет способствовать укреплению верховенства Конституции в нашем общем евразийском пространстве.

Благодарю за внимание.».

AKCA SRD 5-эл аралык симпозиуму
“Санариптештирүү шартында жеке жашоонун кол тийбестигине укук”
(2025-жылдын 25-28-августу, Сеул ш., Корея Республикасы)

Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун судьясы, юридика илимдердин доктору К.Дж. Кыдырбаевдин

“Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун укуктук позицияларында чагылдырылган, санариптештирүү шартында жеке жашоонун кол тийбестигине болгон конституциялык укукту ишке ашыруунун айрым концептуалдык мамилелери жөнүндө” темасында жасаган доклады

“Урматтуу конференциянын катышуучулары жана коноктору, айымдар жана мырзалар!

Алгач, Сиздер менен бул эл аралык форумда учурашууга жана Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун атынан ага катышууга берилген мүмкүнчүлүк үчүн уюштуруучуларга ыраазычылык билдирүүгө уруксат этиңиздер!

Ошол эле учурда санариптештирүү доорунун жаңы чакырыктарынын шартында конституциялык мыйзамдуулук маселелерине арналган бүгүнкү конференциянын темасынын өзгөчө актуалдуулугун белгилеп кетким келет, бул үчүн биздин корейлык кесиптештерибизге өзүнчө ыраазычылык

билдирем! Бизге үзүрлүү ишти жана кызыктуу талкууларды каалайм!

Менин докладымдын аталышынан көрүнүп тургандай, биз Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун практикасына, атап айтканда, анын чечимдеринде билдирилген укуктук позициялардын талдоосуна таянып, конференциянын темасы боюнча айрым аспектилерди чагылдырууну максатка ылайыктуу деп таптык. Мындай ыкма, биздин оюбузча, маалымат жана иш тажрыйбасы менен алмашуу бөлүгүндө конференциянын максаттарына жана милдеттерине толук жооп берет.

Урматтуу кесиптештер, достор!

Жеке жашоонун кол тийбестигине укук – бул мамлекеттин конституциялык түзүлүшүнүн негиз түзүүчүлөрүнүн бири, ансыз анын жарандарынын жеке эркиндиги да, демократиялык институттардын туруктуу өнүгүшү да мүмкүн эмес. Ал мамлекеттин жана коомдун кийлигишүү чектерин белгилейт, адамга өзү жөнүндө маалыматтын таралышын контролдоого мүмкүнчүлүк берет жана мыйзамсыз кол салуулардан корголушун кепилдейт.

Санариптештирүү доорунда бул укук сапат жагынан жаңы чакырыктарга туш болууда: заманбап автоматташтырылган системалар жана маалыматтарды издөө жана иштеп чыгуу технологиялары, тез накталай эмес төлөмдөр, банктык жана мамлекеттик маалыматтык системалардын интеграциясы, жасалма интеллект алгоритмдерин, анын ичинде шектүү операцияларды аныктоо үчүн колдонуу. Бул технологиялар, албетте, мамлекеттик органдарга, коомдук уюмдарга, ошондой эле бизнеске, жарандарга жаңы мүмкүнчүлүктөрдү берет, бирок ошол эле учурда алар жеке жашоого ашыкча кийлигишүү тобокелдигин күчөтүп, анын кол тийбестигин бузат.

Мунун далили катары Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун 2024-жылдын 2-октябрындагы Салык кодексинин айрым жоболорунун (146-берене) конституциялуулугун текшерүү жөнүндөгү чечиминин төмөнкү талдоосун алсак болот, анда банктарды жана төлөм уюмдарын эсептери жана операциялар жөнүндө маалыматтарды салык органдарына, анын ичинде реалдуу убакыт режиминде берүүгө милдеттендирет (Караңыз: <http://192.168.1.2/bd/sites/default/files/aktykp/10-res-ks-ot-02-10-24-russkpdf.pdf>).

Кыргыз Республикасынын Конституциясы бул чөйрөдөгү кепилдиктердин бүтүндөй комплексин бекитет. 29-берененин 4 жана 5-бөлүктөрү мыйзамда түздөн-түз белгиленген учурларды кошпогондо, адамдын жеке турмушу жөнүндө маалыматтарды анын макулдугусуз чогултууга, сактоого, пайдаланууга жана жайылтууга тыюу салат.

Өлкөбүздүн Негизги мыйзамы мыйзамсыз кийлигишүүдөн соттук коргоону жана материалдык жана моралдык зыяндын ордун толтуруу укугун кепилдейт. Ошондой эле мамлекетке жеке маалыматтарды коргоону камсыз кылуу милдетин жүктөйт.

Бул конституциялык ченемдер эл аралык стандарттарга – Атуулдук жана саясий укуктар жөнүндө эл аралык пакттын 17-статьясына жана Адам укуктарынын жалпы декларациясынын 12-статьясына шайкеш келет.

“Жеке мүнөздөгү маалымат жөнүндө” Кыргыз Республикасынын Мыйзамы жеке маалыматтарга кеңири аныктама берет, анын ичинде каржылык абалы жөнүндө маалыматтарга, жана аларды иштетүү жана берүү боюнча так эрежелерди белгилейт. Мындай маалыматтарды макулдугусуз берүү сураган органдын компетенциясынын чегинде жана купуялуулук режимин сактоо менен гана мүмкүн.

Арыз ээлери тарабынан талашылып жаткан Салык кодексинин ченемдери банктарды салык органдарынын суроо-талабы боюнча салык төлөөчүлөрдүн эсептерин ачуу, жабуу жана бар экендиги жөнүндө, уюмдардын жана жеке ишкерлердин эсептери боюнча операциялар жөнүндө, ошондой эле текшерүүлөрдү жүргүзүүдө алардын эсептеринин учурдагы абалы жөнүндө маалыматтарды берүүгө милдеттендирген. Мындан тышкары, банктар жана төлөм уюмдары жеке жана юридикалык жактардын жүргүзгөн төлөмдөрү жөнүндө маалыматты реалдуу убакыт режиминде берүүгө милдеттүү болгон.

Арыз ээлери мындай абал салык органдарына ашыкча дискрециялык ыйгарым укуктарды берет, жеке жашоонун кол тийбестигине коркунуч келтирет жана банктык сыр режиминин бузулушуна алып келет деп ырасташкан. Каржылык абалы тууралуу маалымат жеке маалыматка киргендиктен, аларды субъекттин макулдугусуз берүү катуу чектелиши керек.

Жоопкер-тарап жана мамлекеттик органдардын өкүлдөрү арыз ээлеринин жүйөөлөрүнө каршы пикирин билдиришкен. Алар талашылып жаткан ченемдер көмүскө экономикага каршы күрөшүүгө, салыктык башкарууну санариптештирүүгө жана аралыктан көзөмөлдөөнүн заманбап системасын түзүүгө багытталган деп ырасташкан. Алардын пикири боюнча маалыматтарды реалдуу убакыт режиминде берүү процедураларды жөнөкөйлөтүү жана нактадай эмес төлөмдөрдө контролдук-кассалык машиналарды колдонуудан бошотуу үчүн банктардын өздөрү тараптан сунушталган (мамлекеттик салык кызматы келтирген статистика боюнча: эки айдын ичинде электрондук капчыктар жана жеке адамдардын банктык карталары аркылуу төлөмдөрдү кабыл алган 3 290го жакын соода-тейлөө ишканалары аныкталган. Бул салык салуудан качуунун белгиси катары бааланган. Буга каршы күрөшүү үчүн алдын ала белгиленген тобокелдик критерийлери боюнча транзакцияларды талдоо системасы сунушталган — мисалы, бир күндө бир капчыкка ар кайсы адамдардан 10 же андан көп төлөмдөрдүн же аномалдуу чоң суммалардын келип түшүшү. Мында операциялардын деталдарына тереңдетилген жеткиликтүүлүк соттун чечиминен кийин гана болжолдонгон).

Конституциялык сот талашылып жаткан ченемдерди Конституцияга ылайык келет деп тапкан, ошол эле учурда каралып жаткан чөйрөдөгү конституциялык мыйзамдуулукту жана тиешелүү укук тартибин камсыз кылуучу бир нече принципалдуу, негизги жоболорду баса белгилеген.

1. Обогу, сот жеке жашоого кол тийбестик укугу абсолюттук болуп саналбай тургандыгын белгилеген. Ал мыйзамдуулук, зарылчылык жана өлчөмдөштүк шарттары сакталган учурда мыйзам менен чектелиши мүмкүн. Бул учурда максат — салык төлөө боюнча конституциялык милдетти аткарууну камсыз кылуу жана натыйжалуу салыктык башкаруу болуп саналат.

2. Маалыматтарды реалдуу убакытта берүү режими тобокелдик белгилери бар операцияларды аныктоо менен чектелген. Маалыматты тандоо автоматтык түрдө, адамдын катышуусу жок, алдын ала бекитилген критерийлер менен жүргүзүлөт. Андан кийинки кандай болбосун деталдуу маалыматтарды алуу өзүнчө соттук чечимди кабыл алуу менен гана аякташы керек.

3. “Жеке маалыматтар” жана “банктык сыр” түшүнүктөрүн айырмалоо зарыл. Эсептер жана акча каражаттарынын жүгүртүлүшү жөнүндөгү маалыматтар биринчи кезекте банк менен кардардын ортосундагы мамилелерден келип чыккан банктык сырга тиешелүү. Банктык сыр жеке жашоону коргоонун элементи болуп саналат, бирок анын чектери мыйзам менен аныкталат жана ал кылмыштуу жол менен алынган же укук бузууну далилдеген маалыматка жайылтылбайт.

4. Адамдык факторду жана кыянаттык менен пайдаланууну болтурбоо үчүн, мыйзам алдындагы актыларда маалымат алмашуу тартиби кенен-кесири регламенттелиши керек. Кыргыз Республикасынын Министрлер Кабинетинин колдонуудагы токтомунун тиешелүү жоболору (2024-жылдын 4-июлундагы № 363 токтому) маалыматты берүүнүн так механизм, тандоо критерийлерин жана өз ара аракеттенүү алгоритмдерин камтышы керек.

Сот тарабынан каралган иш заманбап технологиялар укуктук системага кандайча киргизилгендигин көрсөттү. Реалдуу убакыт режиминин ишке ашырылышы транзакциялардын агымын филтрлөөчү, мүмкүн болуучу кооптуу операцияларды аныктоочу жана баштапкы талдоо үчүн агрегирленген, жыйынды маалыматтарды гана берүүчү программалык-аппараттык комплекске гана таянат. Ошентип, технология алдын ала тандоо инструментинин ролун аткарат, бирок жеке жашоо чөйрөсүнө кыйла терең кийлигишүү жөнүндө чечимди сот гана кабыл алат. Мындай ыкма технологиялык натыйжалуулуктун жана укуктук кепилдиктердин айкалышын камсыздайт.

Бул аспектте маанилүү кепилдик болуп биздин өлкөдө мамлекеттик салык кызматынын Жеке маалыматтардын массивдерин кармоочулардын реестринде катталуусу саналат, ал купуялуулук режимин сактоого милдеттүү жана маалыматтын чыгып кетпеши же мыйзамсыз пайдалангандык үчүн жоопкерчилик тартат.

Конституциялык сот өз чечиминде заманбап технологияларды мамлекеттик процесстерге интеграциялоо зарылдыгын ачык көрсөткөн, ошол эле учурда инсандын негизги укуктары сакталууга тийиш. Сот автоматташтыруу (санариптештирүү) жана купуялуулукту коргоо бири-бирин жокко чыгарбастан, тескерисинче, толуктап турган моделди түздү. Ал бир нече принципке негизделген:

тобокелдиктердин ачык-айкын критерийлерин колдонуу менен маалыматтарды автоматтык түрдө филтрлөө;

баштапкы этапта берилүүчү маалыматтын көлөмүн минималдаштыруу;

тереңдетилген жеткиликтүүлүк үчүн соттун милдеттүү уруксаты;

мыйзам алдындагы ченемдик актыларда алгоритмдерди жана жол-жоболорду так регламенттөө;

укук бузуулар үчүн органдардын жана кызмат адамдарынын жоопкерчилиги.

Каралып жаткан маселе боюнча эл аралык тажрыйба тууралуу айта турган болсок, Кыргыз Республикасында бекитилген ыкма дүйнөлүк тенденцияга ылайык келет. Көптөгөн өлкөлөрдө — АКШда, Улуу Британияда, Германияда, Францияда, Канадада, Австралияда, Сингапурда — банктар салык органдарына эсептер жана транзакциялар жөнүндө маалыматтарды берүүгө милдеттүү. Экономикалык кызматташтык жана өнүгүү уюму маалымат алмашуунун автоматтык стандартын (CRS) иштеп чыккан, ага жүздөн ашык мамлекет кошулган. Ошол эле учурда көптөгөн юрисдикцияларда маалыматтарды коргоо боюнча жөнгө салуу күчөтүлүүдө. Европа Биримдигинде маалыматтарды коргоо боюнча жалпы регламент (GDPR) иштейт, ал иштетүү боюнча катаал эрежелерди киргизет жана аларды бузгандыгы үчүн олуттуу жоопкерчиликти карайт.

Айтылгандарга карай, конституциялык көзөмөл органдарынын талкууланып жаткан тема боюнча ишинин, анын ичинде эл аралык кызматташтык жаатындагы ишинин маселелери жана иш практикасы, бүгүнкү күндө коомдук кызыкчылыктар менен жеке турмуштун кол тийбестигин коргоонун ортосундагы тең салмактуулукту камсыз кылуу, санариптештирүү шартында жарандардын жеке жашоосунун кол тийбестигине болгон укугун камсыз кылуунун оптималдуу укуктук инструменттерин иштеп чыгууда кылдат талдоону жана көңүл бурууну талап кылат.

Бул контекстте, биздин өлкөдө конституциялык көзөмөл органынын негизделгенинин 35 жылдыгына арналган, Ысык-Көлдүн жээгинде 2025-жылдын 18-июнунда өткөн “Жаңы демократия өлкөлөрүндө конституциялык сот адилеттигин калыптандыруу” аттуу эл аралык конференциянын ийгиликтүү өткөндүгүн белгилей кетүү мен үчүн кубанычтуу.

Бул аянтчада өткөн талкуунун негизги темаларынын арасында сот процесстерин санариптештирүү маселелери өзгөчө орунду ээледі — электрондук документ жүгүртүүнү, онлайн-жыйындарды жана иштерди автоматташтырылган иштетүү системаларын киргизүү; соттор тарабынан иштетилген маалыматтын көлөмү кеңейген шартта жеке маалыматтарды коргоо; жарандардын санариптик укуктарын камсыз кылуу жана өнүктүрүү; сот ишинде жасалма интеллект технологияларын колдонууга байланыштуу чакырыктарга укуктук жооп кайтаруу. Кесиптештер технологияларды киргизүү тажрыйбасы менен бөлүшүп, купуялуулукка, алгоритмдердин ачыктыгына жана маалыматтарды автоматтык түрдө иштетүүдө басмырлоого жол бербөөгө байланыштуу тобокелдиктерди талкуулашты. Жыйынтыгында өз ара аракеттенүүнү чыңдоого, укуктук ыкмалар менен алмашууга жана тездик менен өнүгүп жаткан технологиялык прогресс шартында санариптик укуктарды коргоо боюнча биргелешкен чечимдерди иштеп чыгууга макулдашылды.

Эл аралык тажрыйба жана Ысык-Көлдө өткөн талкуулар азыркы талкууланып жаткан тема менен үндөш болуп, санариптештирүү, жаңы технологиялар, жасалма интеллект бардык мамлекеттер үчүн жалпы чакырыктар экендигин тастыктады. Кыргызстан бул жагынан дүйнөлүк тенденциялар менен бирге кадам таштоого даяр экендигин көрсөтүп, ошол эле учурда улуттук өзгөчөлүктөрдү жана конституциялык баалуулуктарды эске алат.

Албетте, бул ыкманы андан ары өнүктүрүү жеке маалыматтарды жана банктык сырды коргоо боюнча мыйзамдарды тынымсыз өркүндөтүүнү, автоматташтырылган системаларга көз карандысыз аудитти киргизүүнү, тобокелдик критерийлерин өзгөрүп жаткан технологиялык чөйрөгө ылайыкташтырууну, ошондой эле эл аралык демилгелерге активдүү катышууну талап кылат.

Жыйынтыктап айтканда, санарип доордо жеке жашоонун кол тийбестигине болгон укукту коргоо мамлекеттин гана милдети эмес, ошондой эле жарандардын укуктук системага, анын ичинде сот адилеттигине болгон ишениминин шарты болуп саналат.

Кыргыз Республикасынын Конституциялык соту коомдук кызыкчылыктар менен жарандардын жеке эркиндигинин ортосундагы тең салмактуулукту сактоо менен өз ишмердүүлүгүндө технологиялык прогресс адамга кызмат кылып, басым же көзөмөлдөө куралына айланып кетпеши жана андан дагы жарандардын укуктары менен эркиндиктерин чектебешин үчүн укуктук негизди түзөт.

Көңүл бурганыңыздар үчүн ыракмат!”.

**5-й Международный симпозиум AACC SRD
«Право на неприкосновенность частной жизни
в условиях цифровизации»
(25-28 августа 2025 года, г. Сеул, Республика Корея)**

Доклад

***судьи Конституционного Кыргызской Республики Кыдырбаева К.Дж.,
доктора юридических наук на тему:***

**«О некоторых концептуальных подходах к реализации
конституционного права на неприкосновенность частной жизни
в условиях цифровизации, отраженных в правовых позициях
Конституционного суда Кыргызской Республики»**

**«Уважаемые участники и гости международной конференции,
дамы и господа!**

Прежде всего, позвольте поприветствовать всех вас на нынешнем международном форуме и от имени Конституционного суда Кыргызской Республики выразить признательность организаторам за предоставленную возможность принять участие в нем!

Одновременно, хотелось бы отметить особую актуальность темы сегодняшней конференции, посвященной вопросам конституционной законности в условиях новых вызовов эпохи цифровизации, за что отдельная благодарность нашим корейским коллегам! Желаю нам плодотворной работы и интересных обсуждений!

Как видно из названия моего доклада, в нем мы посчитали целесообразным отразить отдельные аспекты по теме конференции, опираясь на практику Конституционного суда Кыргызской Республики, в частности на анализ правовых позиций, выраженных в его решениях. Такой подход, наш взгляд, будет наиболее полно соответствовать целям и задачам конференции в части обмена информацией и опытом работы.

Уважаемые коллеги, друзья!

Право на неприкосновенность частной жизни — это один из краеугольных камней конституционного строя государства, без которого практически невозможна ни личная свобода его граждан, ни устойчивое развитие демократических институтов. Оно очерчивает границы вмешательства государства и общества, даёт человеку возможность контролировать распространение информации о себе и гарантирует защиту от незаконных посягательств.

В эпоху цифровизации это право сталкивается с качественно новыми вызовами: современные автоматизированные системы и технологии поиска и обработки данных, мгновенные безналичные платежи, интеграция банковских и государственных информационных систем, использование алгоритмов искусственного интеллекта, в том числе для выявления подозрительных операций. Эти технологии, безусловно, дают государственным органам, общественным организациям, а также бизнесу, гражданам новые возможности, но одновременно они также усиливают и риски чрезмерного вмешательства в личную жизнь, нарушающие ее неприкосновенность.

Подтверждением сказанному служит нижеследующий анализ решения Конституционного суда Кыргызской Республики от 2 октября 2024 года по делу о проверке конституционности отдельных положений статьи Налогового кодекса (статья 146), обязывающих банки и платёжные организации передавать налоговым органам сведения о счетах и операциях, в том числе в режиме реального времени (См.: <http://192.168.1.2/bd/sites/default/files/aktykp/10-res-ks-ot-02-10-24-russkpdf.pdf>).

Конституция Кыргызской Республики закрепляет целый комплекс гарантий в этой сфере. Часть 4 и 5 статьи 29 запрещают сбор, хранение, использование и распространение сведений о частной жизни человека без его согласия, за исключением прямо установленных законом случаев.

Основной закон нашей страны гарантирует судебную защиту от неправомерного вмешательства и право на возмещение материального и морального вреда. Он же устанавливает обязанность государства обеспечивать защиту персональных данных.

Эти конституционные нормы корреспондируют международным стандартам - статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и статье 12 Всеобщей декларации прав человека.

Закон Кыргызской Республики «Об информации персонального характера» даёт развернутое определение персональных данных, включая сведения о финансовом положении, и устанавливает строгие правила их обработки и передачи. Передача таких данных без согласия возможна лишь

в пределах компетенции запрашивающего органа и с соблюдением режима конфиденциальности.

Оспариваемые заявителями нормы Налогового кодекса обязывали банки по запросу налоговых органов предоставлять сведения об открытии, закрытии и наличии счетов налогоплательщиков, об операциях по счетам организаций и индивидуальных предпринимателей, а также о текущем состоянии их счетов при проведении проверок. Дополнительно банки и платёжные организации обязаны были передавать в режиме реального времени информацию о совершённых платежах физических и юридических лиц.

Заявители утверждали, что такое положение создает чрезмерные дискреционные полномочия налоговых органов, угрожают неприкосновенности частной жизни и нарушают режим банковской тайны. В то время, когда сведения о финансовом положении относятся к персональным данным, а их передача без согласия субъекта должна быть строго ограничена.

Сторона-ответчик и представители государственных органов возражали доводам заявителей. Они настаивали, что оспариваемые нормы направлены на борьбу с теневой экономикой, цифровизацию налогового администрирования и создание современной системы дистанционного контроля. Передача данных в режиме реального времени, по их мнению, была предложена самими банками для упрощения процедур и освобождения от применения контрольно-кассовых машин при безналичных платежах (государственная налоговая служба приводила статистику: за два месяца выявлено около 3 290 торгово-сервисных предприятий, принимавших оплату через электронные кошельки и банковские карты физических лиц. Это расценивалось как признак ухода от налогообложения. Для борьбы с этим предлагалась система аналитики транзакций по заранее заданным критериям риска — например, 10 и более платежей от разных лиц на один кошелёк в день или поступление аномально крупных сумм. При этом углублённый доступ к деталям операций предполагался только после судебного решения).

Конституционный суд признал оспариваемые нормы соответствующими Конституции, подчеркнув в то же время, несколько принципиальных, ключевых положений, обеспечивающих конституционную законность в рассматриваемой сфере и соответствующий правопорядок.

1. Прежде всего, суд отметил, что право на неприкосновенность частной жизни не является абсолютным. Оно может быть ограничено законом при соблюдении условий законности, необходимости и соразмерности. В данном случае цель — обеспечение исполнения конституционной обязанности платить налоги и эффективное налоговое администрирование.

2. Режим передачи данных в реальном времени ограничен выявлением операций с признаками риска. Отбор информации осуществляется автоматически, без участия человека, по заранее утверждённым критериям. Любое последующее получение детализированных сведений должно завершаться лишь принятием отдельного судебного решения.

3. Необходимо разграничивать понятия «персональные данные» и «банковская тайна». Сведения о счетах и движении средств, в первую очередь относятся к банковской тайне, порождённой отношениями между банком и клиентом. Банковская тайна является элементом защиты частной

жизни, но её пределы определяются законом, и она не распространяется на информацию, полученную преступным путём или свидетельствующую о правонарушении.

4. Подлежит более детальной регламентации порядок обмена данными в подзаконных актах, чтобы исключить человеческий фактор и злоупотребления. Соответствующие положения действующего Постановления Кабинета Министров Кыргызской Республики (№363 от 4 июля 2024 года) должны содержать чёткий механизм передачи информации, критерии отбора и алгоритмы взаимодействия.

Рассмотренное судом дело показало, как современные технологии встроены в правовую систему. Реализация режима реального времени опирается на программно-аппаратный комплекс, который фильтрует поток транзакций, выявляет потенциально рискованные операции и передаёт только агрегированные сведения для первичного анализа. Таким образом, технология выполняет роль инструмента предварительного отбора, но решение о более глубоком вмешательстве в сферу частной жизни остаётся только за судом. Такой подход обеспечивает сочетание технологической эффективности и правовых гарантий.

Важной гарантией в данном аспекте выступает и то, что государственная налоговая служба в нашей стране зарегистрирована в Реестре держателей массивов персональных данных, обязана соблюдать режим конфиденциальности и несёт ответственность за утечку или неправомерное использование информации.

Конституционный суд в своем решении наглядно продемонстрировал необходимость интегрирования современных технологий в государственные процессы, сохраняя при этом фундаментальные права личности. Суд выстроил модель, в которой автоматизация (цифровизация) и защита приватности не исключают, а дополняют друг друга. Она основана на нескольких принципах:

- автоматическая фильтрация данных с применением прозрачных критериев риска;
- минимизация объёма передаваемой информации на начальном этапе;
- обязательное судебное разрешение для углублённого доступа;
- строгая регламентация алгоритмов и процедур в подзаконных нормативных актах;
- ответственность органов и должностных лиц за нарушения.

Говоря о международном опыте по рассматриваемому вопросу, отметим, что подход, закреплённый в Кыргызской Республике, соответствует мировой тенденции. Во многих странах – США, Великобритании, Германии, Франции, Канаде, Австралии, Сингапуре – банки обязаны передавать налоговым органам сведения о счетах и транзакциях. Организация экономического сотрудничества и развития разработала стандарт автоматического обмена информацией (CRS), к которому присоединились более ста государств. При этом во многих юрисдикциях одновременно усиливается регулирование защиты данных. В Европейском союзе действует Общий регламент по защите данных (GDPR), который вводит строгие правила обработки и предусматривает серьёзную ответственность за их нарушение.

Из сказанного следует, что вопросы и практика деятельности органов конституционного контроля по обсуждаемой тематике, в том числе в плане международного сотрудничества, на сегодняшний день требуют тщательного анализа и внимания для обеспечения баланса между публичными интересами и защитой приватности, выработки оптимальных правовых инструментов обеспечения права граждан на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровизации.

В данном контексте, мне отрадно отметить о прошедшей у нас на берегу озера Иссык-Куль 18 июня 2025 года международной конференции на тему «Становление конституционного правосудия в странах новой демократии», приуроченной к 35-летию основания в нашей стране органа конституционного контроля.

Среди ключевых тем обсуждения на этой площадке особое место заняли вопросы цифровизации судебных процессов — внедрение электронного документооборота, онлайн-заседаний и автоматизированных систем обработки дел; защита персональных данных в условиях расширяющегося объема информации, обрабатываемой судами; обеспечение и развитие цифровых прав граждан; правовое реагирование на вызовы, связанные с применением технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности. Коллеги обменялись опытом внедрения технологий, обсудили риски, связанные с конфиденциальностью, прозрачностью алгоритмов и недопущением дискриминации при автоматической обработке данных. Итогом стало согласие на укрепление взаимодействия, обмен правовыми подходами и совместную выработку решений для защиты цифровых прав в условиях стремительного технологического прогресса.

Международный опыт и обсуждения на Иссык-Куле в унисон с ныне обсуждаемой темой подтверждают, что цифровизация, новые технологии, искусственный интеллект являются общими вызовами для всех государств. Кыргызстан в этом плане показывает готовность и далее идти в ногу с мировыми тенденциями, но при этом учитывать национальные особенности и конституционные ценности.

Конечно же, дальнейшее развитие этого подхода требует постоянного совершенствования законодательства о защите персональных данных и банковской тайны, внедрения независимого аудита автоматизированных систем, адаптации критериев риска к меняющейся технологической среде, а также активного участия в международных инициативах.

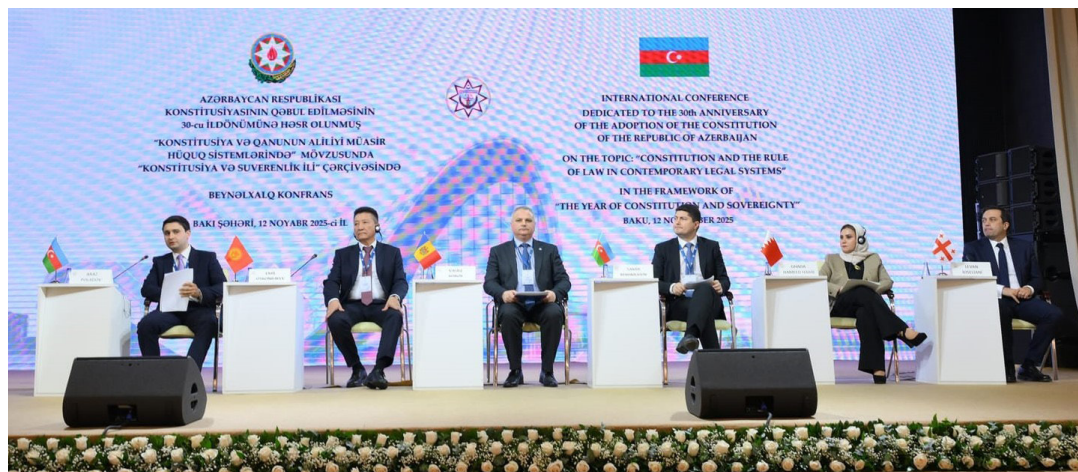
В заключение отметим, что в цифровую эпоху защита права на неприкосновенность частной жизни становится не просто обязанностью государства, но и условием доверия граждан к правовой системе, в том числе правосудию.

Конституционный суд Кыргызской Республики, сохраняя баланс между публичными интересами и личной свободой граждан, в своей деятельности формирует правовую основу для того, чтобы технологический прогресс служил человеку, а не превращался в инструмент давления или контроля и более того, ограничения прав и свобод граждан.

Благодарю за внимание!».

“Азербайжан Республикасынын Конституциясынын 30 жылдыгына арналган “Конституция жана азыркы укуктук системалардагы мыйзамдын үстөмдүгү” аттуу эл аралык конференция (Баку ш., 2025-жылдын 12-ноябры)

***Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун
Төрагасы Э.Ж. Осконбаевдин***

“Конституциялык принциптер: укуктун үстөмдүгүнө карай жол” сессиясынын алкагында “Кыргыз Республикасында конституциялык көзөмөлдүн калыптанышы: институтташтыруунун чакырыктары жана туруктуулук жолдору” темасында чыгып сүйлөгөн сөзү

**Урматтуу Төрага, конференциянын катышуучулары!
Айымдар жана мырзалар!**

Кыргыз Республикасынын Конституциялык сотунун жана жеке өзүмдүн атымдан Эл аралык конференциянын катышуучуларын куттуктайм жана Азербайжан Республикасынын Конституциялык сотуна жана Сизге жеке өзүңүзгө, урматтуу Фархад Саибович, чакырууңуз жана ушундай маанилүү иш-чарада сөз сүйлөөгө мүмкүнчүлүк бергениңиз үчүн терең ыраазычылык билдирем.

Бүгүн биз Негизги мыйзамдын – Азербайжан Республикасынын Конституциясынын 30 жылдыгын белгилеп жатабыз, ал 1995-жылы мамлекеттүүлүктүн стратегиялык багытын белгилеп, андан ары өнүгүүнүн негизги принциптерин бекитип, коомдук бийликтин архитектурасын аныктаган. Бул дата жөн гана календарлык чек эмес, убакыттын, реформалардын жана тарыхый чакырыктардын сыноосунан өткөн укуктук тартиптин жетилгендигинин жыйынтыгы. Азербайжандын Конституциясы

туруктуу өнүгүүнүн, мамлекеттик институттарды модернизациялоонун жана эгемендүүлүктүн негизи болуп калды. Дал ушул Конституция коомду бириктирген баалуулуктарга укуктук форма берди: инсандын кадыр-баркы, мыйзамдын үстөмдүгү, адилеттүүлүк жана жарандык тилектештик. Отуз жылдын ичинде конституциялык ченемдер башкаруунун жана укук колдонуунун күнүмдүк практикасына айланып, мамлекеттин чечимдеринин алдын ала болжолдуулугун жана мыйзамдуулугун камсыз кылды.

Юбилейлик конференциянын Азербайжан Республикасынын Конституциялык сотунун калкасы астында өтүшү терең символикалуу. Конституциянын текстинин жана рухунун сактоочусу катары Сот конституциялык тартиптин бүтүндүгүн камсыздайт, бийликтердин тең салмактуулугун колдойт жана адамды өзүм билемдиктен коргоонун эң жогорку кепилдиги болуп кызмат кылат.

Бирок бүгүн – Конституциянын өзүнүн күнү, анын баалуулуктарынын жана анын бириктирүүчү күчүнүн күнү. Азербайжандын Конституциясы мындан ары да анын эгемендигинин символу, мамлекет менен жарандардын ортосундагы “ишеним келишими” болуп кала берерине, өлкөнү туруктуу жана адилеттүү өнүгүүгө карай багыттап тургандыгына ишенем.

Урматтуу достор!

Азербайжан элин Жеңиш күнү (8-ноябрь) жана Мамлекеттик туу күнү (9-ноябрь) менен чын жүрөктөн куттуктайм. Бул даталар эрдикти, улуттук биримдикти жана мамлекеттүүлүк идеалдарына берилгендикти билдирет. Ар бир үй-бүлөгө тынчтыкты жана гүлдөп өнүгүүнү каалайм. Азербайжандын туусу ар дайым сыймыктануунун жана жаратмандыктын символу болсун, ал эми Жеңиш жөнүндө эс-тутум – күч-кубаттын жана келечек үчүн жоопкерчиликтин булагы болсун.

Бүгүнкү башталган мазмундуу талкууну улантып, менин өлкөм үчүн гана эмес мааниге ээ, ошондой эле боордош өлкөлөрдө болуп жаткан процесстер менен да жалпы белгилери бар темада, тагыраак айтканда, конституциялык көзөмөл институтунун калыптанышы, анын азыркы чакырыктарын түшүнүү жана андан ары өнүгүү багыттарын аныктоо маселесине токтолгум келет.

Белгилүү болгондой, 1991-жылы Советтер Союзу ыдырагандан кийин көз карандысыздыкка ээ болгон өлкөлөрдө коомдук жана мамлекеттик түзүлүштөрдү масштабдуу трансформациялоо башталган жана Кыргызстан да четте калган эмес. Биз эң биринчи кезектеги милдеттердин бири катары чыныгы демократияны, эркин жарандык коомду, укуктук мамлекетти, Конституциянын үстөмдүгүн, адамдык кадыр-баркты урматтоону калыптандырууну көрдүк. Ушуга байланыштуу, мамлекеттик бийлик жана башкаруу органдарынын системасын кайра уюштуруу процессинде республиканын Конституциясына 1990-жылдын 14-декабрында эле түзөтүүлөрдү киргизүү аркылуу Конституциялык сот түзүлгөн.

1993-жылы көз карандысыз Кыргызстандын биринчи Конституциясынын кабыл алынышы биздин мамлекеттүүлүгүбүздүн калыптанышындагы маанилүү этап болду. Ал көз карандысыздыктын, сөз эркиндигинин жана мыйзам үстөмдүгүнүн принциптерин бекемдеп, азыркы мамлекеттин укуктук жана институционалдык негиздерин түптөдү, алар кийин

институционалдык өнүгүүнүн жана конституциялык көзөмөл институтун реформалоонун пайдубалы болуп калды.

Бирок, менин өлкөмдө конституциялык көзөмөлдүн калыптануу жолу татаал жана карама-каршылыктуу болду.

Албетте, башкы көйгөй көз карандысыз конституциялык көзөмөлдөө салтынын жоктугу болду, анткени советтик системада укуктун эмес, бийликтин үстөмдүгү принциби үстөмдүк кылган.

Системалуу мүнөздөгү чакырыктар кээде советтик укуктук мурасты жеңүүдө, укуктук маданияттын өнүкпөгөндүгүндө, ар кандай кысым формаларында жана кадрдык кыйынчылыктарда болгон жана алар азыр дале бар. Конституциялык соттун ролу жана ыйгарым укуктары жөнүндө курч талаш-тартыштар болгон. Биздин мамлекеттүүлүктүн калыптануусунун ар кандай этаптарында парламенттер жана президенттер соттун алардын актыларын жокко чыгаруу жөндөмүн моюнга алууга дайым эле даяр боло берген эмес, бул ар кандай чыр-чатактарга алып келген. Бул бийлик тарабынан да, коом тарабынан да Конституциялык соттун чечимдерин этибарга албоо түрүндөгү укуктук нигилизмди жараткан.

Жаңы түптөлгөн сот дароо эле саясий күрөшкө аралашып, 2007-жылы парламент менен Конституциялык соттун ортосундагы тирешүү парламенттин тарашына алып келди, ал эми 2010-жылдагы кандуу окуялардан кийин Конституциялык сот таркатылган эле.

Бактыга жараша, 2021-жылы жаңы Конституция кабыл алынгандан кийин Конституциялык соттун статусу кайра калыбына келтирилди. Бул жерде, албетте, 2010-жылдан 2021-жылга чейин конституциялык көзөмөл органы Жогорку соттун Конституциялык палатасы түрүндө иштеп, бул болгон потенциалды гана эмес, ошондой эле өнүгүү темпин да сактоого мүмкүндүк бергенин белгилей кетүү керек.

Андан ары, система түзүүчү көйгөйлөргө токтолгум келет, менин оюмча, аларды жеңүү биздин өлкөлөрдө конституциялык көзөмөлдүн туруктуу өнүгүүсүнүн зарыл шарты болуп саналат.

Бүгүнкү күндө коомдук аң-сезимде Конституция көбүнчө формалдуу, абстракттуу нерсе катары кабылданган фактысы көңүлдү бурат. Учурларга карата, бирок коомдун күнүмдүк жашоосуна, айрыкча ар бир адамдын жашоосуна таасир этпеген текст катары цитата келтирилет.

Бул, аныгында баарыбыз үчүн негизги чакырык.

Баарыбыз Конституцияга, жетүүгө мүмкүн болбогон идеал катары коомдогу демейки мамилени өзгөртүшүбүз керек, ал эми ал коомдун жашоосунун негизги аспектилери жөнгө салуучу жандуу жана натыйжалуу инструмент катары кабылданууга тийиш. Конституция ар бир юристтин гана эмес, ар бир жарандын ой жүгүртүүсүнүн бир бөлүгү болушу керек.

Албетте, Конституциянын үстөмдүгүн анын текстинин сөзмө-сөз сакталышын талап кылуу менен гана камсыз кылуу мүмкүн эмес, бул жерде Конституциялык сот өз чечимдерин кабыл алууда берген чечмелөөлөрү канчалык натыйжалуу экендиги маанилүү.

Биз өз тарабыздан биздин ар бир чечим толук юридикалык аныктыкка, укуктук тартиптин туруктуулугуна жетүүгө мүмкүндүк бергидей, укукту түшүнүүнүн жана колдонуунун стандарттарын белгилөө менен жаңы конституциялык маданиятты калыптандырууга аракет кылабыз, алар коомго, саясатчыларга, укук коргоо органдарына демократиялык мамлекетте жол берилген жана жол берилбеген нерсенин ортосундагы чек кайдан өтөөрүн көрсөткөн сигнал катары кабылданышы керек.

Албетте, укуктук аң-сезимди өзгөртүү – бул убакыттын жана жалпы күч-аракеттин маселеси.

Биз системалуу негизде бийлик органдарына жана коомго Конституциялык соттун укуктук позицияларын этибарга албоо, бул Башкы мыйзам менен учурдагы укук колдонуунун ортосунда болушу керек болгон логикалык жана укуктук байланыш үзүлүп, Конституциянын өзүн этибарга албоо болуп саналат. Конституциялык соттун чечимдери тийиштүү түрдө эске алынбаса, Конституция үнсүз, анын жоболору формалдуу, ал эми анын принциптери жеткиликсиз болуп кала берет деп биз бардык аянтчаларда тынымсыз айтып келебиз. Конституциялык соттун чечимдери – бул конституциялык юрисдикция аркылуу билдирилген Конституциянын үнү. Аларды аткаруу – тандоонун предмети эмес, конституциялык лоялдуулук маселеси.

Бул чечимдерди колдонуу:

- башка органдар тарабынан талкууга же кайра каралууга жатпайт;
- саясий максатка ылайыктуулуктан көз каранды эмес;
- баары үчүн бирдей милдеттүү болуп саналат.

Эгерде кайсы бир жерде Конституциялык соттун чечимдерине билбестиктен, инерциядан же саясий эрктен улам көңүл бурулбаса, бул Конституциянын үстөмдүгү принцибинин өзүнө доо кетирет. Биз көпчүлүктүн эрки, бийликтин кызыкчылыгы же юридикалык шалаакылык Башкы Мыйзамдан артык салмакка ээ болушуна жол берген болобуз.

Урматтуу кесиптештер! Конституциялык көзөмөлдүн калыптанышы – бул старт алуу жана мара сызыгы эмес, бул институционалдык жетилүү жолу. Көз карандысыздык, жеткиликтүүлүк, аткаруу жана ачык диалог – булар туруктуулукту кармап турган төрт таяныч болуп саналат. Эгерде биз алардан күнүмдүк практиканы кура турган болсок, конституциялык сот адилеттиги мамлекеттин чукул “оңдоп-түзөтүү бригадасы” эмес, эркиндиктерди реалдуу кылган, бийликти укук менен чектеген, ал эми келечекти айтууга боло турган демейки режим болуп калат.

Көңүл бурганыңыздар үчүн ыракмат!

**Международная конференция «Конституция и верховенство права
в современных правовых системах», посвященная 30-летию
Конституции**

**Азербайджанской Республики
(г.Баку, 12 ноября 2025 года)**

**Выступление председателя
Конституционного суда Кыргызской Республики
Осконбаева Э.Ж. на тему:**

**«Становление конституционного контроля в Кыргызской Республике:
вызовы институционализации и пути устойчивости» в рамках сессии
«Конституционные принципы: путь к верховенству права»**

«Уважаемые господин председатель, участники конференции!

Дамы и господа!

Позвольте от имени Конституционного суда Кыргызской Республики и от себя лично поприветствовать участников Международной конференции и выразить глубокую благодарность Конституционному суду Республики Азербайджан и Вам лично, уважаемый Фархад Саибович, за приглашение и возможность выступить на столь значимом мероприятии.

Сегодня мы отмечаем 30-летие Конституции Азербайджанской Республики — Основного закона, который в 1995 году задал стратегический вектор государственности, закрепил основные принципы дальнейшего развития и определил архитектуру публичной власти. Эта дата — не просто календарный рубеж, а итог зрелости правового порядка, проверенного временем, реформами и историческими вызовами. Конституция Азербайджана стала фундаментом устойчивого развития, модернизации государственных институтов и основой суверенитета. Именно она придала правовую форму тем ценностям, которые объединяют общество: достоинству личности, верховенству права, справедливости и гражданской солидарности. За три десятилетия конституционные нормы трансформировались в повседневные практики управления и правоприменения, обеспечив предсказуемость и легитимность решений государства.

То, что юбилейная конференция проходит под эгидой Конституционного суда Азербайджанской Республики, глубоко символично. Будучи хранителем текста и духа Конституции, Суд обеспечивает целостность конституционного порядка, поддерживает баланс властей и служит высшей гарантией защиты человека от произвола.

Но сегодня — день самой Конституции, её ценностей и её объединяющей силы. Убеждён, что азербайджанская Конституция и далее останется символом ее суверенитета, «живым договором доверия» между государством и

гражданами, направляя страну к устойчивому и справедливому развитию.

Дорогие друзья!

Позвольте также сердечно поздравить народ Азербайджана с Днём Победы (8 ноября) и Днём Государственного флага (9 ноября). Эти даты олицетворяют мужество, национальное единство и верность идеалам государственности. Желаю мира и процветания каждой семье. Пусть флаг Азербайджана всегда будет символом достоинства и созидания, а память о Победе — источником силы и ответственности за будущее.

В продолжение начатого сегодня содержательного обсуждения мне бы хотелось остановиться на теме, которая имеет особое значение не только для моей страны, но и, без сомнения, обладает общими чертами с процессами, которые происходят в братских странах, а именно на становлении института конституционного контроля, осмыслении его современных вызовов и определении направлений дальнейшего развития.

Как известно, после распада Советского Союза в 1991 году началась масштабная трансформация общественного и государственного устройства в странах, обретших независимость, и Кыргызстан не был исключением. Одной из первостепенных задач мы видели формирование реальной демократии, свободного гражданского общества, правового государства, верховенство Конституции, уважение человеческого достоинства. В этой связи, в процессе реорганизации системы органов государственной власти и управления посредством внесения поправок в Конституцию республики еще 14 декабря 1990 года был образован Конституционный суд.

Принятие в 1993 году первой Конституции независимого Кыргызстана стало важным этапом в становлении нашей государственности. Она закрепила принципы независимости, свободы слова и верховенства права, заложив правовые и институциональные основы современного государства, которые впоследствии стали фундаментом дальнейшего институционального развития и реформирования института конституционного контроля.

Однако, путь становления конституционного контроля в моей стране был сложным и противоречивым.

Конечно же, главной проблемой стало отсутствие традиции независимого конституционного контроля, так как в советской системе господствовал принцип верховенства власти, а не права.

Вызовы, которые носили системный характер заключались, порою и до сих пор заключаются: в преодолении советского правового наследия, в неразвитости правовой культуры, различных формах давления и кадровые трудности. Возникали острые споры о роли и полномочиях Конституционного суда. Парламенты и президенты на разных этапах становления нашей государственности не всегда были готовы признать, что суд способен отменить их акты, что вело к различного рода конфликтам. Это порождало правовой нигилизм в виде игнорирования решений Конституционного суда как властями, так и обществом.

Молодой суд сразу же оказался втянут в политическую борьбу, в 2007 году противостояние между Парламентом и Конституционным судом привело к роспуску Парламента, а после кровавых событий 2010 года Конституционный суд был и вовсе расформирован.

К счастью, с принятием новой Конституции в 2021 году статус-кво Конституционного суда был восстановлен. Здесь конечно же надо отметить, что с 2010 по 2021 год орган конституционного контроля функционировал в виде Конституционной палаты Верховного суда, что позволило не просто сохранить имевшийся потенциал, но и сохранить темпы развития.

Далее, хочу остановиться на системообразующих проблемах, преодоление которых является, на мой взгляд, необходимым условием устойчивого развития конституционного контроля в наших странах.

На сегодняшний день обращает на себя внимание тот факт, что до сих пор в общественном сознании Конституция часто воспринимается как нечто формальное, абстрактное. Как текст, который цитируется по случаю, но не влияет на повседневную жизнь общества, тем более каждого человека.

И это, на самом деле, основной вызов для всех нас.

Нам всем необходимо менять привычное в обществе отношение к Конституции как к недостижимому идеалу, тогда как она должна восприниматься как живой и действенный инструмент, регулирующий ключевые аспекты жизни общества. Конституция должна стать частью мышления не только каждого юриста, но и каждого гражданина.

Естественно, верховенство Конституции невозможно обеспечить только за счёт требования буквального соблюдения её текста, здесь важно, насколько эффективны толкования, которые даёт Конституционный суд, принимая свои решения.

Мы, со своей стороны, стараемся, чтобы каждое наше решение позволяло достичь полной юридической определённости, стабильности правового порядка, формировало новую конституционную культуру, задавая стандарты правопонимания и правоприменения, чтобы они воспринимались как сигнал обществу, политикам, правоприменителям: где проходит грань между допустимым и недопустимым в демократическом государстве.

Мы работаем над тем, чтобы наши решения воспринимались как продолжение Конституции, придающее её нормам ясность, практическую направленность и правовую конкретику и входили в арсенал практического мышления каждого юриста как принципиальный инструмент аргументации.

Конечно же изменение правосознания: дело времени и общих усилий.

И мы на системной основе пытаемся привить органам власти и общества истину, что игнорирование правовых позиций Конституционного суда - это игнорирование самой Конституции, когда обрывается логическая и правовая связь, которая должна существовать между Основным законом и текущим правоприменением. Мы без устали на всех площадках говорим о том, что

без должного учёта решений Конституционного суда Конституция остаётся беззвучной, её положения — формальными, а её принципы — недостижимыми. Решения Конституционного суда — это и есть голос Конституции, выраженный через конституционную юрисдикцию. Их исполнение — не предмет выбора, а вопрос конституционной лояльности.

Применение этих решений:

- не подлежит обсуждению или пересмотру другими органами;
- не зависит от политической целесообразности;
- является обязательным в равной мере для всех.

Если где-либо допускается игнорирование решений Конституционного суда — по незнанию, по инерции или по политической воле — это подрывает сам принцип верховенства Конституции. Мы допускаем, чтобы воля большинства, интерес власти или юридическая небрежность имели больший вес, чем Основной закон.

Уважаемые коллеги! Становление конституционного контроля — это не линия старта и финиша, а путь институционального взросления. Независимость, доступность, исполнение и открытый диалог — четыре опоры, на которых держится устойчивость. Если мы построим из них повседневную практику, конституционное правосудие станет не экстренной «ремонтной бригадой» государства, а режимом нормальности, который делает свободы реальными, власть — ограниченной правом, а будущее — предсказуемым.

Благодарю за внимание.».

4. НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Статья Кожихметовой Саулет Газизовны, магистра юриспруденции, старшего преподавателя, докторанта 3 курса Международного университета Астана (Казахстан)

«ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В КАЗАХСТАНЕ И НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ СНГ»

УДК 342.4

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОРГАНОВ
КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ В КАЗАХСТАНЕ И
НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ СНГ**

Кожихметова Саулет Газизовна, магистр юриспруденции, старший преподаватель, докторант 3 курса, Международный университет Астана (Астана, Казахстан); k_saulet@mail.ru

ORCID 0000-0002-3676-1413

Аннотация

В период проведения больших изменений, конституционно-правовых новелл в некоторых постсоветских стран, в том числе в Казахстане приводят проведению научных исследований. Для успешной реализации этих реформ необходимо всесторонний подход, особенно научные исследования. В статье рассмотрены основы конституционного законодательства по обеспечению прав человека и гражданина органом конституционного контроля в силу последних конституционных реформ. Выборочно проведен сравнительный анализ конституционного законодательства по формированию Конституционных судов (КС) в некоторых странах Содружества Независимых Государств (Казахстана, России, Узбекистана, Кыргызстана и Беларуси). Выявлены как общие черты сходства: роль органов ветвей власти при формировании КС, так и отличия: способы и процедуры создания органа (избрание, назначение), квалификационные требования к кандидату в судьи. Особое внимание уделено эволюции подходов к институциональному укреплению и созданию отдельного органа Конституционного Суда для обеспечения верховенства Конституции. Результаты исследования подчеркивают необходимость дальнейшего совершенствования и укрепления проведения конституционного контроля в трансформационный период и политической нестабильности.

Ключевые слова: конституционный контроль, конституционная реформа, Конституция, Конституционный суд, модель конституционного контроля, конституционные права граждан, субъекты обращений.

Saulet G. Kozhakhmetova Master of Laws, Senior Lecturer, 3rd year PhD student, Higher School of Law, Astana International University (Astana, Kazakhstan) k_saulet@mail.ru

ORCID 0000-0002-3676-1413

LEGAL BASIS FOR THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL CONTROL BODIES IN KAZAKHSTAN AND SOME COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES COUNTRIES

Abstract

During a period of significant constitutional and legal reforms in several post-Soviet countries, including Kazakhstan, increasing attention has been devoted to academic research in this field. The successful implementation of these reforms requires a comprehensive approach, particularly through scholarly analysis. This article examines the foundations of constitutional legislation aimed at ensuring human and civil rights by bodies of constitutional control in light of recent constitutional reforms. A comparative analysis was conducted of selected constitutional legislation governing the formation of Constitutional Courts in several Commonwealth of Independent States countries, including Kazakhstan, Russia, Uzbekistan, Kyrgyzstan, and Belarus. The study identifies both common features, such as the role of branches of government in the formation of Constitutional Courts, and differences, including methods and procedures for establishing such bodies (election or appointment) and qualification requirements for judicial candidates.

Particular attention is paid to the evolution of approaches toward institutional strengthening and the establishment of an independent Constitutional Court to ensure the supremacy of the Constitution. The results of the study emphasize the need for the further development and strengthening of constitutional control mechanisms during periods of political instability and societal transformation.

Keywords: constitutional control, constitutional reform, Constitution, Constitutional Court, model of constitutional control, constitutional rights of citizens, subjects entitled to file petitions.

Введение.

Государства постсоветской эпохи, ныне независимые страны (страны СНГ) развиваются под влиянием романо-германской правовой системы. Исторический факт ведь огромный период жизни данных стран связан с СССР, поэтому в становлении каждого из них на пути к независимому правовому государству неизбежно прослеживается влияние римского права.

Касательно вопроса совершенствования конституционного законодательства по обеспечению прав человека и гражданина, в частности социально-экономических прав актуальным является институт конституционного контроля. Который в силу определенных обстоятельств по-разному развивается в постсоветских странах, но есть у них и общие черты и схожие нормы, обеспечивающие защиту прав человека.

Роль института конституционного контроля в мире, особенно в последнее время возрастает в силу нестабильной политики и порой радикально нацеленных на изменение политик-правовой системы в целом. Поэтому необходимо проводить научное исследовательское обоснование изменений и явных проявлений агрессии в развитии государства в целом, в том числе и правового, социального развития.

Ведь именно орган, осуществляющий конституционный контроль, проводит систематическую работу над сохранением и защитой верховенства норм Конституции конкретного государства. Многие страны Содружества Независимых Государств (далее СНГ) в том числе и Казахстан с момента обретения независимости создавали такой орган, который на практике должен был первоочередной задачей обеспечить реализацию и защиту прав граждан.

Так еще будучи в СССР 1988 году в Конституцию и действующее законодательство, были внесены изменения и дополнения, и одним из основных было о создании Комитета конституционного надзора СССР. В РСФСР, такой орган был создан вместо так и не сформированного Комитета конституционного надзора – Конституционный Суд РСФСР (15.12.1990г.)¹

В Казахстане также в 1992 году, после обретения независимости создается Конституционный Суд, но в силу определенных причин действует только до 1995 года.

Для успешного функционирования органа конституционного контроля полагаем необходимо придерживаться соответствующей модели (либо создать свою, национальную) которая обеспечила бы реальную защиту

прав граждан. С этой позиции необходимо исследовать правовые вопросы формирования данного органа, проводя всесторонний анализ норм конституционного законодательства.

С целью выявления с помощью научного поиска общих и уникальных (особых) правовых способов формирования Конституционного Суда (далее КС) проводится данное исследование.

При создании такого влиятельного и весьма элитного органа каждое государство стремится соотнести нормы международного уровня с национальными. Далее предстоит их рассмотрение по некоторым странам нынешнего СНГ.

Метод, Анализ.

При написании научной статьи применялись методы общенаучные, общие как анализ, синтез, наблюдение, сравнение. Но более детальное рассмотрение потребовало частнонаучный метод юридической науки – сравнительно-правовой метод. Данный метод применяется с самого начала исследования, именно он раскрывает суть научной статьи. Более того если говорить более детально о применении данного метода, то нужно остановиться на применении каждого из его видов и подвидов. Например, раскрывая сходства и общие черты мы руководствовались именно диахронным сравнением, т.е. вначале мы сравнивали исторический характер и ту правовую природу, которая была присуща органу конституционного контроля некоторых стран СНГ. Далее соответственно следующий вид, синхронный сравнительный метод, который помог выявить тенденции сближения конституционно-правовых норм в этих странах и т.п. С помощью внешнего сравнения возможно лучше воспринимать и выявлять как общее, так и отличия формирования и деятельности органа конституционного контроля в странах СНГ, как Российская Федерация (РФ), Кыргызская Республика (КР), Республика Узбекистан (РУ), Республика Беларусь (РБ) и др., на практике устоявшихся и более опытных стран мира (Европейского континента). Внутреннее в сравнении с периодами функционирования и деятельностью разных органов конституционного контроля в Казахстане (сравнение элементов моделей).

С помощью микросравнения был проведен всесторонний анализ конституционно-правовых норм в области формирования состава КС РК. В результате макросравнения выявили, что конкретно влияет на создание модели по осуществлению конституционного контроля в разных странах СНГ. Однако, нужно учесть, ведь макросравнение в таком масштабе, если брать все страны мира либо даже все страны СНГ невозможно провести в рамках одной научной статьи.

С помощью применения метода нормативное сравнение (формально-юридический) смогли выяснить сходства правовых норм и правовых актов конституционного законодательства некоторых вышеназванных стран СНГ по формированию данного органа.

Функциональное сравнение, было использовано в более широком охвате вопросов исследования, таких как практика применения норм, регулирующих формирование и функционирование данного органа, также позицию и

видение юридической доктрины (мнения ученых) как отечественных, так и иностранных исследователей. По сути, какова проблема создания органа конституционного контроля (новой модели), которая окажет влияние на эффективное функционирование Конституционного Суда (далее КС) по реализации прав человека и гражданина может быть решена с помощью применения вышеуказанных научных методов.

Итак, по применению научных методов мы использовали почти все виды сравнительно-правового метода (компаративного): диахронный и синхронный, внутреннее и внешнее, микро и макросравнение, нормативное сравнение и функциональное.

Обсуждение и Предложения.

В очередной сессии Венецианской комиссии (ВК) в 1995 году было принято решение провести исследование формирования КС, спустя 30 лет документ не теряет свою значимость, но соответственно сейчас во многих государствах наблюдаются изменения. Большим преимуществом документа является всесторонний анализ формирования КС, где четко прописаны, способы создания: путем назначения и с помощью избрания могут создаваться КС. Изучая данный документ можно констатировать, что в мире (в большинстве стран) сложились следующие способы формирования КС: 1) назначение, 2) избрание, 3) гибридный способ. Также заслуживают внимания те факты, в данном документе, которые касаются соотношения в составе, гендерного равенства и этнических меньшинств.²

Рецепция романо-германской правовой системы СССР, соответственно повлияло на нынешние страны СНГ в развитии правового государства. Хотя, если в начале каждое независимое государство строило публично-правовое поле, то со временем развития именно экономических процессов необходимость возникла в усилении роли частноправовых позиций. В этом случае велика роль именно римского частного права.

Как отмечено в научном труде А. Саидова: «формирование романо-германской правовой семьи было подчинено общей закономерной связи права с экономикой и политикой и не может быть понято вне учета сложного процесса развития товарно-денежных отношений...»³. Ведь именно в таком соотношении: «право – экономика и политика» возрастает необходимость правового института, независимого, точнее находящегося вне ветвей власти – конституционного контроля, как стабильного баланса между социумом и государством.

Исходя из этого как мы знаем, при создании органа конституционного контроля в странах СНГ преобладает именно данная модель (Кельзеновская модель).

Сравнение способа формирования органа конституционного контроля хотелось бы начать с состава данного органа, поэтому нужно проанализировать конституционные нормы некоторых стран СНГ. Необходимо именно с точки зрения научного обоснования раскрыть суть позиции государства, в лице государственных органов в формировании самого органа конституционного контроля.

К исследовательскому подходу конституционного контроля в

постсоветских странах интересным является колоссальная научная работа (коллективная монография) под редакцией профессора Я. Залесного, как там отмечено: «Согласно же позиции, устоявшейся в постсоветских государствах, конституционный суд является неотъемлемой частью судебной власти (например, Армении, Грузии, Латвии, Молдове, России, Узбекистане)».⁴

По сути, такой аргумент подтверждает то, что советское наследие до сих пор сохраняется в нормах Конституций некоторых стран СНГ. Ведь Конституционный Суд носит название суда, но не должен быть судом в прямом понимании, «Конституционный суд – не суд», он должен быть выше судебной инстанции, в целом общих судов.

Далее рассмотрим отдельно некоторые страны по данному вопросу исследования.

По поводу периодизации создания органа конституционного контроля, если вкратце, то первый Конституционный суд в Казахстане был создан в 1992 году под руководством Председателя видного ученого, юриста М.Т. Баймаханова. Но, по определенным обстоятельствам просуществовал данный орган недолго. Далее с 1995 года по 2022 год функционировал Конституционный Совет РК. С 2023 года воссоздан Конституционный суд.⁵

Конституционный Совет обычно именуют квазисудебным органом в системе государственного механизма, действительно был как суррогат Конституционного суда в Казахстане. Ведь Конституционный суд и Конституционный Совет существовавшие в разные годы в Казахстане, по сути, созданы по кельзеновской модели, действовали лишь обновляя и корректируя функции предыдущего органа.

По вопросу количественного состава судей в КС некоторых стран СНГ, то можем их сравнить на основании норм Конституции и конституционно-правовых актов.

На основании норм Конституции Республики Казахстан можно утверждать, что состав КСРК (далее КСРК) формируется с участием представителей ветвей власти, и сам Президент РК *назначает* 5 судей, включая Председателя. Так в ст.71 Конституции РК закреплено, что 4 судей назначает Президент, по 3 судей *назначают* Сенат и Мажилис. Председателя назначает Президент только с согласия Сената Парламента.⁶

Ныне действующий орган контроля конституционности права в Казахстане Конституционный Суд Республики Казахстан функционирует в следующем составе – 11 судей (п. 1 ст.3), без права повторного назначения, что закреплено в Конституционном законе РК от 05.11.2022 г. «О Конституционном Суде Республики Казахстан» (далее КЗ КСРК).⁷

Далее отдельно рассмотрим по поводу формирования состава Конституционного Суда в каждом вышеуказанном государстве.

В Российской Федерации конституционным законом установлен порядок формирования КС путем назначения: «Судьи Конституционного Суда РФ назначаются на должность Советом Федерации по представлению Президента РФ» ст.4 ФКЗ от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации».⁸

По Конституции Кыргызской Республики Конституционный Суд входит в судебную ветвь власти (глава 6) является высшим органом судебной власти, осуществляющим конституционный контроль...⁹

В Кыргызской Республики КС состоит из 9 судей (п.1 ст.5) Конституционного закона Кыргызской Республики от 15.11.2021 года.

На основании ст.5-6 данного закона судьи КС избираются депутатами Жогорку Кенеша. Председатель назначается Президентом по предложению Совета судей и с согласия половины депутатов Жогорку Кенеша.¹⁰

Необходимо отметить, КС КР впервые был создан еще в начале 90-х, но в силу определенных обстоятельств был трансформирован в Конституционную палату Верховного Суда (2010 г.) и в 2021 году в результате конституционно-правовой реформы вновь воссоздан Конституционный Суд.

В Узбекистане нормы о КС закреплены в 13 главе Конституции «Судебная власть» на основании ст. 132 Конституции Республики Узбекистан от 08.12.1992 года судьи избираются на 10 лет, без права переизбрания. Срок деятельности Председателя -5 лет, который избирается самими судьями. Судей *избирает* Сенат Олий Мажилис по представлению Президента, по рекомендации Высшего судейского Совета РУ.¹¹

По Конституции Республики Беларусь от 15.03.1994 года КС состоит из 12 судей (ст.116) Судьи КС, в том числе Председатель избираются Всебелорусским народным собранием сроком на 11 лет.¹²

Характерно для многих стран СНГ при создании органа конституционного контроля базовыми нормами являются те же стандарты кельзеновской модели, но со своими видоизменениями с учетом национальных интересов.

Так по данному вопросу К. Худолей в научной статье отмечает: «...в ряде стран СНГ (Беларусь, Казахстан) существует чрезвычайно высокая степень зависимости специализированного органа конституционного контроля от главы государства, обладающего и без того привилегированным положением в системе разделения властей». Автор, указывая на то, что во многих странах СНГ за последнее десятилетие ни разу не было признано неконституционным указы главы государства, и в своем труде он поднимает вопрос «не является ли деятельность Конституционных судов в этих странах только «имитацией» конституционного контроля?».¹³

Действительно, можно согласиться с мнением ученого из рассмотренных некоторых стран СНГ, при формировании КС роль Президента высока. На практике необходимо все же учитывать действие норм Конституции, в силу этого нужно закрепление именно на конституционном уровне норм по формированию состава КС более прозрачных и понятных всем (социуму).

Итак, из вышеизложенных конституционных норм, по количественному составу КС картина такова: в РФ – 11 судей, в Киргизии - 9, в Узбекистане – 9, в Беларуси – 12, в РК -11. Тут нет больших расхождений, почти одинаковый состав. Но, нужно отметить то, что в исторические периоды были изменения, и возможно будут в будущем, так к примеру, на практике деятельности КС со временем может измениться его количественный состав, так в России из 15 (1991г.) увеличилось на 19 судей (1993 г.), в 2020 году уменьшилось с 19 до 11. В Узбекистане с 10 уменьшилось на 7, потом увеличилось с 7 на 9. В Казахстане, также уменьшилось с 11 на 7, потом увеличилось с 7 на 11.

Касательно состава действующих КС отметим, что по гендерному равенству выглядит следующим образом в РФ из 11 судей 2 женщин, в РК из

11 судей, 3 женщин, в КР из 9 судей, 3 женщин, в УР из 9 судей, 2 женщин, в РБ из 12 судей, 5 женщин. Тут явно видно соотношение по половому признаку, не совсем балансирует.

В рассмотренных некоторых постсоветских странах все еще сохраняется стиль, либо черта модели конституционного контроля, как во времена СССР. «Конституционный Суд РСФСР являлся высшим судебным органом конституционного контроля, осуществляющим судебную власть в форме конституционного судопроизводства».¹⁴

Однако, нужно отдельно указать тот факт, что трансформированный, второй КСРК не относится в судебной власти, и к другим ветвям власти и не входит и в судебную систему Казахстана. Это обстоятельство при анализе вышеназванных правовых актов конституционного законодательства выявляет тесное сходство казахстанской модели создания КСРК с европейской, где орган конституционного контроля находится вне традиционных ветвей власти, в отличие от некоторых вышеназванных стран СНГ.

При формировании КС также необходимо обратить внимание на самих судей, точнее кто на деле будет осуществлять конституционный контроль, какие квалификационные требования к кандидатам на должность судьи КС закреплены в конституционных актах. Обратимся к конституционному законодательству вышеназванных стран СНГ.

Итак, требования к кандидатам в судьи КС по странам (вышеназванным), возрастной ценз в Казахстане составляет: 40 лет, в РФ - 40, КР - 40, Узбекистане - 35, Беларусь - 40. Предельный возраст установлен 70 лет в России, Беларуси, Кыргызстане. Стаж работы по юридической профессии у многих из них составляет 15 лет.

Во всех вышеназванных странах СНГ очень сходные конституционные требования, которые только в деталях различаются. Общими для всех являются: гражданство своей страны, высшее юридическое образование, профессиональные и личные качества кандидата, как правовая квалификация, моральная репутация, безупречное досье.

В отличие от других стран в качестве дополнительных требований, как знание государственного языка и обладание ученой степенью закреплено в Беларуси.

Про отличия совсем немного, они во многом отражаются в деталях, к примеру, в КР и РБ установлен предельный (верхний) возрастной ценз; политическая нейтральность как в РК; механизм назначения, отличается участием представителей ветвей власти.

Также по сроку полномочий судей КС стран СНГ: РК - 8 лет (без права повторного назначения), РУ - 10 лет (без права повторного избрания), РБ - 11 лет.

Данные отличия обусловлены особенностями национальных правовых систем, степенью политической централизации и способами укрепления независимости судей КС.

Закрепленные жесткие требования во многом очень схожие, унифицированные, они направлены на обеспечение судей КС высоким профессионализмом и независимостью от других ветвей власти при осуществлении ими конституционного контроля.

Одним из главных отличий нового органа конституционного контроля в Казахстане является то, что на конституционном уровне закреплён институт обращения граждан напрямую в КС при возникновении нарушений прав граждан. Хотя в 1992 году при создании впервые КС такой институт действовал. С созданием Конституционного совета институт обращений граждан перестал функционировать, и вновь воссоздается только с восстановлением Конституционного Суда с 2023 года.

По результатам конституционной новеллы (института обращений граждан) в деятельности КСРК можно посмотреть проведенный анализ д.ю.н, Э.А. Калиевой, она пишет: «Практически в каждом решении КС обращает внимание законодателя на положения Конституции о том, что права и свободы человека определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов».¹⁵ Автором в своей работе указывается на соблюдение и применение приоритетных международных норм (Заключений Венецианской комиссии) в принимаемых решениях КСРК, особенно в деле защиты прав человека.

Если вкратце про институт конституционной жалобой по защите прав гражданина, то в РФ институт функционирует с самого начала создания КСРФ (с 1991 года). Во всех рассматриваемых странах СНГ на сегодняшний день институт обращения граждан (конституционная жалоба) закреплён на конституционном уровне и в соответствующих конституционных законах. К примеру, вкратце, во всех Конституциях этих стран есть отдельные статьи в Узбекистане (ст.133), в РК (ст.72), Беларуси (ст.116), КР (ст.97).

Отметим, что об институте обращений граждан в КС, предусматривающий всесторонний анализ, необходимо проводить отдельное исследование.

Выводы, Заключение.

Из исследования формирования КС в вышеназванных странах можно сделать выводы, что нет универсальной модели формирования КС. Но, исходя из анализа необходимо указать на то, что при формировании КС влияние главы государства (Президента) является преобладающей (кроме Кыргызской Республики). Однако, во всех вышеназванных странах СНГ состав КС формируется почти одинаково по решению высшего представительного органа. Рассматривая конституционные нормы, возникает вопрос, не приводит ли это к узурпации одной ветви власти над другими при формировании КС? Более того, в силу последних событий в мире, в нестабильные политические ситуации нужно особо сохранять принцип «разделения власти на ветви» в формировании и в целом осуществлении конституционного контроля с помощью сдержек и противовесов.

По способу формирования по изученным конституционным нормам стран СНГ (выборочно, вышерассмотренных), наиболее авторитетным и исторически устоявшимся является Конституционный суд РФ, соответственно молодым является Конституционный суд РК, так как воссоздан с помощью обновленной «кельзеновской» модели. Все же в деле формирования за время независимости можно проследить факт трансформации и реструктуризации органа конституционного контроля с теми или иными элементами, но все же в большинстве соблюдая позицию данной модели.

Все же общими элементами способа формирования КС в этих странах СНГ, являются высокие требования к кандидатам в судьи КС, в отличие от судей общих судов. Особо нужно подчеркнуть возрастной ценз и дополнительные требования, которые имеют важное значение.

Итак, по итогам проведенного исследования можем выделить следующие суждения по формированию КС:

- в РК и КР институализированный орган создан относительно недавно, но при создании видно единообразие, сохранение внушительного участия главы государства;

- в РФ влияние главы государства, что делает механизм сильно зависимым от исполнительной ветви власти;

- в Беларусь одностороннее избрание Всебелорусским народным собранием, по предложению Президента.

Во многом как мы наблюдаем в формировании КС в конституционных нормах отсутствует механизм отбора, консультаций при отборе не совсем прозрачны, не предусмотрено прямое участие общественности.

Таким образом, в рассмотренных некоторых странах СНГ все же при формировании КС распространяется скорректированная кельзеновская модель конституционного контроля. Но, модель у каждого государства «своя» так как в некоторых странах своя национальная система права, которая содержит свой местный колорит и традиционные юридические нормы, сложившиеся в результате культурных, религиозных и др. начал.

Нельзя утверждать, что в мире существует идеальная модель конституционного контроля, которая высокоэффективно решает вопросы контроля конституционности права в целом, такой модели нет. Все независимые государства лишь стремятся к минимизации ошибок при создании самого элитного института, который на деле стал бы самым авторитетным органом верховенства норм Конституции и защиты прав человека и гражданина.

На наш взгляд также необходимо соблюдать гендерное равенство в составе КС, как одного из обязательных условий (хотя в официальных документах отсутствует такая норма) так в тех странах СНГ (вышеназванных), прослеживается, что отсутствует 50/50. Но, полагаем, нужно хотя бы приблизить, с тем учетом соблюдая какие-либо элементы национальной ментальности либо духовно-культурных ценностей, все же думаем, нужно придерживаться «гендерного паритета» при формировании состава КС.

Возможно наподобие Доклада Венецианской Комиссии «Состав КС» провести исследование и создать по странам СНГ такой же аналогичный документ. Может такое исследование проводилось (проводятся), но на момент написания мы не могли найти, поэтому если как таковые имеются, то нужно размещать на соответствующих интернет-ресурсах с открытым доступом. Возможно необходимо обновить такое исследование (если есть), так как в последние годы наблюдаются крупные конституционно-правовые реформы почти во всех вышерассмотренных странах СНГ (к примеру, Беларусь в 27.02.2022г., РК 05.06.2022г., РУ 30.04.2023 г. и т.д.), с многочисленными поправками в Основной закон либо принятие новой Конституции, как в КР (2021 г.).

Также можно проследить, что отсутствует более раскрытый, подробный способ создания КС в самих конституционных законах, тут необходимо вносить транспарентность в деле формирования состава КС.

Необходимо установить реальный баланс между ветвями власти при создании КС, чтобы они не стали инструментом только одной из них, минимизировать либо полностью лишать возможности политических организации лоббировать свои интересы в таком высоком государственном органе.

Из общих черт, сходства формирования всех рассмотренных КС в рассмотренных станах СНГ необходимо отметить, что концептуальные правовые новеллы введены в конституционное законодательство в течение последних лет. Орган осуществляющий конституционный контроль был институализирован в отдельный самостоятельный орган (пример, Кыргызская Республика).

Наблюдается во всех этих странах за последние годы меняется позиция государства в ориентире на «человекоцентричность» (внедряя прямое обращение граждан как в РК), это показывает, что, все должно исходить из интересов и нужд граждан для дальнейшего устойчивого развития.

Анализируя научную литературу, приходим к выводу, что складывается «старение» научных материалов, учитывая последние проведенные конституционно-правовые реформы в выше рассмотренных некоторых странах СНГ. В связи с этим необходимо проводить научные исследования в сотрудничестве и в комплексном подходе по странам СНГ для дальнейшего укрепления эффективности института конституционной юстиции.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс. В 2т. Т.2. М., 2006. С.621
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_4172/bc18f52b80604825487100e6aaf18beeb5eb2553/
3. Конституция Республики Казахстан от 30.08.1995 URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&pos=1002;-52#pos=1002;-52 (дата обращения: 13.06.2025)
4. Конституционный закон Республики Казахстан от 05.11.2022 г. «О Конституционном Суде Республики Казахстан» URL: online.zakon.kz/Document/?doc_id=39441762 (дата обращения 13.06.2025) (дата обращения 13.06.2025)
5. Конституция Кыргызской Республики от 05.05.2021 г. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения 13.06.2025)
6. Конституционный закон Кыргызской Республики от 15.11.2021 года «О Конституционном Суде Кыргызской Республики» URL: https://constsof.kg/wp-content/uploads/2022/03/kz_o_ks_ru.pdf (дата обращения 13.06.2025)
7. Конституция Республики Узбекистан от 08.12.1992 года. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=818 (дата обращения 13.06.2025)
8. Конституции Республики Беларусь от 15.03.1994 года URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875> (дата обращения 13.06.2025)

-
9. Калиева Э.А. Конституционный контроль в контексте контрольного списка Венецианской комиссии по верховенству права и его применение национальными юрисдикциями 25.11.2024 URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34981794&pos=5;-106#pos=5;-106 (дата обращения 13.06.2025)
10. Саидов А.Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) / Под ред. В.А. Туманова. – М. - 448 с.
11. Худолей К.М. Конституционный контроль в зарубежных странах СНГ и Балтии. Вестник Прикамского социального института. 2024. № 2 (98). С.32 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-kontrol-v-zarubezhnyh-stranah-sng-i-baltii/viewer> (дата обращения 13.06.2025)
12. The Composition of Constitutional Courts - Science and Technique of Democracy, no. 20 (1997) URL: [https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/CDL-STD\(1997\)020-e](https://www.coe.int/en/web/venice-commission/-/CDL-STD(1997)020-e) (дата обращения: 12.06.2025)
13. Jacek Zalesny (ed.), Constitutional courts in post-Soviet states: between the model of a state of law and its local application. Frankfurt am Main 2019. p. 54
14. S. Kozhakhmetova, J. Zaleśny 2025. The role of the Venice commission in improving the implementation of constitutional control in Kazakhstan // XVI International Human Rights Conference “75 years of influence of the Council of Europe on shaping the European legal space in the areas of democracy, rule of law and protection of human rights” (14-16.04.2024). 2025 Warsaw, Sejm. P. 242